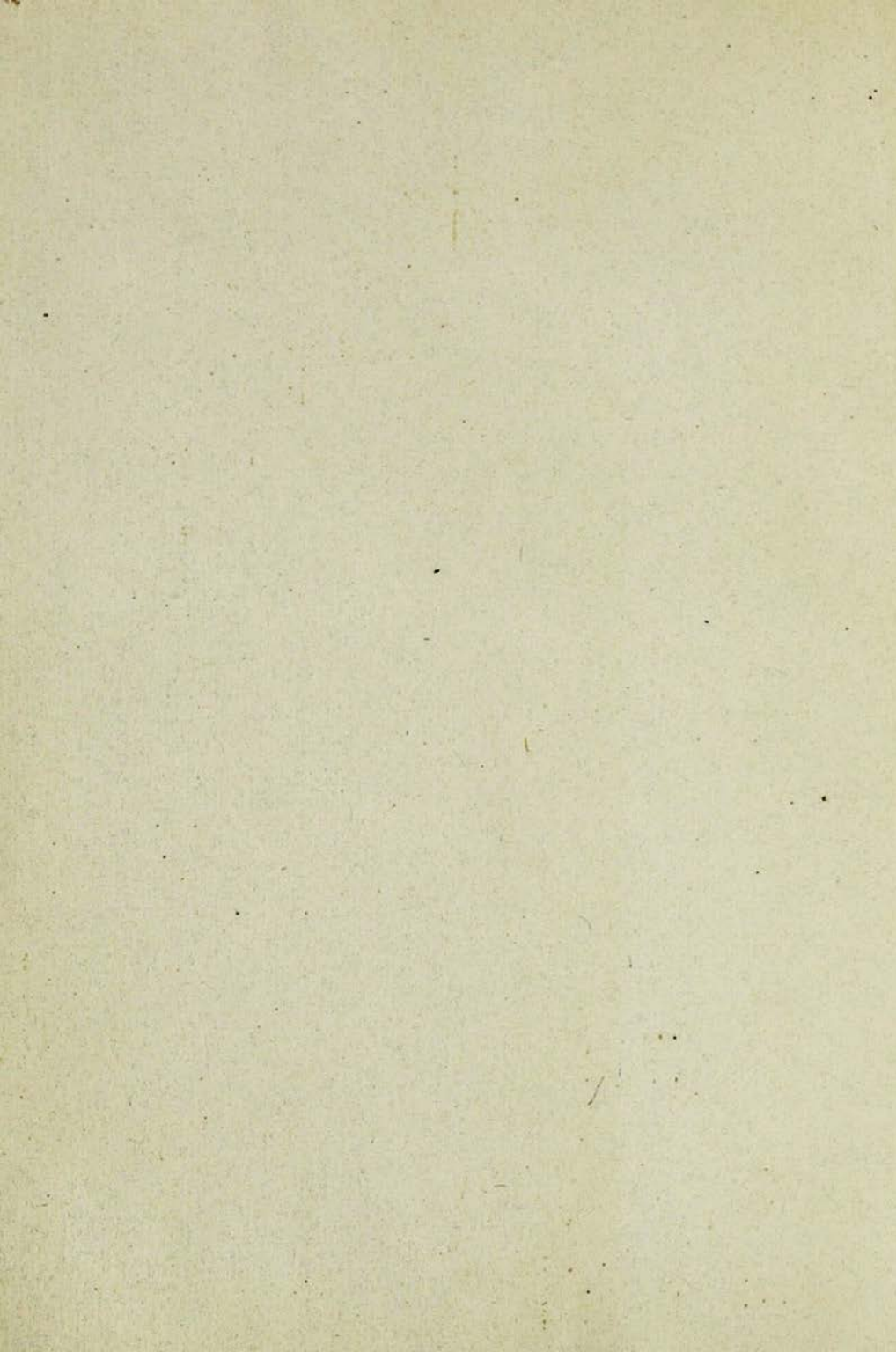

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ա.Ռ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍԻ
ՄԻԱՅՈՒՄԸ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻՆ
ԵՎ
ՄԻԶԱԶԳԱՅԻՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
XIX ԴԱՐԻ ՍԿԶԲԻՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԵՌԻԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ • 1958

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9(47.92)

И-75

А.Р. ИОАННИСЯН

ПРИСОЕДИНЕНИЕ
ЗАКАВКАЗЬЯ К РОССИИ
И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Издательство АН Армянской ССР
ЕРЕВАН - 1958

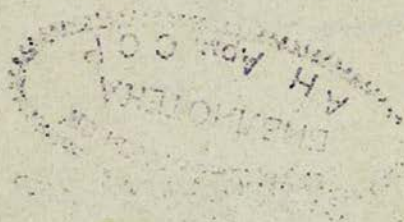
85-5596

62146

ИД

1961

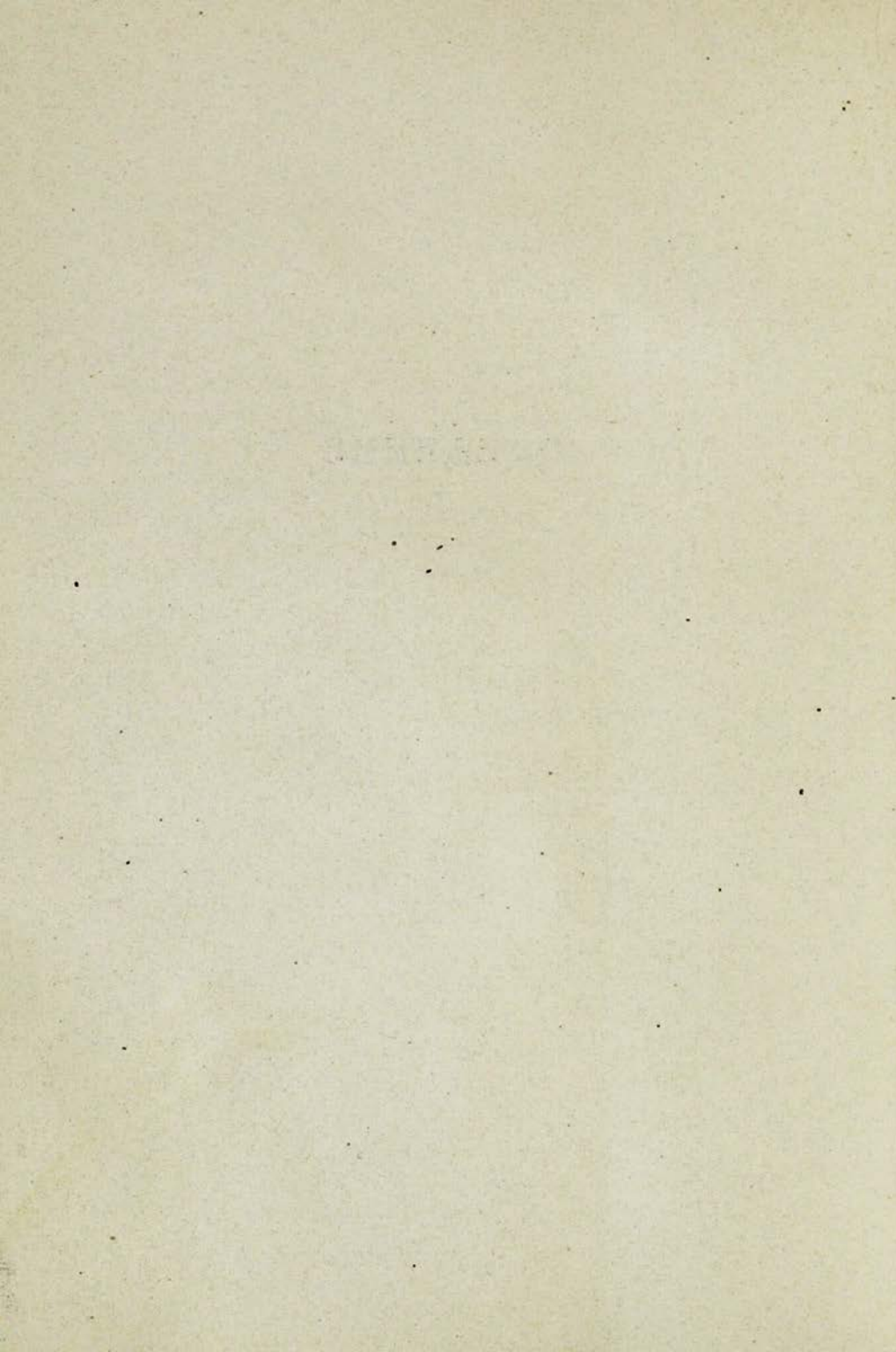
*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР*

О Т А В Т О Р А

Предлагаемая вниманию читателей работа не претендует на изложение истории присоединения Закавказья к России и изучение всех вопросов, связанных с этим историческим событием. Цель этих очерков—осветить международную обстановку того периода, англо-франко-русские отношения на Востоке, борьбу Англии и Франции за преобладание в Иране, их противодействие присоединению к России Закавказья.

ВВЕДЕНИЕ

С XVI столетия Закавказье находилось под владычеством Османской империи и Ирана. В результате длительных ирано-турецких войн, закончившихся лишь в первой половине XVII века, азербайджанские земли, Восточная Армения и Восточная Грузия были захвачены Ираном. Армянские и азербайджанские области были непосредственно присоединены к Ирану, государства же Восточной Грузии — Картлия и Кахетия, оказались в вассальной от него зависимости. Княжества Западной Грузии попали под власть Турции, присоединившей к своим владениям также юго-западную часть Закавказья, вошедшую в состав Карсского и Ахалцихского пашалыков.

В XVIII столетии обе восточные державы, установившие свое господство в Закавказье, находились уже в состоянии упадка. Упадок этот обуславливался их общей экономической и политической отсталостью, господством средневековых форм производства, деградацией сельского хозяйства и разорением крестьянства, в результате присвоения феодалами не только прибавочного продукта, но и значительной части необходимого продукта труда крестьян, и эксплуатации последних ростовщическим капиталом.

Упадок этот был связан также с отсталостью и примитивной техникой цехового ремесленного производства и отсутствием элементарных условий для развития торговли и капиталистической промышленности, поскольку, как указывал Энгельс, «турецкое, как и всякое другое восточное владычество» было «несовместимо с капиталистическим строем»¹.

В Османской империи, одновременно с ослаблением центральной власти и углублением феодальной раздробленности страны, усилился сепаратизм, особенно на окраинах империи, где многие паша превратились в полунезависимых правителей, подчас передававших свою власть по наследству. Что же касается Ирана, то экономический и политический упадок страны привел к распаду Иранского государства.

В 1722 г. под ударами кочевников-афганцев рухнула Сефевидская держава. После многолетних смут, Иран был вновь, с помощью кочевых племен Хорасана, временно объединен под властью Надира. Но после его убийства в 1747 г. в Иране возобновились междоусобицы и еще более усилился феодальный сепаратизм. В шестидесятых-семидесятых годах, в период правления Керим-хана, смуты в стране временно прекратились, что не привело, однако, к воссозданию сильной и прочной центральной власти. После смерти Керима в 1779 г. феодальные неурядицы возобновились с прежней силой. Борьба за власть претендентов на шахский престол вновь превратила Иран в арену беспрестанных военных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 22.

столкновений. Многие ханы являлись самостоятельными правителями подвластных им территорий, особенно на севере страны, так как власть отдельных временщиков, поочередно захватывавших столицу государства — Исфаган, распространялась, в лучшем случае, на южные и центральные области Ирана.

Вторичный, и на этот раз длительный, распад Иранского государства в середине XVIII столетия существенным образом изменил политическую обстановку на Кавказе. Иранское господство в Закавказье было фактически ликвидировано.

До середины XVIII столетия Картлия и Кахетия являлись вассальными княжествами, подчиненными Ирану. После смерти Надира, используя сложившуюся в Иране политическую обстановку, эти княжества сумели отстоять свою независимость. В 1762 г. произошло их объединение под скипетром царя Ираклия II. Хотя персы и турки продолжали рассматривать Ираклия лишь как «вали» подвластной Ирану провинции «Гюрджистан», Картли-Кахетинское царство стало не только совершенно самостоятельным, но и сумело подчинить себе и сделать данниками два соседних ханства — Ереванское и Ганджинское.

Зависимость закавказских ханств от Ирана также стала во второй половине XVIII столетия чисто номинальной. Фактически ханства эти превратились в самостоятельные государственные образования. Ханства эти были населены азербайджанцами и армянами и во главе многих из них находились ханы азербайджанского происхождения.

Хотя власть Ирана над Закавказьем была с середины XVIII столетия по существу сведена на нет, однако положение Грузии и закавказских ханств было весьма неустойчивым. Угроза их независимости со стороны Ирана и Турции оставалась вполне реальной. Укрепление центральной власти в Иране, как это полностью подтвердили последующие события, неизбежно должно было привести к попыткам восстановить иранское господство в Закавказье. В семидесятых и особенно в восьмидесятых годах XVIII века отмечается также усиление турецких происков на Кавказе. Турция все более активно вмешивалась в дела Закавказья и Дагестана, имея конечной целью установление своего господства на всем Кавказе.

Грузия и закавказские ханства не были в состоянии в течение длительного времени противостоять собственными силами таким крупным государствам, как Иран и Турция.

В ханствах Закавказья господствовали самые отсталые феодальные порядки и натуральное хозяйство. Основная масса населения — крестьянство, несло тяжелые феодальные повинности в пользу ханов, беков, агаларов, меликов и других представителей феодальной иерархии, а также в пользу духовенства. Основными формами феодальной ренты были натуральный оброк и отработочная рента. Сельское хозяйство не только не развивалось, но находилось в состоянии застоя и упадка. Земля обрабатывалась самым примитивным способом. Ирригационная система все более разрушалась. В условиях непрекращавшихся феодальных неурядиц все более

сокращались площадь обрабатываемых земель и поголовье скота. Произвол ханов и прочих феодалов и их безграничные вымогательства, а также феодальная раздробленность пагубно отражались на развитии торговли и ремесленного производства, остававшегося на низком средневековом уровне. Не существовало элементарных гарантий имущества ремесленников и купцов, собственность которых могла присваиваться ханами по личному произволу. Большие таможенные сборы, взимаемые каждым из феодальных владельцев, различные денежные системы и меры веса также препятствовали развитию торговли.

Феодальная раздробленность, обусловленная господством натурального хозяйства и отсутствием прочных экономических связей между различными областями, предопределяла политическую и военную слабость закавказских ханств. При существовавших в то время в Закавказье экономических и политических условиях терпели неудачу попытки некоторых азербайджанских ханов, в частности кубинского Фатали-хана, проводить политику централизации и объединения азербайджанских земель. Наоборот, феодальные распри и междоусобицы являлись характерной чертой политической обстановки в Закавказье во второй половине XVIII века. Ханьства враждовали друг с другом, совершали набеги на владения своих соседей, в целях захвата добычи, угона жителей и скота. Они вели между собой даже настоящие войны. Особенно упорно враждовали в течение почти трёх десятилетий два крупнейших азербайджанских хана — кубинский Фатали-хан и карабахский Ибра-

гим-хан. В этой борьбе ханы часто обращались к содействию внешних сил и сами призывали их себе на помощь.

Не лучше было и положение Картли-Кахетинского царства. Крепостнический строй сковывал развитие производительных сил. Положение крестьян, подвергавшихся нещадной эксплуатации со стороны феодалов, непрерывно ухудшалось. Бегство крестьян с земли приняло массовый характер. Убыль крестьянского населения была следствием и непрерывных набегов лезгин и других горских народов, разорявших страну. Попытки царской власти ввести в известные рамки эксплуатацию феодалами-крепостниками крестьян, дабы предотвратить окончательное разорение этих основных производителей и налогоплательщиков, как и меры, принимаемые для развития торговли и промышленности, не давали должных результатов. Крупные феодалы — тавады успешно противодействовали также созданию централизованной системы управления. К концу царствования Ираклия II феодалы окончательно одержали верх, принудив царя отказаться от ряда осуществленных им реформ. Ираклий вынужден был вновь раздробить царские владения на уделы отдельных царевичей, опиравшихся на своих приверженцев — тавадов.

Общее социально-экономическое и политическое положение страны отражалось и на ее военных силах. Феодалное войско было небоеспособным. Отдельные феодалы, даже царевичи, в самые критические моменты не выступали против вторгавшихся в страну неприятелей, а подчас оказывали последним

и прямую поддержку. Созданное в 1773 г. новое войско — мориге, организованное на основе воинской повинности, было уже через несколько лет упразднено по настоянию тавадов, опасавшихся усиления царской власти.

Картли-Кахетинское царство и закавказские ханства, хотя временно и избавившиеся от иранского ига, не были, таким образом, способны, в силу военно-политической слабости и разобщенности, отстоять свою независимость.

Лишь Россия была в состоянии предотвратить восстановление иранского господства в Закавказье и пресечь агрессивные планы Турции в отношении Кавказа. Поэтому именно к России обращали свои взоры не только широкие народные массы Закавказья, видевшие в русских своих избавителей, но и представители господствующих классов и местные правители, большая часть которых также предпочитала власть России ирано-турецкому владычеству.

Уже с шестидесятых годов XVIII века Ираклий завязал непосредственные сношения с Россией, а во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. заключил с ней военный союз, в результате которого в 1769 г. в Грузию были введены русские войска, удалившиеся оттуда лишь три года спустя. В начале восьмидесятых годов Ираклий возобновляет свои просьбы о принятии Картли-Кахетинского царства под покровительство России.

Аналогичную политику проводили и некоторые азербайджанские ханы, в частности Фатали-хан, повторно обращавшийся к русским властям за покровительством и заверявший их в своей преданности России.

Тесные связи с Россией поддерживали представители армянских господствующих классов — духовенства, меликов и буржуазии, выступавшие в качестве активных поборников присоединения Закавказья к России. Убежденными сторонниками русской ориентации были выдающиеся деятели армянского освободительного движения второй половины XVIII века Иосиф Эмин, Мовсес Баграмян, Шаамирян и другие. В 1769 г., в связи с русско-турецкой войной, группа армянских деятелей, проживавших в России, представила коллегии иностранных дел докладную записку, предусматривавшую воссоздание, под покровительством России, армянского государства. В восьмидесятых годах XVIII столетия подобные планы разрабатывались представителем Эчмиадзина в России архиепископом Иосифом Аргутинским и известным фабрикантом и помещиком Лазаревым. В декабре 1782 г. на тайном совещании в Эчмиадзине армянское духовенство и мелики присягнули на верность России и подписали послание к Екатерине II с просьбой взять под свое покровительство Армению и армянский народ. Именитые граждане Еревана со своей стороны обращались к русским властям с аналогичными просьбами.

Все подобного рода обращения грузин, армян и азербайджанцев находили благоприятный отклик в Петербурге, так как они соответствовали целям и задачам русской внешней политики.

В начале восьмидесятых годов XVIII столетия царская Россия уделяла особое внимание восточным делам. Уже русско-турецкая война 1768—1774 гг. значительно укрепила рус-

ские позиции на Черном море. Вместе с присоединением Кинбурна, Керчи, Еникале и Азова, Россия добилась отказа Турции от вмешательства в дела Крыма, который был также присоединен к России в 1783 г.

Одновременно вместо союза с Пруссией русская дипломатия стала ориентироваться на сближение с Австрией. Этот поворот в русской политике был в значительной мере обусловлен именно восточными делами. Союз с Австрией намечался в связи с осуществлением политической программы, известной под названием «греческого проекта». Проект этот предусматривал создание из Молдавии, Валахии и Бессарабии независимого государства — Дакии, а при благоприятных обстоятельствах и восстановление Греческой империи.

Если, таким образом, в порядок дня ставился вопрос об укреплении русских позиций на Черном море и на Балканах, то не меньшую актуальность приобретали и кавказские дела. Царское правительство было заинтересовано не только в овладении черноморским побережьем Кавказа, но и в укреплении своего господства в районе Каспийского моря.

Каспийская торговля издавна имела для России первостепенное значение. Уже Петр I предпринял попытку овладеть восточным и южным побережьем Каспийского моря. Как известно, начатый им в 1722 г. персидский поход увенчался успехом. Россия завладела Дербентом, Баку, провинциями Гилян, Мазандаран и Астрабад. Но все эти области были возвращены Ирану десять лет спустя, при Анне Иоанновне. Между тем значение для России каспийской

торговли во второй половине века отнюдь не уменьшилось. Особенно ясно стало это к началу восьмидесятых годов, когда, в связи с англо-французской войной, проектировалось даже установление торговых связей с Индией через Иран и Каспийское море.

Овладение побережьем Каспийского моря теперь вновь ставилось в порядок дня. Но обладание одним этим побережьем не могло быть прочным без господства над примыкающим к нему хинтерландом. Вопрос об установлении в тех или иных формах русского владычества в Закавказье также приобретал поэтому актуальное значение. Для этого были, однако, и другие не менее веские причины. Военно-стратегическое значение Закавказья, прикрывавшего с юга русские владения, также полностью учитывалось русской дипломатией.

В начале восьмидесятых годов в Петербурге был разработан следующий план. Дербент и некоторые близлежащие земли должны были быть непосредственно присоединены к Российской империи. На территории же Закавказья должны были быть созданы три подчиненных России вассальных государства — Грузия, Армения и Албания (Азербайджан). Предполагалось установить протекторат над Картли-Кахетинским царством, а из бывших закавказских ханств создать два других вассальных государства — Армению и Албанию (Азербайджан). В дальнейшем намечалось поставить под протекторат России Имеретию и прочие княжества Западной Грузии и присоединить Ахалцихскую область к Картли-Кахетинскому царству, а земли Западной Армении — к армянскому государству.

В июле 1783 г. в Георгиевской крепости был подписан договор, по которому Картли-Кахетинское царство вступило под протекторат России. В ноябре этого года в Грузию прибыли два батальона русских войск. Одновременно усиленно готовился поход для овладения закавказскими ханствами, а также прикаспийскими областями.

Сложившаяся к тому времени в Иране политическая обстановка внушала русской дипломатии надежду разрешить вопрос о Закавказье не только без противодействия со стороны персов, но и с согласия самого персидского правительства. Один из претендентов на шахский престол Али-Мурад-хан, завладевший Исфаганом, сумел к 1784 г. подчинить себе большую часть Ирана, за исключением северных прикаспийских провинций, где все более усиливались каджары во главе с Ага-Мохаммед-ханом. Али-Мурад-хан, стремившийся опереться на Россию и заключить с ней союз против Ага-Мохаммед-хана и турок, соглашался официально отказаться в пользу России как от прикаспийских провинций, так и от ханств Карадагского, Карабахского, Нахичеванского и Ереванского. В отношении закавказских территорий это был по существу лишь отказ от юридических прав на эти области, поскольку фактически они уже в течение десятилетий не находились под властью Иранского государства.

Для переговоров с Али-Мурад-ханом был отправлен специальный уполномоченный полковник Тамара. Последний доехал, однако, только до Хоя, так как к тому времени ситуация в Иране существенно образом изменилась. Старый недруг Рос-

сии Ага-Мохаммед-хан разбил войска Али-Мурад-хана, а вслед затем овладел Исфаганом. Одновременно резко ухудшилась и политическая обстановка на Кавказе, благодаря активному вмешательству Турции. Весной 1785 г. на Северном Кавказе началось антирусское движение, возглавленное турецким агентом Мансуром. Связь с Закавказьем была прервана, что поставило в необычайно трудное положение русские войска, находившиеся в Грузии. Осенью этого года Грузия подверглась опустошительному нашествию аварского Омар-хана. В то же время участились набеги на Грузию и из Ахалцихского пашалыка. Турки вели на Кавказе деятельные военные приготовления, переправляя морем в Потю и Батум артиллерию и боевые припасы.

При создавшейся ситуации не было, разумеется, возможно осуществить намеченные планы. Более того, начавшаяся в 1787 г. новая война с Турцией вынудила царское правительство вывести русские войска из Грузии¹.

Тем временем длительные междоусобицы в Иране закончились окончательной победой Ага-Мохаммед-хана. Последнему к 1794 г. удалось подчинить своей власти почти весь Иран. Теперь, когда Иран оказался вновь объединенным, угроза Закавказью, не только со стороны турок, но и со стороны персов, стала еще более реальной. Иранские феода-

¹ О планах присоединения Закавказья к России в восьмидесятых годах XVIII века и о событиях этих лет см. А. Р. Иоаннисян, „Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия“. Ереван, 1947.

лы намерены были силой восстановить свою власть над закавказскими ханствами и Грузией.

Летом 1795 г. Ага-Мохаммед-хан во главе пятидесятитысячной армии вторгся в Закавказье. Направив часть своих войск в Ереванское ханство, а другую — в Муганскую степь, он сам с основными силами, пройдя через Карабах и Ганджинское ханство, проник в Грузию, овладел в сентябре Тбилиси и подверг город страшному опустошению. Грузинская столица была разграблена и сожжена. Оставшиеся в городе жители были перебиты или уведены в плен.

Вторжение Ага-Мохаммед-хана создало смертельную угрозу для всех закавказских народов, которые еще более осознали, что лишь вступление под власть России могло спасти их от иранского ига.

В 1796 г., в ответ на иранское нашествие, русские войска предприняли успешный поход в Закавказье, который, однако, был прерван после смерти Екатерины II. Русские войска удалились, но не надолго. Уже в конце 1799 г. русские воинские части были снова введены в Грузию, и вопрос о присоединении Закавказья вновь встал в порядок дня.

К началу XIX века царское правительство переходит от политики создания в Закавказье вассальных государств, которую оно проводило в предыдущие десятилетия, к политике прямой аннексии закавказских территорий, к непосредственному включению Закавказья в состав Российской империи.

Причины, побуждавшие русский царизм к установлению своего владычества в Закавказье, откровенно изложены в целом ряде документов, составленных царскими сановниками. Так, обосновывая не-

обходимость присоединения к Российской империи всего Закавказья, товарищ министра финансов Гурьев писал, что это вызывается экономической и политической необходимостью. С точки зрения экономической для России огромное значение имеет азиатская торговля, в частности торговля с Персией. Азиатская торговля обеспечивает Россию шелком-сырцом, хлопком, кожами, красителями и рядом других товаров. Россия в свою очередь экспортирует меха, железные и медные изделия, полотно, сукна. Однако торговля с Персией за последнее время пришла в упадок. Вместо 79 000 пудов шелка-сырца Персия поставляет в настоящее время в Астрахань лишь 2000 пудов. «Поскольку причиной застоя каспийской торговли являются смуты в Персии, России не остается другого средства для того, чтобы пресечь корни этого зла, как занять все восточное побережье Каспийского моря и принять затем меры для возрождения порядка и доверия—основ торговли... С другой стороны, побережье Черного моря, находящееся в благоприятных климатических условиях и богатое природными ресурсами, открывает новую отрасль торговли для предпринимателей, которые, поощряемые правительством, не преминут извлечь из нее пользу». «С точки зрения политической—читаем мы далее в записке Гурьева—граница эта является еще более важной». Обозревая территорию, расположенную между Каспийским морем, реками Курой и Араксом и Черным морем, можно легко убедиться, что эти естественные границы, хотя и растянутые, создают значительные преимущества для русской армии. Связанные с Турцией кавказские горцы

окажутся, в случае присоединения Закавказья, изолированными. Турция станет более сговорчивой, а в случае войны будет находиться в менее благоприятном положении¹.

Царская Россия стремилась присоединить Закавказье, исходя из своих экономических и политических интересов, и, безусловно, ставила перед собой колонизаторские цели. Однако при всем том, присоединение Закавказья к России отвечало кровным интересам закавказских народов, для которых, в исторических условиях того времени, оно являлось единственной возможностью избежать турецко-иранского ига.

Присоединение Закавказья было осуществлено царским правительством в течение первых же лет нового столетия. В начале 1801 г. было объявлено о включении Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи. В 1803 г. в подданство России вступила Мингрелия, в следующем году—Имеретия и Гурия. В январе 1804 г. русские войска заняли Ганджу и присоединили к русским владениям Ганджинское ханство. К этому времени под власть России перешла и Джаро-Белоканская область. В 1805 г. в подданство России вступили Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства; была присоединена и территория Ширака. В 1806 г. русские войска овладели ханствами Дербентским, Кубинским и Бакинским. Под русский протекторат еще раньше вступило и Талышское ханство. В 1810 г. была присоеди-

¹ Центральный государственный архив древних актов ф. Гос. архив, разряд XV, дело № 666.

нена Абхазия. Таким образом в течение короткого срока (в основном в течение 5 лет, с 1801 г. по 1806 г.) под власть Российской империи перешло почти все Закавказье, за исключением Ахалцихского пашалыка и некоторых прибрежных районов, находившихся в руках Турции, а также ханств Ереванского и Нахичеванского.

Включение в состав Российской империи ряда феодальных государств и ханств Закавказья означало присоединение к России почти всей территории Грузии и Северного Азербайджана, а также половины Восточной Армении (Лори-Памбак, Ширак, Зангезур). Под властью царской России оказались как грузины и азербайджанцы, так и большая часть армянского населения Закавказья.

Присоединение Закавказья к России произошло по существу добровольно, при благожелательном отношении населения и без существенного противодействия со стороны местных феодалов.

В русской ноте, врученной в 1816 г. иранскому послу, говорилось по этому поводу следующее. Россия вынуждена была ввести свои войска в Грузию, «дабы охранить землю, с давних лет вверившую себя ее покровительству, и защитить единоверный народ от неправильного нападения Ага-Мамед-хана, угрожавшего оному совершенною гибелью. После смерти его и вследствие бывшего в Персии междоусобия, разные области ... добровольно поступили в ее подданство и сии связи утверждены торжественными с ними постановлениями... Одно только хан-

ство Ганджинское, быв покорено силою оружия, можно почесть завоеванным»¹.

Это утверждение в основном соответствовало действительности. Лишь ганджинский Джавад-хан, издавна связанный с персами, оказал активное сопротивление русским войскам. Большая часть ханов добровольно признала власть России. Некоторые же враждебно настроенные в отношении России ханы, вроде кубинского Шейх-Али-хана и бакинского Хусейн-Кули-хана, вынуждены были бежать из своих владений, где русские войска также не встретили никакого сопротивления.

Если присоединение Закавказья к России все же не произошло мирным путем, то объясняется это тем, что России пришлось вести борьбу с Ираном, стремившимся вновь установить свое господство над Грузией и закавказскими ханствами. Попытки иранской феодальной верхушки осуществить свои захватнические планы в отношении Закавказья привели к русско-иранской войне 1804—1813 гг.

Военные действия развивались, однако, неблагоприятно для персов. Правда, две попытки русских войск, в 1804 и 1808 гг., овладеть Ереваном оказались безрезультатными. Но все вторжения иранских полчищ в Карабах и другие области Закавказья, присоединенные к России, неизменно оканчивались неудачей. В борьбе против иранской агрессии принимали самое активное участие и народы Закавказья. Много грузин и армян сражалось в рядах русских войск. В составе русской армии имелись азер-

¹ „Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией“, V, 773—774.

байджанские конные отряды, успешные боевые действия которых не раз отмечались русским командованием. В военных операциях принимали участие и армянские добровольческие отряды. Местное гражданское население также оказывало самое активное сопротивление персидским захватчикам. Население Казача в 1805 г. собственными силами изгнало вторгшиеся персидские отряды. Мужественно сопротивлялись повторным нашествиям иранских войск и жители Карабаха—азербайджанцы и армяне.

В октябре 1812 года русские войска в битве у Асландуза нанесли решительное поражение армии иранского престолонаследника Аббас-Мирзы, а вскоре овладели штурмом Ленкоранской крепостью. В этих условиях шахское правительство пошло на возобновление мирных переговоров. По Гюлистанскому договору 1813 г. Иран вынужден был признать присоединение Грузии и азербайджанских ханств к России.

Персам в начале XIX столетия удалось лишь восстановить свою власть над ханствами Ереванским и Нахичеванским и удержать эти ханства в своих руках. Таким образом, часть Восточной Армении, а также некоторые азербайджанские земли, продолжали еще в течение четырнадцати лет оставаться под иранским игом. Лишь в результате новой войны, предпринятой Ираном с целью захвата Закавказья, войны 1826—1828 гг., Ереванское и Нахичеванское ханства были освобождены и присоединены к России.

II

Борьба за Закавказье велась не только между Россией и Ираном. В ней приняли самое непосредственное участие и западные державы — Англия и Франция.

Чтобы уяснить себе смысл борьбы, развернувшейся в те годы на Востоке, необходимо напомнить о взаимоотношениях Англии и Франции с Османской империей и Ираном и об их экономических и политических позициях в этих странах к моменту присоединения Закавказья к России.

С XVII столетия Франция и Англия вступили на поприще колониальных захватов. Наряду с Северной Америкой и Вест-Индией, объектом их колониальной экспансии являлись восточные страны. Экономическое и политическое отставание этих стран от Европы приняло в XVI—XVII веках такие размеры, что создало предпосылки для экспансии европейских государств на Востоке, колониальная политика которых в свою очередь содействовала их дальнейшему экономическому упадку.

Еще в XVII веке Англия и Франция учреждают ряд баз на побережье Индии, опираясь на которые, они начинают борьбу за господство над этой богатейшей страной Востока. Англо-французская борьба за Индию закончилась в XVIII столетии поражением Франции. Если на первых порах французам удалось распространить свое влияние на большую часть Декана, а во время войны за австрийское наследство временно захватить Мадрас, то в семилетнюю войну Франция лишилась всех своих владений в Индии, за

исключением пяти приморских городов. Завоеванием же в 1757 г. англичанами Бенгала было положено начало английскому господству в Индии. К моменту французской буржуазной революции английская Ост-Индская компания подчинила себе и ряд других индийских княжеств. Прочно обосновавшиеся в Индии англичане подвергали страну неслыханному колониальному грабежу. Награбленные в Индии богатства в значительной мере содействовали промышленному перевороту в Англии.

Ближний и Средний Восток также издавна служил ареной экспансии и торгово-колониального соперничества Англии и Франции.

Известно, что еще в XVI столетии французский торговый капитал сумел проникнуть на турецкий рынок¹. Уже первый договор между Францией и Турцией, заключенный в 1535 г., предоставлял французским купцам ряд существенных льгот и привилегий, в том числе право свободного ведения торговли на всей территории Османской империи и неподсудность турецким судам. Капитуляции, установленные этим договором, были затем возобновлены и подт-

¹ О торговых связях Франции и Англии с Османской империей в XVI—XVIII вв. и о их борьбе за левантский рынок см. исследования Н. А. Смирнова „К истории борьбы европейских держав за колониальное порабощение Турции в XVI—XVIII веках“. Труды МИФЛИ, т II, Москва, 1938 и „Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII в. в трудах Вольнея“. Труды МИФЛИ, т. VI, Москва, 1940. См. также статью О. Л. Вайнштейна „Французская буржуазная революция конца XVIII века и турецкий Восток“. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. VI, Ленинград, 1941.

верждены в 1604 г. и 1673 г. Используя эти капитуляции, французский торговый капитал сумел уже в XVI—XVII веках глубоко внедриться в турецкую экономику.

Основным конкурентом Франции в борьбе за турецкий рынок являлась Англия. Еще в восьмидесятих годах XVI столетия в Англии была учреждена Турецкая или Левантийская торговая компания, которая должна была вести торговлю как с Турцией, так и транзитную торговлю с Ираном и Индией. В силу капитуляций 1583 г. и 1675 г. Англия приобрела те же льготы и привилегии, что и Франция, и получила право покровительства голландским и фламандским купцам.

Если в XVI веке Франция занимала монопольное положение в торговле с Турцией и почти безраздельно господствовала на турецком рынке, то в XVII столетии, в результате английской конкуренции, положение существенным образом меняется. Французская торговля с Левантом в целом идет на убыль, хотя в отдельных частях Оттоманской империи, в частности в Сирии и Египте, французский торговый капитал продолжал занимать доминирующее положение. Обороты же английской торговой компании все время возрастали и достигли во второй половине XVII века 600—700 тысяч фунтов стерлингов в год. В конкурентной борьбе со своими французскими соперниками за ближневосточный рынок англичане выходят на первое место.

В XVIII столетии, однако, французский торговый капитал вновь активизирует свою деятельность на Ближнем Востоке. Французская торговля с Ле-

вантом снова значительно расширяется. В 1740 г. французской дипломатии, оказавшей содействие Турции в заключении выгодного для нее Белградского мира с Россией, удалось добиться новой генеральной капитуляции, не только подтвердившей привилегии и льготы французским купцам, но и снизившей для них таможенные пошлины с 5 до 3%. Капитуляция 1740 г. создала благоприятные условия для дальнейшей французской экономической экспансии в Турции. Французский торговый капитал вновь занял преобладающее положение в торговле европейских государств с Османской империей.

О размерах французской торговли с Левантом свидетельствуют следующие данные. В 1784 г. французский экспорт в Турцию достигал 23 150 000 франков, а импорт 26.280.000 франков. Эти цифры станут еще более красноречивыми, если принять во внимание, что в начале столетия, в 1714 г., общая сумма французской левантийской торговли составляла всего 5 400 000 ливров. Общее количество французских торговых домов на Леванте доходило до 78. Франция вывозила на рынки Османской империи сукна, бумажные ткани, галантерею, скобяные товары, бумагу и другие промышленные изделия, а также железо, свинец, олово, вина и ввозила оттуда, наряду с сельскохозяйственными продуктами—хлебом, рисом, растительным маслом и пр., также и сырье, необходимое для французской промышленности, прежде всего хлопок, шерсть, кожу.

Накануне французской буржуазной революции экономические связи англичан с Османской империей также достигли значительных размеров. Так,

через Смирну ежегодно вывозилось в Англию до 3 000 тюков хлопка. Англичане, подобно французам, стремились экспортировать из Турции промышленное сырье и ввозить туда промышленные товары. Интерес Англии к левантийскому рынку особенно усилился в восьмидесятих годах XVIII века, в связи с потерей ею северо-американских колоний.

Несмотря на экономическое преобладание Франции на Леванте накануне буржуазной революции, уже в этот период имелись явные признаки, свидетельствовавшие о все более успешной конкуренции на восточных рынках изделий английской крупной промышленности, возникшей в Англии в результате промышленного переворота. Так уже в семидесятих-восьмидесятих годах XVIII столетия неуклонно падал сбыт французского сукна, являвшегося одной из основных статей французского экспорта. В то же время английские фабричные ткани все более завоевывали турецкий рынок.

Следует также отметить, что во второй половине XVIII века все более расширялись торговые связи между Россией и Османской империей и все более возрастала русско-турецкая торговля через Черное море. По договорам 1774 г. и 1783 г. России удалось добиться от Турции капитуляций, подобных капитуляциям, полученным до этого западноевропейскими державами. Во Франции раздавались, поэтому, тревожные голоса не только по поводу успехов англичан в торговле с Левантом, но и в связи с достижениями России, сумевшей открыть для своей торговли Черное море.

Буржуазная революция во Франции привела к

резкому сокращению ее торговли с Ближним Востоком. В девяностых годах XVIII столетия французская левантийская торговля приходит в полный упадок, следствием чего явилась утеря Францией ее экономических позиций на Востоке. Несомненно, значительную роль в этом сыграли разыгравшиеся во Франции события, ее войны с европейской коалицией и английская блокада, весьма отрицательно сказавшаяся на торговых связях Франции с восточными странами. Но не революция явилась причиной подрыва экономических позиций Франции на Востоке. События эпохи революции лишь ускорили процесс вытеснения с восточных рынков французского торгового капитала его английскими соперниками. Если до промышленного переворота в Англии Франции удавалось играть первенствующую роль в ближневосточной торговле, то возникновение крупной английской промышленности должно было неизбежно положить конец французскому экономическому преобладанию на Ближнем Востоке. Упадок французской торговли с Левантом в конце XVIII—начале XIX вв. объяснялся, прежде всего, неспособностью французской мануфактурной промышленности успешно конкурировать с английским фабричным производством.

Политические отношения Франции и Англии с Оттоманской империей представляли накануне французской буржуазной революции следующую картину. Еще с XVI столетия Франция поддерживала традиционную «дружбу» с Турцией, используя ее сперва против Австрии, а затем и против России. В этих целях французская дипломатия и во второй полови-

не XVIII столетия выступала за сохранение «целостности» и «неприкосновенности» Оттоманской империи, всячески противодействуя стремлению порабощенных турками балканских народов освободиться от турецкого ига. Правда, среди некоторой части французских политических деятелей, а также идеологов торгово-промышленной буржуазии, вроде Вольнея, раздавались голоса в пользу «раздела» совместно с Австрией и Россией Оттоманской империи и установления прямого французского колониального господства над некоторыми входившими в ее состав странами, прежде всего над Египтом. Однако официальная французская дипломатия продолжала придерживаться прежней «традиционной» политики и противодействовать попыткам России и Австрии расширить свои владения за счет подвластных туркам территорий.

Активность французской дипломатии на Ближнем Востоке особенно усиливается с 1783 г., после окончания войны в Америке и заключения Версальского мира с Англией. События этого времени—австро-русский союз, присоединение к России Крыма, русские планы на Балканах и на Кавказе—побуждали Францию к более активному вмешательству в восточные дела и усилению враждебной России деятельности. Новый французский посол в Турции Шуазель-Гуфье привез с собой в Константинополь многочисленных французских специалистов. Французские военные инженеры помогали туркам укреплять побережье Черного моря и крепости вблизи русской границы; французские офицеры преподавали в кон-

стантинопольском артиллерийском училище и обучали турок военному делу¹.

Англия также выступала в этот период как поборница «целостности» Османской империи. Чем большие успехи делал английский капитал на Востоке, чем более реальной становилась перспектива завоевания им ближневосточных рынков и установления экономического и политического господства Англии над всей Османской империей, тем более рьяно английская дипломатия «защищала» «неприкосновенность» турецких владений и боролась против всяких планов «раздела» Турции.

Именно в результате английских подстрекательств Турция начала в 1787 г. новую войну против России. Во время этой войны правительство Питта намеревалось даже спровоцировать конфликт с Россией. В английском парламенте много говорилось в этой связи о пагубных последствиях установления русского «превосходства» на Средиземном море, о «русской угрозе» английским владениям в Индии — тезис, впервые выдвинутый в это время и ставший с тех пор традиционным «аргументом» для обоснования захватнической политики Англии на Востоке². Только сопротивление части английской промышленной и торговой буржуазии, заинтересованной в русском рынке, вынудило Питта отказаться от агрессивной войны против России в связи с восточным вопросом. Но тем упорнее Англия продолжала доби-

¹ См. *L. Pingaud*. Choseul-Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI. Paris, 1887, стр. 95 и след.

² См. *G. B. Hertz*. British Imperialism in the Eighteenth Century. London 1908, стр. 164 и след.

ваться установления своего преобладающего экономического и политического влияния на всем Ближнем и Среднем Востоке, не только в Османской империи, но и в Иране.

Начало торговых и политических сношений англичан с Ираном относится еще к XVI столетию. В период с 1562 г. по 1581 г. английская Московская компания организовала через Россию, по волжско-каспийскому пути, шесть экспедиций в Закавказье и Иран. Подписав в 1563 г. договор с беглербеком Ширвана, предоставившим англичанам право свободной торговли в его владениях, а в 1566 г. и в 1568 г. добившись соответствующих фирманов от шаха Тахмаспа, английская компания наладила прибыльную для себя торговлю с Ираном и Закавказьем. Англичане ввозили туда сукна, а также зеркала, часы и другие товары и вывозили, прежде всего, шелк-сырец.

Вынужденные, в силу ряда причин, прекратить в 1581 г. свои торговые экспедиции в Иран через территорию России, англичане и в последующие годы — в конце XVI и в начале XVII столетий — усиленно добивались возобновления торговли с Востоком по волжско-каспийскому пути, строя даже различные планы захвата этого пути. Однако, благодаря противодействию Русского государства, англичане, в конце концов, должны были отказаться от своих надежд на торговлю с Ираном через Россию и искать иных путей для торговых и политических сношений с этой страной.

Еще в 1598 г. в Иран прибыли два английских авантюриста братья Ширли с двадцати семью спут-

никами. Они приняли деятельное участие в реорганизации иранской армии, предпринятой шахом Аббасом. Впоследствии оба брата — сперва Антони Ширли, а затем Роберт Ширли, были отправлены шахом с дипломатическими миссиями в Европу и посетили ряд стран, причем Роберт Ширли дважды, в 1611 г. и в 1623 г., побывал в Англии, где вел переговоры об установлении прямых торговых сношений с Ираном. Деятельность братьев Ширли содействовала возобновлению англо-иранской торговли, на этот раз, однако, не через Россию, а морским путем, через Персидский залив.

В 1600 г. была основана Ост-Индская компания, которая уже в следующем году отправила первую морскую экспедицию в Индию. В 1614 г. агенты компании отправились из Индии в Иран, где с помощью Роберта Ширли добились фирманов, предписывавших оказывать содействие английским судам, прибывающим в порты Персидского залива. Уже в 1616 г. к иранским берегам прибыл из Индии первый английский корабль, положивший начало торговле с Ираном.

Для успешного развития англо-иранской торговли через Персидский залив необходимо было изгнать португальцев с острова Ормуз в Ормузском проливе, захваченного ими еще в начале XVI столетия. В этом были заинтересованы как персы, так и англичане. В 1622 г. иранские войска при поддержке английского флота овладели Ормузом. В результате английская Ост-Индская компания получила ряд новых привилегий, в частности право беспошлинного ввоза товаров в Иран. Была учреждена фак-

тория в новом порту на Персидском заливе—Бендер-Аббасе. В 1627 г. в Иран прибыло официальное английское посольство.

В XVII веке основными конкурентами англичан в торговле с Ираном через Персидский залив являлись голландцы, также основавшие факторию в Бендер-Аббасе и добившиеся в 1645 г. права беспошлинного вывоза шелка из Ирана¹. Однако во второй половине этого столетия англичане взяли над ними перевес. Шах Сулейман предоставил англичанам право вывозить ежегодно из Ирана шелк на сумму в 60 000 фунтов стерлингов и ввозить товаров на 40 000 фунтов стерлингов. Английская фактория в Бендер-Аббасе процветала вплоть до афганского нашествия и крушения Сефевидского государства.

После смут, последовавших за этими событиями, при Надире, англичане снова усиливают свою торговую экспансию в Иране. Кроме фактории в Бендер-Аббасе, они основывают факторию и в Мешхеде. Одновременно англичане вновь предпринимают попытку наладить торговлю с Ираном через Россию по волжско-каспийскому пути, добившись в 1736 г. соответствующего разрешения от русского правительства. В 1739 г. представитель английской торговой компании Эльтон доставил по этому пути в Решт груз товаров, который он успешно реализовал, получив от иранских властей фирман на право

¹ Из новых работ, посвященных сношениям сефевидского Ирана с европейскими государствами см. *K. Bayani. Les relations de l'Iran avec l'Europe Occidentale à l'époque Safavide. Paris, 1937.*

торговли. Англичане построили в 1742 г. в Казани два суда, на которых Эльтон вновь отправился с товарами в Иран. В следующем году туда прибыл другой представитель английской компании Джонас Хенвей¹.

Английская торговля через Каспийское море натолкнулась на сопротивление как в самом Иране, так и в России. В Иране против англичан решительно выступили армянские купцы, державшие в своих руках персидскую торговлю по волжско-каспийскому пути, в частности торговлю шелком². В России также вскоре убедились, что английская торговля с Ираном через Каспийское море наносила ущерб русской торговле и экономическим интересам на Востоке. Деятельность англичан в Иране была направлена и против политических интересов России. Эльтон, поступивший на персидскую службу, не только «обследовал» южное побережье Каспийского моря, но и приступил, по поручению шаха, к строительству флота, который явно предназначался для борьбы против России. Поэтому уже в 1746 г. русское правительство отменило данное англичанам разрешение на право транзитной торговли с Ираном. К тому же, в следующем году, после убийства Надира,

¹ Попытка англичан наладить торговые связи с Ираном через Каспийское море подробно описана в книге самого Хенвея. См. *Jonas Hanway, An Account of the British Trade over the Caspian Sea*, Second edition, revised and corrected. London, 1754, I-II.

² О борьбе армянского купечества против англичан в Иране см. А. Р. Иоаннисян, Иосиф Эмин. Ереван, 1945, стр. 53 и сл.

английская фактория в Реште была разграблена и англичане потеряли находившиеся там товары на сумму в 80 000 фунтов стерлингов.

Однако начавшееся вскоре завоевание англичанами Индии укрепило их позиции в Персидском заливе. Опираясь на свои индийские владения, англичане имели теперь возможность расширить торговые связи с Ираном через Персидский залив.

В шестидесятых годах XVIII века, при Кериме, Ост-Индская компания добилась на юге Ирана еще больших прав и привилегий. В 1761 г., под предлогом «притеснений» со стороны местных властей, англичане демонстративно перенесли свою факторию из Бендер-Аббаса на турецкую территорию, в Басру. Путем такого нажима они добились от Керима предоставления им новых льгот. Фирман от 2 июля 1763 г.¹ предоставлял Ост-Индской компании право приобретать земельные участки как в Бушире, так и в других портах Персидского залива и учреждать фактории не только там, но и в любой части страны. С ввозимых и вывозимых англичанами товаров не должны были взиматься пошлины; они могли покупать и продавать любые товары; из всех европейских наций лишь англичанам предоставлялось право ввозить в Иран шерстяные изделия. Служащие английских факторий освобождались от каких-либо налогов и не могли быть подсудны иранским властям.

¹ Сокращенный текст этого фирмана приведен в работе Сайкса. См. *P. Sykes, A History of Persia, Third edition, London, 1951, т. I, стр. 280—281.*

Добившись этих исключительных привилегий, Ост-Индская компания в том же 1763 г. вновь перенесла свою факторию на иранскую территорию, на этот раз в Бушир. В 1770 г. английская фактория была снова переведена в Басру, но три года спустя англичане, не ликвидируя фактории в этом городе, вновь возобновили деятельность своей фактории в Бушире. С тех пор Бушир становится основным центром английской торговли с Ираном через Персидский залив¹. Торговля Ост-Индской компании с Ираном стала особенно возрастать с девяностых годов XVIII века.

Еще с XVII столетия политические и экономические сношения с Ираном завязывает и Франция. Уже в 1628 г. капуцин о. Пацифик, под видом религиозной миссии, вел переговоры об установлении с Ираном торговых сношений. В 1665 г. в Исфаган прибыли представители французской Ост-Индской компании, привезшие письмо Людовика XIV шаху Аббасу II и добившиеся предоставления этой компании ряда существенных льгот, в том числе освобождения французских купцов от таможенных сборов. В 1671 г. эти привилегии были подтверждены шахом Сулейманом. В Бендер-Аббасе и Исфагане были основаны французские фактории.

С конца XVII века Иран стал ареной деятельности многочисленных французских миссионеров, ко-

¹ *C. H. Parkinson, Trade in Eastern Seas. 1793—1813, Cambridge, 1937*. Значение Бушира для англичан заключалось также в том, что через него поддерживалась торговая связь Индии с Европой. Торговый путь лежал через Алеппо, Багдад и Бушир в Бомбей.

торые, под покровом религиозной пропаганды, вели активную борьбу за укрепление французского влияния и устранения конкурентов Франции—англичан, голландцев, а впоследствии и русских.

В первые годы XVIII столетия Иран посещает ряд французских представителей, одному из которых, Мишелю, удалось в сентябре 1708 г. подписать франко-иранский торговый договор, подтвердивший льготы французских негоциантов и предоставивший Франции ряд политических привилегий. Отправленный затем во Францию иранский посол Моххамед-Риза-бек подписал в Версале 13 августа 1715 г. дополнительный «договор о дружбе и торговле» между Францией и Ираном, еще более выгодный для Франции¹.

Договор этот, ратифицированный шахом Гусейном лишь в 1722 г., в момент крушения Сефевидского государства, не смог быть осуществлен, в результате начавшихся в Иране смут. Но и в дальнейшем, в течение всего XVIII века, французы предпринимали неоднократные попытки возобновить экономические и политические сношения с Ираном, причем стремились активно противодействовать усилению как английского, так и русского влияния на Востоке.

Попытки французской Ост-Индской компании проникнуть на персидский рынок особенно усилились в период правления Керим-хана, когда в Иране создалась относительно мирная обстановка. Французской компании удалось даже добиться согласия

¹ Тексты этих договоров см. в книге *M. Herbet*. Une ambassade persanne sous Louis XIV. Paris, 1907, стр. 231—281.

Керима на уступку острова Харк в Персидском заливе, который должен был быть превращен во французскую военно-стратегическую и экономическую базу. Но это соглашение также не было осуществлено, так как вскоре, в 1769 г., французская Ост-Индская компания была ликвидирована.

В восьмидесятых годах XVIII века, накануне буржуазной революции, деятельность французской дипломатии в Иране вновь активизируется. Это были годы, когда французская дипломатия проявляла большую активность в Константинополе, оказывая туркам помощь в укреплении их военных сил и всячески натравливая Турцию на Россию. В этой связи Францией были предприняты попытки вовлечь и Иран в антирусскую коалицию и побудить его оказать противодействие планам в отношении Закавказья, которые пыталась в то время осуществить русская дипломатия, завязавшая переговоры с Али-Мурад-ханом.

В марте 1784 г. в Иране появился французский агент, посланный туда со специальной миссией. То был граф Ферьер-Совбеф. Из опубликованного им шесть лет спустя описания его путешествия по Востоку¹, а также из доклада, представленного им французскому министру иностранных дел Вержену², мы имеем точные сведения о его деятельности в

¹ „Mémoires historiques, politiques et géographiques des voyages du comte de Ferrière—Sauvebeuf faits en Turquie, en Perse et en Arabie depuis, 1782 jusqu'en 1789“. Maestricht 1790, т. I, стр. 202 и след.

² Центральный государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. № 4258.

Иране. Он пытался убедить персов отклонить предложения России и восстановить свое владычество над Закавказьем; он стремился содействовать улучшению турецко-иранских отношений и добивался заключения оборонительного и наступательного союза Франции, Турции и Ирана против России.

В задачи миссии Ферьер-Совбефа входили не только эти политические цели. Французы стремились одновременно подорвать русско-персидскую торговлю и овладеть иранским рынком. В мае 1784 г. Вержен писал Ферьер-Совбефу в Исфаган, чтобы он сообщил о средствах, которые сделали бы возможным направить товары, идущие в Россию, по новому руслу — через Черное море, что было бы весьма выгодным для Франции. Проект этот обсуждался и французским послом в Константинополе Шуазелем-Гуфье, который в то время усиленно добивался предоставления французским судам права свободного прохода через Дарданеллы¹.

Но несмотря на все свои усилия и предпринимаемые в этом направлении попытки, французы не могли конкурировать в Иране в области торговли с русскими и англичанами. Если Франция до революции все еще удерживала первое место в торговле с Ближним Востоком через Средиземное море, то торговые сношения с Ираном находились почти всецело на севере (через Каспийское море) в руках русских, а на юге (через Персидский залив) в руках англичан.

¹ Подробнее о миссии Ферьер-Совбефа в Иран см. *А. Р. Иоаннисян*, *Россия и армянское освободительное движение...*, стр. 131 и сл.

Таковы были экономические и политические позиции Англии и Франции на Ближнем и Среднем Востоке накануне французской буржуазной революции.

III

Буржуазная революция во Франции оказала решающее влияние на весь ход мировых событий конца XVIII — начала XIX веков.

Перед началом революции Франция была в союзе с Испанией и Австрией, хотя союз с последней, заключенный еще в 1756 г., заметно ослабел. В конце восьмидесятых годов произошло сближение между Францией и Россией в связи с образованием в 1787 г., в результате прусской интервенции в Голландии, тройственного союза Англии, Голландии и Пруссии. «Тройственный союз», сводившийся фактически к союзу между Англией и Пруссией, был направлен как против Франции, так и против России. Это стало особенно ясно, когда началась война Турции с Россией и Австрией и когда в 1788 г. Швеция также напала на Россию. «Тройственный союз» усиленно поддерживал Швецию. Пруссия стремилась свести на нет русское влияние в Польше. Англия же активно противодействовала русским планам на Балканах и на Ближнем Востоке. Таким образом, накануне французской буржуазной революции существовал крайне сложный клубок противоречий между крупными европейскими государствами. Основными противоречиями были противоречия между Англией и Францией, под знаком которых прошел весь XVIII век, противоречия между

Австрией и Пруссией и все усиливавшиеся противоречия между Англией и Россией.

Буржуазная революция во Франции изменила соотношения сил на международной арене и привела к сплочению всех европейских монархических государств против революционной Франции. Уже летом 1790 г. английской дипломатии удалось примирить двух старых соперников — Австрию и Пруссию, а также добиться отказа Австрии от ее завоеваний за счет Турции и ее выхода из восточной войны. Дальнейшее сближение между Пруссией и Австрией закончилось подписанием в феврале 1792 г. союзного договора против Франции.

Начавшаяся в апреле 1792 г. война Франции с Австрией, а затем и с Пруссией, открыла период войн, потрясавших Европу в течение последующих двадцати трех лет.

В начале 1793 г. против Франции была создана общеевропейская коалиция, в которую входили Англия, Австрия, Пруссия, Россия, Испания, Голландия, германские княжества, Сардинское и Неаполитанское королевства. Коалиция эта была возглавлена Англией. Россия, хотя формально и примкнувшая к коалиции, не приняла в ней активного участия. После победоносного Ясского мира, завершившего в 1792 г. войну с Турцией, русская дипломатия была занята польскими делами. Лишь в 1795 г., после раздела Польши, Екатерина II решила принять активное участие в войне против Франции. Но к тому времени, в результате французских побед, антифранцузская коалиция уже распалась. Весной этого года Пруссия и Испания заклю-

чили мир с Францией, а Голландия превратилась в зависимую от Франции Батавскую республику. Победы Наполеона в Италии вынудили вскоре Австрию подписать в 1797 г. Кампоформийский мирный договор, закреплявший за Францией Бельгию, левый берег Рейна и большую часть Северной Италии.

Англо-французские переговоры о мире закончились, однако, неудачей. Новые захваты Франции в Европе и экспедиция в Египет привели к созданию второй коалиции в составе Англии, России, Австрии и Турции. Война в Европе возобновилась весной 1799 г. На этот раз русская армия, под командованием Суворова, приняла непосредственное участие в военных действиях и одержала в Северной Италии ряд блестящих побед над французами. Но в результате обострения русско-английских отношений Россия вскоре вышла из войны и стала сближаться с Францией. Наполеон, захвативший к тому времени власть во Франции, вторично разгромил в 1800 г. Австрию и принудил ее подписать в начале 1801 г. Люневильский мир, воспроизводивший условия победоносного для Франции Кампоформийского мирного договора.

Уже в эпоху Директории войны Франции из оборонительных превратились в завоевательные. Буржуазная Франция стремилась к гегемонии в Европе. Вся внешняя политика Наполеона, верного выразителя интересов французской буржуазии, преследовала цель добиться французского владычества над Европой и даже над всем миром. Характеризуя войны Наполеона, Ленин писал: «Национальная

война может превратиться в империалистическую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»¹.

Установления французской гегемонии не могли допустить другие европейские государства и, прежде всего, капиталистическая Англия, которая в результате промышленного переворота стала страной развитой промышленности и, будучи крупнейшей торговой и колониальной державой, сама стремилась занять господствующее положение в мире. Разгром второй коалиции и тяжелое финансовое положение вынудили, правда, Англию пойти на мир с Францией. Но Амьенский мирный договор, подписанный в марте 1802 г., оказался лишь кратковременным перемирием. Уже в мае 1803 г. Англия возобновила ожесточенную борьбу с Францией.

Русско-французские отношения также быстро ухудшались, так как захватническая политика Наполеона не могла не вызывать противодействия России. В 1805 г. оформляется новая коалиция против Франции в составе Англии, России и Австрии, кото-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 295.

рая была быстро разгромлена Наполеоном в конце этого года. Ликвидация в 1806 г. Наполеоном Священной Римской империи и создание зависимого от Франции Рейнского союза привели к столь же неудачному выступлению Пруссии, которую не смогла спасти и помощь, оказанная русскими войсками.

Тильзитский мир между Францией и Россией, подписанный в июле 1807 г., знаменовал новую веку в истории международных отношений этой эпохи. Из врагов Франция и Россия превратились в союзников. Россия не только примкнула к провозглашенной Наполеоном континентальной блокаде и порвала сношения с Англией, но и объявила ей войну.

Русско-французский союз оказался, однако, недолговечным. Новые захваты Наполеона в Европе, польский вопрос, полное игнорирование Наполеоном интересов России на Востоке, нежелание России пренебречь своими экономическими интересами во имя континентальной блокады — все это вскоре вновь привело к резкому ухудшению русско-французских отношений. Наполеон, снова разгромивший в 1809 г. Австрию, расширивший границы своей империи до Гамбурга и Рима, державший в подчинении всю Западную Европу и рассчитывавший путем континентальной блокады заставить капитулировать Англию, намерен был теперь нанести сокрушительный удар России, чтобы привязать ее к своей колеснице, политически и экономически поработить ее, подобно другим европейским государствам.

Вторжение полумиллионной «великой армии» в Россию в 1812 г. потерпело полную неудачу. В Отечественной войне русский народ разгромил и почти

полностью уничтожил наполеоновские полчища. В 1813 г. военные действия были перенесены на территорию Западной Европы. Поражение Наполеона в России привело к созданию против него новой мощной коалиции в составе России, Англии, Пруссии, Швеции, а затем и Австрии, коалиции, располагавшей значительным превосходством материальных и людских ресурсов, по сравнению с истощенной Францией. К тому же национально-освободительная борьба против французского владычества, начавшаяся в Испании еще в 1808 г., а затем охватившая и другие европейские страны, подтачивала основы наполеоновской империи. В результате империя эта пала, а сам Наполеон не сумел удержаться даже во Франции, где в апреле 1814 г., после взятия союзными войсками Парижа, произошла реставрация монархии Бурбонов.

Новая попытка, предпринятая в 1815 г. Наполеоном, использовать внутреннее недовольство во Франции, а также разногласия союзников на Венском конгрессе и восстановить свою империю, тоже окончилась неудачей. Она привела к воссозданию антифранцузской коалиции, к новой оккупации Франции войсками союзников Наполеона и второй реставрации.

Грандиозная борьба, развернувшаяся в конце XVIII—начале XIX столетий между Англией, Францией и Россией, вовлекла в свою орбиту и Восток.

Еще в 1792—1794 гг. Французская республика вела упорную борьбу за влияние в Константинополе, пытаясь использовать Турцию против коалиции, воз-

главленной Англией, и уже в 1794 г. предприняла первую попытку возобновить сношения с Ираном. В 1795—1796 гг. Франции удалось добиться в Константинополе значительных успехов и, путем оказания Турции военной помощи, укрепить там свое влияние. В 1796 г. в Тегеран прибыла французская миссия, имевшая задачей вовлечь Иран в проектируемый франко-турецко-иранский союз. В 1798 г. французские войска высадились в Египте. Французская экспедиция в Египет преследовала цель не только захватить эту страну, уже издавна являвшуюся объектом колониальных вожделений французской буржуазии, но и установить экономическое и политическое преобладание Франции на всем Востоке, а также нанести удар англичанам в Индии.

Английская дипломатия предприняла энергичные ответные меры. Она сумела вовлечь Оттоманскую империю в войну с Францией. Возобновив из Индии сношения с Ираном, англичанам удалось в начале 1801 г. заключить с этой страной два договора — политический и торговый, по которым Иран брал на себя обязательство не поддерживать никаких сношений с французами и не допускать их на свою территорию. Одновременно договоры эти предоставляли англичанам привилегии, равносильные режиму капитуляций.

Усиление Франции в Европе не замедлило, однако, сказаться и на Востоке. После заключения в 1802 г. мира с Оттоманской империей французское влияние в Константинополе постепенно вновь усилилось, а после битвы при Аустерлице и разгрома третьей коалиции стало преобладающим. Турция была

вовлечена в фарватер французской политики. Одновременно наполеоновской дипломатии удалось не только возобновить сношения с Ираном, но и заключить с ним в 1807 г. формальный союз. Наполеон вновь стал разрабатывать планы похода на Индию.

Англичане снова использовали все имевшиеся в их распоряжении средства для вытеснения французов с Востока и ликвидации французского влияния в Турции и в Иране. В этой ожесточенной борьбе англичане обладали несомненными преимуществами. Они располагали для борьбы за преобладание на Востоке и, в частности, в Иране такой базой, как Индия. Они имели в своем распоряжении вооруженные силы и военный флот, а также необходимые экономические ресурсы и финансовые средства. Политика же Наполеона в восточных странах, особенно в Иране, носила в значительной мере авантюристический характер, поскольку она не опиралась на необходимые политические и экономические предпосылки. В противоположность англичанам, французы были лишены возможности поддерживать экономические связи с Ираном. Франция не располагала на Востоке военными базами и вооруженными силами. Французские дипломатические представители и агенты не имели в своем распоряжении и необходимых финансовых средств для того, чтобы успешно конкурировать с англичанами, щедро расточавшими золото, служившее одним из основных орудий английского влияния в восточных странах.

Используя новую обстановку в Европе, созданную Тильзитским миром, англичанам удалось разрушить хрупкое здание французского господства на

Ближнем и Среднем Востоке, которое пытался воздвигнуть Наполеон. В январе 1809 г. был подписан англо-турецкий договор, покончивший с французским преобладанием в Турции. Французское посольство генерала Гардана вынуждено было покинуть Иран, а прибывшая туда английская миссия добилась подписания в марте этого года нового англо-иранского союзного договора.

Наполеон, до самого своего падения, не оставлял намерения добиться вытеснения своих английских соперников из Турции и Ирана. Он пытался вновь усилить французское влияние в Константинополе и возобновить сношения с Ираном. Но все эти попытки носили еще более авантюристический характер, чем в предыдущие годы, и были обречены на неизбежный провал.

Англо-французская борьба на Востоке в конце XVIII — начале XIX столетия закончилась, таким образом, победой Англии. Это была победа капиталистической Англии с ее крупной промышленностью, мировой торговлей и колониальной империей над своими экономически более слабыми французскими конкурентами.

Взаимная борьба Англии и Франции за политическое и экономическое преобладание в восточных странах велась одновременно с их борьбой на Востоке против России.

В течение всего периода революции Франция стремилась вовлечь Турцию в антирусскую коалицию. Такую же цель преследовала военная помощь Турции в 1795—1796 гг. Французская миссия в Иран в 1796 г. имела своей непосредственной задачей раз-

жесть войну Ирана против России и добиться захвата персами Закавказья. Англо-иранский договор 1801 г. был направлен не только против Франции, но и против России. Именно этот договор и сыграл значительную роль в провоцировании русско-иранской войны 1804—1813 гг.

Франция в конце 1806 г. вовлекла Турцию в войну против России. По союзному договору с Ираном она обязалась содействовать установлению иранского владычества в Закавказье. Посольство Гардана имело своей первоочередной задачей оказание военной помощи Ирану в войне против России. Французские офицеры обучали иранские войска, руководили строительством укреплений, наладили в Иране производство вооружения.

Англичане, после изгнания из Ирана своих французских соперников, продолжили в еще более широких масштабах (поскольку они обладали большими к тому возможностями) их враждебную Россию деятельность. В 1809—1813 гг. англичане не только выплачивали Ирану субсидию для финансирования войны против России, не только обучали иранские войска и поставляли им необходимое вооружение, но и непосредственно руководили их военными операциями.

Исторические факты со всей несомненностью свидетельствуют, что антирусская политика на Востоке проводилась Англией и Францией неуклонно и последовательно, независимо от их отношений с Россией в Европе. В исторической литературе долгое время господствовало мнение, что Англия и Франция вели в этот период борьбу против России

жесть войну Ирана против России и добиться захвата персами Закавказья. Англо-иранский договор 1801 г. был направлен не только против Франции, но и против России. Именно этот договор и сыграл значительную роль в провоцировании русско-иранской войны 1804—1813 гг.

Франция в конце 1806 г. вовлекла Турцию в войну против России. По союзному договору с Ираном она обязалась содействовать установлению иранского владычества в Закавказье. Посольство Гардана имело своей первоочередной задачей оказание военной помощи Ирану в войне против России. Французские офицеры обучали иранские войска, руководили строительством укреплений, наладили в Иране производство вооружения.

Англичане, после изгнания из Ирана своих французских соперников, продолжили в еще более широких масштабах (поскольку они обладали большими к тому возможностями) их враждебную Россию деятельность. В 1809—1813 гг. англичане не только выплачивали Ирану субсидию для финансирования войны против России, не только обучали иранские войска и поставляли им необходимое вооружение, но и непосредственно руководили их военными операциями.

Исторические факты со всей несомненностью свидетельствуют, что антирусская политика на Востоке проводилась Англией и Францией неуклонно и последовательно, независимо от их отношений с Россией в Европе. В исторической литературе долгое время господствовало мнение, что Англия и Франция вели в этот период борьбу против России

на Востоке лишь в те годы, когда они находились с ней в неприятельских отношениях. Подобные утверждения нельзя признать соответствующими исторической действительности. Факты, наоборот, свидетельствуют о том, что обе западные державы натравливали Турцию и Иран на Россию и оказывали активную помощь иранским правящим кругам в осуществлении их агрессивных замыслов в отношении Закавказья также и в те годы, когда они были официальными союзниками России. Франция вела антирусские интриги в Иране не только до Тильзитского мира, но и после заключения союза с Россией. Именно в 1807—1809 гг. французская миссия и развернула широкую деятельность по оказанию военной помощи персам в их борьбе за Закавказье. Англичане поставляли оружие иранской армии еще в 1804—1805 гг., когда они были в самых близких отношениях с Россией. Военная помощь Ирану, которую англичане возобновили в широких размерах после изгнания оттуда французов, не прекратилась и в 1812—1813 гг., когда Англия вновь стала союзницей России. Английские офицеры продолжали руководить на Кавказе военными действиями иранских войск в то самое время, когда русская армия вела борьбу не на жизнь, а на смерть с вторгшимися в Россию полчищами Наполеона.

В периоды «союзнических» отношений с Россией менялись в известной мере лишь методы английской и французской дипломатии на Востоке, но отнюдь не их цели. Это выражалось, в частности, в том, что англичане и французы, не прекращая военной помощи Ирану, стремились одновременно выступать и в

роли «посредников» в мирных переговорах между Россией и Ираном. Однако их «посредничество» преследовало лишь цель добиться, путем дипломатического давления, максимальных уступок со стороны России.

Какую же задачу ставили перед собой Англия и Франция, ведя столь упорную и последовательную борьбу против России на Востоке, в частности в Иране?

Английская буржуазная историография уже давно пропагандирует следующую насквозь лживую концепцию. Англия ни в XVIII, ни в XIX веке, особенно в изучаемый нами период, не имела никаких агрессивных планов в отношении Ирана и Закавказья; ее единственной заботой являлось предотвратить и приостановить экспансию России на Восток в направлении Индии; в этих целях Англия покровительствовала Ирану и оказывала ему помощь для защиты его независимости и территориальной целостности.

Интересно отметить, что эта фальшивка была первоначально пущена в оборот как раз наиболее рьяными представителями английских колонизаторов, осуществлявшими в Иране захватническую политику Англии, вроде Малькольма, Мориера, Джонса и других. Впервые эта «концепция» была преподнесена в виде исторического «исследования» в опубликованной в 1849 г. статье Раулинсона «Наши политические отношения с Персией», включенной затем в его книгу «Англия и Россия на Востоке», выдержавшую несколько изданий. В дальнейшем она прочно вошла в обиход и в настоящее время уси-

ленно пропагандируется англо-американской реакционной буржуазной историографией.

Что касается враждебной России политики Франции в Иране в наполеоновскую эпоху, то французские и англо-американские буржуазные историки пытаются дать ей следующее объяснение. До Тильзитского мира политика эта объяснялась необходимостью борьбы против России, пытавшейся ослабить Францию и принимавшей активное участие в антифранцузских коалициях. После Тильзита Иран продолжал интересовать Францию лишь с точки зрения подготовки похода в Индию для нанесения удара англичанам. Если Франция и продолжала в 1807—1809 гг. поддерживать дружественные и союзные отношения с Ираном, то исключительно потому, что эта страна лежала на пути в Индию. Именно подобная схема и излагается во всех работах, посвященных восточной политике Наполеона, начиная с известной работы Дрио на эту тему и кончая изданной совсем недавно, в 1951 г., книгой американского историка Пюриира «Наполеон и Дарданеллы».

Исторические данные с неопровержимостью свидетельствуют, однако, что на деле как Франция, так и Англия отнюдь не оборонялись, а наступали. Они хотели ослабить Россию на Востоке и, прежде всего, предотвратить присоединение Закавказья к России. В то же время они стремились установить свое собственное господство в Иране. Они вмешивались в дела Ирана для того, чтобы самим занять там господствующее положение, подчинить себе эту страну в политическом и экономическом отношении.

Вся их военная и финансовая «помощь» Ирану преследовала именно эту цель.

Используя свой союз с Ираном, Франция навязала ему кабальный, неравноправный торговый договор, не только устанавливавший режим капитуляций, но и предусматривавший уступку Франции острова Харк в Персидском заливе. Планы, разработанные наполеоновской дипломатией, намечали экономическое проникновение в Иран, захват иранского рынка и сырьевых ресурсов страны, создание французских баз не только на островах Персидского залива, но и на побережье Ирана. Хотя Франция и не располагала реальными возможностями для осуществления всех этих планов, но они в достаточной мере раскрывают конечные цели французской политики в Иране.

Что касается Англии, то она не только проектировала политическое и экономическое закабаление Ирана, но и сумела в значительной мере добиться претворения своих планов в жизнь. Предпосылки для этого были созданы еще англо-иранскими договорами 1801 г. Однако начало непосредственного закабаления Ирана было положено в 1809—1813 гг., в период широкой английской «военной помощи» этой стране. Сама эта «военная помощь», приносившая огромные барыши Ост-Индской компании, и являлась в руках англичан лучшим средством и наиболее удобным орудием для осуществления своих экспансионистских планов в Иране. Эта «военная помощь» и дала им возможность установить свой контроль не только над внешней политикой, но и над финансами и экономикой Ирана. Уже в этот

период англичане вели себя в Иране, как в колониальной стране и распоряжались там, как хозяева.

Противодействуя присоединению Закавказья к России и стремясь вновь включить его в состав Иранского государства, англичане рассчитывали тем самым установить и там свое экономическое и политическое преобладание. В одной докладной записке, представленной русскому правительству в январе 1827 г., в разгар спровоцированной Англией новой русско-иранской войны, говорилось в этой связи следующее: «Но почему же они (англичане — А. И.)... не остановили вероломного вторжения персов... Неужели сим полномочным в Персии агентам Индийской компании оное было не известно? Но ежели позволено догадываться, то господа сии сами увлечены были вероятностью успеха и быть может в уме своем разделяли уже земли Грузии на плантажи (плантации — А. И.) и находили в оной другую Индию»¹.

Даже в тех странах Востока, где англичане устанавливали свое непосредственное господство, они не только не ликвидировали существовавшие там феодальные отношения, а, наоборот, стремились сохранить и использовать их для колониальной эксплуатации этих стран. Поскольку же англичане намерены были осуществить свое экономическое и политическое проникновение в Закавказье, путем включения его в состав отсталого феодального Ирана, то осуществление их планов тем более означало бы увековечение экономической и

¹ ЦГВИА, ф. 446, д. № 12, л. 46 об.

политической отсталости Закавказья, сохранение там средневековых феодальных порядков и тройную эксплуатацию его населения со стороны местных феодалов, персидских поработителей и иностранного капитала.

Таким образом, в начале XIX столетия закавказские народы переживали одну из самых критических эпох своей истории. Присоединение Закавказья к России, осуществленное вопреки захватническим планам иранских феодалов и проискам их западноевропейских покровителей, явилось поэтому для закавказских народов наиболее благоприятным исходом и знаменовало собой решающий поворот в их исторических судьбах.

В противоположность западным державам Россия играла на Востоке прогрессивную роль. Энгельс справедливо указывал, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку», что господство России играло «цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей»¹, т. е. для Кавказа.

Благодаря присоединению к России, грузины, азербайджанцы и армяне избавились от порабощения со стороны отсталой восточной деспотии, которая сама являлась объектом колониальной экспансии западноевропейских капиталистических государств и в дальнейшем превратилась в полуколониальную, зависимую страну. Присоединение к России ликвидировало феодальную раздробленность Закавказья, положило конец феодальным междо-

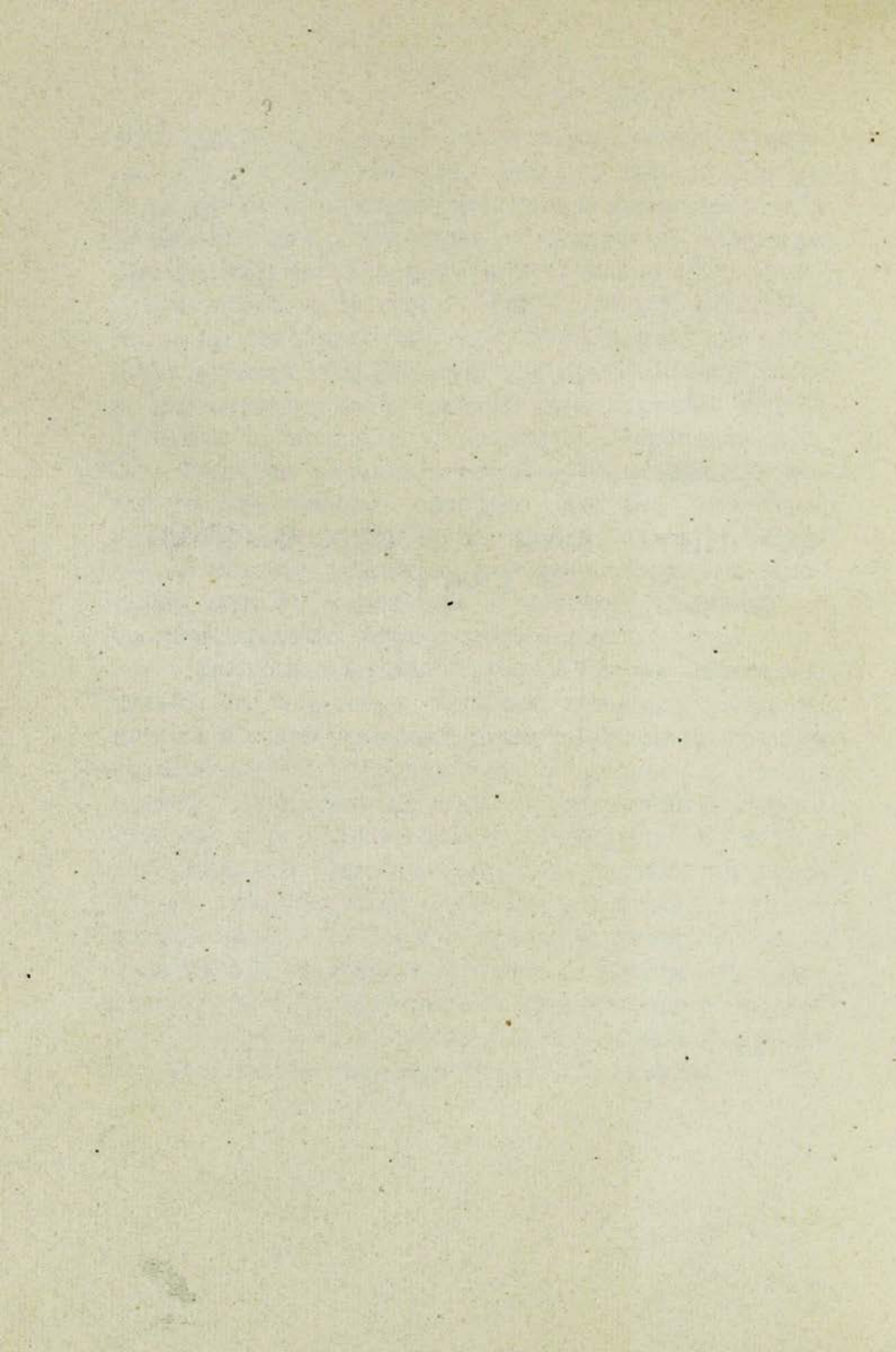
¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 221.

усобицам, обеспечило его населению личную и имущественную безопасность. Россия находилась на несравненно более высоком уровне экономического развития, чем восточные государства; в России быстро развивались капиталистические отношения и она вскоре вступила в период капитализма. Поэтому присоединение к России ликвидировало с течением времени феодальную отсталость Закавказья, и, несмотря на колониальный гнет царизма, содействовало развитию его экономики. Передовая русская культура оказала огромное благотворное влияние на дальнейшее развитие древней культуры армянского, грузинского и азербайджанского народов. Лишь присоединение к России создало предпосылки для формирования грузинской, армянской и азербайджанской буржуазных наций.

Присоединение Закавказья к России, связавшее судьбы его народов с судьбою великого русского народа и с его революционным движением, сделало возможным их последующее социальное и национальное освобождение после низвержения в России царизма и буржуазно-помещичьего строя. В результате Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей закавказские народы, как и другие народы бывшей Российской империи, азербайджанцы, грузины и армяне получили государственность и превратились в процветающие социалистические нации, равноправные члены братской семьи народов великого Советского Союза.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ МИССИЯ В ИРАН
В 1796 г.

После побед, одержанных Францией в войне против европейской коалиции, и заключения в апреле—июле 1795 г. мирных договоров с Пруссией и Испанией Комитет общественного спасения термидорианского Конвента, а затем и Директория, наряду с продолжением войны против Англии и Австрии, считали одной из первоочередных задач борьбу против России.

В феврале 1795 г. был подписан новый союзный договор между Россией и Англией, а в сентябре того же года тройственный договор России, Англии и Австрии. Екатерина II, до этого лишь подстрекавшая другие государства к войне против Франции, теперь, после раздела Польши, всерьез намеревалась принять участие в этой войне и выставить шестидесяти-тысячный корпус русских войск.

Стремление отвлечь Россию от европейских дел, вовлечь ее в конфликты с другими державами, нанести ей возможный вред и ослабить ее являлось поэтому одной из основных целей французской дипломатии. Не следует при этом забывать, что как раз к

этому времени, после термидорианского переворота, меняется характер внешней политики Франции. Если войны революционной Франции были справедливыми, освободительными, то в эпоху термидорианской реакции и Директории войны Франции и ее внешняя политика приобретают уже тот агрессивный, захватнический характер, который затем становится основной чертой внешней политики Наполеона.

Французская дипломатия прилагала не малые усилия, чтобы использовать против России Швецию и Данию. Весной и летом 1795 г. Комитет общественного спасения вел переговоры с этими двумя государствами, побуждая их, правда безуспешно, принять участие в блокаде России. В сентябре этого года Франция заключила с Швецией договор, предусматривавший выплату субсидии для вооружения шведского флота на случай войны¹.

Еще большее значение в деле отвлечения сил России придавалось Востоку. 19 февраля 1796 г., в своих заметках на докладной записке министра иностранных дел, Ребель—директор, ведавший в то время вопросами внешней политики — писал, что следует принудить Россию рассеять свои силы и непрерывно тревожить ее диверсиями со стороны турок, персов, китайцев, татар².

В этом обширном плане главное место отводилось, естественно, Османской империи. Заключение военного союза с Турцией и вовлечение этой

¹ А. Sorel, *L'Europe et la Révolution française*, s. d., IV, 392.

² Там же, V, 27.

державы в войну с Россией (а если возможно и с Австрией) являлось одной из основных задач французской политики того времени.

В течение всего периода революции Франция продолжала поддерживать неофициальные сношения с Турцией. Семонвиль, назначенный после провозглашения республики послом в Константинополь на место Шуазеля-Гуфье, не был, правда, по настоянию Австрии, Пруссии и России, принят Портой. Однако присланный вслед за ним французский эмиссар Декорш был допущен в турецкую столицу в качестве неофициального агента и развил там кипучую деятельность в целях создания направленной против этих трех держав коалиции в составе Швеции, Дании, Польши и Османской империи.

Успехи французского оружия, распадение антифранцузской коалиции и укрепление международного положения Франции побудили Порту в мае 1795 г. официально признать Французскую республику. Прибывший к тому времени новый французский представитель Вернинак имел основной задачей добиться заключения с Турцией оборонительного и наступательного союза, а также обеспечить совместные действия Турции с Швецией и Данией. Следуя полученной им инструкции, он выдвинул план создания союза между Францией, Пруссией, Швецией и Османской империей.

Холодное отношение Пруссии к этому проекту, сразу же названному прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II «абсурдным», вынудило Вернинака добиваться союза с Турцией лишь Франции и Швеции. В своих обращениях к Порте он настаивал на

скорейшем заключении союза «между Французской республикой, Швецией и Блистательной Портой» и предлагал предоставить субсидию Швеции, «чтобы дать этой державе возможность сделать полезную диверсию на севере против общего врага», т. е. против России¹.

В осуществлении этих планов ему оказывало полное содействие шведское посольство. Драгоман этого посольства небезызвестный Мураджа д'Осон, автор многотомного описания Оттоманской империи, всецело преданный французским интересам, еще раньше был тесно связан с Декоршем и оказывал активное содействие французской дипломатии. Назначенный в середине 1795 г. шведским посланником в Константинополе д'Осон стал деятельным сотрудником Вернинака².

В своих письмах и донесениях этого периода русский посол в Турции Кочубей неоднократно упоминал о совместных французских и шведских инт-

¹ См. письмо Вернинака Порте, приложенное к его донесению от 11 октября 1795 г. О переговорах Вернинака с Портой см. также его донесения Комитету общественного спасения и Директории от 17 октября, 2 ноября 1795 г. и 23 апреля 1796 г. (*J. de Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. Paris, 1865, II, 212—213, документы №№ 29, приложение 3, 30, 32, 34*).

² Впоследствии, после французского вторжения в Египет, Порта, ввиду его тесных связей с французами, потребовала его отозвания, изложив в специальной ноте, направленной шведскому правительству, его многолетнюю профранцузскую деятельность (*J. W. Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Gotha, 1863, т. VII. Приложение. Документ № 4, стр. 754—756*).

ригах и попытках вовлечь Турцию в антирусскую коалицию. «Вернинад, — писал он уже в июне 1795 г., — поддерживаемый шведами...интригует при Порте сколько может. По-видимому проект, который желают предварительно осуществить, это заключение союзного договора между Францией и Портой, к которому смогут впоследствии примкнуть другие державы. Для достижения этой цели вся эта клика не перестает нашептывать всем, кому только возможно — как бы мало те ни значили — что мы (русские — А. И.) мечтаем осуществить наши мнимые планы расширения за счет этой империи, что поэтому нужно быть начеку и т. п.; словом, все эти инсинуации имеют, по-видимому, целью поссорить возможно скорее Порту с нами»¹. В другом письме он также писал о «пронсках французов и шведов»². В ноябре он снова сообщал, что шведы и французы «совокупно стараются вселять сколько можно более недоверчивости к нам от Порты»³. Два месяца спустя он писал: «Вернинад снова пытался возбудить у Порты подозрение против нас и побудить ее принять какое-либо крайнее решение»⁴. Вся эта активная деятельность французской дипломатии в Константинополе приводила даже русского посла к заключению, что «никогда монархическая Франция не проявляла к этой стране такого большого интереса, какой проявляет, по каждому поводу, Французская республика»⁵.

¹ „Архив князя Воронцова“, XVIII, 92.

² Там же, XIV, 58.

³ Там же, XVIII, 99.

⁴ Там же, XVIII, 107.

⁵ Там же, XVIII, 119.

Стремясь вовлечь Османскую империю в борьбу против России и Австрии, французское правительство считало необходимым оказать этой стране военную помощь, которая поставила бы ее в зависимость от Франции и еще больше вовлекла бы в фарватер французской политики. Дело происходило в период военных реформ Селима III; турки нуждались в подобной помощи и готовы были ее принять.

16 февраля 1796 г. министерство иностранных дел представило Директории специальный доклад по этому вопросу. В докладе выдвигались следующие предложения: усилить турецкий флот на Черном море настолько, чтобы он был в состоянии нанести поражение русскому флоту; усовершенствовать турецкую артиллерию и создать подразделения легкой артиллерии; послать в Турцию инженеров и рабочих, организовать там литейные мастерские для производства пушек¹.

Отправка в Турцию французских офицеров началась еще до этого, с момента прибытия в Константинополь Вернинака². Известно, что в августе 1795 г. с прошением об отправке в Турцию обратился в числе других и Наполеон, представивший одновременно и докладную записку «об усовершенствовании турецкой артиллерии»³.

¹ *E. de Marcère*, *Une ambassade à Constantinople*, Paris, 1927, II, 225—256.

² См. письмо ренс-эфенди от 29 октября 1795 г. Комитету общественного спасения с выражением благодарности за присылку французских офицеров и инженеров. (*J. de Testa*, ук. сборник, д. № 32, прил. стр. 227—230).

³ *F. M. Kirchsien*, *Napoleon I. Sein Leben und seine Zeit*, T. I, München und Leipzig, 1911, стр. 311; *Zinkelsen*, ук. соч., VII, приложение, документ № 1.

Стремясь расширить военную помощь Турции, Директория в марте 1796 г. назначила туда послом генерала Обера-Дюбайе, который прибыл в начале октября в Константинополь во главе военной миссии, с многочисленными офицерами и инженерами. В ноябре Кочубей сообщал, что в Константинополе находится свыше ста французских мастеровых¹. Месяц спустя он писал о прибытии «двух французских фрегат с разными машинами, моделями, канонирами для летучей артиллерии»². В данных Оберу-Дюбайе инструкциях предусматривалась даже возможность предоставления целой эскадры для переброски турецких войск в Крым, с тем, чтобы разрушить черноморские порты России и вызвать восстания среди казаков и крымских татар³.

II

Если Оттоманская империя играла в планах французской дипломатии на Востоке основную роль, то значительное внимание уделялось и другой пограничной с Россией восточной державе — Ирану. Поэтому в инструкциях Ребея и предусматривалась организация диверсий против России не только со стороны турок, но и со стороны персов.

Интерес французской дипломатии к Ирану, как и к Оттоманской империи, обуславливался не только общей международной обстановкой того времени. Захват восточных рынков, экономическое и политическое проникновение на Восток издавна являлось одной из основных целей французской политики. Но-

¹ „Архив князя Воронцова“, XIV, 69, XVIII, 119.

² Там же, XVIII, 125.

³ *E. de Marcère*, ук. соч., II, 262.

вая буржуазная Франция была еще больше, чем старая феодально-абсолютистская Франция, заинтересована в восточных рынках и в политической и экономической экспансии на Востоке.

Еще в начале революции жирондистские деятели, тесно связанные с торгово-промышленными кругами юга Франции, издавна заинтересованными в левантийской торговле, сразу же по приходе к власти приняли меры для возобновления и укрепления политических и торговых сношений с восточными странами. В конце октября 1792 г. Временный исполнительный совет Французской республики, по инициативе Ролана, принял решение послать в Турцию, Египет и Иран двух ученых-натуралистов, сотрудников Ламарка-Оливье и Брюгьера. Цель этого путешествия была отнюдь не научной. Кроме сбора различных сведений об этих странах, оба французских эмиссара должны были выполнить ряд поручений дипломатического характера, имевших целью укрепить торговые и политические связи Франции со странами Востока¹.

Получив подробные инструкции, как письменные, так и устные, Оливье и Брюгьер выехали 7 ноября 1792 г. из Парижа в Тулон, а затем морем отправились в Константинополь. Пробыв некоторое время в турецкой столице и посетив острова Архипелага и побережье Малой Азии, они в октябре 1794 г. прибыли в Египет, откуда вернулись в Константинополь в июле 1795 г.

¹ G. A. Olivier, Voyage dans l'Empire Othoman, l'Egypte et la Perse, fait par ordre du gouvernement pendant les six premières années de la Republique, Paris, An 9—1807, I, 3—2.

Оба «натуралиста» сразу же отправились во французское посольство, чтобы узнать, считает ли французское правительство по-прежнему необходимым послать их в Иран, как сообщал им в своих письмах Декорш. Вернинак, сменивший к тому времени Декорша, подтвердил им это и в последующие дни ознакомил их с предписаниями правительства. Он вручил Оливье и его спутнику письмо на имя иранского визиря и принял меры, чтобы обеспечить их необходимыми средствами. От турецкого правительства были получены фирманы для свободного проезда в Иран, а великий визирь передал им рекомендательные письма на имя багдадского паши. Кроме того, по свидетельству Оливье, турецкие власти дали им устно «важное поручение к персидскому правительству»¹. В начале сентября французские эмиссары отправились в путь.

В своем донесении Комитету общественного спасения от 19 октября 1795 г. Вернинак, сообщая только-что полученное им известие о вторжении иранского шаха Ага-Мохаммед-хана в Грузию и считая неизбежным его военное столкновение с Россией, писал: «Мохаммед-хан может стать врагом России, в ином роде столь же для нее страшным и опасным, как Пугачев. Я послал вам копии инструкций, врученных мною натуралистам Брюгьеру и Оливье в момент их отъезда в Персию. Если вы считаете полезным предоставить им больше свободы действий, сообразованно быстро довести до моего сведения со-

¹ Там же, II, 205—207.

ответствующие распоряжения и я поспешу их выполнить»¹.

24 января 1796 г. министр иностранных дел Делакура, видимо в ответ на это донесение, отправил Вернинаку новое предписание, в котором, ссылаясь на намерение Директории всячески поощрять врагов России, предлагал ему воспользоваться войной Ирана с Россией, чтобы создать последней новые затруднения. Он считал необходимым послать эмиссаров к Ага-Мохаммед-хану и советовал поднять мятеж среди «магометанского населения на русской границе», т. е. среди кавказских горцев².

Тем временем Оливье и Брюгьер прибыли в Багдад, где они установили контакт с французским консулом Руссо, а также с другим французским агентом, проживавшим в этом городе и занимавшимся «медициной и коммерцией» — Утреем³. Через этих двух лиц они должны были впредь сноситься с французским посольством в Константинополе.

Следует отметить, что Жан-Франсуа-Руссо, старый французский агент на Востоке, сам издавна поддерживал связи с Ираном. Еще в 1768 г. он совершил поездку в Шираз, где вел переговоры с Керим-ханом об уступке Франции острова Харк в Персидском заливе. После революции он первый принял попытку возобновить сношения с Ираном. В 1794 г. в Багдад прибыл шейх-уль-ислам Исфагана Мирза-Мортеза. Руссо установил с ним контакт и даже продиктовал ему «мемуар о теперешней рево-

¹ *I. de Testa*, ук. сборник. Документ № 31, стр. 220.

² *I. de Marcère*, ук. соч. II, 258.

³ *Olivier*, ук. соч., II, 338—409.

люции во Франции», который последний взялся, по возвращении в Тегеран, представить Ага-Мохаммед-хану¹.

Выехав из Багдада, Оливье и Брюгьер с большими трудностями добрались до Тегерана, куда прибыли 2 июля 1796 г. Однако они не застали там шаха, который находился в то время с войсками в Хорасане. 29 июля они были приняты правителем Тегерана. Последний сообщил им, что шах, приведя в покорность Хорасан, вернется к концу лета в столицу, если только, по примеру Надира, не предпримет поход на Индию. Оливье и Брюгьер высказали опасение как бы русские, воспользовавшись отсутствием Ага-Мохаммед-хана, не заняли «провинции к западу от Каспийского моря», т. е. закавказские области. Они спросили своего собеседника—не находятся ли русские перед Дербентом; тот вынужден был признать, что русские уже овладели этим городом².

К моменту своего прибытия в Тегеран французские эmissары были уже, таким образом, осведомлены о событиях последних месяцев. Нашествие Ага-Мохаммед-хана на Закавказье в 1795 г. побудило царское правительство немедленно предпринять подготовлявшийся уже давно «персидский поход». В апреле 1796 г. русские войска, под командованием Валериана Зубова, начали военные действия и, овладев в мае Дербентом, продолжали быстро продвигаться вперед.

¹ Об этом мы знаем из письма самого Руссо. Выдержки из этого письма приведены в книге *H. Dehérein, Silvestre de Sacy. Ses contemporains et ses disciples*, Paris, 1938, стр. 35.

² *Olivier*, ук. соч., III, 39—55.

Эти успехи русских войск объяснялись тем, что население всего Закавказья, в том числе и Азербайджана, видело в русских своих избавителей. Об этих настроениях азербайджанских народных масс имеются многочисленные свидетельства. Еще до похода Зубова один из русских агентов сообщал: «Черной народ от Дербента до Баки и Салияна... радуется бытию в Персию российских войск, ждя чрез то тишины от междоусобий»¹. Поэтому теперь, в момент вступления русских войск на территорию Азербайджана, азербайджанские, как и армянские, крестьяне и горожане оказывали посильное содействие русским войскам. Многие ханы, не желая восстановления иранского владычества, также стремились добиться покровительства России. Поэтому они не оказывали сопротивления русским войскам и сразу же признавали себя подданными России.

Все эти события и начавшаяся русско-иранская война придавали особую актуальность миссии Оливье и Брюгьера и планам Директории по использованию Ирана против России.

После своей беседы с правителем Тегерана французские эмиссары выехали в одну из окрестных деревень, чтобы дожидаться там возвращения шаха. 9 сентября они вернулись в столицу, куда одиннадцать дней спустя прибыл со своими войсками Ага-Мохаммед-хан. С ним вместе вернулся и визирь Хаджи-Ибрагим.

22 сентября 1796 г. Оливье и Брюгьер имели официальную аудиенцию у визира в присутствии его

¹ ЦГАДА, Гос. архив, разряд XXIII, д. № 13, ч. IV, л. 229.

приближенных и чиновников. Они вручили ему письмо Вернинака, а также письмо от багдадского паши, в котором последний рекомендовал их, ссылаясь на предписание, полученное им от турецкого великого визиря. На следующий день французские агенты вновь посетили Хаджи-Ибрагима. Во время этой частной аудиенции они затронули все вопросы, по которым им было поручено вести переговоры с иранскими властями. Два дня спустя они через своего переводчика представили визирю специальную записку, на которую тот обещал дать ответ через несколько дней. Вскоре они имели с ним новое свидание¹. 14 октября французские эмиссары отправились из Тегерана в обратный путь.

О предложениях, сделанных Оливье и Брюгьером иранскому визирю, мы имеем сведения из трех различных источников.

В официальной иранской хронике, рукопись которой была вручена в 1811 г. английскому послу в Иране Харфорду Джонсу и издана последним на английском языке, мы читаем по этому поводу следующее: «В год мученической смерти покойного государя (Ага-Мохаммед-хана—А. И.), по возвращении монарха в столицу Тегеран, прибыли два лица, посланные французским правительством, с копией договора, заключенного в былые времена между империями Франции и Ирана; тогда же было установлено, что французские послы прибыли с целью открыть ворота дружбы и возобновить соглашение»².

¹ *Olivier*, ук. соч., II, 74—87.

² „The Dynasty of the Kajars, translated from the original Persian Manuscript, presented by His Majesty Faty Aly Schah to sir Harford Brydges“, London, 1833, стр. 274.

Таким образом, по свидетельству иранской хроники, французские эмиссары представили иранскому визирю копию прежнего «договора», т. е. франко-иранского торгового договора 1708—1715 гг., с предложением возобновить его, а также восстановить дружественные сношения между Францией и Ираном.

Более подробные сведения о переговорах Оливье и Брюгьера с Хаджи-Ибрагимом мы находим в книге самого Оливье, посвященной описанию его путешествия в Турцию, Египет и Иран. Третий том этого произведения, в котором он рассказывает о своем пребывании в Иране, был издан весной 1807 г., в момент подписания франко-иранского союзного договора¹. Оливье мог поэтому с относительной откровенностью говорить о своей миссии в Иран за десять лет до этого, миссии, преследовавшей по существу те же цели, какие ставила перед собой и наполеоновская дипломатия.

По словам Оливье, он и Брюгьер во время своей первой беседы с Хаджи-Ибрагимом сообщили ему, что французское правительство, узнав об успехах Ага-Мохаммед-хана, прислало их для переговоров по ряду вопросов. Они напомнили ему о двух договорах (т. е. договорах 1708 г. и 1715 г.), заключенных между Францией и Ираном, и указали на обоюдные выгоды, которые получили бы, в результате этих до-

¹ Это видно из предисловия к этому тому, в котором пространно говорится о „дружбе“ Франции и Ирана и упоминается о прибытии во Францию иранского посла Мирза-Ризы, подписавшего в мае 1807 г. Финкенштейнский договор.

говоров, обе державы, если бы не войны, в которые они были затем вовлечены. Далее они завели речь о турках. Визирь ответил им на все их предложения, не скрывая при этом неудовольствия по поводу того, что турки заключили мир с Россией. Он тут же сообщил им о намерении Ага-Мохаммед-хана выступить следующей весной против русских, которые овладели уже Дербентом и Баку. Тогда его собеседники сочли необходимым затронуть вопрос о договоре 1783 г., по которому Грузия вступала под покровительство России. Желая выразить изумление по поводу того, что Ага-Мохаммед-хан, захватив Грузию, тотчас же удалился оттуда со своими войсками, но, боясь, что подобное замечание показалось бы слишком резким, они стали говорить о выгодах, которые шах мог бы приобрести, превратив эту страну в провинцию Ирана. Они указали также, что если бы Иран, с согласия Турции, приобрел порты на Черном море, то он мог бы установить прямые сношения с европейскими державами и вести с ними торговлю. Визирь в ответ выразил уверенность, что шах всегда сможет вновь завладеть Грузией и что русские не смогут этому помешать. «Так как было неудобно,— пишет далее Оливье,—оспаривать это мнение, а к тому же нам было выгодно, чтобы это мнение не изменилось — поскольку уверенность в собственных силах увеличивает их—мы сказали, что мы не сомневаемся, что Мохаммед добьется успеха против этой нации (русских—А. И.), особенно если он выступит со всей своей армией. Мы очень настаивали на необходимости собрать значительные силы, ввиду того, что русские, зная с каким неприятелем им предстоит

85-5506

2 А. Р. Иоаннисян

иметь дело, не преминут послать новые войска в Ширван в течение зимы»¹.

Сведения, сообщаемые Оливье, дают возможность существенно дополнить свидетельство иранской хроники. Мы видим, что возобновление прежних торговых договоров не было единственной целью приезда в Иран французских эмиссаров. Одной из их основных задач являлось наладить турецко-иранские отношения и побудить Ага-Мохаммед-хана предпринять поход против русских, удалить их из Закавказья и вновь захватить Грузию. В этих целях они всячески старались внушить мысль о необходимости направить против русских все военные силы Ирана.

Но Оливье многого недоговаривает. Он не сообщает ничего определенного о поручениях, данных ему и его спутнику, и о конкретных политических предложениях, сделанных ими визирю от имени французского правительства. Достоверные сведения об этом имеются, однако, в русских архивных документах.

Поездку двух французских эмиссаров в Иран не удалось скрыть от русского посла в Константинополе Кочубея. Последний сразу же заинтересовался этим подозрительным путешествием французских «натуралистов» и вскоре получил на этот счет важные сведения.

1/12 декабря 1796 г. он отправил специальное письмо Валериану Зубову, в котором сообщал, что «Ага-Мохаммед-хан имеет при себе двух французов

¹ *Olivier*, ук. соч., III, 85—86.

Оливье и Брюгьера¹, людей немалых дарований... Они были здесь (в Константинополе—А. И.) в прошлом году, славя ботаниками... в самом же деле суть они эмиссары Директории мнимой республики французской». Далее он писал: «Особая записка, при сем прилагаемая, известит ваше сиятельство до какой степени Оливье, знающий языки ориентальные, может быть опасный эмиссар. Легко статься может, что таланты свои употребит он к руководству армий персидских»².

Пересылая в Петербург копию этого письма, Кочубей в своем донесении также выражал опасение «что признанные таланты сего эмиссара могут произвести некоторую перемену в тех действиях персиян, к коим до сего войска наши привыкли»³.

Две недели спустя, в своем донесении от 15/26 декабря 1796 г., русский посол имел уже возможность сообщить о миссии Оливье и Брюгьера следующие дополнительные данные: «Узнал я непосредственно от некоего Галлоа, назначенного консулом французским в Бассору, что главный предмет поручений на них возложенных состоит в том, чтоб условиться с Ага-Мохаммед-ханом об учреждении в Персии французского агента; что Директория полагая сие намерение, ту мысль имела, что не бесполезно быть может Россию, приобретшую столь явную

¹ Кочубей в своих письмах и донесениях пишет не Брюгьер, а Брюньер, видимо по-ошибке, принимая Bruguière за Brugnère.

² Архив внешней политики России, ф. Сношения России с Турцией, 1796 г., д. № 834, л. 31 об.—32.

³ Там же, л. 8—8 об.

в Европе поверхность, озабочивать со стороны Персии. В инструкции сего Галлоа предписано ему вести переписку с сим назначаемым агентом в Персии, то же и с агентами в Маскате и при Типо-Саибе определяемым; для нанесения в Индии заботы англичанам»¹.

Однако лишь весной 1797 г. Кочубей получил исчерпывающие сведения о переговорах Оливье и Брюгьера в Тегеране. К тому времени в Константинополь вернулся ездивший с ними в Иран переводчик—тот самый, о котором упоминает и Оливье в своей книге. Именно от него Кочубей и «сведal стороною» о «негоциации» французских эмиссаров в Иране. Эти ценные сведения, полученные из первых рук, заключались в следующем. Оливье и Брюгьер вручили визирю письмо Вернинака, переведенное в Багдаде на персидский язык и представленное от имени французского правительства. «В письме сем, упоминая только о древних торговых сношениях Франции с Персиею, предлагается возобновление оных; но сверх того вследствие инструкции от Вернинака им данной, словесно отзывались они о победах и могуществе Франции и приглашали к продолжению войны против России, внушая, что не только Швеция и Дания, две могущие державы, расположены сделать диверсию в пользу персиан, но что и Порты в виды их вступить наклонна, так, как и Франция заботы России умножить»².

¹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1796 г., д. № 835, л. 8—8 об.

² Там же, 1797 г., д. № 851, л. 5—6 об. Упомянутый переводчик, который сообщил эти данные Кочубею, по возвра-

Сведения, полученные Кочубеем, дают возможность составить ясное представление о миссии Оливье и Брюгьера. Они подтверждают, что одной из основных задач французской дипломатии было «озабочивать» Россию «со стороны Персии». В этих целях французские эмиссары не только побуждали Ага-Мохаммед-хана «к продолжению войны против России», но и предлагали заключить военный союз с Османской империей, обещая одновременно содействие в борьбе против России, как самой Франции, так и Швеции и Дании. Иран должен был, таким образом, явиться одним из звеньев подготавливаемой Францией антирусской коалиции, в которую предполагалось вовлечь как северные государства, так и обе пограничные с Россией восточные державы.

Французское правительство стремилось поэтому установить с Ираном тесные сношения, возобновить прежние торговые договоры и учредить там постоянное представительство. Французский резидент в Иране должен был в то же время поддерживать связь с другими французскими агентами на Востоке, в ча-

щении в Константинополь поступил на службу в прусское посольство. Этим, очевидно, и объясняется, что сведения о миссии Оливье и Брюгьера стали известны и прусскому правительству. В своей „Истории Османской империи“ Цинкейзен, широко использовавший материалы прусского государственного архива, ссылаясь на донесение прусского посольства от 10 июня 1797 г., кратко упоминает, что посланные в Тегеран французские натуралисты Оливье и Брюгьер были снабжены письмом Директории к Ага-Мохаммед-хану, „в котором его настойчиво призывали поднять оружие против России“ (Zinkeisen, ук. соч., VII, 218).

стности с консулами в Басре и Маскате, а также с французскими эмиссарами в Индии. Установление сношений с Ираном имело, следовательно, с точки зрения французского правительства, значение и в плане борьбы с Англией на Востоке¹.

Действительно, в этот период Директория успешно засылала своих агентов и шпионов как в страны Ближнего Востока, так и в Индию. Сведения об этом поступали со всех сторон. В марте 1796 г., т. е. в то время как Оливье и Брюгьер находились на пути в Тегеран, Кочубей сообщал, «что бывший при Порте французский эмиссар Декорш прибыл в Травник (что в Боснии) с двумя или тремя сотоварищами, имеющими разные комиссии в Персию и в Индию...»². В апреле он извещал о посылке французско-

¹ В этой связи представляет интерес письмо, написанное несколько лет спустя неизвестным Малькольмом генерал-губернатору Индии лорду Минто. В письме этом он сообщал, что накануне похода Наполеона в Египет французские агенты, под видом ботаников, посетили Тегеран и пытались побудить Ага-Мохаммед-хана захватить Басру и Багдад, а также, оказать помощь Типу-Саибу против англичан (см. *J. W. Kaye, History of the War in Afghanistan, Fourth edition, London, 1890, т. I, стр. 49, примечание*). Если первая часть этого сообщения вызывает сомнение, поскольку, как мы знаем, задачей миссии Оливье и Брюгьера являлось не разжигание вражды между Ираном и Турцией, а наоборот объединение их сил против России, то сведения Малькольма о том, что французские эмиссары добивались поддержки Ага-Мохаммед-ханом майсорского султана — непримиримого врага англичан, очевидно соответствовали действительности.

² АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1796 г., д. № 829, л. 20. Сведения эти впоследствии, однако, не подтвердились.

то агента аббата Бошама в Маскат¹. В июле английские информаторы сообщали из Парижа: «Директория возбуждает Персию, воздействует на Константинополь, наводняет Индустан своими эмиссарами»².

Для осуществления своих целей французская дипломатия стремилась использовать повелителя Ирана, только что подвергшего разгрому Грузию. Именно его и побуждала Франция вновь предпринять нашествие на Закавказье для окончательного порабощения закавказских народов. Деятельность французской дипломатии в Иране, в момент русско-го похода в Закавказье, была, как видим, глубоко враждебною не только интересам России, но и интересам закавказских народов, для которых присоединение к России означало единственную возможность предотвратить восстановление иранского ига.

III

Каковы же были результаты миссии Оливье и Брюггера? В иранской хронике по этому поводу говорится следующее: «Хаджи-Ибрагим-хан, в то время визирь Ирана, в связи с многочисленными внутренними делами не уделял внимания внешним сношениям государства и не довел этот случай (т. е. приезд французских послов и их предложения—А. И.) до сведения шахского совета; он дал этим двум лицам ответ от себя и отпустил их»³.

¹ Там же, л. 59 об.—60.

² *Sorel*, ук. соч., V, 103.

³ „The Dynasty of the Kajars“, стр 274.

Известный французский политический агент и востоковед Жобер, в своей рецензии на книгу, опубликованную Джонсом, дает следующее изложение соответствующего места иранской хроники: «Хаджи-Ибрагим-хан, который был в то время визирем Персии, будучи занят многочисленными внутренними делами, не уделил ей (французской миссии—А. И.) должного внимания. Он ограничился тем, что поставил о ней в известность верховный совет, дал лично ответ этим посланникам и отпустил их»¹.

Таким образом, по словам иранской хроники, Хаджи-Ибрагим ограничился тем, что доведя французские предложения до сведения шахского совета (или даже не сделав этого), дал от своего имени ответ французским эмиссарам и отправил их назад.

Более точные и подробные сведения, полученные Кочубеем, сводились к следующему: «Визирь, как рассказывают человек смысленный, видя миссию без всякой свиты, худо одетую и без подарков, весьма холодно ее принял, хотя подарки и были оною обещаны, и на двух или трех конференциях натуралистам сим ответствовал: что каким образом Порты, с которою Ага-Мохаммед-хан в сношении находится, сама ничего не упоминает ему о приписываемых ими ей намерениях, соизбрала к тому иностранцев; что французы по торговле в Персию приезжать пожелавшие найдут всякое покровительство; о диверсии же против России других наций ви-

¹ „Nouveau Journal Asiatique“, XIII, Paris, 1834, стр. 138—139.

зирь сказал, что им ничего не известно, но что до них касается, то они решены продолжать намерение свое и имеют сами достаточные к тому способы»¹.

Сам Оливье, однако, считал результаты своей миссии вполне удовлетворительными: «Наша миссия,— пишет он в своей книге,— безусловно достигла полного успеха; нам ответили благоприятно на все наши просьбы; решили отправить посла к Порте Оттоманской; только от нас зависело пойти еще дальше, возобновить наши прежние договоры и добиться торжественного обещания оказывать покровительство (как то было раньше) французским колониям в Исфагане, Ширазе и на побережье Персидского залива. Мы не сомневались даже, что согласились бы уступить нам остров Харк, который французский двор просил у Керима до упразднения нашей. Ост-Индской компании».

По утверждению Оливье, они не стали добиваться всего этого, так как, ознакомившись с положением Ирана, пришли к заключению о невозможности и нецелесообразности поддерживать с этой разоренной страной, в которой отсутствовали элементарные гарантии личной и имущественной безопасности, сколько-либо широкие торговые сношения².

Какой же вывод можем мы сделать из всех этих, подчас разноречивых, свидетельств? Вывод этот, очевидно, сводится к следующему.

Иранское правительство отнеслось, несомненно,

¹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., д. № 851, л. 5—6 об.

² *Olivier*, ук. соч., III, стр. 88—89.

недоверчиво к французской миссии. Объяснялось это в значительной мере тем, что Оливье и Брюгьер явились в Тегеран лишь с одним переводчиком, без многочисленной свиты, наличие которой издавна считалось в Иране необходимым атрибутом всякого авторитетного посольства. Кроме того, они не предъявили никаких официальных посланий, кроме письма, составленного Вернинаком, и рекомендации багдадского паши. Очевидно большую роль сыграло и то, что они не преподнесли никаких подарков, которые также считались на Востоке совершенно обязательными для всякого посольства, снабженного необходимыми полномочиями¹.

Такой неавторитетный, с точки зрения иранских властей, характер французской миссии и заставил иранского визиря отнестись к ней настороженно.

¹ Об этом были прекрасно осведомлены и сами французские эмиссары. Именно поэтому они с нетерпением ожидали подарков, которые обещал выслать Вернинак. Еще до возвращения в Тегеран Ага-Мохаммед-хана они дважды отправляли нарочного в Казвин к одному купцу—агенту Руссо, чтобы узнать не прибыли ли обещанные подарки. (Там же, III, 48, 75). По сообщению Кочубея, „подарки для раздачи при дворе Ага-Мохаммед-хана Вернинаком назначенные“ прибыли в Тегеран уже после завершения переговоров Оливье и Брюгьера с Хаджи-Ибрагимом и состояли лишь из кинжала, часов и еще нескольких вещей „всего на 6 или 7 тысяч пиастров“. Поэтому они даже „не были употреблены“ (АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., д. № 851, л. 6 об.). Подобная скудность объяснялась теми финансовыми затруднениями, которые переживало в то время само французское посольство в Константинополе.

Именно поэтому иранское правительство и уклонилось от заключения с французскими эмиссарами какого-либо официального соглашения и от возобновления прежних торговых договоров, хотя визирь устно и обещал оказывать покровительство французским коммерсантам. Нет, конечно, никаких оснований верить позднейшим утверждениям (вернее оправданиям) Оливье относительно их собственного нежелания возобновить торговый договор, а также добиться уступки острова Харк. Ведь возобновление торговых договоров 1708—1715 гг. было одной из их основных задач. Упоминание же Оливье об острове Харк, на который претендовала еще монархическая Франция, вносит лишь новую любопытную деталь в наши сведения о целях французской миссии, одной из задач которой являлось, видимо, и приобретение этого острова, как важного стратегического опорного пункта в Персидском заливе. Это является тем более вероятным, что эту же цель настойчиво преследовала и наполеоновская дипломатия, которая в этом вопросе, как и во всей своей политике в отношении Ирана, лишь продолжила и развила политику, намеченную еще в эпоху Директории.

Недоверчивое отношение иранских властей, в связи с неофициальным характером их миссии, было замечено и учтено самими французскими эмиссарами. Поэтому по возвращении из Тегерана в Багдад они сочли необходимым в своих письмах к новому французскому послу в Константинополе Оберу-Дюбайе специально подчеркнуть, «что Франции полезно было бы иметь в Персии какую-либо особу, об-

лаченную публичным характером», т. е. официального посла¹.

Все это вовсе не означает, однако, что иранские власти отнеслись отрицательно к политическим планам, представленным Оливье и Брюгьером от имени своего правительства. Французские предложения отнюдь не были отвергнуты. Наоборот, по основному вопросу — о борьбе против России, Хаджи-Ибрагим дал заверения о намерении Ирана продолжать эту борьбу всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Если визирь отнесся осторожно к предложению французских эмиссаров «о диверсии против России других наций», то объяснялось это вовсе не отрицательным отношением к этим планам, а не-

¹ Там же, д. № 837, л. 15—15 об. Кочубей в своем донесении от 1/12 февраля 1797 г. приводит и другие интересные сведения о переписке Оливье и Брюгьера с Обером-Дюбайе, еще раз свидетельствующие о финансовых затруднениях французских представителей и агентов на Востоке, что весьма неблагоприятно влияло на всю их деятельность. В тех же письмах, написанных из Багдада, они просили прислать им тридцать две тысячи пиастров для уплаты долгов и на обратный путь. Обер-Дюбайе сообщил им в ответ, „что он не только требуемой ими суммы, но и никакой перевести им не может, сам в деньгах нуждаясь; что с большим трудом мог он доставить им прежде 6 тысяч пиастров; что он векселей их не акцептует ежели они на него их вышлют и чтоб сюда не приезжали они, а отправились в Александретту, что в Сирии, дабы оттоль на первом судне отъехать во Францию“. Но Оливье и Брюгьер не последовали совету посла. Из Багдада они отправилась через Алеппо на Кипр, а оттуда в Константинополь. Прожив там некоторое время, они выехали на корабле в Европу. В сентябре 1798 г. они высадились в Анконе. Здесь умер давно уже болевший Брюгьер, а Оливье в декабре того же года вернулся в Париж.

уверенностью в том, насколько они были реальны и осуществимы. Но внушения Оливье и его спутника не остались безрезультатными. Под влиянием заверений и предложений французских агентов было принято решение отправить в Турцию послов для переговоров о союзе против России, что Оливье справедливо расценивает как большое достижение французской миссии.

Решение это было претворено в жизнь. В Турцию были отправлены два иранских представителя, которые прибыли в Константинополь 1 января 1797 г. «Я не сомневаюсь,—писал 9 января С. Р. Воронцову Кочубей (первоначально получивший сведения о прибытии лишь одного персидского агента), — что он послан, чтобы возбудить против нас турок; но я также уверен, что те настолько же будут остерегаться предпринять что-либо сами, насколько, возможно, будут пытаться подтолкнуть персов. Два французских эмиссара, находящиеся подле этого государя или узурпатора-евнуха (Ага-Мохаммед-хана—А. И.) пишут тысячи нелепостей на наш счет...»¹.

Как можно заключить из последних слов, в Константинополе были одновременно получены письма от Оливье и Брюггера, в которых те, стремясь добиться турецко-иранского союза против России, измышляли всяческие небылицы.

Получив сведения о прибытии иранских эмиссаров, Кочубей сразу же обратился с запросом к реис-эфенди. Последний заверил его, что Порта намерена поддерживать дружественные отношения с Рос-

¹ „Архив князя Воронцова“, XVIII, 127.

сией и «ни в какие виды по персидским делам не замешается»¹.

В своем донесении от 15/26 января 1797 г., посланном в Петербург², Кочубей смог сообщить уже вполне точные сведения о целях иранского посольства, полученные им через римско-императорского интернунция, т. е. австрийского посла. Согласно этим данным, иранские эмиссары привезли письмо от визиря к турецкому великому визирю. В письме этом Хаджи-Ибрагим описывал положение Ирана и события, связанные с русско-иранской войной. Он утверждал, что иранская армия, уже воюющая, вместе с той, которую собирает в Тегеране Ага-Мохаммед-хан, более чем достаточно не только, чтобы сопротивляться русским, но и для того, чтобы «сделать значительные завоевания за счет России». Далее он пытался убедить Порту в том, что долг последней — помочь персам. В заключение он просил послать турецкую армию в количестве сорока-пятидесяти тысяч человек к границам Грузии, чтобы не допустить русских завладеть этой страной.

Вручив это письмо, иранские послы устно сообщили, что под Шемахой произошла битва между иранскими и русскими войсками, в которой русские были разбиты наголову, а их главнокомандующий убит и что именно по этой причине русская императрица умерла от огорчения. Все эти небылицы должны были, по-видимому, служить дополнитель-

¹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., д. № 846, л. 24—24 об.

² Там же, л. 57—59.

ным аргументом в пользу выступления Турции против России.

Одновременно в Константинополь были доставлены письма, полученные багдадским пашой от самого Ага-Мохаммед-хана, содержавшие «просьбу к нему паше о содействии его дабы подвинуть Порту дать ему нужную помощь против войск российских... настоя изобильно о пользе из того для империи сея»¹.

Таким образом, иранское правительство, в целях вовлечения Турции в войну с Россией, пыталось воздействовать на Порту двумя путями — и путем посылки своих представителей в Константинополь и через багдадского пашу. Последний шаг был также, несомненно, предпринят по совету французских эмиссаров. Весьма возможно, что именно они и доставили в Багдад, на своем обратном пути из Тегерана, обращение иранского шаха к паше.

Как раз в эти январские дни 1797 г., когда, по инициативе французской дипломатии, велись переговоры о создании ирано-турецкого военного блока против России, Кочубей имел интересный разговор с Обером-Дюбайе. Встретившись с Кочубеем в доме венецианского посла, Обер-Дюбайе подошел к нему (хотя до этого ни разу с ним не говорил) и спросил — не имеет ли он известий от графа Зубова. Русский посол ответил, что поскольку персидские дела его не касаются, он не поддерживает сношений с генералом. Тогда Обер-Дюбайе заявил, что он имеет из Персии «довольно свежие известия». «Армия ваша, продолжал он, в хорошем положении находи-

¹ Там же, л. 55.

лась, овладев Дербентом и заняв разные другие места; но персияне собираются горячо атаковать вас весною». Ага Мохаммед-хан возвратился из Хорасанской экспедиции в Тегеран «и старается умножить свое войско». И тут же непосредственно он задал Кочубею новый вопрос — правильны ли слухи о том, что император Павел отменил решение послать шестидесятитысячное войско против Франции¹.

Как видим, французский посол уже не считал нужным скрывать своих сношений с Ираном. Более того, он откровенно угрожал нашествием Ага-Мохаммед-хана на Кавказ, намекая, что России было бы благоразумнее отказаться от своего намерения послать армию в Западную Европу против Франции.

Однако расчеты французской дипломатии на заключение военного союза между Ираном и Турцией не оправдались. 12 января состоялось совещание турецких министров и было решено дать персидским послам следующий ответ. Порта не имеет намерения нарушать мир с русскими и поэтому не может отправить армию к границам Грузии, так как в таком случае необходимо было бы отправить войска и на европейские границы и пойти на открытый разрыв с Россией. Если персы хотят, чтобы турки оказали им помощь в войне с Россией, почему они сами не помогли туркам, когда те, всего несколько лет назад, воевали с русскими и австрийцами?²

10 февраля Кочубей писал С. Р. Воронцову по поводу «двух персидских эмиссаров»: «Они позавчера уехали обратно, с тем, с чем и приехали. Порта

¹ Там же, л. 42—42 об.

² Там же, л. 59—60.

наговорила им много прекрасных вещей, много тех фраз, которые ничего не означают...»¹.

В международной обстановке, которая сложилась к тому времени в результате французских побед в Италии и угрозы, возникшей для Венецианской республики, турецкое правительство не могло пойти на разрыв с Россией. Порта теперь опасалась Франции, поскольку французы становились непосредственными соседями Османской империи. Эта новая ситуация у западных границ империи представляла для Турции тем большую угрозу, что она могла оказать непосредственное влияние на усиление освободительного движения на Балканах среди пораженных турками народов.

К началу 1797 г. французское влияние в Турции заметно ослабевает. Обер-Дюбайе не только не смог добиться франко-турецкого военного союза, но даже побудить Порту сосредоточить, с целью демонстрации, войска на австрийской границе. В турецком ответе на это предложение откровенно выражалось опасение по поводу продвижения французских войск к границам Османской империи². Насколько сильны были эти опасения, видно и из донесений Кочубея, сообщавшего, что приближение французов к турецким рубежам внушало Порте особое беспокойство в связи с возможностью распространения «республиканского духа» среди христианского населения пограничных областей и волнений на Балканах и на островах Архипелага³.

¹ „Архив князя Воронцова“, XVIII, 130.

² *Zinkeisen*, ук. соч., VI, 882—883.

³ „Архив князя Воронцова“, XIV, 84, 87, 91 и др.

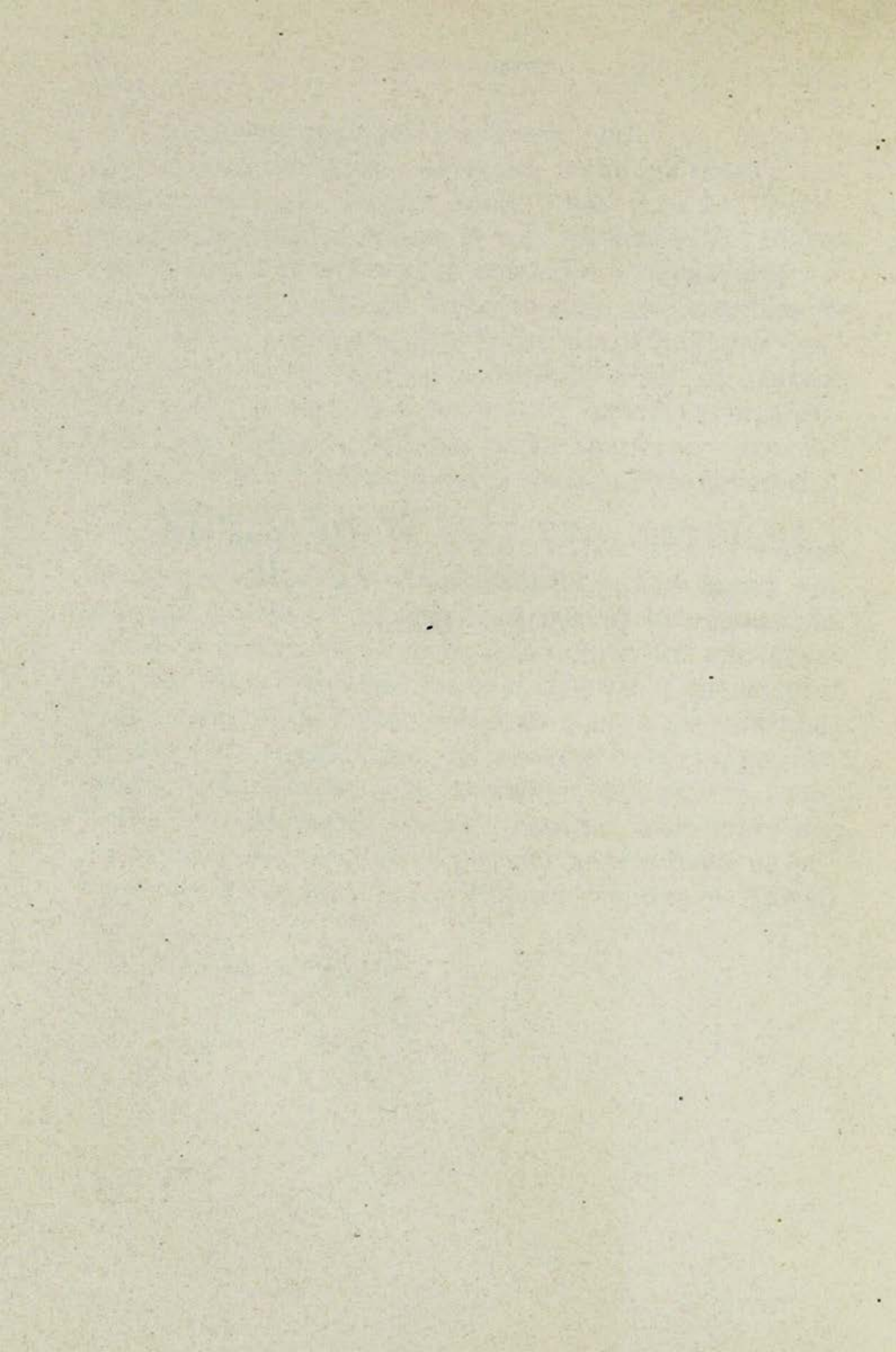
Опасения турецкого правительства в связи с военно-политическими успехами Франции были столь велики, что оно решило даже отказаться от французской военной помощи. В том же письме от 10 февраля, в котором Кочубей сообщал о неудачном исходе турецко-иранских переговоров, он извещал и о решении турецкого правительства отправить назад французских мастеров-специалистов, а также отказаться от услуг французских офицеров и военных инструкторов, оставив лишь временно артиллеристов¹. Но и те вскоре были уволены со службы и отправлены во Францию.

В то же время смерть Екатерины II, вступление на престол Павла I и переданные от его имени заверения о мирных намерениях России произвели, по сообщению Кочубея, самое благоприятное впечатление на Порту. Вскоре были получены и сведения о прекращении, по распоряжению нового императора, похода в Закавказье и выводе оттуда русских войск. Эти события, а также убийство в мае 1797 г. Ага-Мохаммед-хана, делали еще более нереальными расчеты французской дипломатии на вовлечение в борьбу против России Турции и Ирана.

¹ Там же, XVIII, 129.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА АНГЛИИ И ФРАНЦИИ
ЗА ВЛИЯНИЕ В ИРАНЕ
В 1801—1806 гг.

Еще в те дни, когда французская миссия Оливье и Брюгьера находилась на пути в Тегеран, вопрос о возобновлении сношений с Ираном и вовлечении его в орбиту политического влияния Англии рассматривался и в английских правительственных кругах.

В феврале 1796 г. директор Ост-Индской компании Лешингтон обратился к председателю контрольного совета Дундасу с предупреждением о возможности захвата французами Египта и вторжения их в Индию сухопутным путем. Он указывал, что Великобритания могла бы помешать этому, заключив союз с правительством Ирана и получив, тем самым, возможность использовать главные персидские порты.

В своем ответном письме от 3 марта Дундас писал, что Франция возможно снабдила Иран артиллерией, которая может быть использована для нападения на Индию. Но он считал бесполезной всякую попытку добиться действенного союза с не-

устойчивым правительством Персии, тем более, что это немедленно бы возбудило подозрения России¹.

Дальнейший ход событий заставил, однако, английские власти в Индии предпринять шаги для возобновления сношений с Ираном.

Непосредственным поводом к этому явились повторные вторжения в Индию афганцев. В конце XVIII столетия афганский шах Земан четыре раза вторгался в Индию. Такое вторжение имело место и в 1797 г., а затем зимой 1798—1799 гг., когда Земан-шах дошел со своими войсками до Лагора.

Вторжения эти представляли для англичан несомненную угрозу, особенно потому, что афганцы не действовали обособленно. Земан-шах поддерживал тесный контакт с непримиримым врагом англичан — правителем Майсура Типу-султаном. Его призывали для борьбы против англичан и многие другие индийские князья, обещавшие даже предоставить ему крупную денежную субсидию.

Но дело заключалось не только в этом. Уже в 1796 г. англичане подозревали о попытках Франции установить контакт с Ираном и опасались, что французы могут вооружить иранскую армию. Как свидетельствует приведенное выше письмо Малькольма, миссия Оливье в Тегеран вскоре стала известной англичанам. Английские власти в Индии получили сведения о французских интригах в Тегеране, о стремлении Франции не только завязать сношения с Ираном, но и использовать эту страну в своей

¹ *C. H. Phillips, The East India Company 1784—1834, Manchester, 1940, стр. 101.*

борьбе против Англии. Вслед за тем пришло известие о высадке французской армии в Египте. Оккупация французскими войсками Египта, которой заправили Ост-Индской компании опасались еще за два года до этого, означала, что Франция намерена была нанести англичанам сокрушительный удар на Востоке. Казалось несомненным, что французы попытаются поддержать антианглийские силы в самой Индии, а также использовать в этих целях соседние с Индией государства.

Действительно, Наполеон, находясь в Египте, предпринял попытки завязать сношения с Типу-султаном, с которым вступил в переписку, обещая прибыть вскоре с войсками в Индию. Типу же, как указано выше, действовал в тесном контакте с афганским шахом. Все это внушало англичанам большую тревогу. В «Хронологических выписках по истории Индии» Маркс следующим образом характеризует сложившуюся в то время обстановку: «Наполеон вел интриги и на Востоке; калькуттские «торгаши» трепетали перед такой комбинацией: Франция, Персия, Афганистан»¹.

Английские власти в Индии решили поэтому сразу же предпринять ответные меры и, прежде всего, завязать сношения с Ираном. Это было необходимо для того, чтобы предотвратить франко-ирано-афганский союз, внушавший им такой трепет. Англичане рассчитывали добиться и большего, а именно: заключив союз с Ираном, вовлечь эту страну в борь-

¹ К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии. Госполитиздат, 1947, стр. 105.

бу с Афганистаном и тем самым отвлечь от Индии силы Земан-шаха.

Еще до французской экспедиции в Египет, в 1797 г., непосредственно после миссии Оливье и очередного нашествия афганцев, английские власти в Индии предприняли шаги в этом направлении. Соответствующие инструкции были посланы резиденту Ост-Индской компании в Бушире Мехди-Али-хану, персу по происхождению, натурализовавшемуся в Индии. Ему предписывалось принять меры, чтобы побудить «иранский двор» «держаться в узде Земан-шаха». Ему разрешалось для достижения этой цели расходовать ежегодно от двухсот до трехсот тысяч рупий¹.

Во исполнение полученных предписаний, Мехди-Али-хан в начале 1798 г. послал письмо в Тегеран с целью убедить иранского шаха предпринять поход на Афганистан. Новым иранским шахом был племянник Ага-Мохаммед-хана Баба-хан, или, как он официально назывался, Фетх-Али-шах, захвативший после непродолжительной борьбы власть в Иране. Еще до получения писем Мехди-Али-хана он сам решил послать военную экспедицию в Афганистан, во главе с изгнанным оттуда братом и соперником Земана Махмудом. Экспедиция эта окончилась, однако, неудачей. В 1799 г. сам шах двинулся на Афганистан, что и побудило Земана, предпринявшего новое вторжение в Индию, поспешно вернуться в свою страну.

¹ *H. Rawlinson, England and Russia in the East, Second edition, London, 1875, стр. 6.*

Фетх-Али-шах возвратился из этого похода лишь осенью. К тому времени в Тегеране находился уже Мехди-Али-хан, прибывший из Бушира. Он привез с собой письмо к шаху с поздравлениями по поводу его восшествия на престол и с заверениями в дружбе, а также ценные подарки¹. Его приезд в Тегеран объяснялся, очевидно, и тем обстоятельством, что как раз в это время туда прибыло и посольство от Типу-султана тоже с ценными дарами, в числе которых были три слона². Посольство это имело своей очевидной целью вовлечь Иран в союз, направленный против англичан. Однако Мехди-Али-хану не пришлось приложить большого труда, чтобы расстроить эти планы, так как вскоре было получено известие о покорении англичанами Майсура и гибели самого Типу-султана.

Находясь в Тегеране, Мехди-Али-хан истратил около 250 тысяч рупий³. Видимо, в результате проявленной им «щедрости» и заверений о дальнейшей финансовой поддержке, шах предпринял весной 1800 г. новый поход против афганцев.

В январе этого года Мехди-Али-хан вернулся из иранской столицы в Бушир, куда вскоре прибыл из Индии официальный английский посол капитан Джон Малькольм.

Малькольм, поступивший тринадцати лет на службу Ост-Индской компании, являлся ее верным агентом и, несмотря на свою молодость, был опытным английским разведчиком. В 1799 г. он принял

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 101.

² Там же, стр. 102.

³ Rawlinson, ук. соч., стр. 8.

активное участие в разгроме Типу-султана и вошел в состав комиссии, назначенной для управления завоеванным Майсуром. Именно ему и было теперь поручено возглавить дипломатическую миссию, которую решил направить в Иран генерал-губернатор Индии лорд Уэльзли.

Малькольму было предоставлено право для достижения поставленных перед ним целей предложить шаху субсидию в размере от трехсот до четырехсот тысяч рупий или же непосредственно подкупить шаха и его министров щедрыми подарками¹. Малькольм избрал второй путь.

Уже с момента прибытия в Бушир английский посол проявил необычайную «щедрость» и расточительность и не жалел денег, чтобы продемонстрировать мощь и богатство Англии. Говоря о посольстве Малькольма, Маркс отмечает, что оно «стоило бешеных денег; он «покупает» все «от шаха до погонщика верблюдов»»².

Малькольм прибыл в Иран не один, а в сопровождении довольно многочисленной миссии и военного отряда. И на всем пути от Бушира в Тегеран золото являлось тем магическим ключом, который открывал перед ним все двери. Уже из Шираза Малькольм писал Уэльзли (в письме от 26 июля 1800 г.) о своих «больших расходах», которые он считал неизбежными³. Из его дальнейшей переписки видно, что в октябре английская миссия

¹ *Кауэ*, ук. соч., стр. 7.

² *К. Маркс*, Хронологические выписки по истории Индии, стр. 105.

³ *Кауэ*, ук. соч., стр. 7, прим.

еще находилась в Исфагане и лишь в ноябре прибыла в Тегеран.

Весть о прибытии в Иран английского посольства вскоре дошла до сведения русских военных властей на Кавказе, причем на первых порах последние приняли это посольство за французскую миссию, поскольку «франками» называли в то время в Иране всех европейцев. В письме, полученном из Ирана грузинским царевичем Иоанном, говорилось: «Французский посланник прибыл к сердарю (Фетх-Али-шаху — А. И.) с великою церемониею и самовластием; у сердаря просит Бендер для своего пребывания. Хвалят весьма, что он нанимает людей, дарит людей и с великою находится честию»¹.

Более подробные сведения об этом посольстве были получены от русского консула Скибинецкого, находившегося в то время в Баку. 14 января 1801 г. он сообщил коллегии иностранных дел следующее. Поскольку им были получены известия о прибытии к Баба-хану через Басру английского посла, то по его просьбе талышский Мустафа-хан послал нарочного в Тегеран, чтобы «разведать» об этом. Тем временем в Баку были получены письма от астраханских армян, находившихся в Энзели, в которых сообщалось, «что не из Бассоры, как прежде разглашено было, но с берегов Ормуцкого пролива через Шираз и Исфаган прибыл европейский посланник с весьма многочисленною свитою из тысячи чело-

¹ „Акты, собранные Кавказской археографической комиссией“, 1, 694. См. также рапорт Лазарева Кноррингу от 2 февраля 1801 г. Там же, 240.

век состоящею, великолепно одетою и хорошо вооруженною при музыке и барабанах; так же богатые подарки для Баба-хана поднесены сим посланником; но не изъяснено в письмах, из какого именно места в Ормус прибыл и какой именно нации сей посланник, ибо в Персии всех европейцев называют франк»¹.

Вскоре, однако, этот вопрос был окончательно выяснен. Во всех дальнейших сообщениях, полученных русскими властями, речь шла уже, вполне определенно, о прибывшем в Иран английском посольстве. Посланный в Шушу нарочный привез сведения со слов приехавших туда шахских «чиновников», что «будто бы в бытность их в Тегеране находились там английские посланники, кои заключили с Баба-ханом мирный трактат, но на каких договорах оный состоит, еще неизвестно»². Арестованный в марте 1801 г. в Мцхете эмиссар грузинского царевича Александра, вернувшийся из Тегерана, на допросе показал: «В бытность мою в Тегеране был при персидском шахе английский посол, который просил об уступке Бендер-Бушира... Живет он великолепно; за присланный от Баба-хана посланнику халат он подарил принесшему 10,000 и, как я слышал, он издержал около миллиона в бытность свою в Тегеране. Между прочим, велел он вымерить город»³.

Сведения, полученные русскими властями, интересны с той точки зрения, что, несмотря на содержа-

¹ АВПР, ф. СПб Главный архив, 1—13, 1801—1814 гг., д. № 5, л. 4—4об.

² „Акты“, 1, 683.

³ Там же, 1, 283.

щиеся в них несомненные преувеличения о численности английского посольства, его баснословных расходов и т. п., они свидетельствуют о том впечатлении, которое произвела в Иране миссия Малькольма.

Свое посольство в Иран сам Малькольм описывает довольно подробно во втором томе своей книги «Очерки Персии», опубликованной четверть века спустя. Но, по понятным причинам, он останавливается преимущественно на внешних событиях. Так, например, он подробно описывает торжественную аудиенцию у шаха по прибытии в Тегеран 17 ноября 1800 г., а также последующую аудиенцию, во время которой он преподнес шаху ценные подарки¹. Он сообщает, что и после этого имел несколько бесед с шахом, во время которых речь шла как об Англии, так и о Франции². Но никаких конкретных сведений о своих дипломатических переговорах он не приводит.

Переговоры эти, которые Малькольм вел с визирем Хаджи-Ибрагимом, были завершены в январе 1801 г. подписанием двух договоров — политического и торгового³.

¹ „Sketches of Persia, from the Journals of a Traveller in the East“, London, 1827, т. II, стр. 122—133. В иранской хронике также упоминается эта аудиенция, причем указывается, что среди привезенных Малькольмом подарков были изделия из стали, зеркала, драгоценные веера, шелковые материи и т. д. („The Dynasty of the Kajars“, стр. 113).

² „Sketches of Persia“, II, 134—135.

³ Тексты этих договоров и приложенные к ним шахские фирманы были опубликованы самим Малькольмом в книге „Sketch of the Political History of India, from the Introduction

Политический договор состоял из пяти статей. Статья первая провозглашала союз между Англией и Ираном, основанный на взаимной помощи и поддержке. Следующие две статьи были посвящены афганским делам. В случае нападения афганцев на Индию иранские войска должны были вторгнуться в афганские владения, а в случае заключения мира между Ираном и Афганистаном в мирный договор должно было быть включено обязательство афганского шаха не нападать на английские владения. Статья четвертая предусматривала, что если афганский шах или кто-либо из французов предпримет военные действия против Ирана, то англичане доставят в иранские порты пушки, вместе с обслуживающим персоналом, и другое вооружение. Пятая статья гласила, что в случае попытки французской армии оккупировать принадлежащие Ирану острова или побережье Ирана против них должны выступить соединенные англо-иранские военные силы. В то же время иранское правительство брало на себя обязательство не разрешать французам селиться на островах и побережье Ирана и учреждать там фактории. В особом шахском фирмане, сообщавшем о заключении этого договора, всем властям Фарса и Хузистана предписывалось не допускать французов не только селиться на юге Ирана, но и посещать иранские порты и проезжать через иранскую территорию. В фирмане прямо предписывалось «истреблять» и «убивать» французов в

of Mr. Pitt's bill A. D. 1784 to the present date", Second edition, London, 1811, стр. 533—549.

случае их попытки проникнуть в Иран. В то же время местные власти обязаны были «помогать и действовать дружески» в отношении английских купцов и должностных лиц.

Торговый договор состоял из шести статей (пяти основных и одной дополнительной). Договор этот предоставлял англичанам самые широкие льготы и привилегии. Английские коммерсанты могли свободно вести дела в Иране. С некоторых ввозимых ими товаров, как-то железа, стали, свинца, сукна, не должны были вообще взиматься пошлины, а пошлины, установленные на другие товары, не могли быть повышены. Англичане получали право селиться в любом порту и в любом городе на территории всей страны. Они могли строить там дома и свободно продавать их или же сдавать в наем. Они имели право нанимать из числа иранских подданных слуг в любом количестве и даже, в случае их «плохого поведения», наказывать по своему усмотрению, если только наказание не было сопряжено со смертью или увечием наказуемого; в последнем случае наказание должно было налагаться иранскими властями.

Договоры, заключенные Малькольмом, являлись несомненно большим достижением английской дипломатии на Востоке. Малькольму удалось добиться почти всех поставленных перед ним целей, за исключением лишь согласия иранского правительства на оккупацию англичанами островов Кешм, Ангани и Харка в Персидском заливе. Но, как он писал впоследствии генерал-губернатору Индии,

даже эти его домогательства не были окончательно отвергнуты¹.

Договоры Малькольма свидетельствуют, что Англия хотела не только предотвратить использование Ирана и его территории другими державами, но и стремилась сама подчинить себе эту страну в политическом и экономическом отношении. Договоры Малькольма не только превращали Иран в вассального «союзника» Англии, но и предоставляли англичанам широкие политические и экономические привилегии, равносильные режиму капитуляций².

В политическом договоре, заключенном Малькольмом, официально речь шла лишь о союзе Англии с Ираном против Афганистана и Франции и о предотвращении похода на Индию французской армии, находившейся в Египте.

Было бы, однако, совершенно неправильно считать, что англо-иранский союз 1801 г. был направлен исключительно против Франции. Фактически он был направлен и против России. Он был заключен в то время, когда Россия, вышедшая из второй коалиции и порвавшая с Англией, быстро сближалась

¹ *Кауе*, ук. соч., стр. 8.

² О том, какой интерес проявляли англичане к экономическому проникновению в Иран, свидетельствует и переписка заправил Ост-Индской компании. Так, в апреле 1801 г. директор Ост-Индской компании Давид Скотт в письме к одному из членов миссии Малькольма капитану Кемпбелю выражал благодарность за присланную им из Тегерана полезную информацию и за исчерпывающее описание не только политических, но и коммерческих интересов Англии в Иране. (*The Correspondence of David Scott, director and chairman of the East India Company, relating to Indian affairs 1787—1805**, London, 1951. т. II, стр. 303).

с Францией, власть в которой после брюмерского переворота перешла к Наполеону. Небезызвестные проекты Павла I и Наполеона об экспедиции в Индию вновь отводили большую роль Ирану. Так, в январе 1801 г. Наполеон писал, что Россия нанесет удар англичанам в Индии через Персию, а Франция атакует их через Красное море¹.

Но дело заключалось не только в этом. Англо-иранский союзный договор был подписан в момент, когда русские войска уже находились в Грузии и за несколько недель до окончательного присоединения Грузии к России. Перспектива присоединения всего Закавказья к России была к тому времени вполне реальной. А ведь английская дипломатия, не менее рьяно, чем французская, еще в XVIII столетии вела упорную борьбу против установления русского господства на Кавказе и активно выступала против стремления закавказских народов связать свою судьбу с Россией. Англо-иранский союзный договор, который предусматривал оказание широкой военной «помощи» Ирану, имевшему намерение силой восстановить свое владычество в Закавказье, был, следовательно, в условиях сложившейся на Кавказе обстановки, направлен и против России.

Именно так и был воспринят этот договор иранскими правящими кругами. Это видно из иранской

¹ A. Sorel, *L'Europe et la Révolution française*, VI, 106. Еще в октябре 1799 г. министру иностранных дел Талейрану был представлен проект, предусматривавший, между прочим, совместный поход русских и французских войск в Индию, причем русская армия должна была, согласно этому плану, двинуться на Индию через Персию. („Сборник Русского исторического общества“, т. 70, стр. 648).

хроники, где его содержание изложено следующим образом: «Обе высокие державы должны рассматриваться как одна и соблюдать дружбу со своими взаимными друзьями и вражду со своими взаимными врагами. Если какая-нибудь другая держава займет враждебную позицию в отношении одного из двух государств, то другое государство предпримет в отношении иноземного агрессора враждебные действия и окажет помощь своему союзнику»¹.

Таким образом, иранские правящие круги, основываясь на переговорах с Малькольмом и данных им заверениях, рассматривали союз с Англией, как союз, направленный не только против Франции, а и против всех других «враждебных» держав, к числу которых они в первую очередь относили Россию. Именно надежда на помощь англичан против России и явилась, как показали дальнейшие события, одним из основных стимулов, побудивших шахское правительство подписать союзный договор с Англией.

Для того, чтобы правильно уяснить враждебную интересам России направленность политического договора, заключенного Малькольмом, необходимо не упускать из виду и подписанный им торговый договор. Договор этот, как мы знаем, предоставлял англичанам право селиться, обзаводиться собственностью и заниматься торговой и иной деятельностью во всех портах и во всех городах Ирана. А что речь шла отнюдь не только о районе Персидского залива, но и о портах Каспийского моря, видно из донесения Скибинева, в котором он приводит интересные сведения о предложениях, сделанных в этой

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 114—115.

связи Малькольмом иранским властям. «Представление же сего посланника, писал русский консул, в том состоит, чтобы Баба-хан позволил им (англичанам — А. И.) построить в Ленгорутской (Ленкоранской) области, смежной с Гилянскою областию, корабли и посредством оных производить торговлю с Бакою; во-вторых, чтобы шелк гилянской предоставлено было одним (т. е. только англичанам — А. И.) покупать, а взамену того и они привезут или доставят такие товары, какие потребно на ту сумму денег, на какую шелк отдадут им, договорясь о сходной для обеих сторон цене на шелк и на товары»¹.

Итак, англичане добивались права не только вести торговлю на Каспийском море, но и строить там корабли. Более того, они хотели захватить в свои руки и монополизировать всю торговлю шелком на севере Ирана. Вряд ли стоит доказывать, что стремление англичан обосноваться в прикаспийских областях и захватить в свои руки каспийскую торговлю находилось в резком противоречии с экономическими и политическими интересами России.

После успешного завершения переговоров, Малькольм в феврале 1801 г. выехал со своим посольством назад в Индию. Его сопровождал назначенный туда послом Хаджи-Халил² — один из именитых персидских купцов, ведший в течение многих лет обширную торговлю с Индией, — которому, в связи с возложенной на него миссией, был дарован титул хана.

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1811—1814 гг., д. № 5, 4 об.—5.

² „The Dynasty of the Kajars“, стр. 115.

Скибинеvский писал по этому поводу в своем донесении от 1 мая 1801 г.: «Бабахан, в феврале, отпустив посланника английского, отправил с ним чрез Багдaть и своего посланника Аджи Халиля казьбинского купца, которому препоручил сие главное дело: чтоб вывез триста человек мастеровых людей, не только в мануфактуре искусных, но и в построении морских судов и в приготовлении нужных для вооружения судов припасов»¹. Речь шла, прежде всего, о строительстве и вооружении судов на Каспийском море для борьбы против находившейся там русской военной флотилии.

Малькольм вернулся в Индию в мае 1801 г. По возвращении он представил генерал-губернатору Уэльзли докладную записку, в которой вновь настойчиво рекомендовал добиться от Ирана уступки островов в Персидском заливе, в частности острова Кешм. Он предлагал превратить Кешм в укрепленную военную базу, которая играла бы на Востоке такую же роль, как Гибралтар на Средиземном море².

Выдвигая эти проекты, к которым он повторно возвращался и в дальнейшем, Малькольм отнюдь не связывал их лишь с англо-французской борьбой, развернувшейся в то время на Востоке. Приводя, например, детальные аргументы в пользу оккупации другого острова в Персидском заливе — острова Харк, он прямо указывал, что создание на этом острове английской военной базы являлось

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1801—1814 гг., д. № 5, л. 8.

² Rawlinson, ук. соч., стр. 12.

необходимой предпосылкой для успешной борьбы не только против Франции, но и против России. Он писал, что наличие такой базы не только будет содействовать развитию английской торговли, но и позволит Англии установить свой политический контроль над Ираном и не даст возможность Ирану подпасть под влияние Франции или России¹.

Несмотря на это, предложения Малькольма подверглись резкой критике со стороны резидента Ост-Индской компании в Багдаде Харфорда Джонса. Джонс был одним из старейших и опытнейших английских агентов на Востоке, хорошо знакомый с иранскими делами. Он долгие годы вел торговлю с Ираном и посетил эту страну еще в 1786 г. Проживая в Багдаде, Джонс сам вел непримиримую борьбу против французов и был главным противником и соперником французского консула Руссо. Однако когда ему была переслана на заключение докладная записка Малькольма, он сразу же выразил свое несогласие с его рекомендациями. Он считал совершенно нереальной угрозу французского нашествия на Индию через Сирию, Месопотамию и Иран и поэтому находил излишней и бесполезной оккупацию островов в Персидском заливе. Более того, он полагал, что подобные планы отвлекают внимание от «главной опасности». А эта «главная опасность» исходила, по его мнению, от России и «линия наименьшего сопротивления» находилась не в районе Персидского залива, а между Каспийским морем и Индом².

¹ Kaye, ук. соч., I, 74—76, приложение.

² Rawlinson, ук. соч., стр. 13,

Именно с этой точки зрения он и критиковал планы Малькольма и требовал сосредоточить основное внимание английской дипломатии на районе Каспийского моря.

Эта полемика между Малькольмом и Джонсом весьма знаменательна. Она показывает, что уже в те годы английская дипломатия на Востоке отнюдь не была всецело поглощена борьбой против Франции. Даже Малькольм, отражавший настроения «калькуттских торгашей», напуганных французской экспедицией в Египет, отводил в своих военно-политических планах значительное место России. А такой опытный и авторитетный английский агент, как Джонс, уже в то время видел в России главного соперника и требовал сосредоточить все усилия на борьбе против русских.

II

Летом 1801 г. французские войска вынуждены были эвакуировать Египет. Тем самым была устранена основная причина войны между Францией и Османской империей. Наполеон поспешил заключить мир с Турцией. Перемирие было подписано уже в октябре того же года. В Константинополь был послан полковник Себастиани со специальной миссией. Официальный мирный договор был заключен в Париже 26 июня 1802 г.

Французская дипломатия сразу же предприняла активные шаги для укрепления политических и экономических позиций Франции на Ближнем Во-

стоке. Была восстановлена французская консульская служба на всей территории Османской империи, в том числе и в ее восточных провинциях. Не только возобновили свою деятельность французские консульства в Алеппо, Багдаде и других городах, но и были организованы новые консульства в таких черноморских портах, как Синоп и Трапезунд. Вновь стали разрабатываться планы экономической экспансии Франции на Леванте и в районе Черного моря, куда, по мирному договору, получили свободный доступ французские торговые суда. Марсельская торговая палата представила министру иностранных дел Талейрану специальную докладную записку о возобновлении французской торговли на Ближнем Востоке и на Черном море. В ответ на запрос Талейрана французские консулы и агенты в Турции изложили подробные планы развития торговли с Россией и Востоком через черноморские порты. Интересно отметить, что французы рассчитывали вовлечь в орбиту своей торговой экспансии также и Кавказ и превратить Тбилиси в один из своих торговых центров, откуда можно было бы установить торговые сношения как с Северным Кавказом, так и с Закавказьем и близлежащими странами¹. Одновременно французская дипломатия развернула упорную борьбу, чтобы добиться запрещения прохода русских военных судов через Дарданеллы, предусмотренного русско-турецким союзным договором 1799 г.

Подписание мирного договора с Османской

¹ *Vernon J. Puryear, Napoleon and the Dardanelles. Berkeley and Los Angeles, 1951, стр. 4—5.*

империей давало Франции возможность не только возобновить дипломатические и торговые связи с этой державой, но и вновь завязать сношения с Ираном. В исторической литературе существует превратное мнение, что Наполеон «обратил внимание» на Иран в 1804 г. или, в лучшем случае, в конце 1803 г.¹ Мнение это не соответствует действительности. На самом деле Наполеон принял меры, чтобы установить сношения с Ираном сразу же по заключении мирного договора с Турцией, когда французские представители и агенты получили возможность возобновить свою деятельность в восточных странах.

¹ Мнение это распространено не только в общих исторических трудах, но и в специальных работах, посвященных восточной политике Наполеона. Так, в известной книге Дрюа „Восточная политика Наполеона“ описание сношений Франции с Ираном начинается с конца 1804 г. (*E. Driault, La politique orientale de Napoléon*, Paris, 1904, стр. 170 и сл.). В новейшей работе, посвященной этой теме—книге Пюрина „Наполеон и Дарданеллы“ также заявляется, что „нити персидской политики Наполеона тянутся назад к середине 1804 г.“ (*Puryear*, ук. соч., стр. 43). Аналогичные высказывания мы встречаем и в советской исторической литературе—см., например, статью Антюхиной „Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I“ (Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 36, Ленинград, 1939, стр. 257—277). О. П. Маркова в своей монографии о восстании в Кахетии в 1812 г., в которой имеется специальная глава, посвященная сношениям Франции и Англии с Ираном, также заявляет, что „Наполеон обращает внимание на Иран“ лишь в конце 1803 г., а начинает с ним активные сношения только в 1804 г. (*О. П. Маркова, Восстание в Кахетии 1812 г.*, Москва, 1951, стр. 250). Можно было бы привести еще целый ряд других аналогичных утверждений.

Уже в первой половине 1802 г. циркулировали слухи о прибытии французского эмиссара в Иран. 11 мая этого года Харфорд Джонс получил письмо от визиря иранского престолонаследника Аббас-Мирзы, Мирза-Бозурга, с которым он поддерживал постоянные сношения. В письме этом сообщалось, что посланец Джонса, прибывший в Иран, рассказал о том, что в Басру приехал некий француз, который затем отправился в Тегеран к шаху. Мирза-Бозург просил Джонса, если эти сведения подтвердятся, немедленно известить его об этом¹.

Поскольку у нас нет никаких других данных, подтверждающих это сообщение, то следует полагать, что слухи о прибытии в Иран французского эмиссара не соответствовали действительности. Однако сам факт распространения таких слухов уже в первые месяцы 1802 г. являлся весьма знаменательным.

Осенью 1802 г. был вторично отправлен со специальной миссией на Восток, на этот раз в Египет и Сирию, полковник Себастиани, посетивший в предыдущем году турецкую столицу. Миссия Себастиани имела целью восстановить связи Франции с Левантом. Русское правительство было убеждено, что задачу Себастиани, еще во время его первой поездки в Константинополь, входило возобновление сношений и с Ираном. В рескрипте главнокомандующему на Кавказе Цицианову от 26 сентября 1802 г. указывалось, что хотя Турция пока не вмешивалась

¹ *Harford Jones Brydg's, An Account of the Transactions of His Majesty's Mission to the Court of Persia in the years 1807—1811, London, 1834. Приложение, стр. VII.*

в дела Грузии и Ирана, но возможно, «что ныне министерство турецкое происками правительства французского более займется делами сими. Известно, что первый консул располагался послать в Грузию и Персию емисара под видом путешественника, некоего полковника Себастиани, который из Константинополя имел начать свое путешествие»¹. Себастиани в 1801 г. ни в 1802 г. не поехал в Иран, но весьма возможно и даже вероятно, что во время своего пребывания в Турции он дал соответствующие указания находившимся там французским консулам и агентам, поскольку уже в то время Наполеон действительно стремился возобновить сношения с Ираном.

Это видно из инструкций, данных 18 октября 1802 г. Брюну, назначенному послом в Константинополь. В них имелся специальный пункт (шестой), предписывавший добыть точные сведения о различных пашалыках. В этой связи указывалось, что посол должен собрать сведения и о Персии².

Уже не позже конца 1802 г. попытка установить контакт с Ираном была предпринята Руссо, вновь назначенным французским консулом в Багдаде. Руссо, который, как мы уже знаем, имел давнишние связи с Ираном и оказал значительное содействие миссии Оливье и Брюгьера, претерпел во время событий 1798—1801 гг. большие мытарства. После объявления Портой войны Франции он был вместе со своей семьей арестован, а затем выслан в Алеппо. Лишь заключение мира дало ему возмож-

¹ „Акты“, II, 9.

² *I. de Testa*, ук. сборник, стр. 253, док. 46.

ность вернуться в Багдад и вновь приступить к выполнению своих функций. Он сразу же принял меры, чтобы снова завязать сношения с Ираном. В этих целях из Багдада был отправлен в Тегеран специальный уполномоченный.

Этим новым французским эмиссаром, посланным в Иран, был человек, сыгравший впоследствии (не только в наполеоновскую эпоху, но и в эпоху реставрации) значительную роль в истории франко-иранских отношений. То был армянин по происхождению Давид Мелик-Шахназарян¹, который, видимо, уже давно был тесно связан с Руссо и являлся одним из старых французских агентов на Востоке.

В Матенадаране (Государственном хранилище древних рукописей Армянской ССР) хранится очень интересный документ—написанная Давидом Мелик-Шахназаряном записка на французском языке под названием: «Etat des services rendus, des pertes et des dépenses faites depuis 25 ans par Monsieur Davoud Zadour de Melik—Schanazar pour l'intérêt de la France»². Перечисляя убытки и потери, понесенные им «ради интересов Франции», и говоря об ущербе, нанесенном ему «в Багдаде и Персии со

¹ По-французски он именовал себя Mir Davoud-Zadour de Melik-Chah Nazar, по-армянски *Դավիթ շահ Շահնազարյան*, т. е. Давид-бек, сын Цатуров из рода Мелик-Шахназарянц. Поэтому в русских документах он иногда упоминается как Давид Цатуров. Он является автором брошюры, опубликованной в 1816 г. в Париже (во время его пребывания там в качестве иранского посла)—„Détails sur la situation actuelle du royaume de Perse“, Paris, 1816.

² Матенадаран, Архив личных фондов. Папка 146, док. № 1.

стороны врагов Франции, за то, что он всегда верно служил французскому правительству», он сообщает, между прочим, что «во время отсутствия гг. Руссо отца и сына с 1802 г. по 1807 г. выполнял функции агента французского консульства в Багдаде и Басре».

Именно этот доверенный французский агент и был послан в Тегеран, как только представилась первая возможность. Можно понять причину, побудившую Руссо поручить эту миссию не французу, а своему агенту армянского происхождения. Договор Малькольма предусматривал арест и выдачу англичанам всех французов, которые попытались бы проникнуть на иранскую территорию. Поэтому ни Руссо, ни другие французские представители на Востоке не могли сами отправиться в Иран без предварительной договоренности с иранским правительством.

В апреле 1802 г. ваххабиты произвели набег на Кербелу вблизи Багдада. В связи с этим в Багдад был отправлен специальный иранский представитель Исмаил-бек, которому было поручено договориться с багдадским пашой относительно совместных мер против ваххабитов. Ему и представился Давид Мелик-Шахназарян в качестве французского уполномоченного, а затем отправился вместе с ним в Тегеран.

В иранской хронике мы находим об этом следующие сведения: «Когда Исмаил-бек Биат... был послан в Багдад для достижения соглашения о мерах против ваххабитов, к нему явился человек, показавший длинное письмо на французском языке,

объявивший себя послом от этого правительства и отправившийся вместе с ним в Тегеран. Так как его цель не была установлена, то персидские министры сочли его претензии (на звание посла—А. И.) за обман и не обратили на него внимания»¹.

В исторической литературе упоминание о миссии Давида Мелик-Шахназаряна содержится в изданной в 1864 г. в Вене книге Шлехта-Всерд, посвященной русско-иранской войне 1804—1813 гг., автор которой использовал многочисленные источники, на которые, однако, не ссылается. В книге этой сказано лишь, что к Исмаил-беку, посланному в 1802 г. в Багдад, явился в качестве французского уполномоченного «армянский купец по имени Давид», с которым он отправился в Тегеран. «Однако, поскольку там из-за незнания языка оказались не в состоянии проверить привезенные им бумаги, ему не стали доверять и не захотели слушать его предложения»².

Дополнительные сведения об этой новой французской миссии в Иран мы находим в русских архивах. Сведения эти содержатся в донесении русского посла в Константинополе Италинского от 18/30 июня 1803 г. К донесению был приложен рапорт первого драгомана посольства, в котором тот, между прочим, сообщал следующее: «Реис эфенди показал мне сегодня письма от багдадского паши, в которых говорится о французских эмиссарах, отправленных в

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 274—275.

² O. von Schlehta-Wssehrd. Die Kämpfe zwischen Persien und Russland in Transkaukasien seit 1804 bis 1813. Wien, 1864, стр. 22, примечание.

Персию, которые вернулись оттуда в Бендер-Бушир и должны вскоре отправиться в Багдад через Басру»¹. Пересылая этот рапорт, Италинский со своей стороны писал: «Прилагаю у сего полученный мною вчера рапорт от первого драгомана; о упоминаемых в оном французских послых находящийся в Багдаде английской восточно-индейской компании резидент Жонес известил г-на Друммонда точно в такой силе, в какой багдадский паша известил Порту. Письмо Жонесово к г-ну Друммонду от 19/31 мая; в то время послы находились на возвратном пути от Баба-хана, но еще не было их в Багдаде»².

Приведенные выше данные свидетельствуют, что Давид Мелик-Шахназарян отправился в Иран не один, а в сопровождении нескольких лиц — очевидно из числа обслуживающего персонала. Об этой его миссии и сообщали багдадский паша Порте и английский резидент в Багдаде Джонс английскому послу в Константинополе Друммонду. На основании этих сведений мы можем также заключить, что Давид Мелик-Шахназарян и его спутники отправились в Тегеран не позже конца 1802 г., потому что уже в мае 1803 г. они находились в Бендер-Бушире на обратном пути из Ирана и должны были вскоре вернуться в Багдад.

По свидетельству иранской хроники Давид Мелик-Шахназарян привез в Тегеран «длинное письмо на французском языке». В этой хронике ничего не говорится о содержании этого письма, о француз-

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1803 г., л. № 2234, т. II, л. 658 об.

² Там же, л. 654 об.—655.

ских предложениях, сделанных иранскому правительству. Однако об этих предложениях стало известно английским агентам. Раулинсон, широко использовавший индийские архивы, приводит в этой связи в своей статье «Наши политические отношения с Персией», опубликованной в 1849 г., следующие данные. Согласно сведениям, полученным англичанами, Франция в 1802 г. предложила Ирану совместные действия французской и иранской армий против русских в Грузии, с тем, чтобы все территориальные приобретения были поделены между договаривающимися сторонами; в предложениях этих предусматривалось также, чтобы в Тегеран и в Ереван были назначены французские резиденты¹.

Эти сведения представляют, безусловно, большой интерес. Если даже и предположить, что сооб-

¹ *Rawlinson*, ук. соч. стр. 15. В примечании Раулинсон пишет, что письма, содержавшие эти предложения, были доставлены в Иран неким *Shahrokh*, совершившим путешествие в Париж по своим личным делам, причем сперва предполагалось, что эти письма исходят непосредственно от французского правительства, но затем возникли подозрения, что они были составлены французскими дипломатическими агентами на Востоке. Следует, однако, полагать, что этот упоминаемый Раулинсоном *Shahrokh* есть не кто иной, как Шахназар, так как нам ничего не известно о каком-либо персе Шахрухе, прибывшем в это же самое время в Тегеран с письмами, написанными французскими агентами на Востоке, т. е. тем же Руссо. Об этом не содержится ни малейшего упоминания и в иранской хронике. Но, если даже предположить, что одновременно с Мелик-Шахназаряном в Иран привез письмо от имени французского правительства и некий Шахрух, то само собой разумеется, что это письмо должно было быть повторением письма, привезенного Мелик-Шахназаряном.

шения о французских предложениях, сделанных Ирану, и дошли до Индии в несколько преувеличенном виде (быть может при посредстве самого же иранского правительства, которое было заинтересовано показать англичанам, что их соперники—французы — готовы в случае надобности оказать им активную помощь против русских вплоть до присылки французских войск), то все же можно заключить, что их основной целью являлось побудить Иран выступить против русских с тем, чтобы изгнать последних из Грузии, лишь незадолго до этого присоединенной к Российской империи. Даже предложение об учреждении французского консульства в Ереване свидетельствовало о враждебных России проиcках Франции в Закавказье.

Возобновление враждебной России деятельности французской дипломатии на Востоке и, в частности, в Иране легко объяснимо. Русско-французская дружба в последние месяцы царствования Павла I, оказалась, как известно, недолговечной. После убийства Павла в марте 1801 г., отношения между обоими государствами вновь ухудшились. Правительство Александра I, отказавшись от сближения с Францией, провозгласило политику нейтралитета, изложенную в инструкции нового императора русским послам. На деле, однако, сразу же начались трения с Францией. Русский посланник Колычев резко, но безрезультатно, протестовал против фактического захвата Пьемонта, осуществленного Наполеоном вопреки обещаниям, данным России. В инструкциях новому русскому послу Моркову предписывалось добиваться не только восстановления прав сардинского

короля, но и эвакуации французскими войсками Неаполитанского королевства и уважения Францией европейского равновесия. Заключенная 11 октября 1801 г. русско-французская конвенция, предусматривавшая сотрудничество обеих держав в разрешении актуальных европейских проблем, в частности в вопросах политического устройства Германии и Италии, оказалась нежизненной, так как вскоре выяснилось, что Наполеон не был намерен ее соблюдать. Перекройка германской территории, которая, согласно условиям Люневильского мира, должна была быть осуществлена при совместном посредничестве Франции и России, была произведена Наполеоном по собственному усмотрению. Франция закрепляла свое господство в Италии, Голландии и Швейцарии и производила новые захваты. После разрыва Амьенского мира с Англией Наполеон решительно отклонил посредническое предложение Александра I, предусматривавшее вывод французских войск из Ганновера, Голландии, Швейцарии и большей части Италии. Отношения между Россией и Францией к тому времени уже настолько обострились, что Наполеон в резкой форме потребовал отзыва русского посла.

Еще за год до этого, в своем донесении от 8 августа 1802 г., Морков, касаясь вопроса о Пьемонте, писал: «К моему величайшему прискорбию, я должен повергнуть к стопам вашего императорского величества мое сожаление об утрате надежды сделать что-нибудь в пользу несчастного короля Сардинии. Когда я заговорил о нем в последний раз с первым консулом, он проявил такую недоброжелательность, что сказал, что это дело не должно интересоваться ва-

5. А. Р. Иоаннисян

ше императорское величество больше, чем сколько интересуют его, первого консула, дела Персии. У меня чуть не сорвалось с языка замечание, что тут есть разница: недавно русские войска были в Турине, а вряд ли французские войска когда-либо дойдут до Тифлиса. Но благоразумие заставило меня удержаться. Впрочем, первый консул сказал неправду насчет своего равнодушия к этим персидским делам: помимо того, что в его журналах говорится о них с целью распространить тревогу насчет их исхода, он снова возвратился к мысли отправить полковника Себастиани¹.

Себастиани, который действительно отправился вскоре на Восток, и на этот раз, как мы знаем, не поехал в Иран. Однако Наполеон, по справедливому наблюдению Моркова, уже тогда, в 1802 г., проявлял повышенный интерес к положению в Иране и на Кавказе. В его словах, сказанных рускому послу, звучала явная угроза вмешаться в дела Закавказья, в случае дальнейших попыток России связать ему руки на Западе. Как видим, угроза эта вскоре была приведена в исполнение.

Каких же результатов добилась миссия Давида Мелик-Шахназаряна? Иранская хроника изображает дело таким образом, что новый французский эmissар, подобно своим предшественникам Оливье и Брюгьеру, также потерпел неудачу. Персидские министры отнеслись к нему подозрительно и поэтому не обратили на него серьезного внимания.

¹ „Сборник Русского исторического общества“, т. 70, стр. 486.

Давид Мелик-Шахназарян и его спутники прибыли в Тегеран в момент, когда еще не высохли чернила на англо-иранском договоре. Шах и его министры еще всецело уповали на англичан и, конечно, не были намерены жертвовать этими реальными союзниками ради французов, престиж которых на Востоке в то время, после неудачного похода в Египет, отнюдь не стоял особенно высоко. Именно поэтому Мирза-Бозург и поспешил заверить англичан (в письме, посланном в Индию после получения французских предложений), что «если даже Бонапарт лично прибудет в Тегеран, ему будет запрещен доступ в центр вселенной»¹.

Но и теперь, как и в 1796 г., посещение французскими агентами Ирана, по-видимому, все же не прошло бесследно. Во всяком случае нам известно следующее.

2/14 июля 1803 г., через две недели после того, как Италинский узнал о возвращении из Ирана французской миссии, первый драгоман русского посольства Фонтон отправился к реис-эфенди в связи с некоторыми текущими делами. Последний читал в это время письма, полученные от ханов ереванского и хойского «и когда увидел Фонтон, оставив оные, завел с ним разговор о Персии и о желании Порты доставить посредничеством своим шаху благорасположение России». В этих целях он предложил устроить «в течение будущей недели» «конференцию» с Италинским. Тут же выяснилась причина внезапного интереса Порты к иранским делам. Оказалось, что в

¹ Rawlinson, ук. соч., стр. 15—16.

Константинополь прибыли персидские эмиссары, сообщившие турецкому правительству будто бы «жители Тифлиза и всея Грузии» обратились к шаху через тайно присланных представителей с просьбой вторгнуться с войсками в Грузию и что «ложное сие представление делается в намерении поощрить Порту к содействию с шахом». В то же время в Константинополе было получено письмо от багдадского паши, в котором сообщалось, что русские намерены занять Ереван и Нахичеван¹.

Узнав об этом, Италинский тотчас же велел поставить в известность реис-эфенди, что все эти сообщения являются ложными и что нет также никаких оснований верить в «неприятельские намерения персидского шаха, который, не имея никаких причин быть недоволен Россиею, не имеет, следовательно, никакого повода к предприятую против ее военных действий, разве решило бы его на то бывшее у него французское посольство, о котором багдадский паша пишет»².

В июне—июле 1803 г., когда происходили эти события, Россия и Иран еще не находились в состоянии войны. Русские войска еще не заняли ни одного закавказского ханства. И несмотря на это, в Константинополе появились иранские эмиссары, дабы побудить Порту к совместному выступлению против России, отнюдь не в оборонительных, а в агрессивных целях. Речь шла о том, чтобы изгнать русских из Грузии, добровольно присоединившейся к России.

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1803 г., д. № 2235, л. 30—31 об.

² Там же, л. 29—29 об.

Эти факты показывают, насколько неправильным является господствующее в исторической литературе, в том числе и в советской исторической литературе, одностороннее представление о том, что русско-иранская война 1804—1813 гг. возникла лишь в результате стремления России присоединить вслед за Грузией территорию всего Закавказья и что иранские правящие круги решили начать войну против России только после того, как русские войска заняли Ганджинское ханство. Это распространенное мнение нуждается в пересмотре. Нет, конечно, никакого сомнения в том, что царское правительство уже давно думало о включении всего Закавказья в состав Российской империи. После присоединения Грузии снова стал актуальным вопрос о закавказских ханствах, многие из которых давно тяготели к России. Весной 1803 г. главнокомандующий в Грузии Цицианов, подготавливая экспедицию в Ганджу, усиленно настаивал перед Петербургом на занятии Дербента и Баку. Однако царское правительство в то время еще колебалось, опасаясь возможных осложнений. В своих рескриптах от 19 и 20 марта Александр I, в принципе соглашаясь с предложениями Цицианова и предлагая ему действовать сообразно обстоятельствам, считал все же занятие Дербента и экспедицию в Баку преждевременными и отвергал просьбу о присылке в Грузию новых войск¹.

Таким образом, хотя весной 1803 г. и намечались планы присоединения различных закавказских

¹ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1886, т. IV, стр. 39—41.

ханств, но осуществление их пока что откладывалось. В то же время Иран вовсе не занимал пассивной или выжидательной позиции. Наоборот, иранские правящие круги, не желавшие примириться с присоединением Грузии к России, сами готовили вторжение в Грузию с целью захвата этой страны. Об этом откровенно говорилось в распространявшихся в Закавказье воззваниях шаха, в которых заявлялось, что его основной задачей является «покорение Грузинской области и Тифлиса» и «истребление русских гяуров»¹.

С этой целью и были посланы в Константинополь специальные эмиссары, чтобы позондировать почву относительно возможности совместного выступления Ирана и Турции против России.

Дело, следовательно, обстояло таким образом, что если бы даже царское правительство и хотело ограничиться присоединением к России одной лишь Грузии, то и тогда оно вряд ли могло бы избежать войны с Ираном.

В этой связи нельзя не отметить, что появление иранских эмиссаров в Константинополе произошло непосредственно после посещения Ирана новой французской миссией. Именно это и заставило Итальянского высказать предположение, что враждебные намерения шаха против России могли иметь прямую связь с этим событием. В 1796 г., после посещения Ирана Оливье и Брюгьером, в Константинополе сразу появились иранские уполномоченные для переговоров о турецко-иранском союзе против

¹ „Акты“, II, 803—805.

России, с целью изгнания русских из пределов Закавказья. Точно так же и теперь, после посещения Тегерана новым французским представителем, в Константинополь прибыли иранские эмиссары, чтобы выяснить возможность совместных действий Турции и Ирана для изгнания русских из Грузии и захвата этой страны¹.

Предположение Италинского находило косвенное подтверждение и в том примечательном факте, что провокационные сообщения о намерениях России в отношении Еревана и Нахичевана были получены из Багдада, т. е. из того центра, где орудовал главный французский агент на Востоке Руссо и откуда была отправлена миссия Давида Мелик-Шахназаряна.

Следует также отметить, что русское правительство и впоследствии связывало возникновение рус-

¹ Переговоры иранских эмиссаров в Константинополе и на этот раз не дали положительных результатов. Порта и теперь не была склонна идти на конфликт с Россией. В своем донесении Италинский сообщал, что при существующих обстоятельствах Порта „не имеет ни малейшего расположения“ действовать совместно с Ираном. После его энергичного представления реис-эфенди не только отказался от своего намерения устроить с русским послом „конференцию“ по персидским делам и предложить посредничество Порты, но и поспешил избавиться от иранских посланцев. Под тем предлогом, что они привезли письма лишь от ханов ереванского и хойского и что у них не было официальных полномочий от шаха, он предложил им отправиться обратно. Русскому посольству было сообщено, „что они по собственному произволению приехали просить от Порты помощи против российских войск“. (Донесение Италинского от 18/30 июля 1803 г., АВПр, МИД, Канцелярия, 1803 г., д. № 2235, л. 91—93).

ско-иранской войны с посещением Ирана французскими эмиссарами. В циркуляре товарища министра иностранных дел Чарторыйского Цицианову от 5 сентября 1805 г., где приводились мотивы, побудившие Россию вступить в новую войну с Францией, в числе «побудительных к справедливому негодованию причин, которые подало России французское правительство», указывалась и следующая: «В Персию отпустило оно своих эмиссаров, которые и предупредили склонить Баба-хана к нападению на пределы империи, от чего разгорелась война и поныне в том краю продолжающаяся»¹.

Трудно, конечно, согласиться с подобного рода утверждениями. В политической обстановке того времени не французские подстрекательства явились главной причиной, побудившей шаха начать войну против России. В деле провоцирования русско-иранской войны основную роль сыграл, безусловно, англо-иранский договор. До середины 1804 г. иранские правящие круги еще твердо придерживались английской ориентации и, начиная войну с Россией, возлагали большие упования на заключенный с англичанами союзный договор. В этом смысле договор Малькольма сыграл решающую роль в развязывании иранской агрессии в Закавказье. Вряд ли планы завоевания Грузии и изгнания русских за Кавказский хребет могли бы казаться шаху и его окружению столь реальными, если бы не надежда на помощь и поддержку англичан.

Но посещение Ирана французским агентом и

¹ „Акты“, II, 1035.

французские предложения об изгнании русских из Грузии отнюдь не способствовали, разумеется, предотвращению русско-иранской войны. Хотя иранские правители относились в то время скептически к возможностям Франции и считали ее более слабой державой, чем Англия, все же французские подстрекательства и обещания способны были лишь еще больше разжечь их воинственные настроения и поощрить их агрессивные замыслы.

III

Весной 1804 г. иранские войска стали сосредотачиваться у Тавриза. В Тавриз прибыл иранский престолонаследник Аббас-Мирза, в распоряжении которого вскоре оказалось до 40 000 войск. Ожидалось прибытие и самого Фетх-Али-шаха во главе с шестидесятитысячной армией.

По всему Закавказью были разосланы новые фирманы шаха, извещавшие о его намерении двинуться на Ганджу и на Грузию и требовавшие от ханов покорности и содействия. В своих прокламациях Аббас-Мирза также сообщал о том, что он идет на неверных и не будет заниматься другим делом, пока не истребит русских. При нем находился один из сыновей Ираклия II царевич Александр, бежавший в Иран и официально признанный шахом «вали» Грузии. Александр, возглавлявший группу реакционных грузинских феодалов, противившихся присоединению Грузии к России, со своей стороны рассылал письма грузинским князьям, предлагая им оказать содействие «несметной и непобедимой»

иранской армии, идущей на Грузию, дабы изгнать оттуда русских. Его эмиссары вступили в сношение с лезгинами, приглашая их действовать совместно с персами.

В мае в Тбилиси прибыл иранский представитель Якуб-бек, вручивший Цицианову письмо нового иранского визиря Мирза-Шефи. В письме этом содержалось требование вывести русские войска из Грузии и сообщалось о решении шаха послать в Грузию с многочисленными войсками своего сына, а затем двинуться и самому для полного истребления и уничтожения русских, в случае, если они не удалятся добровольно.

Военный план персов заключался в следующем. Аббас-Мирза должен был отправить часть своих войск в Карабах, а сам с главными силами двинуться к Еревану, после чего с разных сторон вторгнуться в Грузию. Вслед за тем должны были вступить в Закавказье и войска самого шаха. Следует иметь в виду, что персы преследовали при этом цель не только изгнать русских из Грузии и Ганджи, но и привести в покорность закавказских ханов, которые с середины XVIII столетия были фактически независимы и многие из которых проявляли склонность признать над собой верховную власть России и вступить в русское подданство. Таким образом, иранское нашествие имело своей задачей не только покорение Грузии, но и насильственное восстановление иранского владычества во всем Закавказье.

Цицианов, располагая относительно незначительными силами, решил, не дожидаясь нашествия иранских полчищ, действовать наступательно, так

как чисто оборонительные действия потребовали бы сосредоточения крупных войсковых группировок в четырех-пяти различных пунктах, что было явно неосуществимо.

В июне, четырехтысячный русский отряд, под командованием самого Цицианова, вступил в Ереванское ханство, где находились войска Аббас-Мирзы, в количестве 20,000 человек, и куда вскоре прибыла пятнадцатитысячная армия шаха. Несмотря на то, что малочисленным русским войскам удалось нанести серьезные поражения персам под Эчмиадзином и под Ереваном, блокада Ереванской крепости, длившаяся с июля по сентябрь, окончилась неудачей. Крепость не сдавалась, а между тем положение русского отряда становилось все более тяжелым ввиду отсутствия продовольствия и различных эпидемий. Кроме того, были получены известия, что в Осетии началось восстание, прервавшее связь Грузии с Северным Кавказом. Персидским агентам удалось одновременно вызвать волнения в пограничной Памбакской провинции, куда проникли и иранские войска под командованием царевича Александра, что грозило отрезать русский экспедиционный корпус от Грузии. Все это вынудило Цицианова снять блокаду Ереванской крепости и вернуться со своими войсками назад.

Военными действиями в Ереванском ханстве началась русско-иранская война, которой суждено было длиться девять лет.] не!

Пока происходили все эти события, Наполеон все более настойчиво стремился установить контакт с Ираном. Не имея еще известий от Руссо, он пред-

лагал министру иностранных дел Талейрану (в своем предписании от 28 сентября 1803 г.) снова написать ему и сообщить о его, Наполеона, желании войти в сношения с Персией. Он выражал неудовольствие по поводу того, что Руссо пишет слишком редко, в то время как последний должен был бы писать «по крайней мере раз в неделю»; он требовал от него подробной докладной записки об Иране. Сведений об этой стране он вновь требовал и от Брюна, предписывая ему послать поздравления ее властелину и подготовить почву, чтобы в Тегеране был принят французский посол¹.

Во исполнение этих инструкций Талейран отправил соответствующее письмо Руссо, перебравшемся к тому времени в Алеппо. В своем ответе от 31 января 1804 г. Руссо извещал министра иностранных дел, что он пошлет секретного курьера к своим агентам в Багдаде (т. е. к тому же Давиду Мелик-Шахназаряну) с письмами для своих друзей в Иране.

Что это действительно было им выполнено, мы узнаем из его письма Талейрану от 20 октября 1804 г., в котором он сообщал: «В различных письмах, написанных мной в Персию, я намекнул ряду лиц, вершающим там дела, и в частности моему близкому другу шейх-уль-исламу Исфагана по имени Мирза-Мортеза, первому должностному лицу государства, о намерении его императорского величества (к тому времени Наполеон из первого консула

¹ „Correspondance de Napoléon I, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III“, IX, 4.

превратился уже в императора—А. И.) войти в переписку с Фетх-Али-шахом»¹.

Таким образом, Руссо, используя свои старые связи, завязал в 1804 г. новую переписку с Ираном, обратившись прежде всего к Мирза-Мортеза, с которым он познакомился в 1794 г. в Багдаде и через посредство которого он еще тогда пытался войти в сношения с Ага-Мохаммед-ханом.

О переданных в Иран (очевидно через посредство того же Руссо) новых французских предложениях нам известно опять-таки из сведений, полученных англичанами. Согласно этим сведениям, летом 1804 г., когда шах находился со своими войсками вблизи Еревана, было получено новое сообщение от французского правительства, в котором содержалась ссылка на предыдущие договоры между Францией и Ираном (т. е. договоры 1708 г. и 1715 г.), предусматривавшие союзные отношения между обоими государствами, и делалось предложение о том, «чтобы шах и император действовали бы в сердечном согласии против России»².

Наполеон тем временем предпринял новые меры, чтобы послать в Иран французских агентов. 21 мая он писал Талейрану: «Я одобряю, чтобы был послан в Персию, под предлогом изучения растений, врач или ученый, который отправился бы через Константинополь. Моим намерением является, чтобы вы

¹ Эта переписка Талейрана и Руссо, как и ряд других ценных архивных документов о деятельности французской агентуры на Востоке, опубликована в книге *H. Dehérein, „Silvestre de Sacy“*, стр. 38—39.

² *Rawlinson*, ук. соч., стр. 16, примечание.

написали об этом г. Руссо и чтобы вы послали это письмо через его сына. После г. Руссо отправит его обратно во Францию, чтобы сообщить новости о Персии. Пусть г. Руссо-сын поживет в Персии, чтобы хорошо ознакомиться с положением дел¹.

Таким образом, Наполеон не только одобрял сделанное Талейраном предложение о посылке в Иран разведчика под видом ботаника (в министерстве иностранных дел хорошо помнили о «ботаниках» Оливье и Брюгьере и их «ученой экспедиции» на Восток), но и одновременно предписывал отправить туда для сбора сведений сына Руссо—Жозефа.

Этот все усиливавшийся интерес Наполеона к Ирану не был, конечно, случайным. Чем больше ухудшались русско-французские отношения, тем большее значение приобретал в его глазах, наряду с Турцией, и Иран. Стремление втравить Оттоманскую империю в конфликт с Россией, создать военный блок Турции и Ирана против русских, с тем, чтобы отвлечь их силы на Восток,—такова была вновь одна из главных задач французской дипломатии.

Политика Наполеона в отношении Турции была донельзя более двуличной и лицемерной. Еще в 1802 г. он, в явно провокационных целях, сделал России предложение о разделе Оттоманской империи, близкое «распадение» которой он повторно предсказывал в беседах с русским послом Морковым. Это предложение было, однако, решительно отклонено русским правительством. 24 декабря 1802 г. канцлер А. Воронцов отправил Моркову письмо, в котором

¹ Там же. IX, 367.

уполномачивал его недвусмысленно заявить «Бонапарту», что Россия не намерена принять участие ни в каком проекте, враждебном Турции¹. Тогдашняя политика царской России в турецком вопросе была еще за год до этого следующим образом сформулирована в инструкции Александра I русскому послу в Вене Разумовскому: «Одно из основных начал моей политической системы всегда будет состоять в том, чтобы всеми средствами содействовать сохранению этого государства (Турции—А. И.), которого бессилие и плохое внутреннее управление служит драгоценным ручательством безопасности»².

Несмотря на это, французская дипломатия пыталась путем разных инсинуаций, убедить Порту в агрессивных планах и намерениях России. В августе 1803 г. Воронцов писал в этой связи Цицианову: «Первый консул, не могши ввести нас в виды свои на подел империи Турецкой, ищет теперь отвлечь от нас доверенность Порты, чиня чрез посла своего внушения министерству турецкому на счет неискренности нашей»³. 18/20 ноября того же года Италинский в своем донесении сообщал: «Брюн неоднократно чинил министерству сему (Порте—А. И.) внушения в намерении заставить его приписывать

¹ С. М. Соловьев, Император Александр I. Собрание сочинений, изд. „Общественная польза“, стр. 279—280. Донесение Моркова и другие относящиеся к этому вопросу документы опубликованы в 70-м томе „Сборника Русского исторического общества“.

² С. Жигарев, Русская политика в восточном вопросе. Москва, 1896, стр. 255.

³ „Акты“, II, 874.

России те неприятельские против Порты намерения, которые Франция имеет»¹.

С весны 1804 г., после расстрела герцога Энгийенского, отзыва из Петербурга французского посла Эдувиля и дальнейшего резкого ухудшения отношений между Францией и Россией, эти «внушения» становятся все более частыми и настойчивыми. В своих инструкциях Брюну Наполеон предписывал открыто проявлять холодность к русскому послу, всячески показывать туркам, что он, Наполеон, не боится русских, указывать на «пагубные» для Турции последствия оккупации Корфу русскими войсками и ссылаться на «враждебные действия» русских в отношении Персии².

Как видим, русско-иранская война становилась одним из основных аргументов, которые, по мнению Наполеона, должны были побудить Порту занять враждебную России позицию. Но для французской дипломатии война эта имела большое значение и как таковая. Вовлечение Турции в войну с Россией было делом будущего, тем более, что русско-турецкие отношения, несмотря на все французские махинации, продолжали оставаться не только в 1804 г., но и в 1805 г. вполне корректными. А Иран уже воевал с Россией. Неудивительно поэтому, что установление непосредственных сношений с Ираном и заключение с ним союза представлялось Наполеону делом первостепенной важности.

Хотя в тот момент именно эти соображения и являлись доминирующими и решающими, не следует

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1803 г., д. № 2235, л. 491.

² „Correspondance de Napoléon Ier“, IX, 432—434.

также забывать, что возобновившаяся после кратковременного Амьенского мира борьба с Англией вновь придавала особое значение Ирану, как пограничному с Индией государству.

Но в то время, как Наполеон проектировал посылку в Иран новых французских агентов, в Париже было получено письмо шаха, который теперь сам предлагал Франции заключить военно-политический союз с Ираном.

IV

Обращение шаха было непосредственно связано с предпринятой им войной против России. Продолжая возлагать надежды на заключенный с англичанами договор и ведя с ними переговоры, шах и его приближенные не могли не помнить и о французских предложениях о военной помощи, сделанных еще за год до этого. Нам известно, что некоторые приближенные шаха, не доверяя всецело англичанам, усиленно рекомендовали ему пойти на сговор с Францией. К их числу принадлежал, например, бейлербей Тавриза Ахмед-хан, который, по сведениям, полученным впоследствии французами, «первый подал шаху Персии идею войти в сношения с Францией»¹.

Если иранские правящие круги некоторое время колебались обратиться к Франции, то объяснялось это в значительной мере тем, что они не имели точных сведений о роли и влиянии этого государства в

¹ Об этом сообщает в своей книге один из членов миссии Гардана Танкуань. См. *J. M. Tancoigne. Lettres sur la Perse et la Turquie d'Asie*. Paris, 1819, , 130.

Европе, о его удельном весе и могуществе. Вскоре, однако, шах получил те сведения, в которых он нуждался. Он узнал о выдающихся успехах нового французского императора Наполеона, о возросшей мощи победоносной Франции. Этими сведениями он был прежде всего обязан тогдашнему главе армянской церкви — католикосу Давиду.

Чтобы уяснить роль некоторых представителей армянского духовенства в сложной борьбе европейских держав на Востоке, необходимо сказать хотя бы несколько слов о политической ориентации армянских господствующих классов.

Широкие массы армянского народа издавна связывали все свои надежды с Россией и видели в русских своих избавителей. И во время похода 1796 г., и во время новой русско-иранской войны, начавшейся в 1804 г., армяне самоотверженно помогали русским войскам и самым активным образом содействовали присоединению Закавказья к России. В одной докладной записке, представленной русскому правительству в июле 1815 г., так описывались «ревность и усердие», которые оказала «армянская нация» «российскому воинству» во время похода 1796 г. и войны 1804—1813 гг. «Их содействием Дербент взят почти без всякого кровопролития; потом открыли они там и предупредили действие ужасного заговора, долженствовавшего одним ударом истребить российскую армию. Служа оной до самого окончания похода всем, что только было в их силах и возможностях, равные услуги оказывали они в последнюю кампанию и между прочими подвигами в 1804 г. спасли князя Цицианова с четырехтысячным корпу-

сом от конечной гибели во время осады Еревана; и как прежде, так и ныне жертвовали всегда, где только требовала польза России, имуществами, всеми собственными благами и жизнью своею, жен и детей своих»¹.

Как только в 1804 г. начались военные действия и Цицианов двинулся со своими войсками на Ереван, стали организовываться армянские добровольческие отряды, которые приняли участие в этом походе. Ереванские армяне во время осады города поддерживали связь с русским командованием и, рискуя жизнью, доставляли военные сведения. Армянские крестьяне, несмотря на жесточайшие репрессии со стороны персов, регулярно снабжали продовольствием русские войска. Армянские воинские отряды доставляли обозы со снарядами, фуражом и боеприпасами².

Эта преданность армянского народа России была хорошо известна персидским захватчикам, которые поэтому самым варварским и жестоким образом расправлялись с армянским населением. Очевидец событий 1804 г. Е. Хубов, в своей книге, опубликованной в Петербурге в 1811 г., описывает зверские расправы персидских сатрапов над армянами в осажденном Ереване, когда людей, заподозренных в сочувствии русским, ставили перед жерлами пушек

¹ Центральный Государственный военно-исторический архив, ф. 44^а, д. № 8, л. 34—34 об.

² Некоторые данные о помощи армянского народа русским войскам во время русско-иранских войн и, в частности, во время похода Цицианова на Ереван приведены в статье З. Григоряна „Участие армян в русско-персидских войнах начала XIX в.“ „Вопросы истории“, 1951, № 4.

и расстреливали. Персы, рассматривавшие армян как «союзников россиян» и «внутренних своих врагов», учредили даже особый совет специально для расправы над армянским населением¹.

Если широкие массы армянского народа, как и других народов Закавказья, самоотверженно и непоколебимо боролись за присоединение к России, то армянские господствующие классы, подобно грузинским и азербайджанским господствующим классам, находились в начале XIX века в состоянии раскола. Большая часть армянского духовенства и меликов и подавляющее большинство торговой буржуазии, безусловно, придерживались русской ориентации. Необеспеченность жизни и имущества, непомерные налоги и вымогательства, произвол и насилия, от которых отнюдь не были избавлены и представители верхушки армянского общества — все это побуждало армянские господствующие классы стремиться избавиться от тяжелого иранского ига и всячески содействовать присоединению Закавказья к России. Однако часть армянской ростовщической буржуазии, тесно сросшейся с финансово-экономической системой иранского восточно-деспотического государства, отдельные представители армянской знати, лица, состоявшие в услужении у ханов и других иранских властей, а также некоторые группы церковников, не были непосредственно заинтересованы в ликвидации иранского владычества.

¹ См. *Е. Хубов* Описание достопамятных происшествий в Армении, случившихся в последние 30 лет, т. е. от патриаршества Симеонава (1779) до 1809 года. СПб, 1811, стр. 50 и сл.

Все это привело в начале XIX века к напряженной борьбе среди армянских господствующих классов по вопросу о политической ориентации. В условиях того времени, когда их основным политическим центром являлся Эчмиадзин, выступавший от их имени и внутри страны и в сношениях с другими государствами, политические разногласия между отдельными группировками армянских господствующих классов привели к борьбе за католикосский престол. Разыгравшаяся в то время напряженная борьба за сан католикоса между двумя претендентами — епископами Даниэлом и Давидом, борьба, в которой приняли активное участие не только представители духовенства, но и армянская знать и буржуазия, проживавшая как в Закавказье, так и в Турции и в России, отнюдь не носила характер беспринципной склоки двух групп церковников, а имела, безусловно, большое политическое значение. Даниэл, поддерживаемый большей частью духовенства и буржуазии, особенно представителями армянской торгово-промышленной буржуазии в России, являлся открытым сторонником русской ориентации. Давид же, опиравшийся на наиболее реакционных церковников и феодалов, был столь же явным противником этой ориентации.

Избранный в 1801 г. католикосом, Даниэл был вскоре отстранен и заточен Давидом, который, при прямой поддержке ереванского хана и с помощью насилия, сумел захватить католикосский престол. Этот «лжекатоликос», не признанный большинством духовенства и мирян, стремился установить самые тесные связи с иранскими властями и не только не

был склонен содействовать русской политике в Закавказье, но и проявлял к России явную враждебность. Стоит только просмотреть его письма и послания этих лет, чтобы сразу убедиться в этом¹. Неудивительно поэтому, что этот иранский ставленник и сыграл известную роль в сближении Ирана с Францией.

В сентябре 1804 г., после неудачной осады Еревана Цициановым, Фетх-Али-шах, находившийся со своими войсками в Ереванском ханстве, посетил Эчмиадзин, где был торжественно принят Давидом². Во время состоявшихся между ними бесед Давид, хорошо информированный через представителей армянской церкви о политической обстановке в Европе, сообщил шаху интересующие его сведения о Франции и рассказал ему о Наполеоне³.

Эти сведения, полученные от армянского «лже-католикоса», и положили конец колебаниям шаха, который как раз в это время ознакомился и с новыми французскими предложениями о совместных действиях против России, полученными, как мы зна-

¹ См., например, его послание к жителям Баязета, в котором он с глубокой враждебностью описывает поход русских войск на Ереван в 1804 г. (Матенадаран, Арх. кат., папка 16, док. № 104).

² Подробное описание посещения шахом Эчмиадзина содержится в послании Давида к константинопольской армянской общине («Архив армянской истории», на арм. языке, VII, 441—445). См. также *Е. Хубов*, ук. соч., стр. 92.

³ «Mission du général Gardane en Perse sous le Premier Empire. Documents historiques publiées par son fils le c. Alfred de Gardane». Paris, 1865, стр. 13.

ем, летом 1804 г., во время пребывания шаха с войсками в Ереванском ханстве.

Через того же шейх-уль-ислама Мирза-Мортеза был сразу же дан благоприятный ответ на эти предложения. 20 октября Руссо сообщил уже Талейрану о письме Мирза-Мортеза, извещавшего его «что он восхищен возможностью союза между двумя государями» и заверявшего его, «что ничто не может быть столь лестно шаху Персии, как знаки дружбы со стороны знаменитого повелителя Французской империи, так как имя великого Бонапарта давно уже гремит в его владениях»¹.

Одновременно шах решил и сам непосредственно обратиться с письмом к французскому императору. Весьма вероятно, что это решение было принято уже во время его пребывания в Эчмиадзине и не без прямой рекомендации Давида. Во всяком случае нам известно, что письмо шаха Наполеону было отправлено с неким армянином по имени Иосиф. Об этом Иосифе упоминается во многих армянских, французских и русских документах, причем в последних он называется обычно Осипом Васильевичем. По сведениям Чарторыйского, он и до этого бывал «уже неоднократно в Персии по препоручениям от французских агентов»². Генерал Несветаев, командовавший русскими пограничными войсками, в одном из своих рапортов писал, предположительно, об этом Осипе, что он «из армян, бывших в России»³. Одна-

¹ *Dehérein*, ук. соч., стр. 39.

² „Акты“, II, 886.

³ АВПР, СПб, Главный архив, 1—13, 1805—1813 гг., д. № 8, л. 13—14.

ко в письме некого Айрапета из Баязета, несомненно более хорошо осведомленного, он назван «Иосифом ванским»¹. Все данные говорят за то, что этот Иосиф являлся тем самым «господином Иосифом», который был одним из ближайших сподручных Давида, неоднократно выполнявшим его поручения и развозившим его письма, о котором имеются многочисленные упоминания в его переписке².

В декабре того же года вышеупомянутый Иосиф прибыл в Константинополь под видом купца и явился к французскому послу Брюну, которому и передал письмо Фетх-Али-шаха к французскому императору. Брюн как раз в это время уезжал назад во Францию и отвез с собой это письмо, которое и было вручено Наполеону в конце января 1805 г.³. Иосиф же остался в Константинополе в ожидании ответа.

В письме шаха сообщалось о мнимых победах, одержанных персами над русскими, о том, что будто 12 000 русских убито, а остальные обращены в бегство; далее говорилось, что следующей весной иранская армия вторгнется в Россию, и если французы сделают то же, то они встретятся там с персами⁴.

Письмо это, подтвердившее сведения, поступившие к тому времени от Руссо о готовности иранского шаха заключить союз с Францией, явилось, несом-

¹ „Акты“, II, 272.

² См. „Архив армянской истории“, VI, 161—162, 244—245, 248—249 и др.

³ „Mission...“, стр. 14, *Dehérein*“, ук. соч., стр. 67.

⁴ *Driault*, ук. соч., стр. 172—173. Подлинник письма находится в парижском Национальном архиве.

ненно, весьма приятным сюрпризом для Наполеона. Оно было получено в момент, когда новая война Франции против России и ее союзников казалась уже неизбежной; дело было накануне подписания, в апреле 1805 г., англо-русского договора, приведшего к созданию третьей коалиции. Понятно, что Наполеон сразу же принял меры, чтобы не упустить столь благоприятную возможность. Было решено направить в Иран официального французского представителя.

V

Для выполнения этого важного политического задания Наполеон избрал Амедея Жобера, который, несмотря на свою молодость (ему в то время было всего 26 лет), пользовался его большим доверием. Хороший знаток восточных языков, в частности турецкого, Жобер сопровождал Наполеона в качестве переводчика во время его похода в Египет. Он был затем послан с генералом Себастиани в Египет и Сирию. Вскоре Жоберу было дано самостоятельное дипломатическое поручение. В мае 1804 г. он прибыл в Константинополь для вручения письма Наполеона султану Селиму, причем «говорил султану речь на турецком языке, что никогда не было здесь в обыкновении и делалось через драгомана»¹.

Жоберу было вручено письмо Наполеона шаху, датированное 27 плювиоза 13 г., т. е. 16 февраля 1805 г.². В этом письме французский император выражал радость по поводу того, что шах получил о-

¹ ЦГАДА, ф. Государственный архив, разряд XV, д. № 256, ч. II, л. 239.

² „Correspondance de Napoléon Ier“, X, 184—186.

нем сведения и узнал, как он возвысил Францию над всеми народами Запада и по каким мотивам он пять лет назад прервал осуществление проектов, намеченных им для славы восточных монархов и благосостояния их народов. Он хотел бы, в свою очередь, знать, что намерен сделать шах для величия своей империи и выражал надежду, что шах будет следовать примеру своего дяди Ага-Мохаммед-шаха и превзойдет его. Он рекомендовал ему, подобно своему предшественнику, не следовать советам нации купцов (т. е. англичан) и бороться против русских.

Далее Наполеон сообщал, что он отправляет к шаху одного из своих служителей, который должен выехать в Константинополь, а оттуда в Багдад, где Руссо укажет ему способ добраться до Ирана. В заключение письма говорилось о том, что народы Востока, храбрые по природе и одаренные, все же не в состоянии из-за незнания некоторых искусств, в частности военных, противостоять народам Севера и Запада. Шах должен поэтому сообщить о том, что ему нужно и возобновить с Францией ранее существовавшие дружественные отношения и торговлю.

Жоберу были вручены и письменные инструкции, в которых ему, между прочим, предписывалось внимательно ознакомиться с отдельными провинциями Ирана и, в случае возможности, добраться до Аракса и русской границы¹.

7 марта 1805 г. Жобер выехал из Парижа². Двенадцать дней спустя, 19 марта, Наполеон дал пред-

¹ *Puryear*, ук. соч., стр. 44.

² *P. A. Jaubert, Voyage en Arménie et en Perse. Paris, 1821, стр. 2.*

писание Талейрану отправить курьера в Константинополь с новыми шифрованными письмами для Жобера, а также для французского консула в Алеппо Корансэ. Корансэ должен был быть поставлен в известность о миссии Жобера; кроме того, поскольку могло случиться, что Жобер не доедет до Ирана, консула надлежало известить о намерении императора поддерживать самым эффективным образом связь с Персией. Одновременно он предлагал написать Руссо, чтобы тот продолжал свою переписку с иранским визирем¹. На следующий день Наполеон потребовал, чтобы Талейран представил ему письма Руссо и другие донесения, касающиеся Ирана, а также все, что написано англичанами об этой стране и что напечатано о ней в петербургских газетах².

Не прошло и двух недель, как было получено письмо Корансэ, отправленное еще 19 декабря предыдущего года. Письмо это подтверждало достоверность сделанного Ираном предложения о союзе³. Оно побудило Наполеона — уже до этого выражавшего опасения, что Жоберу не удастся добратся до Ирана — принять решение отправить туда и другого посланца. Выбор его пал на одного из своих адъютантов Ромье, уже ранее выполнявшего дипломатические поручения, который незадолго до этого был французским поверенным в делах в Корфу.

7 апреля император известил о своем решении Талейрана. Он предписывал ему дать Ромье те же

¹ „Correspondance de Napoléon I“, X, 295.

² Там же, X, 296—297.

³ *Puryear*, ук. соч., стр. 44

инструкции, что и Жоберу, и отправить его в кратчайший срок, с тем, однако, условием, чтобы Ромье выехал из Константинополя в Иран иным маршрутом, чем Жобер, и во всяком случае одновременно. Ромье также должен был ознакомиться с положением Ирана и с его военными силами и, в случае возможности, «объехать берега Аракса и продвинуться до русских границ». Хотя ему и надлежало вести себя сдержанно, но в разговоре с иранскими министрами он не должен был скрывать, что французский император хочет заключить с шахом союз и предложить ему помощь¹.

Ромье было вручено новое письмо Наполеона шаху². В письме этом он вновь говорил об общих интересах «наиболее благородной страны Азии» — Персии и «первой империи Запада» — Франции и рекомендовал опасаться русских и англичан. Он указывал, что задачей его нового посланца является ознакомление с нуждами и потребностями Ирана. В заключение он рисовал заманчивую картину широкой военной помощи, которую он намерен оказать державе шаха. «Когда твои подданные, — писал он, — смогут фабриковать оружие, когда твои солдаты будут обучены смыкать и размыкать ряды путем быстрых и правильных передвижений, когда они научатся поддерживать мощную атаку огнем подвижной артиллерии, когда, наконец, твои границы будут защищены многочисленными крепостями, а на Каспийском море будут развеваться флаги персидской

¹ „Correspondance de Napoléon I“, X, 362—363.

² Там же, X, 342—344.

флотилии, ты будешь иметь неприступную империю и непобедимых подданных».

Тем временем 10 апреля Жобер прибыл в Константинополь¹. Чтобы скрыть конечную цель его миссии, ему официально было дано другое задание, которое и должно было объяснить его приезд в турецкую столицу; ему поручено было вручить султану Селиму личное письмо Наполеона. Письмо это интересно для нас в том отношении, что Наполеон, пытаясь запугать султана «угрозой» со стороны России, призывал его оказать помощь Ирану и упрекал за то, что его министры не только не следуют этой политике, но даже не защищают интересы Ирана путем посредничества.

Вокруг вопроса о вручении этого письма в Константинополе разыгралась сложная дипломатическая борьба, подробно описанная в донесениях Италинского. Жобер требовал аудиенции у султана, чтобы лично вручить ему письмо императора. Италинский принял все меры, чтобы не допустить это, обратившись к визирю с соответствующим представлением. Порта, не желавшая в то время вызывать недовольства России, официально отказала Жоберу в его домогательствах. Но последнему все же удалось, с молчаливого согласия визиря, вручить Селиму письмо Наполеона во время загородней прогулки султана.

Пока Жобер был занят этим делом, в Константинополь прибыл в середине мая и Ромье², имевший

¹ *Jaubert*, ук. соч., стр. 3.

² *I. de Testa*, ук. сборник, док. VI, стр. 272.

³ О приезде Ромье Италинский сообщал в своем доне-

с ним там свидание. Ромье не пробыл долго в турецкой столице, а выехал в Алеппо, откуда он намерен был отправиться в Иран. Уже 3/15 июня Италинский сообщал о его отъезде¹, причем приводил следующие интересные сведения о его переговорах в Константинополе. «Эмиссар сей,— писал он Цицианову,—избранный Бонапартом конечно для подаяния персидскому владетелю советов для соображения с ним средств, могущих послужить ко вреду России, имел здесь ночные свидания с верховным визирем; предмет оных не мог не быть неприятельский в рассуждении нас. Можно заключить, что Ромье пущен в Персию для поддержания и оживления тамо войны противу нас, не преминул предложить визирю проекты, которые, будучи приняты и принятие их будучи сообщено им в Персию, могли сделать удобнее предлежащие там ему подвиги; предложениями такого рода мог он обратить внимание Порты на Грузию и заставить ее заниматься со стороны одного края военными приготовлениями»². Ромье, как видим, использовал свое кратковременное пребывание в Константинополе для переговоров, имевших целью побудить Порту к активному вмешательству в дела Закавказья и тесному сотрудничеству с Ираном.

Ромье доехал благополучно до Алеппо, куда прибыл 14 июля. Он предложил находившемуся там Жозефу Руссо отправиться вместе с ним в сении от 17/29 мая 1805 г. (АВПР, МИД, Канцелярия, 1805 г., д. № 2249, л. 417 об.).

¹ Там же, л. 544—547 об.

² „Акты“, II, 883.

Иран. Тот обещал приехать позже, а вместо себя рекомендовал своего шурина, Жоржа Утрея, сына врача Кристофа Утрея, оказавшего в свое время содействие Оливье и Брюгьеру.

Вскоре Ромье вместе с Жоржем Утреем и с сопровождавшими их лицами отправился в дальнейший путь. Его путешествие оказалось, однако, далеко не спокойным и не безопасным. Происшествия, случившиеся с Ромье во время его поездки в Иран, наглядно характеризуют нравы буржуазной дипломатии и методы борьбы английской и французской агентуры на Востоке.

В своем донесении от 3/15 октября Италинский сообщал о прибытии Ромье в Мосул. Одновременно он извещал о том, что французский поверенный в делах в Константинополе Руффен представил Порте ноту, в которой обвинял англичан в организации покушения на Ромье. В этих целях английский консул в Алеппо отправил вслед за ним «татарина», который должен был совершить это преступление; однако французский консул, проведав об этом, смог во время предупредить Ромье, который добился от местных турецких властей ареста этого «татарина», в момент его прибытия в Урфу¹.

Вскоре русским вице-консулом в Алеппо Пиччиотто были пересланы тексты писем, которыми публично обменялись французский консул Корансэ и английский консул Баркер.²

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1805 г., д. № 2250, л. 350 об.— 351 об.

² Там же, 1806 г., д. № 2258, л. 182—384 об.

В обширном заявлении Корансэ приводились следующие подробности организованного Баркером покушения на Ромье. Спустя три дня после отъезда Ромье из Алеппо, Баркер выслал вслед за ним некоего «татарина» Саргос-Али, уже до этого находившегося на английской службе и выполнявшего поручения английского консульства. У этого Саргоса-Али, в момент его ареста в Урфе, было найдено письмо Баркера к начальнику гарнизона Мосула Султану-аге, в котором он просил организовать убийство Ромье, как только последний выедет из этого города, выслав с этой целью вслед за ним отряд всадников. За это английский консул обещал своему «другу» Султану-аге пять тысяч пиастров, а кроме того разрешал оставить себе все захваченные вещи, кроме бумаг, которые тот должен был незамедлительно переслать ему.

Корансэ приводил также полученное им письмо, от 3 фруктидора—20 августа, самого Ромье, подтверждавшего все эти обвинения; он ссылался и на письмо Утрея аналогичного содержания. Корансэ напоминал при этом и другие аналогичные случаи организованных англичанами нападений на французских дипломатических агентов и военных. Он указывал, что лишь незадолго до этого у ворот Багдада был ограблен французский посыльный, который, попав в засаду, еле спасся от смерти.

В своем ответе Баркер не приводил никаких более или менее убедительных доказательств, которые могли бы поколебать выдвинутые против него обвинения. Он ограничивался лишь голословным отрицанием, отказываясь, в частности, от приписыв-

ваемого ему письма и утверждая, что «татарин» Саргос-Али не состоял на английской службе, а был лишь однажды отправлен им в Константинополь. Все эти голословные и противоречивые утверждения английского консула не могли опровергнуть изложенных в заявлении Корансэ фактов и приведенных им письменных улик. Единственно достойным внимания в ответе Баркера были его - обвинения по адресу французов в организации покушений и нападений на англичан, в частности в ограблении английских посыльных, как в районе Багдада, так и в других местах. В этом Баркеру можно было, несомненно, верить. Убийства и нападения из-за угла не были, разумеется, лишь монополией англичан. Применение подобных методов в борьбе против своих политических противников было столь же характерно и для французских дипломатических агентов на Востоке.

Счастливо избегнув, таким образом, угрожавшей ему опасности, Ромье продолжал свой путь и 24 сентября добрался до Тегерана.

Ценные сведения о его пребывании в столице Ирана и его переговорах с шахом мы находим в донесении русского консула в Трапезунде Рубо-де-Понтеве Чарторыйскому. «Сообщения, полученные мной из Персии, читаем мы в этом донесении, сводятся к тому, что французский эmissар, проникший туда через Багдад, явился ко двору шаха с верительными грамотами; он имел две аудиенции; он всячески стремился показать, что все заботы Бонапарта заключаются в том, чтобы вновь вернуть Персии весь ее прежний блеск..., что последний рассматривает шаха, как

одного из своих самых великих и самых дорогих союзников, что он призывает его, ради его собственного блага, атаковать Россию в наибольшем числе пунктов и с наибольшими силами, что со своей стороны он обещает сделать то же, что большие победы, которые он одержал над Россией и ее союзниками, не оставляют сомнения в том, что его могущественные армии смогут вскоре продвинуться до Крыма»¹.

По сведениям, полученным в Индии, предложения, сделанные Ромье, сводились к следующему: «Если Персия откажется от союза с Англией, которая не может ей помочь против России, и установит контакт с Францией, то император (Наполеон—А. И.) немедленно отправит министра-резидента в Тегеран, будет субсидировать персидские войска и пошлет вспомогательную армию в Грузию»².

До нас дошла также докладная записка, пересланная Ромье из Тегерана. Выдержки из этой записки, хранящейся во французском Национальном архиве, опубликованы в сборнике документов, посвященном миссии Гардана³. Они свидетельствуют, что его донесение было написано в резко враждебном России тоне. Ромье настаивал на заключении союза с Персией для того, чтобы предотвратить «рост Московии» и обеспечить целостность Османской империи.

Сохранилось и письмо Ромье Жозефу Руссо от 3 октября, в котором, сообщая о посещении шаха, он

¹ АВПР, СПб. Главный архив, 1—9, д. № 2, 1805—1810 гг., л. 163—165.

² Rawlinson; ук. соч., стр. 16, примечание.

³ „Mission...“, стр. 356—357.

писал, что персы выразили согласие отправить посла в Париж, но лишь после приезда в Иран Руссо. Ромье считал, что это условие было выдвинуто ими с целью выиграть время, дабы узнать, как будут реагировать англичане на их переговоры с Францией¹.

Ромье не удалось, однако, довести до конца начатые им переговоры. Через две с половиной недели после своего приезда в Тегеран, 12 октября, он скоропостижно скончался. «Спустя пять дней после своей второй аудиенции, писал в своем донесении Рубоде-Понтеве, и прежде, чем он успел что-либо довести до конца, он умер»². Италинский также был информирован английским послом в Константинополе, получившим письма от «английского агента в Багдаде», что Ромье и его драгоман «умерли на следующий день после аудиенции, которую они имели у шаха»³.

Эта внезапная смерть посланника Наполеона сразу же вызвала справедливые подозрения. В другом своем донесении Италинский писал, что «смерть г-на Ромье была приписана англичанам»⁴. Эти подозрения были тем более основательны, что одновременно с Ромье скончался один из его спутников, а также тяжело заболел Утрей, который, хотя и остался жив, но долгое время был при смерти. Если же принять во внимание, что все это произошло непосредственно после неудачного покушения на жизнь

¹ *Puryear*, ук. соч., стр. 57.

² АВПР, СПб. Главный архив, 1—9, д. № 2, 1805—1810 гг., л. 164.

³ АВПР, МИД, Канцелярия, 1805 г., д. № 2249, л. 521.

⁴ АВПР, МИД, Канцелярия, 1805 г., д. № 2258, л. 176 об.

Ромье по пути в Иран, то следует признать, что Корансэ, выступивший после его скоропостижной кончины в Тегеране с публичным обвинением англичан в убийстве французского посла, имел все основания видеть связь между этими двумя событиями¹.

Очевидно какой-нибудь новый гонец сумел благополучно прибыть в Тегеран вслед за Ромье и один из «друзей» англичан среди приближенных шаха принял необходимые меры, чтобы своевременно прервать начатые им переговоры. Таких «друзей», питавших слабость к английскому золоту, было у англичан в Иране вполне достаточно. Такими близкими друзьями открыто хвастал впоследствии Джонс, который, будучи в то время английским резидентом в Багдаде, столь подозрительно быстро получил информацию о смерти «эmissара Бонапарта».

Как бы то ни было, из Тегерана вернулся один лишь Утрей, который доставил письма шаха и визиря Мирза-Шефи. В письмах этих сообщалось о решении шаха отправить во Францию посла².

VI

В те дни, когда Ромье постигла в Тегеране столь печальная участь, другой посланец Наполеона, Жобёр, тоже находился в очень тяжелом и, казалось бы, безвыходном положении.

В исторической литературе все сведения о миссии Жобера черпались почти исключительно из опубликованной им в 1821 г. книги, посвященной описанию его путешествия «в Армению и Персию».

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1805 г., д. № 2258, л. 184—184 об.

² *Puryear*, ук. соч., стр. 57—58.

Между тем источник этот отнюдь не является столь надежным. В предисловии к своему труду Жобер с полной откровенностью указывал, что в своей работе он опускает все подробности, «относящиеся к политике», поскольку не желает быть нескромным¹. Таким образом, в его книге нет самого главного — сведений о его политической миссии и переговорах в Иране. Но даже при описании своего путешествия и своих злоключений Жобер о многом утаивает, в частности обо всем, связанном с деятельностью французской агентуры на Востоке.

Мы находим, однако, весьма ценные сведения о миссии Жобера в архивах русского министерства иностранных дел, причем лишь незначительная часть этих документов опубликована по второму томе «Актов» Кавказской археографической комиссии. Жобер, отправившийся в Иран не через Месопотамию, подобно Ромье, а через Западную Армению, не мог не привлечь особого внимания русских дипломатических агентов. Среди различных архивных материалов, относящихся к Жоберу, особый интерес представляют донесения Рубо-де-Понтеве.

Обосновавшийся в Трапезунде французский эмигрант Рубо-де-Понтеве, сперва выполнял там функции неофициального русского агента, а затем был назначен русским консулом, в каковой должности пребывал до начала 1807 г., когда, в связи с русско-турецкой войной, был выслан в Россию. Рубо-де-Понтеве, в качестве русского представителя, находился в самом центре ожесточенной борьбы, которую приходилось вести русской дипломатии про-

¹ *Jaubert*, ук. соч., стр. II.

тив происков французской агентуры в восточных провинциях Турции.

Если на юге Османской империи, в Алеппо и Багдаде, действовала французская агентура, возглавляемая Руссо и Корансэ, то на северо-востоке, в пограничных с Россией областях, главными французскими агентами являлись консул в Синопе Фуркад и вице-консул в Трапезунде Дюпрэ. Мы знаем уже, какие усилия прилагало в эти годы французское посольство в Константинополе, чтобы ухудшить русско-турецкие отношения и добиться разрыва между Турцией и Россией. На французских агентов в Трапезунде и Синопе была возложена задача содействовать достижению этой цели путем различных провокаций, распространения ложных слухов и даже прямых диверсий. Они возглавляли также всю шпионскую сеть в Западной Армении и на Кавказе, основными кадрами которой являлись католические миссионеры, сумевшие проникнуть даже в Грузию и обосноваться в Тбилиси, под боком у русского командования на Кавказе¹.

Многочисленные данные о шпионской и диверсионной деятельности французских агентов в Синопе и Трапезунде приводятся почти в каждом донесении Рубо-де-Понтеве. Так, 3 сентября 1805 г. он писал: «Французский консул и вице-консул действу-

¹ Еще в 1803 г. Италинский обращал внимание Цицианова на учрежденное издавна в Грузии общество миссионеров католического исповедания, которое всегда состоит в переписке с находящимися здесь (в Константинополе — А. И.) французскими министрами. Сии миссионеры по происшествию нескольких лет переменяются" („Акты", II, 875).

ют в районе Черного моря всеми возможными способами против интересов его императорского величества». Далее он сообщал, что французский вице-консул в Трапезунде установил контакт с капуцином, возглавлявшим католическую миссию в Тбилиси, чтобы таким способом получать сведения и доносить своему правительству обо всем происходящем в Грузии и Иране. Когда он поставил об этом в известность главнокомандующего в Грузии, последний запретил упомянутому капуцину переписываться с французским вице-консулом. Однако последний тотчас связался с настоятелем одного монастыря и предложил ему установить контакт с тбилисским капуцином, с тем, чтобы передавать получаемую от него информацию¹.

О шпионской деятельности французских агентов сообщал и русский консул в Синопе Конюшенко. «Подозрение вашего превосходительства, писал он Италинскому, что в Грузии и Персии существуют французские шпионы весьма справедливо... к тому же католические миссионеры, находящиеся в Персии и Грузии, безсомненно сообщают ей (Франции—А. И.) все новости; не сомнительно также, что и Тайяр-паша (трапезундский паша—А. И.) уведомляет о всем французского комиссара, здесь находящегося». Последний, кроме того, получает сведения от караванов, прибывающих в Трапезунд из Эрзерума².

Как видно из переписки Чарторыйского с Ци-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1805—1810 гг., 1—9, л. № 2, л. 23—24.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1805 г., д. № 2249, л. 658—659 об.

циановым, французские представители всячески пытались настроить против России пограничных турецких пашей. Им удалось даже вызвать в Карсе «некоторое движение и сомнительство», выразившееся в «военных приготовлениях»¹. Французским эмиссарам, сообщал Рубо-де-Пантеве, удалось почти повсюду возбудить турецкий фанатизм. Дело дошло до того, что некоторые именитые трапезундские турки подписали прошение, требовавшее удалить русских консулов, запретить русским негоциантам селиться на турецкой территории и не допускать русские корабли в турецкие порты².

Понятно поэтому, что Рубо-де-Пантеве не мог не обратить самого пристального внимания на нового французского агента—Жобера, прибывшего в Трапезунд, чтобы преследовать через Западную Армению в Иран. Этот интерес усугублялся той таинственностью и секретностью, которой была облечена его миссия.

Еще будучи в Константинополе, Жобер установил контакт с армянином Иосифом, привезшим письмо от шаха и дожидавшимся ответа. Обсудив с ним вопрос о возможных маршрутах в Иран, он решил ехать морским путем в Трапезунд, а оттуда отправиться через Эрзерум и Ереван³. Но чтобы скрыть его поездку, был проделан следующий маневр. Официально было объявлено, что Жобер возвращается во Францию. На самом же деле под его

¹ „Акты“, II, 885, 1033.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., л. № 2. л. 217 об—218 об.

³ *Jaubert*, ук. соч., стр. 4.

именем выехал в конце мая в Варну и далее во Францию сын драгомана французского посольства Франчини, который прибыл в Париж 4 июля. 7 июля в правительственном вестнике—«Журналь офиciel» было напечатано следующее сообщение: «Г. Жобер вернулся три дня назад из своей миссии в Константинополь». Тем временем Жобер отплыл 30 мая в Трапезунд под именем Жозефа Аллье, французского вице-консула в Геракле¹. Кроме одного «татарина» и слуги француза его сопровождал шахский посланец—Иосиф.

По прибытии в Трапезунд Жобер сразу вошел в сношения с Дюпрэ, через посредство которого он должен был в дальнейшем поддерживать связь с французским посольством в Константинополе. Переодевшись в «персидские одежды», он 11 июня отправился в дальнейший путь. Он ехал под видом купца-армянина, направлявшегося в Эчмиадзин для паломничества, а также для получения денег, которые будто бы должен был ему католикос².

До нас дошло письмо, написанное Жобером Дюпрэ и пересланное в двойном конверте на имя одного армянского священника (очевидно знакомого Иосифа). В письме этом он извещал французского вице-консула, что с ним все обстоит благополучно, но что его «торговые дела» по-видимому затянутся. Он просил, поэтому, отпустить судно, доставившее его из Константинополя в Трапезунд.

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., л. № 2, л. 26.

² *Jaubert*, ук. соч., стр. 28.

Дальнейшее путешествие Жобера через Эрзерум до Баязета хотя и связанное со значительными трудностями (особенно из-за непрерывных нападений курдов), было совершено им благополучно. Но в одной деревне близ Баязета он был задержан людьми местного курдского паши Махмута, которые объявили ему, что для выяснения его личности и цели его путешествия он должен быть доставлен в Баязет. Он успел, однако, написать письмо «патриарху Трех церквей», т. е. католику Давиду, в котором извещал его о случившемся¹. Этот факт еще раз свидетельствует, что поездка Иосифа в Константинополь с письмом шаха была организована Давидом, к которому французский посланник и поспешил теперь обратиться за содействием.

На следующий день Жобер со своими спутниками был препровожден в Баязет к Махмут-паше. Дальнейшие события, согласно донесению Рубо-де-Понтеве, рисуются в следующем виде. В ответ на вопрос паши «он заявил, что он по своему происхождению армянин, проживающий в Европе, что для выполнения обета, данного его отцом, он совершает паломничество в Эчмиадзин. Паша, мало убежденный этой небылицей, сделал вид, что верит ему и дал ему уехать, но приказал следовать за ним по пятам. В течение некоторого времени он действительно ехал по дороге в Эчмиадзин, но потом внезапно изменил путь в направлении Персии; тогда люди паши набросились на него и привезли его обратно в Баязет, где он и его спутники были заклю-

¹ *Jaubert*, ук. соч., стр. 28.

чены в темницу и закованы, а его переводчик был на следующий день повешен»¹.

Рассказ самого Жобера в общем подтверждает донесение русского консула за исключением того, что, по его утверждению, он не был пойман людьми паши при попытке изменить свой маршрут, а был конвоирован ими до иранской границы, а затем внезапно отвезен назад в Баязет². Это представляется не совсем убедительным, поскольку в таком случае паша вообще не имел основания выпускать его из города. Как бы то ни было, Жобер, привезенный в Баязет, был заключен вместе со своими слугами в подземелье баязетской крепости. Иосиф же, задержанный в Баязете еще накануне, был подвергнут пыткам, а затем задушен по приказу паши.

Смерть Иосифа не дала ему возможность выполнить одно важное поручение, которое было на него возложено. Мы не знаем, отправил ли католикос Давид со своим посланцем какое-либо личное письмо Наполеону, но мы имеем сведения о том, что Иосифу было вручено письмо французского императора на имя католикоса.

Еще в 1802 г. в инструкциях, данных Брюну, Наполеон предписывал ему взять под свое покровительство «всех христиан Сирии и Армении»³. «Покровительство» христианам, в том числе армянам, издавна являлось одним из излюбленных приемов французской дипломатии на Востоке. Неудивитель-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., д. № 2, л. 120.

² *Jaubert*, ук. соч., стр. 30—43.

³ *I. de Testa*, ук. сборник, стр. 253.

но поэтому, что французский император поспешил использовать первую представившуюся ему возможность для установления контакта с главой армянской церкви.

О письме Наполеона мы имеем сведения из послания к нему эчмиадзинских епископов от 25 апреля 1809 года. В послании этом епископы писали, между прочим, что еще в 1804 г. до них дошло известие, что они должны были получить от французского императора письмо, которое они, однако, не получили «так как баязетский паша убил письмоносца по имени Иосиф, нашей нации, и пропали все письма, бывшие при нем»¹.

Каковы были причины, побудившие баязетского пашу столь жестоко расправиться с Иосифом, а самого французского посланца заключить в темницу? Рубо-де-Понтеве в своем донесении приписывает это тому, что Жобер тратил по дороге много денег и в результате всюду распространились слухи, что при нем было много золота и драгоценностей. Уже этого одного, по словам русского консула, было достаточно, чтобы привлечь внимание паши. Кроме того, Жобер не имел фирмана на право проезда дальше Трапезунда, что давало паше формальное право его задержать².

Но вряд ли этот мотив был решающим.

¹ Матенадаран. Рукопись № 2922, л. 19 об.—20. Послание это, о котором нам придется говорить ниже, было опубликовано в армянском журнале „Лума“, № 1, за 1897 г., стр. 303—305.

² АВПР, СПб. Главный архив, 1—9, д. № 2, 1805—1810 гг., л. 120 об.

Несомненно, что баязетский паша, привыкший, как и другие курдские вожди, к своеволию, был не прочь завладеть деньгами Жобера и драгоценными подарками, которые тот вез в Иран. Действительно, эти деньги и драгоценности были сразу же у него отобраны. Однако паша едва ли решился бы на это, если бы не было иных, более веских причин для ареста французского посланца.

Франко-турецкие отношения к тому времени значительно ухудшились. Порта отказывалась даже признать Наполеона императором. После бесплодных переговоров Брюн в декабре 1804 г. демонстративно выехал из Константинополя. Личное письмо Наполеона к Селиму, привезенное Жобером, было полно упреков и претензий; Наполеон призывал султана «пробудиться» и прогнать министров, продавшихся русским. На это обращение был дан от имени султана холодный и сдержанный ответ. Франко-турецкие отношения были столь плохими, что Англия и Россия лелеяли даже надежду склонить Турцию вновь, как и в 1798 г., вступить в антифранцузскую коалицию. Именно поэтому Жобер и не решился ехать через турецкие владения под своим настоящим именем, а отправился туда тайно, под видом купца-армянина.

Отношения между Оттоманской империей и Ираном тоже были довольно напряженными из-за пограничных споров, особенно в связи с конфликтом из-за курдского округа Сулеймание, входившего в состав Багдадского пашалыка. Конфликт этот привел год спустя к вооруженному столкновению между обоими государствами. Из донесений Рубо-

де-Понтеве мы знаем также, что Махмут-паша и сам лично находился в весьма враждебных отношениях с персами. Он имел поэтому все основания, не опасаясь гнева Порты, задержать подозрительного французского посланца, тайно пробиравшегося в Иран.

События, происшедшие в Баязете, не сразу дошли до сведения царского правительства, которое в те дни было весьма обеспокоено известиями о поездке двух французских эмиссаров в Иран. 26 июля 1805 г. Чарторыйский отправил Цицианову специальное отношение, в котором извещал его об отъезде Жобера под чужим именем из Константинополя, а также о поездке—«неизвестно однако же какою дорогою»—другого французского эмиссара, Ромье. «Не трудно проникнуть, говорилось в этом письме, в настоящий предмет сей посылки; известно, что они везут с собою знатные суммы денег и догадываться можно с некоторою основательностью, что намерения их устремляются против России. При теперешних неприязненных обстоятельствах наших с Персией, не трудно будет склонить Баба-хана к сильнейшим покушениям на пределы грузинские или, по внушениям их, на другие какие-либо вредные замыслы». Чарторыйский предписывал поэтому главнокомандующему в Грузии отправить в Тегеран «доверенного человека», который мог бы содействовать «уменьшению влияния французских эмиссаров» и «мог бы с своей стороны также внушить приближенным к Баба-хану о честолюбии Бонапарта, о покушениях его на Египет, о замыслах его на Азию...» Одновременно он предлагал Цицианову самому придумать

способ «для опровержения неприличных замыслов кабинета Сен-Клу»¹.

Цицианов получил сведения о поездке Жобера и от Италинского, поспешившего известить его, письмом от 7/19 августа, что Жобер тайно отправился в Персию, «где он имеет исполнить данные ему от Бонапарта поручения, неприятельские для России, которые хотя неизвестны во всей их точности, но несомненно то, что он, поощряя Баба-хана в продолжении противу нас войны, имеет обещать разные пособия, а особливо доставление ему из восточной Индии довольно числа офицеров и прочих служителей артиллерийских»².

Получив все эти сообщения и предписания, Цицианов немедленно принял целый ряд мер. Он дал распоряжение сообщить трапезундскому Таяр-паше, домогавшемуся в то время покровительства России, чтобы тот доказал свое расположение «поимкою известного француза Жобера»³. Аналогичное указание он дал принявшему русское подданство и перешедшему на русскую службу Джафар-Кули-хану хойскому, которому были пересланы приметы Жобера и его спутников⁴. Но не надеясь всецело на последнего, он сделал следующее распоряжение генералу Несветаеву: «Выберите несколько человек верных, во всем надежных и хорошо вооруженных армян и их под видом купцов, так как они здесь всегда ездят с оружием, отправьте проехать по дороге до

¹ „Акты“, II, 841.

² Там же, II, 885.

³ Там же, II, 889.

Там же, II, 577, 866.

самого Баязета и в других местах, где только можно ожидать, что сей француз проедет и везде об нем скрытно разведать... Между прочим, уверьте их от имени моего, что если они его поймают и привезут ко мне, то им будет дано за то 2 000 рублей серебром»¹.

Вскоре, однако, до Цицианова дошли сведения о баязетских событиях, но первоначально в искаженном виде: Жобер вместе со своими спутниками был будто бы убит баязетским пашой. Об этом главнокомандующий и поспешил поставить в известность Петербург. Лишь некоторое время спустя он узнал истину².

Жобер был брошен в подземелье баязетской крепости 5 июля 1805 г.³ и оставался там несколько месяцев. В своей книге он подробно описывает свою жизнь в этой мрачной темнице и все происшедшие с ним за это время события. Скажем лишь следующее. Осенью этого года в Баязете вспыхнула эпидемия чумы, жертвой которой стал сам Махмут-паша⁴. Его преемником был провозглашен его сын Ахмед, который также заболел чумой и умер. Пашой Баязета сделался брат Махмута Ибрагим, который вскоре и оказался вынужденным отпустить Жобера на свободу.

¹ „Акты“, II, 888.

² Там же, II, 632, 891—892.

³ *Jaubert*, ук. соч., стр. 93, примечание.

⁴ О смерти баязетского паши от чумы архиепископ Ованес сообщал из Тбилиси архиепископу Ефрему в письме от 22 октября 1805 г. (Матенадаран, Архив кат., папка 16, док. № 30).

В иранской хронике освобождение Жобера приписывается вмешательству Ирана: Аббас-Мирза, получив сведения о том, что баязетский паша задержал французского посланника, собрал большие силы, чтобы его освободить, и предъявил соответствующее требование эрзерумскому сераскиру Юсуф-паше, который, опасаясь возможных последствий, распорядился отпустить его на свободу¹.

В своей книге Жобер подтверждает, что, находясь в темнице, он сумел переслать письмо в Иран с извещением о случившемся. В результате к Ибрагим-паше приехали люди от ереванского хана с требованием освободить посланника. Когда же тот ответил отказом, то из Ирана прибыли другие уполномоченные с аналогичными требованиями уже от имени шаха².

Но не эти настояния побудили нового баязетского пашу освободить своего узника. Сам Жобер в своей рецензии на иранскую хронику оспаривает утверждение, что он был освобожден из-за вмешательства персов. По его словам, правда заключается в том, что он был обязан своим спасением «уважению к французскому имени, которое внушила на всем Востоке победа при Аустерлице»³.

Действительно, Ибрагим-паша на первых порах лишь извлек Жобера и его спутников из подземелья, в котором они находились, но не отпустил их на свободу. По сообщению генерала Несветаева, представившего подробный рапорт о всех событиях, связан-

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 276.

² *Jaubert*, ук. соч., стр. 68.

³ „Nouveau Journal Asiatique“, XIII, 140.

ных с освобождением Жобера, Ибрагим-паша «приказал его вынуть из ямы, обрил голову и посадил в башню». Он не только не был намерен отпустить его, но даже предложил русскому командованию выдать как его бумаги, так и его самого. Джафар-Кули-хан, являвшийся родственником баязетского паши, и Будаг-султан артический, имевший «с знатнейшими баязетскими жителями большую связь»¹, вступили об этом в переговоры с пашой. Джафар-Кули-хан отправил было в Баязет «вернейших людей», которые должны были привезти Жобера на Кавказ, однако вскоре они возвратились и донесли, что Жобера уже нет в Баязете. Оказалось, что бывший турецкий -визирь Юсуф-паша, назначенный сераскиром в Эрзерум, узнав о том, что Жобер задержан баязетским пашой, «тотчас послал к нему фирман и требовал выдачи его именем турецкого двора». Ибрагим-паша, испугавшись, вынужден был выдать французского эмиссара Юсуф-паше².

¹ Будаг-султану, лишь незадолго до этого вступившему в подданство России, Цицианов отправил на этот счет специальное предписание, обещая тотчас выдать ему 500 или даже 1000 червонцев на подарки баязетскому паше, а кроме того, освободить его самого на три года от дани («Акты», II, 578).

² АВПР, СПб. Главный архив, 1—13, дело № 8, 1805—1813 гг., л. 13—14 об. Мы знаем также из сообщения баязетского жителя Айрапета архиепископу Ованесу, что Юсуф-паша узнал о Жобере из писем нахичеванского хана Келб-Али и католикаса Давида, которые обратились к нему с просьбой освободить французского посланника и его спутников и отправить в Иран («Акты», II, 273).

Сам Жобер ничего не знал (и, как видно из его книги, и в дальнейшем ничего не узнал) о переговорах Ибрагим-паши относительно его выдачи, за соответствующую мзду, русскому командованию. Но он также подтверждает, что был освобожден по прямому требованию Порты. По его словам, в полученном из Константинополя приказе об его освобождении говорилось, чтобы ему были возвращены его вещи и бумаги и чтобы он был с почетом препровожден в лагерь Юсуф-паши¹.

Поскольку дело происходило в начале 1806 г., то непосредственная связь между этим вмешательством Порты и европейскими событиями конца 1805 г. несомненна. Просматривая донесения русского посольства в Константинополе, можно легко убедиться какое потрясающее впечатление произвело на Порту сражение при Аустерлице. Все попытки русской и английской дипломатии сгладить и ослабить это впечатление не привели ни к каким результатам. Турецкое правительство, поспешившее признать императорский титул Наполеона и отправить в Париж чрезвычайного посла, сразу же изменило курс своей политики и стало явно ориентироваться на победоносную Францию; отношения же Турции с Россией и Англией быстро ухудшались. Понятно, почему Порта приняла теперь энергичные меры для освобождения задержанного баязетскими курдами посланника Наполеона.

19 февраля 1806 г. Жобер выехал из Баязета вместе с офицером, присланным за ним Юсуф-пашой;

¹ *Jaubert*, ук. соч., стр. 71.

а 14 марта прибыл в лагерь сераскира, расположенный к западу от Эрзерума¹. Юсуф-паша знал его лично, так как, будучи великим визирем, сам представлял его в 1804 г. султану. Он принял его очень любезно, но задержал на некоторое время при себе, ожидая дальнейших инструкций². Через несколько дней прибыли из Константинополя курьеры, которые привезли новые фирманы Порты, а также письма на имя Жобера от французского поверенного в делах Руффена.

1 апреля Жобер выехал из лагеря Юсуф-паши. С его согласия и ведома он сделал вид, что едет в Константинополь, но затем изменил свой маршрут и направился в Ван. Вслед за ним выехал и сын французского вице-консула в Трапезунде Дюпрэ. Из Вана Жобер отправил письмо шаху. Указывая, что русские продолжают наносить поражения персам, он выражал надежду, что с помощью Наполеона персы «в свою очередь разобьют русских и будут отомщены»³.

30 апреля Жобер выехал из Вана, благополучно пересек иранскую границу и 4 мая прибыл в Хой.

¹ *Jaubert*, ук. соч., стр. 90—93.

² Один трапезундский кади находился при Юсуф-паше, когда к последнему привели Жобера. По возвращении в Трапезунд, он рассказал Рубо-де-Понтеве следующие подробности о допросе Жобера пашой. Отвечая на вопросы паши, Жобер заявил, что он — секретарь императора французов, что в момент, когда он был задержан, он направлялся в Иран по распоряжению своего государя, что он скрывал это, потому что имел на то соответствующие указания. В тот же день паша имел с ним вторую беседу, но уже наедине (АВПР, СПб Главный архив, 1—9, д № 2, 1805—1810 гг., л. 130—131).

³ Там же, л. 163—165.

VII

Жобер прибыл в Иран в момент, крайне благоприятный для успешного осуществления возложенной на него миссии. Чтобы уяснить себе сложившуюся к тому времени обстановку, необходимо остановиться на развитии англо-иранских отношений после заключения договора 1801 года.

Союзный договор с Англией внушил на первых порах иранским правящим кругам большие надежды. Близкие отношения с англичанами казались в то время Фетх-Али-шаху и его министрам необходимой предпосылкой для успешной борьбы против русских. Именно поэтому шах и его приближенные готовы были не обращать внимания даже на такие инциденты, которые, при иных обстоятельствах, должны были бы вызвать их недовольство.

Вместе с Малькольмом в Индию отправился, как мы знаем, иранский посол Хаджи-Халил-хан. В Бомбее он был торжественно встречен и к нему для его личной охраны был прикомандирован воинский отряд. Однако посольство Хаджи-Халила вскоре закончилось катастрофой. Он прибыл в Бомбей 21 мая 1802 г., а уже два месяца спустя, 20 июля, был убит во время столкновения, происшедшего между его людьми и солдатами охранявшего его отряда¹.

Убийство иранского посла вызвало среди английских властей Индии большой переполох. Малькольм был срочно отправлен в Бомбей, где от имени Ост-Индской компании обещал родственникам уби-

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 210—211.

того щедрые подарки и пенсии. Секретарь Малькольма лейтенант Пасли, сопровождавший его во время его миссии в Иран, отвез тело посла в Бушир. Туда же выехал и другой английский представитель Ловет с письмом от генерал-губернатора Индии Уэльзли к шаху¹.

Иранское правительство сочло себя вполне удовлетворенным, так как оно не имело ни малейшего намерения раздуть этот инцидент и в какой-либо мере ухудшить отношения с Англией. Ходили даже слухи, что один из иранских министров заявил по этому поводу, что англичане могут убить десять послов, если они заплатят за них столь же щедро.

Впоследствии, в 1807 году, визирь Аббас-Мирзы Мирза-Бозург, рассказывая об усилиях, приложенных иранским правительством, чтобы поддержать «приязнь с англичанами», говорил русскому представителю майору Степанову: «Мы половину Индии им уступили, дабы только не раздражить существующей дружбы; и даже когда у них убит наш посланник, очень хороший человек, то мы и то оставили»².

Англичане решили использовать убийство Хаджи-Халила, чтобы отправить в Иран новое посоль-

¹ Kaye, ук. соч., I, 37—41. Необходимо указать, что после Малькольма в Иран продолжали приезжать по различным делам представители Ост-Индской компании. Так, в первой половине 1802 г. в Бушир прибыл Эдуард Скотт-Уоринг, посетивший затем Шираз. Пять лет спустя он опубликовал отдельной книгой описание своего путешествия. См. *Edward Scott Waring. A Tour to Sheeraz, London, 1807.*

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, 1806 г., д. № 3, папка х. 72—72 об.

ство, чтобы еще более усилить английское влияние в этой стране. Намерение послать нового английского представителя в Иран возникло, видимо, еще в начале 1803 г. Об этом свидетельствует письмо директора Ост-Индской компании Давида Скотта Кестльри от 10 февраля этого года, в котором он приводил имена шести агентов компании, владевших персидским языком, в том числе резидента в Багдаде Джонса и резидента в Басре Манести¹. В конечном итоге выбор остановился на Манести, который, однако, прибыл в Иран лишь в 1804 г. и был принят шахом в его летней резиденции—Султаниэ². Официально он приехал для того, чтобы принести извинения за убийство иранского посла. Но его миссия имела и другие, далеко идущие, цели.

Манести возобновил переговоры об уступке англичанам портов на побережье Персидского залива. В одной докладной записке, составленной два года спустя в Петербурге, на основании сведений, полученных министерством иностранных дел, говорилось по этому поводу следующее: «Известно, что Бабахан поддерживает дружественные отношения с Индийской компаниею, которая в 1804 г. отправила посольство в Тегеран для переговоров об уступке нескольких портов на Персидском заливе»³. Англичане, таким образом, продолжали настойчиво стремиться захватить опорные пункты на юге Ирана как

¹ „The Correspondence of David Scott“, II, 415.

² „The Dynasty of the Kajars“, стр. 211.

³ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, 1806 г., д. № 3, папка I, л. 11—11 об.

базы для дальнейшей политической и экономической экспансии на Востоке.

Манести прибыл в Иран в момент, когда началась русско-иранская война и когда иранские правящие круги нуждались в военной помощи. Вопрос об уступке портов на Персидском заливе и выдвигался, по-видимому, англичанами в связи с вопросом об оказании Ирану военной помощи. Мы располагаем сведениями, что Манести действительно вел какие-то переговоры, имевшие прямое отношение к русско-иранской войне. Он предлагал Ирану «посредничество» Англии, но в то же время на деле всячески стремился разжечь эту войну, вдвойне выгодную англичанам и с точки зрения ослабления позиций России на Востоке и как средство для дальнейшего политического и экономического порабощения самого Ирана.

Интересные данные на этот счет содержатся в статье, опубликованной в 1807 г. в «*Journal de Paris*» и написанной на основании сведений, собранных Жобером во время его пребывания в Иране¹. Англичане, говорилось в этой статье, предложили шаху «свое посредничество, чтобы положить конец его разногласиям с Россией лишь с намерением его обмануть; и тут, как и в Европе, англичане не переставали расточать золото, чтобы разжечь войну, выгодную для их целей. Они послали Манести с миссией, видимой задачей которой являлось получить порты на Персидском заливе; но известно, что этот

¹ *Jaubert*, ук. соч., стр. 276.

посланник переправил ряд денежных сумм в Грузию¹.

О переговорах Манести с шахом мы знаем также из сообщения, сделанного в конце 1804 г. армянином Тер-Назаровым, прибывшим в Тбилиси из Тавриза². Тер-Назаров привез известие о том, что у шаха находился английский посол, который затем «поехал в Багдад, с тем, чтобы оттоль морем возвратиться». Сам шах был в то время в Султаниэ, где и получил известие о поражении, нанесенном русскими войсками его сыну Аббас-Мирзе. Он «тотчас собрался к нему на помощь и тогда находившийся при нем английский посол... советовал ему не ехать, говоря, что русские его разобьют, привыкши всех побеждать».

Из этого сообщения мы можем, прежде всего, заключить, что Манести находился у шаха в июне-июле 1804 г., когда последний, получив сообщение о поражении войск Аббас-Мирзы у Эчмиадзина, спешно выступил ему на помощь в Ереванское ханство. Как видим, английский представитель не только не уклонялся от обсуждения вопросов, связанных с русско-иранской войной, но и давал шаху советы, рекомендуя осторожность, чтобы не поставить неподготовленную иранскую армию под удар русских.

На вопрос Цицианова о целях приезда английского посла Тер-Назаров сообщил дополнительно следующее: «Англичане у шаха просили уступки

¹ Статья эта перепечатана в предисловии к третьему тому сочинения Оливье, опубликованному в том же 1807 г. См. Olivier, ук. соч., III, стр. VIII.

² „Акты“, II, 814—815.

Бендер-Бушира, Бендер-Аббаса и Бендер-Сурата, городов близ Персидского залива лежащих, потому что оные расстоянием от Шираза только на 15 часов езды; но шах отозвался смутными обстоятельствами, в коих он тогда находился». Таким образом шах, в переговорах с Манести, в ответ на английские домогательства, ссылаясь на затруднительное положение Ирана в связи с войной против русских, т. е., очевидно, выдвигал вопрос об оказании Ирану военной помощи.

Что Манести, находясь в Иране, не только вел от имени Ост-Индской компании переговоры о поставках вооружения для иранской армии, но и что эти переговоры привели к вполне определенным результатам, мы знаем из других достоверных источников.

В исторической литературе дело обычно изображается таким образом, что англичане стали оказывать военную помощь Ирану лишь с 1809 г., когда Россия, являвшаяся после Тильзитского мира союзницей Франции, находилась с Англией в состоянии войны. Этот прочно укоренившийся взгляд не соответствует, однако, действительности. На самом деле уже с начала русско-иранской войны англичане оказывали военную помощь Ирану, несмотря на то, что Англия в то время была в самых близких отношениях с Россией.

Интересные сведения об этом содержатся в докладной записке, представленной в 1807 г. Рубо-де-Понтеве министру иностранных дел Румянцеву. Вернувшись в Россию после начала русско-турецкой войны, Рубо-де-Понтеве вручил Румянцеву док-

ладную записку, посвященную английской политике на Востоке. В записке этой он, между прочим, писал: «Моим долгом является не скрыть также от вашего превосходительства, что английская Компания (т. е. Ост-Индская компания—А. И.) поставляла артиллерию Персии в то самое время, когда она (Англия—А. И.) казалась столь тесно связанной с нами. Она, несомненно, будет по этому поводу оправдываться тем, что это были лишь торговые операции, которые делались без ее ведома; никто, однако, не может заниматься в Индии подобными торговыми операциями с вооружением, кроме ее Компании, которая на деле является составной частью правительства»¹.

Следовательно, после начала русско-иранской войны англичане не только не поддержали Россию, не только не использовали свое влияние, чтобы принудить Иран прекратить войну против русских, но, наоборот, сразу же стали оказывать Ирану военную помощь, поставляя вооружение.

Но с точки зрения иранских правящих кругов подобная помощь была недостаточной. Фетх-Али-шах и его министры хотели получить от Англии прямую военную поддержку против России, согласно англо-иранскому союзному договору. В этих целях из Ирана был отправлен в Индию новый посол на место убитого Хаджи-Халила — зять последнего Мохаммед-Неби-хан², который прибыл в Бомбей в октябре 1805 г. Его «политическая миссия», как свиде-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., д. № 2, л. 314—314 об.

² „The Dynasty of the Kajars“, стр. 211—212.

тельствуют индийские архивы, «заклучалась в требовании помощи против России» и «вооруженного вмешательства» англичан в пользу Ирана¹.

Переговоры Мохаммед-Неби-хана с генерал-губернатором Индии не привели к каким-либо существенным результатам. Английские власти в Индии не решались самостоятельно взять на себя новые обязательства или предпринять какие-либо действия и поэтому, еще до приезда иранского посла, обратились с соответствующим запросом к английскому кабинету. Но и английское правительство, обсуждая в течение длительного времени этот вопрос, все не могло прийти ни к какому решению и не давало генерал-губернатору Индии никаких определенных указаний².

Эти колебания английского правительства были легко объяснимы. Общая международная ситуация как в период третьей коалиции, так и после ее разгрома, настойчиво требовала от Англии дальнейшего сближения с Россией для совместной борьбы против Франции. В этих условиях английское правительство, при всем своем желании ослабить позиции России на Востоке, все же не решалось оказать Ирану прямую вооруженную помощь в войне против России.

Тем временем в Тегеран прибыл Ромье. Сделанные им от имени французского императора предложения о совместной борьбе против русских, были обусловлены требованием разрыва Ираном союза с

¹ *Rawlinson*, ук. соч., стр. 14, примечание, стр. 16, примечание.

² *Kaye*, ук. соч., I, 48; *Rawlinson*, ук. соч. стр. 17, примечание.

Англией. Хотя шах подтвердил свое намерение вступить в союзные отношения с Францией и согласился отправить туда иранского посла, но, как справедливо предполагал Ромье, иранские правящие круги все еще хотели выиграть время, чтобы окончательно выяснить позицию англичан.

Как бы то ни было, после приезда французского эмиссара шах решил, в ожидании известий о результатах переговоров Мохаммед-Неби-хана в Индии, предпринять еще одну попытку в этом направлении. Он послал в Багдад запрос — намерены ли англичане выполнить договор Малькольма, по которому враги одной страны должны быть и врагами другой?

Английский резидент в Багдаде Харфорд Джонс являлся ярым врагом России, который, как известно, считал борьбу против русских основной задачей английской дипломатии на Востоке. Он принадлежал к тем английским дипломатам, которые, несмотря на обстановку в Европе и англо-русский союз, продолжали настаивать на активной поддержке Ирана, согласно англо-иранскому союзному договору. Еще до этого он отправил в Тегеран нового английского агента Чарльза Ричарда Вогана, о деятельности которого в Иране мы, к сожалению, не имеем подробных сведений, за исключением свидетельства самого Джонса, что последний снабжал его «разнообразной, интересной и хорошо подобранной информацией» и что он орудовал и на севере Ирана, в прикаспийских областях¹.

¹ Jones, ук. соч., стр. 3—4. Он заболел, находясь в Реште.

Получив запрос шаха, Джонс поспешил послать ему обнадеживающие письма; сам же он отправился в Константинополь, чтобы «разъяснить» английскому послу Арбутноту «критическое положение дел» в Иране и настаивать на выполнении английских обязательств¹.

Однако, пока он пытался, через посредство английского посла, побудить английское правительство к более активному вмешательству в персидские дела, в турецкой столице было получено известие о том, что шах, узнавший к тому времени о неблагоприятных результатах миссии Мохаммед-Неби-хана, договорился с прибывшим в Иран новым французским эмиссаром о разрыве с Англией и о союзе с Францией.

VIII

Очутившись на территории Ирана, Жобер сразу же был принят с подобающими почестями хойским ханом. В Тавризе он был встречен наибом бейлербея Фетх-Али-ханом, который в свое время сопровождал Малькольма из Шираза до Тегерана. После непродолжительного пребывания в Тавризе, французский эмиссар выехал в Ардебиль, где находился в то время лагерь Аббас-Мирзы. Там он был принят иранским престолонаследником и имел с ним ряд продолжительных бесед².

¹ *Rawlinson*, ук. соч., стр. 17, примечание.

² *Jaubert*, ук. соч., стр. 170—194. Видимо Жобер и его спутники, вступив на территорию Ирана, и не думали скрывать цели своего приезда, а, наоборот, сами распространяли слухи о намерении Наполеона помочь персам вновь завладеть Закавказьем. Посетивший в то время Тавриз некий Абд-

Через неделю Жобер отправился в дальнейший путь и 5 июня 1806 г. прибыл в Тегеран, где был встречен еще более торжественно. Представленный визирю Мирза-Шефи, он был затем принят в официальной аудиенции Фетх-Али-шахом, которому вместе с подарками (оружием, тканями, драгоценными камнями) вручил и письмо Наполеона¹.

Жобер оставался в Тегеране до 24 июня. Когда шах вместе со своим двором отправился в летнюю резиденцию—в Султаниэ, туда же выехал и Жобер². По дороге к нему присоединился Дюпрэ-младший, прибывший к тому времени в Иран. Он привез ему известие о Пресбургском мире. 5 июля они прибыли в Султаниэ, где Жобер вновь имел ряд свиданий с шахом. 12 июля ему была дана прощальная аудиенция, во время которой шах публично заявил о своем желании установить дружественные отношения с Францией и выразил надежду, что в Иран придут многие французы как по делам торговли, так и для обучения его подданных. Два дня спустя, 14 ию-

дал-оглы узнал „у тамошнего почетного жителя Хаджи-Мамеда, что якобы те французы говорили ему: Бонапарте предложил нашему государю (т. е. русскому императору—А. И.), чтобы он оставил Персию... и будто государь наш сперва отказался, а после принужденно согласился на такое предложение..." („Акты", III, 444).

¹ Там же, 227—237.

² По дороге он заболел лихорадкой и находился в очень тяжелом состоянии. Шах, крайне обеспокоенный, чтобы нового французского посла не постигла участь Ромье, пригрозил в случае его смерти казнить своего придворного врача, обещая в то же время последнему большое вознаграждение в случае выздоровления его пациента.

ля, Жобер, в сопровождении специального эскорта, отправился в обратный путь¹.

Следуя снова через Хой и Ван, он, вместе со своими спутниками, прибыл 19 августа в окрестности Эрзерума. Не заезжая в этот город, он отправился дальше, в Трапезунд. По дороге Жобер встретился с переводчиком французского посольства в Константинополе Жуаненом (Жуанини), который был послан ему навстречу поверенным в делах Руффеном. Жуанен, владевший восточными языками, в том числе персидским, был уже, несмотря на свою молодость, опытным разведчиком: еще в 1803 г. он, по специальному заданию, обследовал южное побережье Черного моря. По договоренности с Жобером, вручившем ему письмо к шаху, Жуанен решил продолжить свой путь в Иран².

Из Трапезунда Жобер должен был отправиться в Константинополь на корабле, который нанял для него Дюпрэ-старший. Рубо-де-Понтеве принял все меры, чтобы задержать французского эmissара в Трапезунде. С этой целью он обратился с представлениями к турецким властям, указывая, в частности, на то, что у Жобера не было официального фирмана на право проезда через турецкую территорию. Он хотел задержать Жобера с тем, чтобы успеть известить Италинского, дабы тот смог принять необходимые меры. Но все усилия русского консула не привели ни к каким результатам. Очевидно местные власти имели соответствующие указания от Порты и

¹ *Jaubert*, ук. соч. стр. 331—354.

² Там же, 373—375.

Жобер со своими спутниками беспрепятственно отбыл из Трапезунда¹. Несмотря на неблагоприятную погоду и ряд задержек в пути, он 31 октября благополучно прибыл в турецкую столицу.

Результаты миссии Жобера изложены им самим в секретном докладе, представленном полгода спустя, 6 марта 1807 г., Наполеону². Как видно из этого доклада, еще во время своего пребывания в Тавризе Жобер подробно ознакомился с состоянием иранской армии и с ходом военных действий в Закавказье. Он вел с Аббас-Мирзой переговоры о посылке в Иран французских офицеров, в качестве военных инструкторов и артиллеристов³. Будучи в Иране, он ознакомился и с экономикой страны, в частности с ее внешней торговлей⁴. Относительно своих переговоров

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., д. № 2, лл. 202—205, 216—223. Задержать Жобера на его обратном пути из Ирана пытались и русские военные власти на Кавказе. По сведениям, полученным ими от армян, бежавших из Еревана на русскую территорию, французские эмиссары должны были снова проехать через Баязет. Поэтому генерал Несветаев поспешил написать письмо баязетскому Ибрагим-паше с просьбой употребить все старания к поимке этих эмиссаров, обещая за это награду. („Акты“, III, 416—417, 418).

² Доклад этот, хранящийся во французском Национальном архиве, не опубликован. Его содержание изложено в работах Дрио и Пюрира. См. *Driault*, ук. соч., стр. 176—177; *Puryear*, ук. соч., стр. 156—157.

³ Из книги Жобера также видно, что его беседы с Аббас-Мирзой были в основном посвящены вопросу о реорганизации иранской армии по европейскому образцу, в целях более успешного ведения войны против русских. (*Jaubert*, ук. соч., стр. 88).

⁴ Это видно из его книги, в которой он приводит под-
9 А. Р. Иоаннисян

с шахом Жобер сообщал в своем докладе следующее. Шах подтвердил свое решение заключить с Францией военный союз; он обещал, после победы над Россией, не только пропустить французскую армию через территорию Ирана в Индию, но и самому послать туда войска; он заявил, что будет приветствовать приезд в Иран французских коммерсантов и миссионеров.

Жобер привез с собою письмо шаха Наполеону. В письме этом шах поздравлял французского императора с нанесением поражения Австрии. Он снова описывал мнимые успехи иранской армии в войне против русских и предлагал, чтобы в Тегеран был отправлен официальный французский посол¹.

Еще до возвращения Жобера в Константинополь были получены сообщения об успешных результатах переговоров французских эmissаров в Иране. Сообщения эти были получены через Багдад, откуда еще в июле прибыли письма Джонсу, находившемуся в то время, как мы знаем, в турецкой столице. Английский посол Арбутнот счел необходимым сразу же поставить об этом в известность Италинского. 27 июня 1806 г. он писал ему: «Во время беседы, которую я имел с вами на днях вечером, я вам сообщил, что г. Джонс, наш резидент в Багдаде, находящийся в настоящее время здесь, получил только что письма, извещающие об отъезде в бли-

робный перечень товаров, импортируемых и экспортируемых Ираном, причем специально перечисляет те изделия французской промышленности, которые могли бы найти широкий рынок сбыта в этой стране. (Там же, стр. 286—288).

¹ *Puryear*, ук. соч., стр. 88.

жайшем будущем в Париж персидского посла. Я добавил, что, согласно тем же письмам, французским эmissарам при персидском шахе вполне удалось убедить этого монарха заключить наступательный союз с Францией и что было обещано предоставить свободный проход через Персию французским войскам, в случае, если Бонапарт решится предпринять нашествие на Индию против англичан. Как полагают, было также обусловлено, что в столице Персии — Тегеране — будет находиться французский посол и что Бонапарту будет дано разрешение содержать во всех частях Персидской империи столько агентов, сколько он пожелает». Нельзя поэтому терять ни минуты и нужно принять необходимые меры. Английское и русское правительства должны понять, «что кризис, который нам так давно угрожал, наконец наступил и что скоро начнется борьба, которая должна решить — смогут ли Англия и Россия сохранить свое влияние в этой части Европы и свои владения в Азии»¹.

Обращаясь с этим патетическим призывом о совместной борьбе против французской угрозы, Арбутнот скромно умалчивал о той неблагоприятной роли, которую играла в Иране в отношении своего русского союзника сама английская дипломатия.

Италинский поспешил передать полученные известия в Петербург. Сведения эти были приведены и в докладной записке, составленной в министерстве иностранных дел, в которой в связи с этим говори-

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1806 г., д. № 2258, л. 177—179 об.

лось о враждебных России намерениях Бонапарта в Персии¹.

В своем донесении от 2/14 ноября Италинский сообщал уже о прибытии Жобера в Константинополь, причем приводил ряд новых сведений, полученных через драгомана Порты Ангерли. Последний беседовал с драгоманом французского посольства Франчини, который передал ему свой разговор с Жобером относительно его миссии в Иран. Высказывания Жобера сводились к следующему: «Баба-хан является непримиримым врагом русских, в чем Жобер лично убедился во время своих сношений с ним; его кавалерия превосходна; его войска не могут, по правде говоря, бороться против русских, но, будучи весьма многочисленными и храбро сражаясь, они значительно ослабляют их (русских — А. И.); несмотря на свои потери и поражения; Баба-хан имеет артиллерию и боевые припасы, но ему нехватает канониров и французы должны их предоставить»².

IX

Сведения, полученные Джонсом, о том, что к Наполеону должен был отправиться персидский посол для заключения франко-иранского союзного договора, соответствовали действительности. Эта мис-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, 1806 гг., л. № 3, папка 1, л. 11—11 об.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1803 гг., л. № 2259, л. 308—311. Это сообщение, переданное Италинским, было пересказано в письме Будберга Гудовичу от 4 декабря 1805 г. («Акты», III, 424).

сия была возложена на одного из приближенных шаха — Мирза-Мохаммед-Риза-хана.

Рубо-де-Понтеве, также получивший известие об отъезде в Европу иранского посла, сперва принял за него одного из персов, сопровождавших Жобера до Эрзерума. Вскоре, однако, он узнал, что настоящий посол выехал в Константинополь отдельно от Жобера¹. Мирза-Риза выехал из Ирана несколько позже и отправился в турецкую столицу не морским путем, через Трапезунд, а сухопутным.

По сведениям Италинского, официальной целью приезда в Константинополь иранского посла являлось предъявление Порте жалобы на багдадского пашу, напавшего на Иран. Действительно, в мае 1806 г. начались военные действия между иранскими войсками, под командованием старшего сына шаха Мохаммеда-Али, и багдадским Али-пашой, закончившиеся в октябре поражением войск паши и заключением соглашения, согласно которому был восстановлен в своем владении изгнанный пашой из Сулеймание курдский бек Абдуррахман, находившийся под покровительством Ирана.

Но все это было лишь предлогом. Как сообщал в своем донесении Италинский, Мирза-Риза, по прибытии в турецкую столицу, сразу же установил контакт с французским посольством и постоянно бывал у нового французского посла Себастиани².

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., д. № 2, л. 202 об., 204 об.

² АВПР, МИД, Канцелярия. 1806 г., д. № 2259, л. 308—311.

Вскоре английским агентам удалось раздобыть копию инструкции, данной Мирза-Ризе перед отъездом из Тегерана. Французский перевод этого документа был вручен Арбутнотом Италинскому, в свою очередь переславшим его в Петербург. Из инструкции этой¹ видно, что иранскому послу было предписано передать эрзерумскому Юсуф-паше, а также турецкому великому визирю, письма Мирза-Шефи относительно событий в Багдадском пашалыке и вести с ними переговоры лишь по этому вопросу. По приезде в Константинополь Мирза-Риза должен был, однако, связаться с французским послом и узнать от него, будет ли турецкое правительство препятствовать его поездке во Францию; если да, то передать французскому послу письмо шаха Наполеону и ожидать ответа в Константинополе; если же нет, то вручить Порте второе письмо Мирза-Шефи с информацией о возложенной на него миссии.

Далее в инструкции содержались указания как вести себя по прибытии в Париж. Отвечая на вопросы Наполеона о военных действиях против русских, Мирза-Риза должен был подробно говорить о мнимых «победах» иранских войск. Каких размеров достигала ложь, которую должен был распространять во Франции иранский посол, видно хотя бы из того, что даже вероломное убийство Цицианова² должно было изображаться им как результат грандиозной битвы под Баку, во время которой

¹ „Акты“, III, 424—425.

² Цицианов был убит в феврале 1806 г. во время похода на Баку, когда он вел переговоры с бакинским Хусейн-Кулиханом о сдаче города.

погибли как русский главнокомандующий, так и большая часть его армии, а вся русская артиллерия попала в руки персов. Он должен был информировать о намерении шаха «послать армию в Астрахань и Кизляр, дабы завершить уничтожение этой страны» (т. е. России — А. И.), а также заявить следующее: «Поскольку Россия является в одинаковой мере врагом как шаха Персии, так и короля Франции, разрушить эту страну является долгом этих двух государей; если вы будете действовать со своей стороны, а мы с нашей, то русские силы будут уничтожены, власть и господство будут принадлежать обоим государствам (т. е. Франции и Ирану — А. И.) и другие повелители вынуждены будут им повиноваться».

Одновременно иранский посол должен был сообщить, что шах готов послать армию в Индию, а в случае возникновения враждебных действий между Францией и Турцией — выступить и против турок. Договор между Францией и Ираном должен был быть составлен таким образом, чтобы враги и друзья одной страны считались бы врагами и друзьями другого государства.

Осенью 1806 г. Порта не имела никаких намерений препятствовать поездке иранского посла к Наполеону. Русско-турецкие отношения все более ухудшались, а влияние в Константинополе французского посла Себастиани все возрастало. Мирза-Риза смог, поэтому, спокойно выехать вместе с Жобером в Европу. Он ехал, однако, не во Францию, а в Польшу, где находился со своей армией Наполеон, завоевавший к тому времени большую часть

Прусского государства и готовившийся к возобновлению военных действий против русских войск на территории Восточной Пруссии.

Пока Мирза-Риза совершал свой путь в Европу для официального оформления франко-иранского союза, в Иран один за другим прибывали новые французские агенты.

Первым из них был Жуанен, с которым встретился Жобер вблизи Эрзерума и которому он вручил письмо к шаху. Именно о нем (и его спутнике) и идет речь в донесении Рубо-де-Понтеве от 15 сентября 1806 г., где, между прочим, говорится: «Я сейчас получил письмо из Эрзерума, в котором меня извещают, что два француза, одетые по-татарски, проехали через этот город..., поспешно направляясь в Персию, к шаху»¹.

В иранской хронике содержатся следующие сведения об этом новом французском эмиссаре. После отъезда Жобера «прибыл от французского правительства господин Жуанен, который, удостоившись чести иметь аудиенцию у наследного принца в Тавризе, отправился дальше к шахскому двору и получил разрешение пребывать у величественного преддверия (при дворе шаха — А. И.). Находясь здесь, он часто получал известия из Европы, которые спешил передавать министрам великолепного святилища. Кроме того, господин Руссо и господин Юсуф Руссо, консулы в Алеппо и Багдаде,

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., д. № 2, л. 222 об.

повторно представляли наследному принцу достоверные отчеты о европейских новостях»¹.

Как видим, одна из основных задач Жуанена заключалась в том, чтобы путем соответствующей информации внушать шаху и его министрам мысль о выгодах союза с могущественной и победоносной Францией. В иранской хронике приводится и содержание сведений, которые доставлял на месте Жуанен, а из Алеппо и Багдада пересылали отец и сын Руссо, и которые сводились к раздутым сообщениям о победах Наполеона над «германским императором» и русскими, о «бегстве» русской и «германской» армий и т. п. Подобная «информация» должна была противодействовать русской пропаганде, распространявшей в Иране сообщения о том, что «Бонапарте потерял баталию, разбит и прогнан и теперь лежит при смерти в прусском владении, может уже и умер»².

Жуанен, однако, не долго оставался один. Вскоре Рубо-де-Понтеве вновь сообщал: «Новые французские эмиссары отправились в Персию и здешний французский консул несколько дней тому назад послал к ним курьера с письмами»³.

Среди этих новых эмиссаров, последовательно отправленных в Иран французским посольством в

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 302—303.

² „Акты“, III, 430. Это предписывал „внушить“ иранскому визирю новый главнокомандующий на Кавказе Гудович, в инструкциях, пересланных в Тегеран майору Степанову, отправленному в Иран в начале 1807 г.

³ АВПР, СПб Главный архив, 1—9, 1805—1810 гг., д. № 2, л. 235 об.

Константинополе (поскольку Наполеон все время требовал от Себастиани поддерживать связь с Ираном)¹, были капитан инженерных войск Бонтан, Огюст-де-Нерсиа, а также племянник Талейрана, один из секретарей константинопольского посольства, Ла Бланш.

Бонтан и Нерсиа, следуя полученным инструкциям, остались при Аббас-Мирзе. Бонтан, не дожидаясь официального заключения франко-иранского союзного договора, приступил к обучению иранских войск. Несколько месяцев спустя, в ноябре 1807 г., члены прибывшего в Иран французского посольства могли убедиться, что как Бонтан, так и Нерсиа пользовались большим расположением Аббас-Мирзы, поскольку они оба «были ему очень полезны в войне против России»². Аббас-Мирза подарил даже Бонтану свой портрет «в знак дружбы, которую он к нему питал»³.

Что касается Ла Бланша, то он отправился ко двору шаха в Тегеран. Во французских архивах сохранилось его донесение, которое дает наглядное представление о его беседах с повелителем Ирана. Во время этих бесед шах вновь выражал готовность предпринять поход в Индию против англичан, если французский император это пожелает. Но главной темой разговора служила война против России. Однажды шах рассказал свой сон: он будто бы имел

¹ См., например, его письмо Талейрану от 27 декабря 1806 г. (*J. de Testa*, ук. сборник, стр. 288).

² „*Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse fait en 1807 et 1808*“, Paris—Marseille, 1809, стр. 33.

³ *Jaubert*, ук. соч., стр. V.

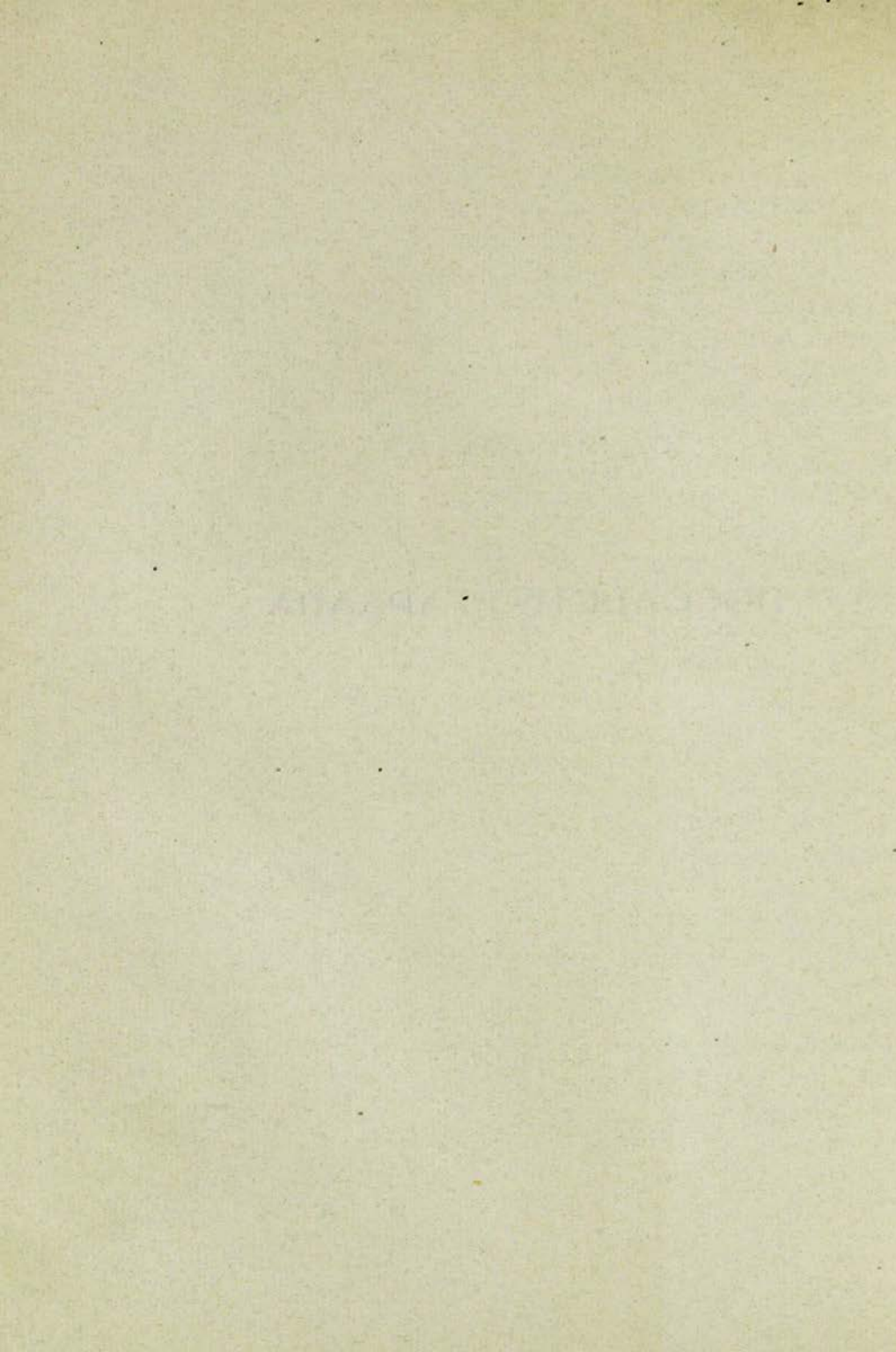
свидание с Наполеоном. Ла Бланш на это заметил, что подобное свидание могло бы состояться в центре России. Тогда шах задал вопрос — почему Наполеон не посадит на русский престол одного из своих братьев; ведь в таком случае они с ним были бы соседями и друзьями. Ла Бланш высказал предположение, что быть может французский император посадит своего брата Жерома на польский престол. «Было бы лучше,— возразил на это шах,— дать ему Россию, или же поделить ее между Францией, Турцией и Персией»¹.

В таких приятных беседах с французскими эмиссарами проводил время Фетх-Али-шах в ожидании известий о подписании Мирза-Ризой союзного договора с Францией.

¹ *Driault*, ук. соч., стр. 175.

ГЛАВА ТРЕТЯ

ПОСОЛЬСТВО ГАРДАНА

К тому времени, как иранский посол выехал из Константинополя в Варшаву, в политической обстановке на Востоке произошло существенное изменение.

Новый французский посол в Турции Себастиани, прибывший в Константинополь в августе 1806 г., пользуясь благоприятной политической обстановкой, немедленно предпринял меры, чтобы добиться окончательного разрыва между Оттоманской империей и Россией. Ему удалось побудить Порту самовольно низложить, вопреки русско-турецкому соглашению 1802 г., господарей Молдавии и Валахии, а также запретить проход русских военных судов через Дарданеллы, к чему, как мы знаем, давно стремилась французская дипломатия. Таким образом окончательно был сведен на нет русско-турецкий союз 1799 г. Одновременно Порта отказалась возобновить и англо-турецкий союзный договор.

Правда, вскоре после этого Порта проявила некоторые колебания; султан восстановил даже прежних господарей дунайских княжеств. Эти временные колебания турецкой политики объяснялись образованием четвертой коалиции. Но быстрый разгром

Пруссии в Иенском сражении положил им конец; Порта стала вновь всецело уповать на Францию. Себастиани спешил теперь форсировать события, с целью вовлечь Турцию в войну против России. Для достижения этого французская дипломатия всячески поощряла агрессивные, реваншистские настроения турецких правящих кругов, в частности в отношении Крыма. Об этих внушениях Франции было осенью 1806 г. широко известно не только в Константинополе, но даже в пограничных с Россией турецких пашалыках. Характерно, например, (независимо от достоверности данного конкретного факта), что уже в сентябре этого года один из приближенных карсского паши сообщал: «К султану же писал французский Бонапарте, соглашая его иметь с Россиею войну, уверяя, ежели согласен будет на оное, то возьмем Крым и отдан будет султану»¹.

В начале декабря Порта, в ответ на новые обращения Наполеона, дала согласие на заключение военного союза с Францией и приступила к открытым военным приготовлениям. Полученные вскоре известия о вступлении русских войск в дунайские княжества ускорили развязку. Несмотря на противодействие некоторых министров султана, опасавшихся последствий разрыва с Россией и Англией и стремившихся поэтому выиграть время, Себастиани, используя все средства воздействия и нажима, добился в конце концов своего. 24 декабря Турция официально объявила войну России.

¹ „Акты“, III, 524.

Начало русско-турецкой войны делало еще более актуальными планы французской дипломатии в отношении Ирана. Теперь военные действия Ирана должны были стать одним из звеньев общего наступления на южные границы России. Создавалась возможность осуществить ту основную цель французской политики на Востоке, которую Наполеон в предписаниях, данных Себастиани, формулировал следующим образом: «Тройственный союз — мой, Порты и Персии против России»¹.

О проектах и намерениях французской дипломатии лучше всего свидетельствует инструкция Талейрана Себастиани от 20 января 1807 г. В инструкции этой министр иностранных дел писал: «Русские не имеют достаточно войск в Молдавии и Валахии, чтобы быть в состоянии перейти Дунай; они имеют самое большее 35 000 человек и заставить их держать вторую армию в Крыму значит еще более их ослабить. Необходимо, чтобы турецкая эскадра действовала в Черном море, где русские не в силах сопротивляться туркам. Необходимо также расшевелить Персию и направить ее усилия на Грузию. Добейтесь от Порты, чтобы она дала приказ эрзерумскому паше двинуться на эту провинцию со всеми своими силами. Поддерживайте доброе расположение абхазского князя² и побудите его принять участие в большой диверсии против общего врага. Пусть этот князь, эрзерумский паша, персы и Порты атакуют одновременно Грузию, Крым и Бессарабию»³.

¹ D'ault, ук. соч., стр. 60.

² Речь идет о владетельном князе Абхазии — Келеш-бее.

³ I. de Testa, ук. сборник, II, стр. 290—291.

Еще за три дня до этого, 17 января, Наполеон отправил новое письмо шаху, в котором, сообщая о своих «победах» над русскими, писал: «Со своей стороны атакуй решительно неприятелей, которых мои победы предоставляют тебе обессиленными и обескураженными; отбери у них Грузию и все провинции, которые принадлежали твоей империи, и вновь закрой перед ними каспийские порты, которые столь долго охраняли вход в твои владения». Сообщая о начале русско-турецкой войны и указывая, что русские вынуждены бороться против «сил трех могущественных империй», он заканчивал свое письмо следующим предложением: «Сговоримся все трое (т. е. Франция, Турция и Иран—А. И.) и заключим вечный союз»¹.

Два месяца спустя, 14 марта, в новом письме к шаху Наполеон снова давал совет воспользоваться благоприятными обстоятельствами, сложившимися в результате его побед и переброски части русских войск с Кавказа на западный фронт. В сопроводительном письме к Аббас-Мирзе он призывал последнего к решительным действиям и «новым усилиям»².

В своем письме от 3 апреля французский император просил султана Селима достичь соглашения с персидским шахом, являющимся врагом России, с тем, чтобы сделать возможным совместное нападение на общего неприятеля. Одновременно он вновь

¹ „Correspondance de Napoléon Ier“, XIV, 258.

² Там же, стр. 548—549.

известил шаха о своем желании, чтобы Персия была другом Турции и чтобы обе эти державы, покончив с распрями, совместно противостояли бы своему истинному неприятелю¹.

К этому времени, однако, в Европу прибыл уже иранский посол. Мирза-Риза прибыл в Варшаву в начале 1807 г., а в конце апреля был вызван в замок Финкенштейн (в Восточной Пруссии), где в то время находился французский император.

По свидетельству современников, Наполеон принял иранского посла с подчеркнутой любезностью и оказывал ему исключительное внимание. Он каждый день гулял с ним в парке замка и беседовал на различные темы².

Еще до приезда Мирза-Ризы в Финкенштейн Талейран обратился к Наполеону с запросом—добиваться ли заключения тройственного договора между Францией, Турцией и Персией, как он сам считает желательным, или же, как предлагает Жобер, заключить два отдельных договора с этими державами, учитывая существующие между ними противоречия³. Поскольку из высказываний прибывшего почти одновременно с Мирза-Ризой турецкого посла Вахид-эффенди вскоре выяснилось неприязненное отношение турок к своим восточным соседям⁴, решено было принять предложение Жобера о заключении особого франко-иранского союзного договора.

¹ *Puryear*, ук. соч., стр. 161—162.

² См. *C. F. Ménéval*. *Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon I depuis 1802 jusqu'à 1815*, Paris, 1894, II, 94—95.

³ *Puryear*, ук. соч., стр. 152.

⁴ *Driault*, ук. соч., стр. 163.

Переговоры с Мирза-Ризой вел министр Марэ, причем в роли переводчика выступал Жобер, также вызванный в Финкенштейн. Переговоры эти завершились подписанием 4 мая 1807 г. договора о союзе между Францией и Ираном.

Договор этот¹, состоявший из преамбулы и шестнадцати статей, провозглашал «мир, дружбу и союз» между французским императором и иранским шахом (ст. 1). Наполеон гарантировал Ирану «неприкосновенность его теперешней территории» (ст. 2). Он признавал Грузию «законно принадлежащей» шаху (ст. 3) и брал на себя обязательство принудить Россию эвакуировать Грузию и другие области Закавказья (ст. 4). Он обещал также поставить Ирану необходимое количество пушек и ружей и предоставить в распоряжение шаха офицеров различных родов войск для строительства укреплений и реорганизации иранской армии «согласно принципам европейского военного искусства» (ст. 6, 7). Со своей стороны шах брал на себя обязательство порвать с Англией все политические и торговые сношения, объявить ей войну, отозвать иранского посла из Бомбея и не допускать в Иран каких-либо английских представителей или агентов (ст. 8). Он должен был обеспечить свободный проход своих войск через Афганистан для нападения на английские владения в Индии (ст. 10) и пропустить через иранскую территорию французскую армию в случае, если таковая будет послана в Индию (ст. 12).

¹ *D^e Clercq*, Recueil des traités de la France. Paris, 1880, II, 201—203.

Финкенштейнский договор преследовал двойную цель. С одной стороны он был направлен против Англии и имел своей задачей не только изгнать из Ирана англичан, но и подготовить поход на Индию. В первую очередь, однако, договор этот был направлен против России и преследовал, в частности, цель не допустить присоединения к России Закавказья.

Еще до заключения Финкенштейнского договора, 12 апреля, Наполеон подписал декрет о посольстве, которое должно было отправиться в Иран во главе с одним из его адъютантов генералом Клод-Матье Гарданом. В письме, написанном в тот же день Талейрану, Наполеон, говоря о целях и задачах этого посольства, специально останавливался на вопросе об оказании Ирану военной помощи против России. Он предлагал сообщить иранскому послу, что готов отправить в Иран 10 000 ружей, а также пушки и канониров. Он высказывал надежду, что уже в октябре сможет отправить в Иран морским путем военный отряд в 1500 человек и организовать «громадную диверсию против России», поскольку эти французские войска станут ядром корпуса в 10 или 12 тысяч человек, который, под командованием Гардана, в два месяца нанесет поражение русским¹.

Данная Гардану 10 мая письменная инструкция делает еще более очевидными основные цели, которые преследовал Наполеон при подписании франко-иранского союзного договора. «Персия,—говорилось в этой инструкции,—рассматривается Францией с

¹ „Correspondance de Napoléon I“, XV, 73—76.

двух точек зрения: как естественный враг России и как проход в Индию». Поэтому Гардану предписывалось не только изучить возможность экспедиции в Индию, но и стремиться разжечь войну Ирана против России. Он должен был «поддерживать неприязнь персов против России», побуждать их «к новым усилиям» и всячески содействовать их военным операциям. Необходимо добиться, указывалось в инструкции, чтобы персы захватили Грузию и оттеснили русских за Кавказский хребет. Нужно также содействовать заключению военного союза Ирана и Турции против России. Следует подумать и об организации нападений на русские границы со стороны Туркестана. Прикомандированные к миссии офицеры должны изучать маршруты, собирать стратегические сведения, посетить не только порты Персидского залива, но и каспийские порты, а также «сделать для России еще более грозными военные силы Персии». Необходимо заключить конвенцию о поставке в Иран необходимого вооружения. В случае продолжения войны с Россией можно дать согласие на присылку в Персию четырех или пяти батальонов пехоты и двух или трех рот артиллерии¹.

О том, что французские офицеры, наряду с подготовкой экспедиции в Индию, должны были, прежде всего, оказать помощь Ирану в войне против России, Наполеон откровенно указывал и в своем письме шаху от 20 апреля, в котором писал: «Они при-

¹ „Mission du général Gardane en Perse sous le Premier Empire“, Paris, 1865. Сборник архивных документов французского министерства иностранных дел, опубликованных сыном Гардана. Инструкция Гардану от 10 мая 1807 г., стр. 81—94.

няли участие в наших победах против русских и они будут содействовать с тем же усердием военным действиям вашего величества против наших общих врагов»¹.

Именно в этих целях в состав миссии генерала Гардана, наряду с несколькими дипломатами, драгоманами и обслуживающим персоналом, были включены и многочисленные офицеры различных родов войск. Ленин называет поэтому посольство Гардана военной миссией. В конспекте книги Йегера «Персия и персидский вопрос» он пишет: «1807. Военная миссия Наполеона I в Персии (70 офицеров и пр. с генералом Гарданн)»².

Тремя секретарями посольства являлись: старший брат генерала—Анж Гардан, французский консул в Багдаде Жозеф Руссо и известный впоследствии ориенталист и член Академии надписей Феликс Лажар. Первым драгоманом был назначен Жуанен, уже до этого отправленный в Иран. В числе прикомандированных к миссии офицеров были: инженер-географ лейтенант Трезель (впоследствии генерал, руководивший подавлением бланкистского восстания 12 мая 1839 г.), капитаны инженерных войск Трюилье и Лами, лейтенанты артиллерии Фавье и Ребуль, капитан кавалерии Пепен, капитан пехоты Вердые. В состав французского посольства входили также два монаха-миссионера³.

¹ „Correspondance de Napoléon Ier“, XV, 149.

² „Ленинский сборник“, XXIX, 351.

³ Список членов французской миссии, см. в „Mission...“, стр. 103—105; список этот однако не полный. Полный список см. в книге Анжа Гардана „Journal d'un voyage dans la Turquie et la Perse fait en 1807 et 1809“. Paris—Marseille, 1809. стр. 1—2.

Некоторые из членов миссии находились уже в Иране. Жозеф Руссо отправился туда из Багдада, (захватив с собой Давида Мелик-Шахназаряна)¹, и уже в конце октября прибыл в Тегеран, где вместе с Ла Бланшем и Жуаненом имел официальную аудиенцию у шаха². Основная же часть сотрудников французского посольства во главе с самим Гарданом и в сопровождении Мирза-Ризы выехала в июне через Варшаву в Константинополь. Там к ним присоединились те члены миссии, которые до этого проживали в турецкой столице. Из Константинополя французское посольство преследовало через Малую Азию в Тегеран, куда прибыло 4 декабря 1807 г.

Еще в то время, когда посольство находилось в пути, ему вдогонку были отправлены две депеши нового французского министра иностранных дел Шампаньи от 26 августа и 10 ноября³. Объяснялось это тем, что сразу же после отъезда французской миссии в международной обстановке произошел коренной перелом. В июле 1807 г. был заключен Тильзитский договор. Из врагов Россия и Франция превратились в союзников.

Казалось бы в новых условиях должна была быть немедленно отменена прежняя инструкция, данная Гардану; более того, должен был быть изменен франко-иранский договор, текст которого Гардан вез с собой в Иран. Никаких подобных пред-

¹ „В 1807 г.,—пишет последний в своей докладной записке,—г-н Давид оставил дела в Багдате по просьбе г-на Руссо, консула в Багдаде, и отправился с ним в Тегеран...“ (Матенадаран, Архив личных фондов, п. 146, № 1).

² *Dehérein*, ук. соч., стр. 70.

³ „Mission...“, стр. 318—324.

писаний мы не находим, однако, в упомянутых письмах Шампаньи. В них ничего не говорилось о необходимости отмены или пересмотра Финкенштейнского договора. Правда, в них указывалось, что продолжение войны между Ираном и Россией больше не вызывалось необходимостью. Гардану предписывалось содействовать заключению мира между этими двумя державами. Но он должен был обеспечить Персии «почетный мир».

Одновременно 23 октября Наполеон поручил Шампаньи отправить от его имени письмо в Иран с сообщением о заключении мира между Францией и Россией и с указанием, что, в случае желанья иранского правительства, он готов содействовать заключению мира между Ираном и Россией. В письме далее должно было быть сказано, что во время тильзитских переговоров русский император заверил его, «что он ничего не хочет от Персии» и что если Иран не был включен в Тильзитский договор, то лишь из-за отсутствия в то время иранского посланника, снабженного необходимыми полномочиями¹. В этом предписании тоже ничего не говорилось о каком-либо изменении Финкенштейнского договора. Наполеон не требовал даже прекращения военных действий Ирана против России, а лишь предлагал свое посредничество в мирных переговорах между обеими державами.

Французскому посольству был оказан в Иране торжественный прием. В Тавризе Гардан и его спутники были радушно приняты Аббас-Мирзой, кото-

¹ „Correspondance de Napoléon Ier“, XVI, 133.

рый преподнес им ценные подарки. При приближении к Тегерану французская миссия была встречена четырехтысячным отрядом кавалерии и препровождена во дворец визиря Мирза-Шефи. После свидания с последним французское посольство 7 декабря было представлено шаху, который тут же наградил некоторых членов миссии орденом солнца, а самому Гардану, кроме того, пожаловал титул хана¹.

Уже 20 декабря шах ратифицировал представленный Гарданом франко-иранский союзный договор. Во время первых же бесед с французским послом он сразу дал понять, что экспедиция в Индию может состояться лишь после изгнания русских из Грузии. Гардан, хотя и прекрасно осведомленный к моменту своего приезда в Тегеран о Тильзитском мире², не только не стал возражать против этого, но тотчас согласился, чтобы статья восьмая договора (касавшаяся мероприятий, направленных против Англии) не вступала в действие до выполнения статьи четвертой (о присоединении к Ирану по мир-

¹ Все это подробно описано в дневнике Аюба Гардана. См. „Journal d'un voyage...“, стр. 37—53. Приезд французского посольства описывается также в сообщениях, полученных русскими властями в Закавказье. См., напр., письмо русского агента в Ереване Бастамова („Акты“, III, 427). См. также описание приезда Гардана и его приема Аббас-Мирзой и шахом в иранской хронике: „The Dynasty of the Kajars“, стр. 332—333.

² Он говорил об этом еще в Эрзеруме с эрзерумским Юсуф-пашой, уверяя последнего что по этому договору русские войска должны быть выведены из Грузии („Акты“, III, 618).

ному договору закавказских областей и Грузии)¹. Таков был «почетный мир», который Гардан, по предписанию своего правительства, брался обеспечить Ирану².

II

Французское посольство сразу же развернуло кипучую деятельность. Поскольку одной из его задач являлась подготовка военной экспедиции в Индию, то оно не могло, разумеется, не заняться этим вопросом. Уже 24 декабря Гардан написал докладную записку о возможности организации подобной экспедиции через Турцию и Иран³. Одновременно офицеры миссии занялись сбором необходимых стратегических сведений и изучением различных маршрутов.

Три члена миссии—Трюилье, Трезель и Дюпрэ—выехали из Константинополя не прямо в Тегеран, как все остальные, а направились туда через Багдад и южные провинции Ирана, прибыв в персидскую столицу лишь в мае 1808 г. Подробное описание их путешествия содержится в книге, опубликованной

¹ Гардан—министру иностранных дел, 24 декабря 1807 г. („Mission...“ 108).

² В своем письме от 11 февраля 1808 г. он вновь заверял шаха, что ему поручено императором предложить посредничество Франции в мирных переговорах между Россией и Ираном, с тем, чтобы эти переговоры приняли наиболее благоприятное для Персии направление и привели к заключению почетного для Персидской империи мирного договора. (Там же, 145—146).

³ Там же, 111—144.

впоследствии Дюпрэ¹. Сообщаемые в этой книге географические, политические и экономические сведения о южных провинциях Ирана, а также приводимые в ней подробные маршруты с точным исчислением расстояний между отдельными населенными пунктами, дают наглядное представление о разведывательной работе, проделанной этими тремя опытными французскими разведчиками. Об этом свидетельствует и докладная записка Трезеля «О Персидском заливе», представленная 29 июня 1808 г.²

Кроме Трезеля, Дюпрэ и Трюилье (который сразу же по прибытии в Тегеран был послан Гарданом в Хорасан)³, в изучении маршрутов и сборе стратегических сведений приняли участие и другие офицеры миссии.

Среди пройденных и обрекогносцированных французскими офицерами путей и составленных ими 124 маршрутов, имелись и маршруты, непосредственно не связанные с подготовкой экспедиции в Индию⁴. Французскими офицерами были, в частности, подробно изучены все пути и населенные пункты северных районов страны—Азербайджана и прикаспийских провинций.

Один из главных французских разведчиков — Трезель, совершил в этих целях с несколькими ли-

¹ „Voyage en Perse fait dans les années 1807, 1808 et 1809“. Paris, 1819, T. I, II.

² ЦГВИА, ф. 446, д. № 335.

³ Гардан—Шампань, 2 июля 1803 г. („Mission...“, 179).

⁴ Копии многих из этих маршрутов имеются в ЦГВИА, ф. 446, д. №№ 193, 198, 209, 211, 216, 223, 256, 257 и др. Среди них имеется и маршрут из Тавриза в Ереван.

цами из персонала миссии специальное путешествие к берегам Каспийского моря. Составленная им «Записка о Гиляне и Мазандаране» содержала подробные сведения о местоположении, климатических условиях, естественных богатствах, экономике, торговле, городах и портах этих двух провинций¹. Интересно отметить, что в этой «Записке» специально рассматривался вопрос об «обороне» Энзели и других портов на Каспийском море.

О пребывании в Энзели Трезеля и его спутников мы имеем сведения и из русских архивных документов. В сентябре 1808 г. капитан Степанов сообщал, что четверо французов, находясь в Энзели, «делали во многих местах промер и опись»².

Деятельность Трезеля на севере Ирана не ограничилась только этим. Он посетил ханства Нахичеванское и Ереванское и изучил маршрут Нахичеван—Ереван—Тбилиси³.

Сразу же по прибытии в Иран французские офицеры занялись также обучением иранских войск. Основное внимание уделялось обучению войск Аббас-Мирзы, т. е. войск, воевавших с русскими. Обучение этих войск началось еще до приезда миссии Гардана. Этим занимался, как мы знаем, капитан Бонтан, прибывший за несколько месяцев до этого в Иран. После приезда французского посольства

¹ Она была опубликована в приложении к книге Жобе-ра: *Jaubert*, ук. соч., стр. 447—463 Трезелем был представлен и второй доклад об этих областях, текст которого имеется в ЦГВИА, ф. 446, д. № 163.

² Акты, III, 495.

³ Собранные им данные были использованы автором карты, приложенной к книге Жобе-ра (*Jaubert*, ук. соч., 469—471).

обучение иранских войск было поручено нескольким офицерам миссии.

Общее руководство осуществлял капитан Вердье, который впоследствии, по специальному ходатайству Аббас-Мирзы, был награжден Наполеоном, «за успешное обучение персидских войск», орденом почетного легиона¹. По словам иранской хроники, Вердье проявил столь большое усердие, что Аббас-Мирза «передал в его умелые руки полную власть над солдатами, предназначенными для обучения новой системе»².

Вместе с Вердье в Тавризе находилось и несколько других французских офицеров и унтер-офицеров. Еще в начале 1808 г. посланный русским командованием представитель видел в Тавризе «несколько человек французов, которые обучают набираемое шах-заде войско из разных бродяг, называемых сарбаз, на европейский манер и, сверх того, делают чертежи на пушечные лафеты и ящики»³. В июле русский главнокомандующий на Кавказе Гудович сообщал, что «в Тавризе при Аббас-Мирзе находится 6 батальонов регулярной пехоты, обучаемых четырьмя французскими офицерами»⁴. К их числу принадлежал и капитан кавалерии Пепен, «обучавший регулярно персидскую конницу»⁵.

¹ „Correspondance inédite de Napoléon I, conservé aux archives de la Guerre“, Paris, 1912, II, 657—658.

² „The Dynasty of the Kajars“, стр. 373—374.

³ „Акты“, III, 455.

⁴ „Акты“, III, 484.

⁵ АВПР, ф. СПб Главный архив, 1—13, 1807—1810 гг., д. № 1, л. 6.

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные — донесения, полученные русскими властями, сообщения самих членов миссии Гардана, сведения, собранные впоследствии англичанами, — говорят о том, что французскими офицерами была организована и обучена в Тавризе регулярная армия в шесть тысяч человек¹.

Французские офицеры приняли меры и для подготовки нового командного состава. В Тавризе была организована школа, где шестнадцать молодых иранских офицеров из армии Аббас-Мирзы изучали математические дисциплины, а также военную теорию, тактику и искусство фортификации. Обучал их другой представитель французской миссии, капитан Лами, по адресу которого иранская хроника также не скупится на самые лестные отзывы, отмечая его «величайшее усердие», его глубокие познания и мудрость². По словам этой хроники, Лами сумел обу-

¹ Об этом пишет в своей книге Дюпрэ, сообщающий, что под руководством Вердые было подготовлено 6 тысяч человек, „обученных строю и одетых почти по-европейски“ (*“Voyage en Perse...”*, II, 298). Два купца, посетившие в марте 1808 г. Тавриз, показали, что там „обучают войска около 6000 ныне там находящихся“ и что пребывающие там французы „дают планы к устройению регулярных войск“ (ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 4259, лл 66—67 об). Эту цифру назвал впоследствии английской миссии и визирь Аббас-Мирзы Мирза-Бозург (*J. Morier. „A Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople in the years 1808 and 1809“*, London, 1812, стр. 282).

² „*The Dynasty of the Kajars*“, стр. 312, 313, 374. Гардан характеризовал Лами как выдающегося офицера, умного, способного и усердного и, указывая на его заслуги, ходатайствовал о представлении его к ордену почетного легиона (Гардан—Шампаньи, 26 октября 1808 г. „*Mission...*“, 213).

чить своих учеников «математическим наукам, способу построения шеренг, определения местоположения лагерей, искусству задерживать продвижение неприятеля путем возведения оборонных сооружений и рытья окопов, а также строительству фортов на европейский манер»¹.

Лами и сам разрабатывал планы укрепления пограничных иранских крепостей. Именно по составленному им плану (хотя и с искажением его первоначального замысла) была впоследствии возведена на территории Нахичеванского ханства новая крепость—Аббас-Абад².

Иранская армия испытывала большой недостаток в артиллерии. Имевшиеся в ее распоряжении старые орудия не только были малоэффективны, но часто, благодаря преждевременному разрыву снарядов, наносили больше ущерба самим персам, чем их противникам. Миссия Гардана приняла по этому меры для снабжения иранской армии артиллерией. Под руководством артиллерийского офицера Фавье в Исфагане была организована мастерская для литья пушек. Уже к августу 1808 г. там было изготовлено около 20 орудий³. Литье пушек было организовано также в Тавризе, где был основан арсенал, с рядом военных мастерских и пороховым заводом⁴.

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 417.

² Там же, стр. 417—418.

³ Все это подробно описано в письмах самого Фавье. См. *Driault* ук. соч., стр. 317—318.

⁴ *G. Drouville, Voyage en Perse, fait en 1812 et 1813. Seconde édition, Paris, 1825, II, 213.*

Кроме организации производства вооружения на месте, Гардан, во исполнение данных ему инструкций, сразу же по прибытии в Иран, подписал конвенцию о поставке 20 тысяч ружей, которые должны были быть доставлены в один из портов Персидского залива¹. Конвенция эта, пересланная во Францию, была передана Наполеоном на заключение в военное министерство². Однако Наполеон тут же принял меры для организации поставки оружия в Иран. 28 октября 1808 г. он предписал морскому министру Декрэ дать распоряжение губернатору Маскаренских островов генералу Декану послать в Иран фрегат и постараться доставить туда тысячу ружей³.

Все приведенные выше данные в достаточной мере характеризуют деятельность миссии Гардана. Наряду с изучением вопроса о возможности организации экспедиции в Индию, французская миссия, несмотря на Тильзитский мир, оказывала прямую помощь Ирану в его войне против России, войне, имевшей целью захват Закавказья.

Из этого, однако, не следует делать вывод, что французская политика в Иране преследовала лишь цель ослабить Россию на Востоке, а также использовать иранскую территорию для нанесения удара англичанам в Индии. Подобный вывод был бы глубоко ошибочным. Наполеоновская дипломатия ста-

¹ Гардан—министру иностранных дел, 24 декабря 1807 г. („Mission...“, 109). Текст конвенции см. *De Clercq Recueil des traités...*, II, 244—245.

² Шампаньи—Гардану, 2 ноября 1808 г. (Там же, 336).

³ „Correspondance de Napoleon I“, XVIII, 30.

вила перед собой и другие, далеко идущие цели, сводившиеся к установлению в Иране политического и экономического преобладания Франции.

Уже в предписаниях Наполеона Талейрану от 12 апреля 1807 г. указывалось, что одной из основных задач миссии Гардана должно было быть изучение «ресурсов Персии», не только в военном отношении, но и «с точки зрения торговли»¹. В данной Гардану инструкции также говорилось, что он должен изучить «какие ресурсы могла бы Персия предоставить нашей торговле, какие изделия наших мануфактур могли бы успешно ввозиться туда и что мы могли бы получить взамен». Французский посол был уполномочен заключить торговый договор на основе торговых договоров 1708 г. и 1715 г. Он должен был, кроме того, содействовать иранской торговле с Маскаренскими островами, которые служили бы промежуточным пунктом в торговле Франции с Ираном через Персидский залив².

По прибытии в Тегеран Гардан сразу же приступил к переговорам о заключении торгового договора, который и был подписан в конце декабря 1807 г.³ Договор этот⁴ состоял из 23 обширных статей, посвященных не только экономическим, но и политическим вопросам. Он воспроизводил основные

¹ „Correspondance de Napoléon Ier“, XV, 74.

² Там же, 265—266.

³ Гардан—Талейрану, 24 декабря 1807 г. („Mission“..., 106—107).

⁴ *Martens et de Cussy*, Recueil manuel et pratique des traités, conventions et autres actes diplomatiques, Leipzig, 1846, II, 325—331.

положения франко-иранских договоров 1708 г. и 1715 г.¹, тех самых, которые пытались возобновить еще в 1796 г. Оливье и Брюгьер. Но в нем имелось и много нового.

Договор, подписанный Гарданом, обеспечивал Франции исключительные экономические и политические привилегии в Иране. «Поскольку император Франции является победителем и главой всех монархов христианской религии», говорилось в третьей статье договора, французским посланникам, консулам и коммерсантам должно предоставляться первенство перед посланниками, консулами и негоциантами других наций. Франции предоставлялось право иметь в любых городах и портах Ирана своих консулов, которые должны были пользоваться самыми широкими правами. Лишь они имели право суда над французскими гражданами, в случае возникновения между ними споров и конфликтов; без их участия местные иранские власти не могли разбирать гражданские и уголовные дела и споры между французскими и иранскими подданными. Французские граждане имели право брать в аренду земельные участки, строить дома и иные сооружения. Иранские должностные лица, как гражданские, так и судебные, не могли входить в дома французских граждан без их специального на то разрешения. Католическое духовенство получало возможность не только свободно отправлять религиозные обряды, строить церкви, но и беспрепятственно вести пропаганду среди всего

¹ р. тексты этих договоров в приложении к книге М. *Herbette* Une ambassade persane sous Louis XIV, Paris, 1901, стр. 333—350, 370—377.

христианского населения страны, причем иранские власти обязаны были строго наказывать тех «мусульман, армян или европейцев», которые проявили бы «непочтительность» к католическим священникам.

Французские негоцианты получали право беспрепятственно экспортировать из Ирана любые предметы и товары, «будь то материи, будь то съестные припасы или лошади, овцы из Керманшаха и пр., без того, чтобы кто-либо мог бы этому воспрепятствовать». Французские коммерсанты освобождались на три года от уплаты пошлин при ввозе или вывозе товаров, а также золота, серебра и драгоценных камней. В дальнейшем могла взиматься пошлина, но лишь единовременно и не свыше 3% стоимости товара.

Специальный интерес представляет статья семнадцатая, которая гласит: «Поскольку представители французского двора выразили желание, чтобы персидский двор преподнес им в дар остров Харк... для учреждения там торговых контор, было постановлено, что после эвакуации русскими Грузии и всех персидских провинций... персидский двор отдаст и предоставит им вышеупомянутый остров, с тем, чтобы они там обосновались и чтобы этот остров стал впредь и навсегда их собственностью». Как видно из следующей статьи, французские суда, как торговые, так и военные, получали свободный доступ и в порты Персидского залива.

В особой докладной записке об острове Харк, написанной в апреле 1808 г., Гардан указывал на важное стратегическое значение этого острова, не-

приступного при хорошей обороне. Харк, писал он, господствует над устьями Евфрата и Тигра и тот, кто владеет им, является хозяином Басры¹. Одновременно он рекомендовал не ограничиваться приобретением этого острова. Он считал необходимым построить форт в Бушире и приобрести также остров Кешм (в Ормузском приливе), что дало бы возможность установить полный контроль над Персидским заливом².

В упомянутой выше докладной записке Трезеля от 29 июня 1808 г. также ставился вопрос о создании французских баз в районе Персидского залива. В ней указывалось на необходимость добиться уступки как островов, так и опорных пунктов на побережье, прежде всего в районе Бендер-Аббаса и Бушира. В таком случае Франция владела бы двумя лучшими портами Персидского залива и контролировала бы три основные пути, ведущие в глубь Ирана³.

Торговый договор, подписанный Гарданом, не смог быть осуществлен ввиду того, что Англия приобрела вскоре решительный перевес над Францией как в Иране, так и на всем Востоке. Но он представляет большой интерес для уяснения конечных целей французской политики в Иране. По этому договору Франция, кроме больших политических и экономических льгот и установления режима капитуляций, приобретала и один из персидских островов,

¹ „Mission...“ 359—360.

² Гардан—Шампаньи, 1 июня 1808 г. (Там же, 165—166).

³ ЦГВИА, ф. 446, д. № 335.

как военную базу и важный опорный пункт для дальнейшей экономической и политической экспансии на Востоке. В обмен Франция еще раз (спустя полгода после Тильзитского мира) обязывалась содействовать захвату Закавказья Ираном.

Добиваясь установления иранского владычества над Закавказьем, Франция в то же время намеревалась аннексировать принадлежавшие Ирану территории. Стремясь не допустить присоединения к России закавказских областей, Франция отнюдь не заботилась, таким образом, о сохранении «территориальной целостности» Иранского государства, а наоборот, пыталась сама установить свое политическое и экономическое господство над всем Ираном.

В одном из своих донесений Гардан откровенно писал, что по его мнению «самое счастливое, что могло бы случиться для персов, это если бы они полностью подпали под французское влияние»¹. Это «мнение» Гардана всецело разделялось и французским правительством. Ознакомившись с подписанным французским послом торговым договором, Шампаньи выразил свое недовольство—но не чрезмерностью французских требований, а наоборот, недостаточными «выгодами» этого договора, в частности тем, что в нем все же предусматривались (хотя бы и после трехлетнего срока и в минимальном размере) пошлины на французские товары. Он считал поэтому неисключенной возможность внесения французским правительством в этот договор «некоторых

¹ Гардан—Шампаньи, 18 марта 1808 г. (Там же, 156).

изменений»¹, т. е. изменений в направлении предоставления Франции еще больших льгот, преимуществ и привилегий.

Французское правительство повторно запрашивало Гардана об экономическом положении Ирана и интересовалось экономическими ресурсами страны, вплоть до таких вопросов, как наличие там тонкорунных овец. В мае 1808 г. Гардан представил докладную записку об экономике и торговле Ирана, причем специально рассматривал вопрос о создании торгового пути через Багдад, Александрию и Средиземное море, с тем, чтобы подорвать торговлю с Ираном англичан и русских (через Персидский залив и Каспийское море) и дать возможность Франции захватить эту торговлю в свои руки². Предполагалось также прислать в Иран многочисленных «мастеров» — специалистов различных профессий. Об этом особо говорилось в статье шестой конвенции о поставке оружия, где перечислялись специалисты 23 профессий, начиная с суконщиков и часовщиков и кончая кораблестроителями и горными инженерами, которые должны были быть посланы в Иран³.

Экономическое проникновение в Иран, захват иранского рынка и сырьевых ресурсов страны — такова была конечная цель этих различных планов и проектов.

¹ Шампань — Гардану, 2 ноября 1808 г. (Там же, 336—337).

² *Driault*, ук. соч., 315—316

³ *De Clercq*, II, 245.

III

Поддерживая притязания Ирана на Закавказье, французское посольство не могло, естественно, не уделять внимания политическому положению в Закавказье, а также настроениям местного населения. Вывод, к которому вынуждена была прийти французская миссия, был для нее весьма неутешительным. В своих докладных записках Гардан должен был признать, что, вопреки утверждению шаха, население Закавказья отнюдь не стремилось вернуться под персидское владычество и предпочитало русскую власть «деспотическому игу Персии»¹. Что же касается провинций между Ереваном и Тавризом, то и здесь, по его словам, основное население, состоящее из крестьян, лишенных собственности, могло лишь выиграть от перемены хозяина. Множество недовольных, указывал он, имелось и среди «высших классов». Многие из числа знати легко могли последовать примеру бывшего хойского хана Джафара-Кули, ставшего русским генералом².

Таким образом, Гардан вынужден был констатировать, что азербайджанские и армянские трудящиеся массы и даже значительная часть азербайджанских ханов хотели избавиться от иранского владычества и тяготели к России. Относительно же армян он прямо писал, что Россия имеет и в Турции и в Персии столько же сторонников, сколько там имеется «христиан».³

¹ Гардан—Шампаньи, 26 августа 1803 г. („Mission“..., стр. 187).

² Гардан—Шампаньи, 23 апреля 1809 г. (Там же, стр. 310).

³ Докладные записки от 26 ноября 1808 г. и 23 апреля 1809 г. (Там же, стр. 256—257, 309).

Неудивительно, что французская дипломатия ставила перед собой задачу отдалить от России народы Закавказья и подчинить их своему влиянию. Она стремилась использовать в этих целях реакционных представителей господствующих классов и превратить их в свое политическое орудие.

Есть все основания полагать, что миссия Гардана поддерживала связь с грузинскими царевичами, бежавшими в Иран во главе с царевичем Александром и рассчитывавшими с помощью персов отторгнуть Грузию от России. О. П. Маркова в своей книге «Восстание в Кахетии 1812 г.» ссылается на тот факт, что еще до приезда посольства Гардана существовали какие-то сношения между французами и грузинскими царевичами, возлагавшими уже в то время большие надежды на Францию. Царевич Давид, восхвалявший Наполеона, еще в 1803 г. выражал желание ехать во Францию. В 1806 г., очевидно в связи с миссиями Ромье и Жобера, царевич Александр говорил посланцу генерала Несветаева, что французы дадут шаху вспомогательные войска; тогда же один из его приближенных писал, что царевичу некоторые советуют ехать в Турцию или же во Францию. В донесении одного агента из Тавриза, от того же 1806 г., говорилось: «Персидский шах и царевич Александр всегда получают от французов как людей, так и письма с тем, чтобы они прибыли с войсками, и что французы могут русских прогнать из Грузии»¹.

¹ О. П. Маркова, ук. соч., стр. 220—221.

Вряд ли поэтому можно сомневаться, что посольство Гардана поддерживало контакт с проживавшими в Иране грузинскими феодалами. О. П. Маркова вполне справедливо указывает в этой связи на племянника Александра царевича Теймураза, который был в то время начальником артиллерии в войсках Аббас-Мирзы и, следовательно, не мог не общаться с французскими офицерами, обучавшими иранские войска. Что царевич Теймураз находился в сношениях с французами и даже имел какую-то переписку с Парижем, видно из его письма царевичу Левану от 18 мая 1810 г., в котором, между прочим, говорилось: «Я теперь имею письмо, в ответ на наше, из Франции—оно лучше и, если угодно, вместе отправимся, но сперва жду вашего ответа»¹.

Особое внимание французская дипломатия уделяла армянам. Она ставила перед собой две задачи. Прежде всего она стремилась выступить в роли покровителя армян-католиков (что было традиционной французской политикой, начиная с эпохи Людовика XIV), с тем, чтобы превратить их в прямых французских агентов. Об этом свидетельствует подписанный Гарданом торговый договор, в пятнадцатом пункте которого было специально предусмотрено обязательство иранских властей не подвергать преследованию «христиан» за проявленное ими уважение к католическим миссионерам и не беспокоить армян, находящихся под их покровительством.

В этой связи и следует рассматривать деятельность двух монахов-миссионеров, входивших в сос-

¹ „Акты“, V, 40—41.

тав французской миссии. Эти «святые отцы» были посланы в Иран с совершенно определенной целью. Если прикомандированные к миссии офицеры должны были заниматься военным шпионажем, то им поручено было собирать сведения о проживавших на территории Ирана «христианах» и вести среди них соответствующую пропаганду. Анж Гардан так описывал в январе 1808 г. в своем дневнике обычный «трудовой день» французской миссии. «Все трудятся в посольстве. Наши добрые отцы составляют мемуар о числе католиков (в Иране—А. И.). Господа офицеры составляют свои топографические журналы»¹.

Одновременно французская дипломатия ставила своей целью завязать сношения с Эчмиадзином, чтобы подчинить своему влиянию армяно-григорианскую церковь и, с ее помощью, отклонить армян, и прежде всего армянские господствующие классы, от русской ориентации.

Еще в 1805 г. Наполеон, как известно, пытался установить связь с Эчмиадзином, находившимся в то время в руках представителя наиболее реакционных групп армянских господствующих классов, католикоса Давида, относившегося враждебно к России и ориентировавшегося на западноевропейские державы. Но письмо французского императора не дошло по назначению из-за событий, разыгравшихся в Баязете.

Понятно поэтому, что одной из задач посольства Гардана являлось возобновить эту попытку. К

¹ „Journal d'un voyage...“, стр. 73.

тому времени, однако, положение существенно изменилось. В мае 1807 г. России удалось—при активном содействии подавляющего большинства армянских церковников и особенно армянской буржуазии—добиться низложения Давида и возвращения в Эчмиадзин из ссылки прежнего католикоса Даниэла. Таким образом, католикосом был теперь представитель той основной части армянских господствующих классов, которая, исходя из своих экономических и политических интересов, придерживалась русской ориентации.

О политических настроениях Даниэла и его окружения свидетельствует как его переписка этого периода, так и вся его деятельность. Еще в сентябре 1805 г. он отправил из ссылки письмо в Тбилиси, прося ускорить русский поход на Ереван¹. По возвращении в Эчмиадзин он 30 октября 1807 г. отправил Александру I специальное обращение, в котором заверял его в своих верноподданических чувствах и высказывал надежду, что Россия освободит Армению от иранского ига, что «лучи знамени императора» распространятся на Армению и что армяне со всего света смогут вновь вернуться на свою родину².

В 1807—1808 гг. Эчмиадзин превращается в информационный центр, снабжавший русские власти на Кавказе сведениями о политическом положении как в Ереванском ханстве, так и в Иране и в турецких владениях. «Время меня уверило,—писал в мар-

¹ Матенадаран, Арх. кат., папка 16, док. № 124.

² Там же, папка 18, док. № 190.

те 1808 г. командующий русскими пограничными войсками генерал Несветаев ближайшему помощнику Даниэла епископу Нерсесу,—сколь вы во всех случаях во мне принимаете участие и доверяете, а потому я усердо вас прошу поверить иногда новости персидского и турецкого государства вам известные переводчику моему Аршагову»¹. И не только Нерсес, но и сам католикос систематически снабжал и русского командующего необходимой информацией. «Ечмиадзинский патриарх, опасаясь отправить письмо, приказал посланному секретно меня уведомить...», «ечмиадзинский патриарх меня уведомляет...»²—такие ссылки мы неоднократно встречаем в донесениях Несветаева.

Одной из тем поступавшей из Эчмиадзина информации служила деятельность в Иране французских агентов. «Патриарх уведомляет, писал, например, в одном из своих донесений Несветаев, что французских посланников в Персии нет (дело было до приезда миссии Гардана—А. И.), кроме французских офицеров с тайными поручениями от французского императора при Баба-хане находящихся»³.

Царское правительство высоко ценило, поэтому, деятельность Даниэла и всячески поощряло его. Александр I наградил его в апреле 1808 г. орденом Анны первой степени «за преданность и усердие к нашей империи», как было сказано в препроводительной грамоте⁴.

¹ Там же, папка 19, док. № 26.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164 (58), л. 103, 94

³ Там же, д. 6164 (58), л. 94 об.

„Архив армянской истории“, V, 547.

Такова была обстановка в Эчмиадзине, когда 16 июня 1808 г. туда прибыл атташе французского посольства Жанбаптист де-Буасон¹, который вез во Францию корреспонденцию миссии. Мы не имеем никаких прямых сведений о переговорах Буасона в Эчмиадзине. До нас дошли только три письма, написанные Даниэлом на имя Наполеона, министра вероисповеданий и юстиции Порталиса и самого Буасона, помеченные тем же 16 июня².

Письмо, которое вместе с подарками было вручено Буасону, содержит лишь обычные любезности—выражение радости по поводу его приезда и пожелание счастливого пути. В письме к Порталису говорилось о традиционном покровительстве «римских князей» армянской нации и содержалась просьба передать Наполеону отправленное на его имя письмо. В послании к Наполеону также упоминалось о покровительстве римских императоров армянским царям и патриархам в прежние времена. Далее выражалась радость по поводу прибытия в Эчмиадзин его представителя и содержалась просьба оказывать покровительство армянскому народу и армянской церкви во всех тех странах, на которые распространяется его власть.

¹ См. о чем в дневнике Анж Гарлана *„Journal d'un voyage...“*, стр. 1—2, 53. В числе прочих членов миссии Гарлана он был награжден шахом орденом солнца.

² Матенадаран, Арх. кат., папка 19, док. №№ 170, 199, 200. Письма эти были опубликованы дважды,—в журнале *„Лума“* за 1897 г. № 1, стр. 292—297 и в *„Архиве армянской истории“*, V, 552—556. В имеющихся в Матенадаране черновиках этих писем нет существенных разночтений по сравнению с окончательным текстом. Дело сводится лишь к некоторым стилистическим поправкам.

Эти письма Даниэла,—написанные к тому же не по собственной инициативе, а в результате посещения Эчмиадзина представителем французского посольства,—свидетельствуют о том, что миссия последнего не увенчалась особым успехом. Католикос, правда, написал письмо Наполеону, но в письме этом содержалась по существу лишь просьба о покровительстве армянам и армянской церкви в подвластных французскому императору странах—стандартная формула, которую мы находим во всех обращениях армянских католикосов того времени к монархам и правителям различных государств. Всего лишь несколько дней спустя тот же Даниэл, например, в связи с некоторыми церковными делами, обратился к австрийскому императору Францу с письмом, в котором в тех же выражениях говорилось о покровительстве римских императоров армянским царям и патриархам и выражалась надежда, что австрийский император будет поступать аналогичным образом¹.

Полученная Гарданом информация вскоре заставила его окончательно убедиться, что новый армянский католикос не был склонен следовать примеру своего предшественника и определенно придерживался русской ориентации. В своем донесении Шампаньи от 26 ноября 1808 г., говоря о все усиливающемся влиянии России на армян, он с раздражением писал, что России удалось посадить на патриарший престол Эчмиадзина «одну из своих креатур»².

¹ „Архив армянской истории“, V, 556—559.

² „Mission...“, стр. 256.

IV

Военные действия между русскими и иранскими войсками к началу 1807 г. фактически прекратились. К этому времени под властью России находились уже почти все закавказские ханства, за исключением ханств Ереванского и Нахичеванского. При создавшихся условиях русская дипломатия рассчитывала завершить войну с Ираном путем переговоров. С другой стороны, и Иран не прочь был для выигрыша времени вести переговоры с Россией.

Еще в сентябре 1806 г. гилянский хан Мирза-Муса прислал через своего представителя письмо, в котором содержалось предложение приступить к мирным переговорам и послать с этой целью в Тегеран русского представителя. В ответ на свой запрос преемник Цицианова, новый русский главнокомандующий на Кавказе Гудович, получил предложение добиваться заключения перемирия с Ираном¹. Это было тем более необходимо, что обострение отношений с Турцией требовало скорейшего прекращения войны с Ираном для предотвращения турецко-иранского военного союза.

Гудович отправил в Тегеран своего представителя майора Степанова. Последний прибыл в столицу Ирана в начале 1807 г., но его переговоры там не дали никаких результатов. Иранское правительство отказалось подписать перемирие и предложило немедленно заключить мирный договор на условиях присоединения к Ирану не только Закавказья, но и Дагестана и всех земель вплоть до Кизляра. Эти

¹ „Акты“, III, 420—421.

фантастические требования были, разумеется, отвергнуты и переговоры зашли в тупик. Персы не шли ни на какие уступки, так как рассчитывали получить помощь от турок и французов.

Несмотря на трения и пограничные конфликты между Османской империей и Ираном, возможность заключения союза между обоими - государствами казалась, после начала русско-турецкой войны, вполне реальной. Повторные настойчивые обращения Наполеона к султану и шаху с требованием установления дружественных, союзных отношений между Турцией и Ираном, в целях совместной борьбы против России, не остались безрезультатными. В Тегеран прибыл представитель Порты Рефи эфенди для переговоров о тройственном франко-турецко-иранском союзе¹.

К тому времени военные действия между турецкими и русскими войсками развернулись и на территории Закавказья. Фетх-Али-шах, умышленно затягивая переговоры с Гудовичем, собирал новые войска и готовился, соединясь с турками, неожиданно напасть на русских².

Этот план был сорван благодаря блестящей победе русских войск над турками в Арпачайском сражении 18 июня 1807 г. Иранские войска, во главе с Аббас-Мирзой, находившиеся в 35 верстах от поля

¹ А. Ф. Миллер, „Мустафа-паша Байрактар“, Москва-Ленинград, 1947, стр. 150. Упоминание о миссии Рефи эфенди имеется лишь в „Истории Джевдета“, на которую и ссылается А. Ф. Миллер.

² Рапорт Гудовича от 15 марта 1807 г. („Акты“, III, 433).
12 А. Р. Иоаннисян

сражения и ожидавшие его исхода, вынуждены были, после понесенного турками поражения, отступить к Нахичевану. Арпачайское сражение предотвратило осуществление планов, связанных с наметавшимся ирано-турецким союзом.

Если, однако, и после этих событий иранское правительство не согласилось на предложенное Россией перемирие, то объяснялось это теперь надеждой на французскую помощь, на основе подписанного незадолго до этого Финкенштейнского договора¹. Прибытие миссии Гардана еще более укрепило эту надежду.

В январе 1808 г. ереванский Хусейн-хан «секретно» сообщал генералу Несветаеву: «Бонапарте в скором времени пришлет своего уполномоченного в Тифлис, где с посредством французов заключен будет мир с Россиею. Баба-хан отправляет свое посольство к Наполеону и просит, чтобы мир заключен был с россиянами без отдачи города Еривани. Посланники уверили Баба-хана, что Бонапарте для его сделает; в случае несогласия русских на это, может последовать и у них разрыв мира» — т. е., Франция в таком случае расторгнет Тильзитский мирный договор². Во втором своем письме Хусейн-хан извещал уже Несветаева, что французы вынудят русских отказаться не только от Еревана, но и от приобретенных ими до этого территорий. Ему объявлено было, писал он, что французский импера-

¹ Рапорт Гудовича от 15 ноября 1807 г. („Акты“, III, 99—101).

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164(58), л. 103.

тор «прислал трактат, по подписке коего персидским государем, французский государь пошлет человека, дабы вывести российские войска из земель персидской и турецкой»¹. Эти письма Хусейн-хана весьма характерны для настроения иранских правящих кругов и их уверенности в решающем значении союза с Францией.

В марте 1808 г. Гудович писал канцлеру Румянцеву: «По собственному признанию персиян известно, что продолжаемые мною переговоры с ними о мире никогда бы не имели встречаемой доселе медленности и затруднений, если бы Баба-хан не опирался на те обещания, кои деланы были оному от Франции при существовавшей войне с Россиею». Гудович считал поэтому необходимым, чтобы французское посольство в ясной и определенной форме заявило шаху и Аббас-Мирзе, что Франция, заключившая мир и союз с Россией, не выполнит данных прежде обещаний и «не станет действовать против польз России»².

Еще до этого в Петербурге были начаты переговоры по персидскому вопросу с французским послом Коленкурот. Чтобы уяснить обстановку, в которой происходили эти переговоры, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на положении восточных дел после Тильзита.

Во время тильзитских переговоров Наполеон, в целях добиться от Александра I уступок в Европе, выдвинул вопрос о разделе Османской импе-

¹ Там же, ф. ВУА, д. № 4259, л. 92—92 об.

² „Акты“, III, 44).

рии. Однако он тут же сделал оговорку, что осуществление этих планов должно быть отсрочено и что конкретное соглашение по восточному вопросу должно быть достигнуто во время нового свидания обоих императоров. В тильзитских соглашениях говорилось лишь о посредничестве Наполеона в мирных переговорах с Турцией. В секретном же «договоре о союзе» было предусмотрено, в общей и в неопределенной форме, что, в случае отклонения Портой посредничества Франции или неудачи переговоров, Франция и Россия придут к соглашению о том, чтобы «освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе, за исключением Константинополя и провинции Румелии»¹.

В августе 1807 г., при посредничестве Франции, было заключено перемирие между Россией и Турцией. Но царское правительство вскоре убедилось, что Наполеон, несмотря на свой союз с Россией, на деле продолжал вести в Константинополе недоброжелательную политику и стремился воспрепятствовать присоединению к России Молдавии и Валахии, занятых русскими войсками. Он требовал эвакуации дунайских княжеств, соглашаясь на присоединение их к России лишь в том случае, если Франция, в виде компенсации, получит Силезию, хотя прекрасно знал, что условие это было для России совершенно неприемлемым, так как оно приве-

¹ Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XIII, стр. 325.

ло бы к созданию, наряду с великим герцогством Варшавским, нового французского плацдарма на подступах к русским границам. Одновременно Наполеон по существу поощрял Порту противиться русским мирным предложениям. Себастиани упорно внушал Порте мысль, что по тильзитскому договору Наполеон вынудил русских согласиться на эвакуацию дунайских княжеств и что он будет всячески добиваться этого. В феврале 1808 г., по поручению Шампаньи, Себастиани представил, правда, Порте ряд вопросов, среди которых был и вопрос о том, какова будет политика Турции, если Россия все же захочет удержать Молдавию и Валахию. Когда, однако, султанское правительство запросило, не изменилась ли позиция Франции в этом вопросе, то Себастиани сразу же поспешил сделать успокоительные заверения, а Шампаньи «разъяснил» турецкому послу, что не следует толковать указание на возможность присоединения Молдавии и Валахии к России, как нечто «позитивное и неизбежное»¹.

В то же время, ведя двойную игру, Наполеон 2 февраля 1808 г. обратился к Александру I со своим знаменитым письмом, в котором ставил вопрос о совместной экспедиции в Индию и о разделе Османской империи. Этот дипломатический демарш французского императора преследовал прежде всего цель, путем постановки восточного вопроса, отвлечь внимание России от европейских дел, с тем, чтобы она отказалась от своего настойчивого требо-

¹ *Puryear*, ук. соч., стр. 310—311.

вания об эвакуации французскими войсками Пруссии и не препятствовала бы захвату Испании, который в то время подготавливал Наполеон. Возможно, разумеется, что Наполеон в конечном счете думал и об экспедиции в Индию, которую он проектировал уже давно. Но что не это являлось его непосредственной целью видно из того, что хотя в своем письме он призывал организовать эту экспедицию в самое ближайшее время, чуть ли не в мае этого года, он одновременно дал предписание Коленкуру всемерно затягивать переговоры с русскими. Более того, переговоры в Петербурге должны были носить предварительный характер, а окончательные решения должны были быть отложены до нового свидания обоих императоров. Наполеон, таким образом, явно хотел выиграть время, с тем, чтобы, заняв Россию переговорами по восточным делам (а также войною с Швецией), беспрепятственно осуществить свои планы в Европе, в частности на Пиренейском полуострове.

Получив письмо Наполеона, Александр в беседе с Коленкуром сразу же счел необходимым подчеркнуть, что вопрос о разделе Оттоманской империи ставится Францией, а не Россией: «Мое честолюбие,— заявил он,— ограничивалось Молдавией и Валахией»¹. Румянцев также указал, что предложения французского императора требуют зрелого размышления и что Россия будет претендовать на

¹ „Дипломатические сношения России и Франции по допесениям послов императоров Александра и Наполеона, 1808—1812“, СПб, 1905—1914, т. 1, 190. Донесение Коленкура от 1 марта 1808 г.

нечто большее, чем Молдавия и Валахия, лишь в том случае, если Франция захочет приобрести Египет и «много чего другого»¹.

Начатые в марте 1808 г., в связи с письмом Наполеона, русско-французские переговоры были использованы русской дипломатией, чтобы выяснить истинные намерения Франции на Востоке. И нужно сказать, что русской дипломатии удалось справиться с этой задачей. Румянцев, в целях зондажа, сделал ряд предложений, во время обсуждения которых царскому правительству удалось установить следующее: во-первых, что Наполеон думал при всех случаях привлечь к разделу европейских владений Турции также и Австрию, с тем, чтобы противопоставить ее России; во-вторых, что он намерен был установить французскую гегемонию на всем Востоке путем захвата не только Греции, Албании, Египта, Сирии, малоазиатского побережья, но и, прежде всего, Дарданелл. На прямой вопрос Румянцева — кому он предполагает отдать Дарданеллы, Коленкур ответил: «Я бы взял их для Франции»². По настоянию Румянцева, французский посол изложил в письменном виде свои возражения на предложения русского канцлера. В этом документе также выдвигалось требование передачи Дарданелл Франции, в случае перехода Константинополя к России. В виде другого варианта предлагалось установить в Константинополе «независимое

¹ Там же, I, 195. Донесение Коленкура от 2 марта 1803 г.

² Там же, I, 207. Донесение Коленкура от 4 марта 1808 г.

правительство»¹. При этом Коленкур, во время дальнейших переговоров, разъяснил, что во главе подобного «независимого государства» должен был бы стоять французский принц.

Цель всех этих проектов была столь ясна, что Александр I во время своей беседы с Коленкуром 12 марта следующим образом охарактеризовал их суть: если Дарданеллы окажутся в руках французов, то последние запрут Россию с юга, в то самое время как, оккупируя Варшаву, они уже занимают угрожающую для России позицию на Западе².

Таким образом, мартовские переговоры 1808 г. помогли царскому правительству уяснить политические цели Франции на Востоке. Коленкур совершил, безусловно, большой дипломатический промах, не только чересчур прямолинейно раскрыв суть полученных им от Наполеона инструкций, но и согласившись в письменном виде изложить французские предложения по вопросу о Константинополе и Дарданеллах. Недаром, узнав об этом, Наполеон в резкой форме выразил ему порицание за то, что он дал в руки русских письменный документ. Но дело было уже сделано. Царское правительство теперь знало, что подразумевал Наполеон под разделом Оттоманской империи. Оно было также прекрасно осведомлено о двойной игре французской дипломатии, которая, под прикрытием подобного рода широкообещательных планов, на деле противодейство-

¹ Там же, I, 217. Приложение к донесению Коленкура от 9 марта 1808 г.

² Там же, I, 223. Донесение Коленкура от 12 марта 1808 г.

вала России в Константинополе и поощряла Порту к сопротивлению в вопросе о дунайских княжествах.

Неудивительно, что русская дипломатия не попала на удочку Наполеона. Когда в июне Коленкур, в связи с предстоящим свиданием двух императоров, возобновил разговор о восточных делах, Александр дал ему ясно понять, что Россия отнюдь не заинтересована в осуществлении французских проектов раздела Турции. «Я не хочу,—сказал он,—поставить мою страну в более затруднительное положение, чем то, в котором она находится теперь благодаря своему соседству с турками. Если Франция будет владеть Дарданеллами, мы потеряем больше, чем выиграем».

В первые месяцы 1808 г., одновременно с переговорами по турецкому вопросу, велись переговоры и по персидским делам. Впервые на эту тему зашла речь во время беседы Коленкура с Александром I 21 января 1808 г. Разговор шел об организации совместной французско-русской экспедиции в Индию. Александр сразу же выразил сомнение в возможности подобной экспедиции. Коленкур же всячески стремился доказать обратное. В этой связи он завел речь и об Иране, который следовало бы, по его словам, для успеха экспедиции, привлечь на свою сторону. При этом он заявил следующее: «Именно исходя из желания быть полезным войскам вашего величества (т. е. тем войскам, которые, в случае осуществления французских предложений, должны были бы двинуться на Индию — А. И.) император

и разрешил своему послу продолжить путь в Персию»¹.

Это объяснение не было экспромтом самого Коленкура. Последний лишь дословно повторил инструкцию, данную ему перед отъездом в Россию?².

Приведенная выше беседа Коленкура с Александром I крайне характерна в том смысле, что она наглядно показывает тактику, которой придерживалась французская дипломатия, настойчиво стремившаяся и в дальнейшем уверить русское правительство, что миссия Гардана имела своей единственной целью подготовку совместного франко-русского похода в Индию и, следовательно, была столь же в интересах России, как и Франции.

Пользуясь случаем, укажем, что эта фальшивка наполеоновской дипломатии была полностью воспринята французской буржуазной историографией. Лучшим свидетельством этого является известная работа Вандаля «Наполеон и Александр I», в которой (несмотря на ее тему) не только ни словом не упоминается о враждебной России деятельности миссии Гардана, а наоборот, пребывание этой миссии в Иране после Тильзитского мира всецело связывается с долголетней мечтой Наполеона об экспедиции в Индию³. К сожалению, эта легенда нашла

¹ „Дипломатические сношения...“ I, 72—74. Изложение этой беседы см. также в письме Коленкура к Шампаньи от 29 января 1803 г. (Там же, 91—92).

² „Сборник Русского исторического общества“, т. 88, стр. 300—301.

³ А. Вандаль, „Наполеон и Александр I“, т. I, СПб, 1910, стр. 225—227 и др.

свое отражение и в советской исторической литературе¹.

Заверения Коленкура не ввели, однако, в заблуждение царское правительство. 20 февраля, во время новой беседы с французским послом, Александр сообщил, что персы хотят заключить мир с Россией и просил Коленкура написать Гардану, чтобы тот оказал в этом содействие русскому представителю, отправляемому в Иран. Ведь именно англичане стараются помешать персам заключить мир. «Достигнем, генерал, взаимопонимания, сказал он в заключение, и не дадим возможность думать, что можно нас друг от друга отдалить. Я искренно являюсь союзником вашим и никого другого. Будьте таким же союзником для меня»².

Вопрос был поставлен ребром и французское правительство не могло уклониться от формального выполнения просьбы своего официального союзника. 2 апреля Шампаньи, от имени Наполеона, дал распоряжение Коленкуру послать письмо Гардану, рекомендуя ему русского офицера, отправляемого в Иран для мирных переговоров. Одновременно французский министр иностранных дел сообщил о своем намерении дать указание Гардану употребить все свое влияние, чтобы поддержать демарши Рос-

¹ См., напр., статью Антюхиной „Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I“ (Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 36, Ленинград, 1939, стр. 257—277).

² „Дипломатические сношения...“, I, 154. Изложение этой беседы см. также в письме Коленкура Шампаньи от 25 февраля. (Там же, I, 165).

сии в целях скорейшего заключения мира с Персией¹. Коленкур написал соответствующее письмо Гардану, показав его, как и письмо Шампаньи, Александру I, который выразил свою благодарность Наполеону «за это проявление дружбы»².

Вся эта переписка была предназначена лишь для русского правительства. Фактически же Шампаньи в своем письме Гардану, предлагая оказать содействие «сближению между Персией и Россией», вновь ссылаясь на свои прежние инструкции³. Инструкции же эти предписывали, как мы знаем, добиваться «почетного мира», т. е. мира, основанного на удовлетворении притязаний Ирана.

Еще в марте 1808 г. Гудович отправил в Тавриз и Тегеран своего нового представителя — подполковника Вреде. В врученных последнему письмах на имя Аббас-Мирзы, его визиря Мирза-Бозурга, а также иранского визиря Мирза-Шефи, выдвигалось предложение о немедленном заключении мирного договора, с установлением русско-иранской границы по рекам Куре, Араксу и Арпачаю, т. е. со включением в территорию Российской империи ханств Ереванского и Нахичеванского⁴. В то же время Гудович написал письмо Гардану, в котором просил разуверить персов в помощи Франции и поддержать русские предложения⁵.

¹ Там же, VII, 32.

² Там же, II, 132—133.

³ Шампаньи—Гардану, 24 мая 1808 г. („Mission...“, 328).

⁴ „Акты“, III, 456—460.

⁵ Там же, III, 426—427.

Французский посол занял, однако, совершенно иную позицию. Внешне приняв русского уполномоченного крайне любезно, он не только не поддержал его, а, наоборот, предложил заключить лишь перемирие, с тем, чтобы мирные переговоры были перенесены в Париж и велись там при посредничестве Наполеона¹.

По поводу позиции, занятой Гарданом во время переговоров Вреде в Тегеране, Гудович писал Румянцеву, что французский посол, несмотря на свои дружественные заверения, «на самом деле имея некоторые виды для выгод Франции, не только не внушил Тегеранскому кабинету, что прежние вредные для России обещания Франции, во время бывшей войны деланные, теперь не могут быть исполнены, но еще подал им надежду, что когда мирный трактат между Российской империею и Персией постановлен будет чрез посредство французского двора, то Персия может иметь свои выгоды в рассуждении определения границ, которые вместо требуемых ныне Россиею по рекам Куре, Аракс и Арпачай, могут быть назначены другие с уступкою. Таким образом чрез сие предполагается и исполнение некоторой части обещаний Франции и то, что ежели она сделается посредником в восстановлении мира, то может получить от Персии другие какие-либо особенные для себя выгоды»².

Результаты вмешательства Гардана не премили сказаться. Уверенные во французской пол-

¹ „Акты“, III, 471—472.

² Гудович — Румянцеву, 6 июля 1808 г. (Там же, III, 478).

держке, персы не только отвергли русские предложения, но и отвергли их в неслыханно грубой форме. В письмах Аббас-Мирзы и Мирза-Шефи, привезенных Вреде в конце июня, выдвигалось требование передачи Ирану всего Закавказья и даже части Северного Кавказа. В своем письме, Аббас-Мирза, в ответ на указание Гудовича, что реки Кура, Аракс и Арпачай являются естественной границей между двумя державами, издевательски писал, что и в районе Моздока имеются водные рубежи, которые успешно могут выполнить эту роль. В то же время и иранский престолонаследник и визирь предлагали заключить на год перемирие (хотя раньше сами отказывались от перемирия и настаивали на подписании мирного договора) с тем, чтобы перенести мирные переговоры в Париж. Они одновременно сообщали, что «его величество император французов уполномочен со стороны Персии в определении демаркационной черты границы между Персиею и Россиею»¹.

Гардану действительно удалось убедить иранских правителей принять французское предложение. Шах согласился, чтобы мирные переговоры велись в Париже между новым иранским послом Аскер-ханом, отправленным незадолго до этого во Францию², и русским послом Толстым при посредничестве Наполеона³. Сообщая об этом Аббас-Мир-

¹ „Акты“, III, 460—461.

² Он прибыл в Париж в конце июля 1808 г.

³ Гардан—Шампаньи, 2 июня 1808 г. (*Mission...*“, 167—172).

зе, Гардан писал, что шах решил предоставить французскому императору все полномочия для заключения мира между Ираном и Россией и заранее согласился принять его третейское решение¹.

На каких основах иранское правительство рассчитывало, при содействии Наполеона, заключить мир с Россией, видно из письма, посланного Шампаньи иранским визирем Мирза-Шефи¹. Последний писал французскому министру иностранных дел, что настало время выполнить обещания, данные Францией, и просил вести переговоры в Париже на основе следующего принципа: чтобы каждая из воюющих сторон сохранила ту территорию, которой она владела до начала военных действий. Поскольку же иранские правящие круги считали «своей» территориий все закавказские ханства, Грузию и Дагестан, уже в течение многих десятилетий фактически независимые от Ирана, то требование это означало не что иное, как требование заключения мира с Россией на основе аннексии Ираном всех этих территорий.

Предложение о французском посредничестве было сразу же по достоинству оценено в Петербурге, как недопустимое вмешательство Франции в сферу непосредственных интересов России. Те придворные круги, которые с самого начала враждебно относились к союзу с наполеоновской Францией, увидели в этом новое доказательство вредности это-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д № 4265, л. 18 об.—19.

² АВПР, ф. Сношения России с Персией, д. № 7, 1743—1808 гг.

го союза. Настроения этих кругов нашли свое выражение в письме Марии Федоровны Александру I от 25 августа 1808 г., в котором мать царя, отговаривая его от поездки в Эрфурт для свидания с Наполеоном, подробно останавливалась на пагубной для России политике французского императора. В этой связи приводился и пример Ирана. «Бонапарт, говорилось в этом письме, делает себя арбитром в наших разногласиях с Персией, он принимает ее послов»¹.

Еще до этого Румянцев в беседе с Коленкуром недвусмысленно дал понять, что русское правительство относится отрицательно к французскому предложению. Он обратил его внимание на то, что персы, которые до этого просили мира, теперь требуют, чтобы им уступили даже Грузию. Румянцев отклонил предложение о посредничестве Наполеона и о перенесении переговоров в Париж, указав, что это дело касается только России².

Три дня спустя, 12 августа, этой же темы коснулся в своей беседе с Коленкуром и сам царь. Александр назвал претензии персов «безумными» и заявил, что русско-иранской границей может быть лишь река Аракс. «Я не понимаю,— продолжал он,— почему и по каким соображениям они (персы — А. И.) предлагают ваше посредничество: ведь это то же, как если бы я предложил императору мое посредничество в испанских делах, на том ос-

¹ ЦГАДА, ф. Гос. архив, разряд Ia, д. № 3.

² Коленкур—Шампаньи, 9 августа 1808 г. («Дипломатические сношения...», II, 271—273).

нований, что я имею посла в Мадриде или что испанцы просят меня об этом. Дела этой страны меня не касаются, а мои дела с Персией не могут интересовать императора»¹. Намек был достаточно ясным. Александр требовал от Франции отказа от какого-либо вмешательства в иранские дела, входившие в сферу интересов России, взамен невмешательства России в дела Испании, где с каждым днем разрасталось восстание против французов.

Несмотря на это столь категорическое заявление русского императора, Наполеон не только не дезавуировал Гардана, но и не проявил на первых порах желания отказаться от своего «посредничества» между Россией и Ираном. В этих целях он намеревался даже использовать предстоящее свидание с Александром в Эрфурте. По свидетельству иранской хроники, находившийся в Париже иранский посол Аскер-хан «был однажды вызван и ему было предложено сообщить Наполеону название тех стран... которыми завладели русские, с тем, чтобы дать возможность французскому императору поднять этот вопрос во время беседы с императором России при своем свидании с ним»². Лишь сложившаяся осенью 1808 г., к моменту эрфуртских переговоров, неблагоприятная для Франции внешнеполитическая обстановка (испанские события, ухудшение отношений с Австрией) и необходимость сохранения в этих условиях союза с Россией вынудили Наполеона отказаться от своего намерения. Из-

¹ Коленкур—Наполеону, 12 августа 1808 г. (Там же, II, 230).

² „The Dynasty of the Kajars“, стр. 373.

вестно, что в Эрфурте Наполеон принужден был формально уступить в вопросе о Молдавии и Валахии и дать, наконец, согласие на присоединение к России дунайских княжеств. Он вынужден был также воздержаться от прямого и слишком откровенного вмешательства в иранские дела и не настаивать более на своем «посредничестве»¹. Но к тому времени в отношениях между Россией и Ираном произошло много новых событий, в которых французское посольство приняло самое непосредственное участие.

Одновременно с представлениями, сделанными в августе Коленкуру, Гудовичу был отправлен рескрипт, в котором одобрялось его решение не заключать перемирия с Ираном и сообщалось об отклонении французского посредничества². Соответствующий ответ с отказом от перенесения переговоров в Париж, ввиду «отдаления Парижа от персидских границ», был послан и Мирза-Шефи.

Убедившись в неудаче попытки навязать России французское посредничество, Гардан предпринял новый маневр. Его непосредственной целью являлось теперь не допустить возобновления военных действий. Объяснялось это, конечно, не его «миролюбием», а стремлением предотвратить поход русских войск на Ереван³. В этих целях он побудил

¹ После эрфуртского свидания, в ноябре, Шампаньи послал Гардану запоздалую инструкцию не настаивать на ведении русско-иранских переговоров в Париже. (Шампаньи—Гардану, 2 ноября 1818 г. „Mission...“, 335—336).

² ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 6164(58), л. 52—52 об.

³ См. „Mission...“, стр. 256—257, 309—310. В своих докладных записках он неоднократно указывал на большое стра-

Мирза-Бозурга подписать 23 августа от имени шаха и Аббас-Мирзы обязательство не предпринимать против русских никаких враждебных действий в случае, если русские сами не возобновят войну¹. Гардан добился этого, дав со своей стороны письменную гарантию, что Россия не возобновит военные действия до завершения мирных переговоров. Об этой своей непрошенной гарантии французский посол официально известил Гудовича, которому переслал также обязательство, подписанное Мирза-Бозургом².

Все эти маневры Гардана не привели, однако, к желательным для него результатам. 2 сентября (по ст. стилю) Гудович сообщил персам, что он возобновит военные действия, если не будут приняты предложенные условия мира³, и еще раз известил Гардана, что он не уполномочен заключить какое-либо иное соглашение с Ираном, кроме мирного договора⁴.

Уже на следующий день, 3 сентября, русский главнокомандующий с отрядом войск в семь с половиной тысяч человек двинулся к границе. Поскольку он не получил никакого ответа на сделанные им предложения, 26 сентября русские войска вступили в пределы Ереванского ханства.

тегическое значение Еревана. Столь же нежелательным считал он переход под русское владычество армянского религиозного центра Эчмиадзина.

¹ Текст этого обязательства см. „Акты“, III, 488.

² Там же, III, 488.

³ Там же, III, 483—490.

⁴ Там же, III, 491.

V

Военные действия начались весьма успешно для русских войск. Уже 30 сентября они овладели Эчмиадзином, а в начале октября подошли к Еревану и блокировали ереванскую крепость. Одновременно трехтысячный отряд русских войск, двинувшийся из Карабаха и вступивший в Нахичеванское ханство, разбил у селения Кара-баба войска Аббас-Мирзы и 1 ноября овладел Нахичеваном. Таким образом, почти вся территория ханств Ереванского и Нахичеванского была занята русскими войсками, за исключением самой Ереванской крепости.

Успехи русских войск вызвали в иранских правящих кругах настоящую панику. Аббас-Мирза прислал в Тегеран письмо, в котором, по словам Гардана, «рисовал самую безутешную картину создавшегося положения». Он писал о массовом переходе ереванских и нахичеванских жителей на сторону русских и «с горечью жаловался на печальное положение дел»¹. Сам шах, говоря об осаде Ереванской крепости, откровенно заявил французскому послу: «наше печальное положение таково, что мы не надеемся ее удержать»².

Гардан, однако, не только не рекомендовал персам достигнуть соглашения с русскими, а, наоборот, всячески поощрял их к продолжению борьбы. Он снова поспешил заверить шаха, что Франция окажет всяческую поддержку Ирану, что Наполеон, за-

¹ Гардан—Шампаньи, 24 ноября 1803 г. („Mission...“, 288).

² Запись аудиенции у шаха 23 ноября 1803 г. (Там же, 233).

нятый делами Испании и Португалии, временно не имел возможности уделять внимание Востоку, «но как только он узнает о странном поведении России, он несомненно потребует блестящего удовлетворения и, подобно молнии, обрушится на врагов и уничтожит их»¹.

Еще 12 октября, сразу же по получении известий о намерении Гудовича возобновить военные действия, он написал последнему резкое письмо, в котором «официально заявлял», что поскольку Иран является союзником французского императора, то военные действия русских войск будут рассматриваться, как «провокация» против Франции. Он выражал поэтому надежду, что Гудович не возьмет на себя ответственность за событие, «которое неизбежно вызовет неприятные споры» между Францией и Россией².

Письмо это было передано секретарю посольства Лажару, которому было поручено отправиться к русскому главнокомандующему. Лажар, выехавший вместе с двумя иранскими уполномоченными, прибыл в русский лагерь под Ереваном 8/20 ноября³.

О миссии Лажара и его переговорах с Гудовичем мы имеем сведения из целого ряда документов: прежде всего из писем самого Лажара из Эчмиадзи-

¹ Там же, 235.

² Там же, 205—207.

³ „Записка о происшествии при движении войск в Грузии 1808 года“ („Акты“, III, 262).

на от 21 и 24 ноября¹; далее, из донесений Гудовича Александру I и товарищу министра иностранных дел Салтыкову от 11/23 ноября²; наконец, из его письма к главнокомандующему русской армией на Дунае Прозоровскому от 5, 17 января 1809 г.³

Лажар заявил Гудовичу, что ему поручено настаивать, чтобы русские войска прекратили военные действия и удалились с территории Ереванского ханства. Гудович решительно отверг это требование и добавил, что он ожидал от французского посольства, как посольства дружественной державы, содействия «пользам России». Он далее спросил, будет ли Франция и теперь выполнять свои прежние обещания, данные Ирану во время войны с Россией. Лажар ответил, что у французского посольства нет каких-либо новых инструкций и сообщил, что ему поручено заявить русскому главнокомандующему протест, если военные действия в Ереванском ханстве будут продолжаться. Гудович указал на это, что он действует не самовольно, а по предписанию императора и что, следовательно, протест этот, если он будет официально заявлен, будет направлен не против него лично, а против всей Российской империи. Он рекомендовал воздержаться от этого шага, так как у Франции и без того достаточно затруднений—Испания восстала, Австрия вооружается и поэтому Наполеон не может не нуждаться в дружбе

¹ АВПР, ф. Сношения России с Персией, д. № 7. 1743—1803 гг., л. 127—128. Текст письма от 24 ноября опубликован в книге Ge'hegein, ук. соч., стр. 49—50.

² „Акты“, III, 252—256, 254—265.

³ Там же, 507—510.

России, дружбе, которая к тому же была вновь подтверждена в Эрфурте¹.

Одновременно с дипломатическим демаршем, Гардан принял и иные меры для противодействия русским войскам. Как раз накануне возобновления военных действий, когда русская армия уже двинулась к границе, французские офицеры посетили Ереван для дальнейшего укрепления Ереванской крепости². Сообщая Румянцеву, «что французская миссия, несмотря на дружественный союз с нами, более теперь вредит делам моим с Персиею, нежели они прежде то делали во время войны с Францией», Гудович по этому поводу писал: «Они же (французы— А. И.) при движении моем с войсками к Памбакским и прежде, нежели я вступил в Эриванские границы, присылали одного инженерного офицера Вердье и других в Эриванскую крепость и в Эчмиадзинский монастырь для осмотра и укрепления оных»³.

¹ Встретив столь решительный отпор, Лажар вынужден был на следующий день заявить, что он отказывается от предъявления официального протеста, содержавшегося в письме Гардана, которое он так и не вручил. При первом свидании с Гудовичем им было предъявлено другое письмо Гардана от 12 октября («Акты», III, 495—496), в котором сообщалось лишь о данных ему полномочиях. Затем, написав письмо на имя коменданта Ереванской крепости Хасан-хана о неудаче своей миссии, Лажар удалился в Эчмиадзинский монастырь.

² Укрепление Ереванской крепости началось еще за несколько месяцев до этого. Первые сведения об этом были получены русским командованием еще в марте (ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 4239, лл. 66—67 об.; д. № 6164 (58), л. 94—94 об.). В июне Несветаев вновь сообщал, что «Эриванскую крепость приводят в оборонительное укрепление». (Там же, д. № 6164 (58), л. 25 об.).

³ Гудович—Румянцеву, 30 октября 1803 г. («Акты», III, 498).

Правда, после начала военных действий Гардан счел необходимым формально запретить французским офицерам принимать участие в военных операциях. Но этот приказ носил скорее символический характер. По свидетельству самого Гардана, французские офицеры отнюдь не удалились с театра военных действий, а остались в Хое, где в то время находилась штаб-квартира Аббас-Мирзы¹. Это подтверждается и русскими документами. «Шах-заде Аббас-Мирза,—извещал Гудовича генерал Портнягин,—находится в Хое, войска у него от четырех до пяти тысяч человек, для того, чтобы в случае подать помощь Эривани; при нем находятся три французских офицера»². «Сей Вердье, писал в своем рапорте от 30 октября Гудович, по известиям из персидского лагеря, находится при Баба-ханове сыне»³.

Французские офицеры, в том числе Вердье и Лами, поступили так отнюдь не в нарушение предписаний посла. Наоборот, как они сами сообщили Аббас-Мирзе, Гардан, официально запретив им принимать участие в военных действиях, в то же время разрешил им «остаться в Азербайджане в качестве гостей»⁴. И эти своеобразные «гости» отнюдь не играли роль пассивных зрителей.

По сообщению иранской хроники, Лами вскоре вновь отправился в Ереван (в момент, когда русская армия находилась уже в окрестностях этого города) и, вернувшись, доложил Аббас-Мирзе о результатах

¹ Гардан—Шампаньи, 24 ноября 1803 г. („Mission...“, 217).

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164(58), л. 120—121 об.

³ „Акты“, III, 498.

⁴ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 374.

своей поездки¹. А что Лами, будучи в Ереване в разгаре военных действий, не занимался лишь наблюдением и сбором сведений, мы знаем из показаний двух грузинских князей Дондарова и Херхеуладзе, бежавших в ночь на 1 октября из иранского лагеря под Ереваном. По прибытии в местонахождение русских войск они, между прочим, сообщили: «Эривань противу прежнего несравненно укреплена, а для лучшего распоряжения и укрепления оной находится там французский офицер... Вчерашний день (т. е. 30 сентября—А. И.) была проба крепостным орудиям»².

Враждебная России деятельность французской миссии в Иране, уже и до этого известная русскому правительству, приняла после возобновления военных действий такие недопустимые формы, что заставила правительственные круги Петербурга обратить на нее самое серьезное внимание. 23 ноября товарищу министра иностранных дел Салтыкову была представлена специальная докладная записка «О персидских делах» («Sur les affaires de la Perse»), которая 26 ноября была доложена Александру I³. В

¹ Там же, 375. Выводы его, правда, были пессимистическими: он считал, что русские войска овладеют Ереванской крепостью за восемь-шеснанадцать дней.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 42—59, л. 17—18 об. Что этим офицером был Лами, видно из того, что, по сообщению иранской хроники, последний посетил Ереван, когда русские находились уже вблизи этого города, т. е. как раз в последних числах сентября по старому стилю. Вердье же, по сведениям Гудовича, был в Ереване в то время, когда русская армия уже выступила в поход, но еще не перешла границы, т. е. за две-три недели до этого.

³ АВПр, ф. СПб Главный архив, 1—13, 1801—1804 гг., д. № 5, л. 9^о—9^з.

своей поездки¹. А что Лами, будучи в Ереване в разгаре военных действий, не занимался лишь наблюдением и сбором сведений, мы знаем из показаний двух грузинских князей Дондарова и Херхеуладзе, бежавших в ночь на 1 октября из иранского лагеря под Ереваном. По прибытии в местонахождение русских войск они, между прочим, сообщили: «Эривань противу прежнего несравненно укреплена, а для лучшего распоряжения и укрепления оной находится там французский офицер... Вчерашний день (т. е. 30 сентября—А. И.) была проба крепостным орудиям»².

Враждебная России деятельность французской миссии в Иране, уже и до этого известная русскому правительству, приняла после возобновления военных действий такие недопустимые формы, что заставила правительственные круги Петербурга обратить на нее самое серьезное внимание. 23 ноября товарищу министра иностранных дел Салтыкову была представлена специальная докладная записка «О персидских делах» («Sur les affaires de la Perse»), которая 26 ноября была доложена Александру I³. В

¹ Там же, 375. Выводы его, правда, были пессимистическими: он считал, что русские войска овладеют Ереванской крепостью за восемь-шеснадцать дней.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 42—59, л. 17—18 об. Что этим офицером был Лами, видно из того, что, по сообщению иранской хроники, последний посетил Ереван, когда русские находились уже вблизи этого города, т. е. как раз в последних числах сентября по старому стилю. Вердье же, по сведениям Гудовича, был в Ереване в то время, когда русская армия уже выступила в поход, но еще не перешла границы, т. е. за две-три недели до этого.

³ АВПР, ф. СПб Главный архив, 1—13, 1801—1804 гг., д. № 5, л. 9^о—9^з.

записке этой отмечалось, что «влияние, которое имеет французская миссия в Персии, далеко не будучи нам благоприятным, непосредственно вредит нашим интересам». Быть может Гардан превысил данные ему полномочия, быть может, наоборот, он своими действиями стремится угодить своему правительству. Вооружение Персии и военные реформы, проводимые там французскими офицерами, могли быть терпимы Россией лишь как мероприятия, направленные против английских сил в Индии, в чем неоднократно уверяли французы. Между тем, на деле, французский офицер посещает фортификации Эри-вани и затем, к моменту возобновления военных действий, отправляется в лагерь Аббас-Мирзы. В то же время к Гудовичу прибывает секретарь французского посольства с единственной целью принудить русские войска удалиться. Все это не может не привести к выводу, «что если новая военная организация Персии эвентуально направлена против Англии, она вполне может иметь своей постоянной целью Россию, или эти две державы одновременно». Французская миссия уже и так распространяет слухи, что русские должны будут, в результате договора Франции с Персией, эвакуировать свои войска из Закавказья. Существует и реальное опасение, что французы, имея свободный доступ в Грузию, могут попытаться вызвать волнения среди кавказских горцев. В заключение в докладной записке указывалось на необходимость сделать откровенное представление французскому правительству и потребовать, чтобы Гардану было дано категорическое пред-

писание положить конец враждебной России деятельности.

Тем временем исход борьбы решался у Еревана. Взятие Ереванской крепости привело бы, несомненно, к окончанию войны. Русские власти были столь уверены в этом, что заранее был даже составлен проект мирного договора, который предполагалось подписать в Ереване.

Осада Ереванской крепости, между тем, затягивалась. Все попытки Гудовича принудить, путем переговоров, гарнизон к капитуляции, не привели ни к каким результатам. Наконец, главнокомандующий решился на штурм крепости. Штурм этот был предпринят 17/29 ноября, но окончился неудачей. После этого Гудович, ввиду приближения зимы и затруднений с доставкой продовольствия, вынужден был снять осаду и вернуться с войсками в Грузию.

Вопреки расчетам русского командования, Ереванская крепость оказалась укрепленной, под руководством Вердые и Лами, по всем правилам фортификационного искусства. Гудович в своих донесениях вынужден был констатировать, что «крепость Эриванская укреплена по всем европейским правилам, имея две стены и впереди их ров и гласис», что «крепость Эриванская чрезвычайно укреплена, имея гласис, а за ним две стены, снабженные артиллериею»¹. В крепости находилось «до 2000 гарнизона, состоящего из регулярной пехоты, заведенной Аббас-Мирзой»², т. е. войск, обученных французскими офицерами регулярному строю. Гардан в

¹ «Акты», III, 246, 254, 264, 503.

² Там же, III, 244.

своих донесениях французскому министру иностранных дел также сообщал, что в обороне Еревана принял участие батальон войск «недавно обученных по-европейски»¹. Он откровенно писал, что удачной обороной Еревана персы «немало обязаны советам» Лами².

Обученные французскими офицерами иранские войска применили при обороне крепости совершенно новую для них военную технику и тактику. По этому поводу Гудович сообщал: «Во рву поставлены были пушки и действовали картечью, чего прежде никогда персиане не делали, также были фугасы и бомбы с подведенными штапенами»³.

Гудович выступил в поход на Ереван со своими немногочисленными войсками, в расчете преодолеть лишь то сопротивление, какое до этого обычно оказывали иранские войска. На деле же ему пришлось осаждать хорошо укрепленную крепость, не имея в своем распоряжении даже осадной артиллерии и располагая лишь полевыми орудиями и двумя мортирами⁴.

Враждебная России деятельность французской военной миссии в Иране явилась, таким образом, одной из причин неблагоприятного исхода экспедиции Гудовича. Именно так и была воспринята русскими правящими сферами и широкими слоями русского общества неудача русских войск под Ереваном. Это вынужден был констатировать и француз-

¹ „Mission...“, 302.

² Там же, 270.

³ „Акты“. III, 254, 264, См. также 509.

⁴ Там же, 509.

ский посол Коленкур. 28 февраля 1809 г., когда разрыв между Францией и Австрией являлся уже неизбежным и когда для французской дипломатии представлялось крайне важным добиться вовлечения России в войну против Австрии, Коленкур, в срочном донесении Наполеону, сообщая о тревожных симптомах враждебного отношения русского общества к этой войне, писал: «Вена и некоторые круги (coteries) Петербурга, являющиеся ее подголосками, приписывают французским офицерам генерала Гардана неудачу маршала Гудовича под Эриванью; этим пользуются как лишним поводом для осуждения решения, принятого, как полагают, императором, выступить против Австрии»¹.

Сам Александр I в очень резкой форме выразил французскому послу недовольство «демаршами генерала Гардана». Он напомнил заявление, сделанное ему в Тильзите Наполеоном, что франко-русский союз меняет в отношении Персии все, что было до тех пор. «Ведь на самом деле, добавил он, Персия слишком далека от вас, чтобы вы имели какой-либо интерес вмешиваться в ее дела; это касается исключительно России»².

Враждебная России политика Франции в Иране не была забыта русским правительством и в дальнейшем. В июне 1810 г., во время объяснения с Коленкуром по поводу турецких дел, Румянцев снова счел нужным напомнить французскому послу,

¹ „Дипломатические сношения...“, III, 124.

² Коленкур—Наполеону, 5 февраля 1809 г. (Там же III, 42—44).

что Франция «в свое время делала в Персии внушения, мало благоприятные интересам России»¹.

Французская буржуазно-националистическая историография потратила не мало усилий, чтобы приписать России вину за ослабление и распад франко-русского союза, и, следовательно, за войну 1812 г. Вся, например, схема Сореля и Вандаля сводится к следующему: Франция честно и лояльно выполняла свои союзные обязательства. «Неблагодарная» же Россия, в тяжелый для Франции момент, когда она против своей воли была вовлечена в войну с Австрией, не выполнила свой союзнический долг, объявив Австрии лишь фиктивную войну и не оказав Франции никакой реальной помощи. Это вызвало справедливое негодование Наполеона и положило начало охлаждению в русско-французских отношениях.

Все подобного рода утверждения не соответствуют, однако, исторической действительности. Мы не можем говорить здесь о многочисленных причинах, приведших к ослаблению франко-русского союза еще задолго до франко-австрийской войны 1809 г. Укажем лишь, что немаловажное значение имели восточные дела — как турецкие, так и персидские. Французская политика в Иране, где посольство Гардана оказывало столь упорное сопротивление присоединению Закавказья к России, не могла не содействовать дальнейшему ухудшению франко-русских отношений и явилась одной из причин, побудивших Россию занять пассивную позицию во время войны 1809 года.

¹ Коленкур—Шампаньи, 30 июня 1810 г. (Там же, V, 54).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АНГЛО-ИРАНСКИЙ ДОГОВОР 1809 Г.

Несмотря на большие услуги, оказанные французскими офицерами в деле реорганизации иранской армии, шах и его окружение были разочарованы результатами союза с Францией. Подписывая Финкенштейнский договор, персы были уверены, что Франция имеет реальную возможность выполнить взятые на себя обязательства и добиться установления иранского владычества в Закавказье. Весть о заключении Тильзитского мира между Россией и Францией не поколебала на первых порах эти надежды. Более того, иранские правящие круги прониклись еще большей уверенностью в достижении своих целей, поскольку они питали иллюзию, усиленно внушаемую французской миссией, что Россия, вынужденная прекратить войну против властителя всей Европы, всесильного Наполеона, не осмелится действовать против его воли и на Кавказе. Так продолжалось до середины 1808 г., пока шли переговоры о мире и пока шах и его министры возлагали столь большие надежды на французское посредничество и арбитраж Наполеона. Первый удар по этим иллюзи-

ям нанесло известие об отказе России от перемирия и об отклонении ею посредничества Франции. Когда же осенью этого года русские войска, вопреки тщетным стараниям Гардана, возобновили военные действия и осадили Ереван, когда закончилась провалом миссия Лажара и русские войска не сняли осады Ереванской крепости, несмотря на французский протест, тогда для иранских правящих кругов стало совершенно ясно реальное бессилие Франции на Востоке.

Правда, на этот раз, при содействии французских офицеров, удалось отстоять Ереванскую крепость. Но ведь поход русских войск мог повториться в любой момент и в еще больших масштабах. Для успешного же ведения войны с Россией размеры французской военной помощи, сводившейся к обучению иранских войск и строительству укреплений¹, были явно недостаточны.

Гардан понимал создавшееся положение. Он делал все возможное, чтобы расширить военную помощь Ирану и тем самым доказать шаху и Аббас Мирзе ценность союза с Францией. 26 ноября 1808 г. он послал в Париж специальную докладную записку, в которой рекомендовал отправить в Иран вспомогательный корпус французских войск в количестве не менее 10 000 человек, а в случае невозможности этого, побудить турок возобновить совместно

¹ Эту работу французские офицеры усердно продолжали и после ереванского похода Гудовича. Гардан намерен был, в частности, вновь послать Лами в Ереван для дальнейшего укрепления Ереванской крепости. Гардан—Шампани, 12 января 1809 г. („Mission...“, стр. 270).

с персами военные действия против России¹. Эти свои предложения он усердно повторял и в последующих донесениях, указывая, что Франция не может надеяться сохранить свое влияние в Иране, не имея там военных сил².

Новые предложения Гардана были, однако, явно неосуществимыми. Франция не была в состоянии послать войска в Иран не только потому, что это могло бы привести к открытому разрыву с Россией, на что Наполеон в то время не мог, разумеется, решиться. Французский корпус не имел и фактической возможности прибыть в Иран, хотя бы под предлогом похода в Индию, поскольку единственный возможный путь—через территорию Турции³—как раз к этому времени оказался окончательно закрытым.

В начале 1807 г., к моменту заключения франко-иранского союза, влияние Франции в Турции также достигло своего апогея. Вступление Османской империи в войну с Россией привело и к разрыву с Англией. Арбутнот бежал из турецкой столицы. Безуспешная попытка английской эскадры, под командованием адмирала Декуорта, прорваться к Константинополю не принудила Порту капитулировать, а, наоборот, еще более укрепила влияние французского посла Себастиани, руководившего обороной города. Но уже Тильзитский мир, заключенный Наполеоном, вопреки взятым на себя обязательствам,

¹ Там же, стр. 249—251.

² Там же, стр. 255—256, 267—268.

³ Именно через Турцию и предполагалось двинуть французские войска на Восток, как это было предусмотрено и в предложениях, представленных за год до этого Наполеоном Александру I.

за спиной Турции, внес значительное охлаждение во франко-турецкие отношения. Двуличная политика Наполеона после Тильзита все более отдаляла Порту от Франции. Недовольство Порты особенно усилилось после Эрфурта, когда Наполеон дал согласие на присоединение к России Молдавии и Валахии. Французская дипломатия и теперь пыталась продолжать двойную игру, официально рекомендуя турецкому правительству заключить мир с Россией на основе русских предложений и в то же время внушая ему мысль о возможности пересмотра вопроса о дунайских княжествах при «общем урегулировании», после окончания войны с Англией. Но Порта не верила больше Наполеону. Она стремилась вновь сблизиться с Англией, которая к тому времени находилась уже в состоянии войны с Россией. 5 января 1809 г., в результате переговоров с новым английским представителем Робертом Эдером, был подписан мирный договор между Англией и Османской империей.

Хотя Порта не пошла на окончательный разрыв с Францией и в Константинополе продолжал оставаться французский посол, однако англо-турецкий договор нанес непоправимый удар французскому влиянию не только в Турции, но и на всем Востоке. Это не могло не отразиться на отношениях Франции с Ираном. Гардан справедливо писал, что англо-турецкий союз имел решающее значение и для франко-персидских отношений, поскольку в результате его французы оказались в Иране изолированными¹.

¹ „Mission...“, стр. 309.

Франция была теперь фактически полностью отрезана от Ирана, поскольку не имела возможности поддерживать с Ираном и морскую связь через Персидский залив, благодаря господству на морях англичан. Именно это последнее обстоятельство и мешало выполнить подписанную Гарданом конвенцию о поставке вооружения, в котором нуждалась иранская армия. Хотя Наполеон ратифицировал эту конвенцию и 20 февраля 1809 г. издал даже особый приказ о том, чтобы конвенция эта «неуклонно соблюдалась»¹, но все его распоряжения оставались на бумаге. Время шло, а обещанное вооружение не поступало. Иранские правящие круги вскоре убедились, что Франция не была в состоянии выполнить и это свое обязательство.

Кроме оружия, Иран остро нуждался, для ведения войны с Россией, в деньгах. Французская миссия не была в состоянии предоставить Ирану и финансовую помощь. Она не имела в своем распоряжении необходимых средств даже для преподнесения традиционных «подарков», т. е. для подкупа шаха и его приближенных. О финансовых затруднениях французской миссии свидетельствует переписка Гардана. В ноябре 1808 г. он вынужден был, например, отправить атташе посольства Дюпрэ в Константинополь, чтобы попытаться раздобыть там денег². Дело дошло до того, что когда французская миссия несколько месяцев спустя покинула Иран и

¹ *Puryear*, ук. соч., стр. 367—368.

² Гардан—Шампаньи, 26 ноября 1808 г. („Mission...“, стр. 259—260).

прибыла в Тбилиси, она в буквальном смысле слова не имела ни копейки. «Положение же, в каковом французское посольство выехало из Персии, писал новый главнокомандующий на Кавказе Тормасов, по многим обстоятельствам кажется довольно невыгодным и даже недостаточным, потому что они принуждены были здесь продавать многие свои вещи». В конце концов Гардан, после тщетных попыток получить займы у тбилисских купцов, вынужден был взять в долг у Тормасова две тысячи червонцев, чтобы иметь возможность продолжать свой путь¹.

А в это же самое время англичане усиленно предлагали Ирану то, чего не могли дать французы. Прибытие французской миссии в Тегеран вызвало большую тревогу в Англии. Англичане не могли допустить, чтобы французы обосновались в Иране на подступах к Индии. Они, однако, прекрасно понимали, что могли побороть французское влияние в этой стране, лишь оказывая более широкую и действенную помощь персам в войне против России, так как только это могло побудить последних предпочесть английский союз французскому. Но это отнюдь не противоречило их собственным интересам. Противодействуя усилению России на Востоке, англичане, как мы знаем, поставляли Ирану оружие еще в начале русско-иранской войны, когда они являлись союзниками России. Теперь же Англия готова была оказать самую широкую военную и финансовую помощь Ирану, так как этим она достигала сра-

¹ АВУР, СПб Главный архив, 1—13, 1807—1810 гг., д. № 1, л. 44—46.

зу нескольких целей; вытесняла из Ирана французов, подчиняла себе в политическом, экономическом и военном отношении эту соседнюю с Индией страну и одновременно наносила удар другому своему сопернику на Востоке — России, с которой она находилась к тому же в враждебных отношениях.

Чтобы достичь своих целей, англичане не только сулили персам разные блага, но и угрожали. Они вооружали афганцев, подстрекали против Ирана ваххабитов¹. Англичане сами имели реальную возможность организовать из Индии вторжение в район Персидского залива. Они угрожали даже привести проживавшего в Индии отпрыска Зендской династии, с тем, чтобы помочь ему низвергнуть Каджаров и захватить шахский престол². Франция же была бессильна причинить Ирану какой-либо вред.

Торговые интересы также вынуждали Иран считаться с англичанами. Торговля с Индией имела для Ирана первостепенное значение. Торговля эта не прекращалась и после заключения франко-иранского союза. В одной докладной записке, представленной впоследствии русскому правительству, указывалось, что и во время пребывания в Иране французской миссии, «торговля персидская с английско-индейскою компаниею нисколько не уменьшилась»³. В торговых связях с Ост-Индской компаниею были заинтересованы не только влия-

¹ Об этом сообщал Гардан в своих донесениях. См. напр. „Mission...“, стр. 188—189 и др.

² Гардан—Шампаньи, 26 ноября 1808 г. (Там же, стр. 252).

³ ЦГВИА, ф. № 446, д. № 12, л. 16 об.

тельные торговые круги, особенно юга Ирана, но и многие представители иранской знати. Английский агент в Ширазе, некий Хаджи-Юсуф сообщал, что «торговцы, заинтересованные в торговле с Индией, имеют значительное влияние здесь (в Ширазе—А. И.) и при дворе»¹.

Даже в самый разгар сближения с Францией Иран, вопреки Финкенштейнскому договору, не порывал полностью сношений с англичанами. Кроме неофициальных английских агентов, вроде вышеупомянутого Хаджи-Юсуфа, проживавшего в Ширазе, в Бушире продолжал пребывать резидент Ост-Индской компании Брюс. Именно поэтому шах и воспрепятствовал поездке французского представителя в Бушир, дабы французское посольство не узнало, что там продолжал оставаться английский резидент и продолжала существовать английская фактория².

Вскоре в Иране появились и новые официальные английские миссии, задачей которых являлось вновь вовлечь Иран в сферу политического влияния Англии.

II

Сообщение об успехе миссии Жобера и решении шаха заключить союз с Францией было получено в Константинополе в те дни, когда приехавший в турецкую столицу Джонс вел переговоры с английским

¹ *Harford Jones Brydges, An Account of the Transactions of His Majesty's Mission to the Court of Persia in the years 1807—1811, London, 1834, стр. 131.*

² *Morier, ук. соч., стр. 10,30.*

послом Арбутнотом о более активном вмешательстве в иранские дела. Очевидно это известие и явилось причиной того, что Джонс не вернулся в Багдад, а отправился с депешами в Лондон, куда прибыл незадолго до этого из Ирана и известный уже нам Воган, выполнявший там, по его поручению, функции политического агента и разведчика¹.

Английское правительство, информированное о событиях на Востоке, приняло в феврале 1807 г. решение направить в Иран особую миссию—не от имени индийского генерал-губернатора (каковой в свое время была миссия Малькольма), а от имени английского короля,—т. е. официальное дипломатическое посольство. Главой миссии был назначен Джонс. Первоначально предполагалось, что посольство выедет в Иран через Россию. Но отъезд миссии задержался в связи со сменой в апреле этого года английского кабинета. Вскоре, в результате Тильзитского мира, политическая ситуация в Европе изменилась. Было, поэтому, решено, что английская миссия отправится морским путем в Индию, а оттуда проследует в Иран. Английское посольство должно было вновь продемонстрировать мощь и богатство Англии. В этих целях были заготовлены для шаха ценные подарки и в их числе вывезенный в свое время из Индии крупный бриллиант стоимостью в несколько десятков тысяч фунтов стерлингов².

27 октября Джонс, с другими членами миссии,

¹ Jones, ук. соч., стр. 3—4.

² Там же, стр. 3—16.

выехал в Бомбей, куда прибыл 26 апреля 1808 г. Здесь он узнал, что генерал-губернатор Индии лорд Минто, не дождавшись его приезда, отправил от себя в Иран другое посольство во главе с Малькольмом, ставшим к тому времени генералом.

В «Хронологических выписках по истории Индии» Маркс по этому поводу пишет: «Второе посольство в Персию: *embaagas de richesse* (из животного страха перед Наполеоном), в Тегеран (в 1808) были направлены из Лондона—сэр Харфорд Джонс, а из Калькутты—сэр Джон Малькольм»¹.

Малькольм, выехавший из Бомбея во главе целой флотилии как раз накануне приезда Джонса, прибыл 10 мая в Бушир. 18 мая он писал губернатору Мадраса Барлоу: «Я посылаю завтра капитана Пасли ко двору с официальной целью вручить письмо шаху; но он имеет секретные инструкции и сможет сделать важные наблюдения»².

Пасли было поручено сообщить шаху, что Малькольм привез подарков на пятьсот тысяч туманов; далее он должен был внушить ту мысль, что англичане скорее добьются изгнания русских из Закавказья, чем французы³.

Пасли удалось, однако, доехать только до Шираза, где по распоряжению иранского правитель-

¹ К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, стр. 113.

² Кауе, ук. соч., I, 56.

³ Пасли сообщил об этих предложениях посланному в Шираз Исмаил-бею, который, в свою очередь, довел их до сведения Гардана. Гардан—Шампаньи, 24 ноября 1803 г. («Mission...», стр. 220—221). См. также «Акты», III, 475.

ства он был задержан. Произошло это благодаря активному вмешательству Гардана. Шах и его министры уже в то время были не прочь возобновить дипломатические сношения с англичанами. Мирза-Шефи имел 17 июля продолжительную беседу с французским послом о миссии Малькольма в присутствии проанглийски настроенного бейлербея Исфагана. Он сообщил, что Малькольм просил разрешения прислать в Тегеран «простого курьера» и выражал опасение, что в случае отказа англичане «предадут огню и залиют кровью» все побережье Персидского залива и весь Фарсистан. Но Гардан был непреклонен и категорически заявил, что он вместе со всей французской миссией покинет Иран, если шах примет английского представителя.

В результате иранские правящие круги были поставлены перед дилеммой—или пойти на разрыв с Францией, или же не вступать официально в сношения с англичанами. В то время (дело было до похода Гудовича на Ереван) шах продолжал еще уповать на французское посольство. Он велел, поэтому, Мирза-Шефи сообщить Гардану, что он не примет английского представителя и готов даже выполнить требование французского посла об отправке войск на юг Ирана для отпора англичанам в случае их попытки произвести десант. Действительно, с этой целью был отправлен в Шираз один из персидских военачальников Исмаил-бей, в распоряжение которого было предоставлено до четырех тысяч войск¹.

¹ Гардан—Шампаньи, 2 и 18 июня 1808 г. („Mission...“, стр. 172—177); Гардан—Гудовичу, 2 июня и 2 июля 1808 г. „Акты“, III, 472, 474).

На деле, однако, иранское правительство стремилось установить неофициальный контакт с Малькольмом. Не разрешая Пасли ехать в Тегеран, оно в то же время намерено было задержать его подольше в Ширазе, с тем, чтобы выиграть время. Это видно из писем Мирза-Шефи, копии которых попали в руки англичан. «Горячим желанием шаха, писал Мирза-Шефи ширазскому визирю, является оттянуть время и избежать каких-либо решительных мер. Вы должны поэтому занимать генерала Малькольма, предлагая ему свое содействие». Одновременно он предписывал сделать все возможное, чтобы задержать Пасли в Ширазе¹.

Но Пасли, не пожелавший остаться в Ширазе, вскоре вернулся в Бушир, а Малькольм, негодую на отказ иранского двора принять его представителя, решил сразу же возвратиться в Индию. 12 июня он отплыл в Калькутту, оставив в Бушире Пасли, который немного спустя также покинул иранскую территорию. Перед отъездом Малькольм прибег к угрозам, заявив, что его правительство отомстит за нанесенное ему оскорбление и что он вернется из Индии с войсками².

Внезапный отъезд Малькольма вызвал на первых порах недовольство английских властей в Индии, справедливо полагавших, что он должен был бы проявить большую гибкость и выждать время. Как только было получено известие о его возвраще-

¹ Кэпе, ук. соч., I, 53.

² Гардан—Гудовичу, 6 августа 1803 г. („Акты“, III, 187—188).

нии, Минто обратился с письмом к находившемуся в Бомбее Джонсу, предлагая ему отправиться без промедления в Иран.

Тем временем, 22 августа, Малькольм вернулся в Калькутту. Ему удалось убедить генерал-губернатора применить оружие для устрашения Ирана и снарядить под его начальством экспедицию для захвата острова Харк, который, как известно, он уже давно предлагал оккупировать и превратить в английскую военную базу в Персидском заливе. Исходя из этого решения, Минто отправил новые письма Джонсу, предписывавшие ему оставаться в Бомбее. Но письма эти не успели во-время. Они были получены лишь в середине сентября, когда Джонс уже покинул этот город.

12 сентября 1808 г. Джонс с членами своей миссии—в числе которых были: его личный секретарь Джеймс Морьер (впоследствии автор известного произведения «Приключения Хаджи-Бабы»), политический советник Генри Шеридан, капитан Сутерленд и др.—отплыл в Бушир, куда прибыл 14 октября. К тому времени обстановка в Иране была уже иной, поскольку поход Гудовича на Ереван вызвал в иранских правящих кругах панику и разочарование в союзе с Францией. Неудивительно поэтому, что Джонс был встречен иначе, чем его предшественник.

Английская миссия сразу же получила разрешение высадиться на берег. На следующий день к Джонсу явился некий Абдулла-ага, его знакомый по Багдаду. Последний вручил ему письмо и передал устное поручение от Мирза-Бозурга.

Мирза-Бозург, который, по словам Джонса, был его «старым», «превосходным» другом, просил его сообщить о своих планах и намерениях; он советовал Джонсу поскорее добраться до Тегерана и выражал уверенность, что тот будет принят шахом, поскольку у него много друзей «особенно среди торговцев, пользующихся большим влиянием»¹.

13 ноября Джонс получил письмо от одного из английских агентов в Ширазе Джафар-Али-хана с сообщением о том, что в Тегеране, под влиянием Мирза-Бозурга, принято решение признать его полномочия в качестве английского посла. Он поспешил поэтому поставить в известность Минто, что успех английской миссии обеспечен. В то же время он написал письмо ширазскому визирю Наср-Оллахану, в котором официально извещал иранское правительство, что готов выполнить все обещания, данные Малькольмом, и что «охотно берется гарантировать Персии такое содействие в ее теперешней войне с Россией... какое она может пожелать»².

Как видим, Джонс в своем первом же официальном обращении поспешил заверить иранские власти в том, что Англия готова оказать Ирану эффективную военную помощь против России. Что Джонс был отправлен в Иран не только для изгнания оттуда французов, но и для разжигания войны против России, было с самого начала ясно и царскому правительству. Еще в декабре 1807 г., при получении первых известий об отъезде Джонса в Иран, Румянцев писал Гудовичу: «Должно ожи-

¹ Jones, ук. соч., стр. 31—32.

² Там же, стр. 41—43.

дать, что по прибытии его к персидскому двору мирные переговоры и вообще дела наши с Баба-ханом встретят еще более медлительности и затруднений, а может быть предупредят англичане склонить его к воинским предприятиям против Грузии»¹. В своем ответном письме Гудович, соглашаясь с мнением Румянцева, заявлял по поводу посольства Джонса: «Без сомнения оно будет иметь в предмете вредные для России внушения Баба-хану, дабы подвигнуть его на дальнейшую вражду к России и побудить на продолжение воинских предприятий против Грузии»². Прогноз этот оказался верным.

В конспекте книги Иегера «Персия и персидский вопрос» Ленин пишет в этой связи следующее: «1808. Англия посылает в Персию особого посла; она помогает Персии в ее войне против России»³.

Тем временем Гардан пытался принять все возможные меры, чтобы не допустить Джонса в столицу Ирана. Во время своей аудиенции у шаха 23 ноября он предупредил, что тотчас же уедет со всей своей миссией, если английский посол будет принят. Два дня спустя он написал и официальное заявление аналогичного содержания на имя Мирза-Шефи⁴.

Интересно отметить, что во время своей беседы с шахом французский посол пытался доказать, что

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1806—1815 гг., д. № 3, л. 35—36.

² „Акты“, III, 449.

³ „Ленинский сборник“, XXIX, 351.

⁴ „Mission“, стр. 239, 248.

именно Франция, а не Англия, сумеет в конечном счете обеспечить Ирану захват Закавказья, что обещания Англии являются иллюзорными, что если даже Англия сможет, вопреки всем ожиданиям, заставить Россию уступить Ирану Грузию и другие закавказские области, то Иран все равно будет иметь возможность удержать их лишь с согласия Наполеона.

Все посулы Гардана, как и предъявленный им ультиматум, оказались на этот раз безрезультатными. Правда, иранское правительство еще не хотело сразу и бесповоротно порывать с Францией. Шах и Мирза-Шефи настойчиво просили Гардана остаться. Но в то же время они твердо решили начать переговоры с англичанами: И на этот раз они хотели выиграть время и поэтому намерены были подольше задержать Джонса в Ширазе и вести с ним переговоры там, а не в Тегеране.

План этот был, однако, сорван благодаря решительности и настойчивости английского посла. 17 декабря Джонс в сопровождении членов миссии и отряда индийских войск¹, выехал в Шираз², куда прибыл 30 декабря. 1 января он был на аудиенции у правителя—Хусейн-Али-Мирзы, одного из сыновей

¹ Отряд этот прибыл в Бушир еще с Малькольмом.

² В двух днях пути от Шираза английская миссия встретила специального гонца, отправленного из Тегерана, который вручил Джонсу фирман шаха, а также письма, сообщавшие о неудаче похода русских войск на Ереван. Английский посол поспешил принести свои поздравления. *Jones*, ук. соч., стр. 88—89. *Morier*, ук. соч., стр. 93—96.

шаха, а на следующий день имел беседу с его визирем Наср-Олла-ханом. Последний, ссылаясь на погоду и трудности пути, предложил ему остаться в Ширазе до весны. Когда Джонс решительно отверг это предложение и сообщил о своем намерении немедленно отправиться в Тегеран, визирь намекнул, что возможно он будет уполномочен вести с ним переговоры именно здесь, в Ширазе. Но английский посол в категорической форме заявил, что до начала каких-либо переговоров он должен лично вручить свои верительные грамоты самому шаху¹.

Несколько дней спустя Джонс получил корреспонденцию из Бушира, в числе которой было и письмо от Минто. В письме этом генерал-губернатор предписывал ему покинуть Иран и сообщал о принятом им решении отправить военную экспедицию для захвата острова Харк. Джонс, уже до этого имевший серьезные разногласия с английскими властями в Индии, и являвшийся послом, назначенным непосредственно английским правительством, не считал нужным подчиниться этому распоряжению. Но письмо Минто пришлось как раз кстати. Джонс сразу же воспользовался им, чтобы оказать давление на иранское правительство и положить конец его колебаниям. Он не только не скрыл содержание этого письма от иранских властей, а наоборот, поспешил перевести его на персидский язык и представить Наср-Олла-хану. Соответствующее сообщение о намерении индийских властей организовать военную экспедицию против Ирана, было немедленно

¹ Jones, ук. соч., стр. 105 и сл.

переслано и в Тегеран. Одновременно Джонс выразил готовность урегулировать этот вопрос и заставить Малькольма отказаться от своих враждебных намерений; он обещал даже дать соответствующую письменную гарантию¹.

Эти угрозы и посулы возымели свое действие. Английского посла не стали больше задерживать. Уже 13 января английская миссия выехала в Исфаган. 23 января Джонс получил, через специального посланца, фирман шаха, а также письмо от Мирза-Шефи с извещением, что Гардан в ближайшее время выедет из Тегерана².

1 февраля английская миссия прибыла в Исфаган, где задержалась всего одну неделю. 14 февраля 1809 г. английское посольство было торжественно встречено в иранской столице³.

III

За день до приезда в Тегеран английской миссии, Гардан, после прощальной аудиенции у шаха, выехал с членами французского посольства в Тавриз. Но два представителя французской миссии Жуанен и Нерсиа остались в иранской столице.

Все известные нам данные свидетельствуют о том, что Гардан на первых порах не предполагал окончательно покинуть Иран и рассматривал свой отъезд в Тавриз лишь как угрозу и способ воздей-

¹ Там же, стр. 127—142.

² Там же, стр. 159—160.

³ Там же, стр. 165—185; Morier, *ук. соч.*, стр. 159—184.

ствия на иранское правительство. Во всяком случае, в своих письмах, написанных из Тавриза Гудовичу и Тормасову¹, он ни словом не упоминал о своем отъезде из Ирана, а, наоборот, писал об «усилиях», которые намерен был в будущем приложить для достижения мира между Россией и Персией. Иранские власти также не настаивали на том, чтобы он покинул иранскую территорию. Наоборот, во время прощальной аудиенции шах сам просил его остаться в Тавризе, хотя бы до получения новых известий из Франции². Персы явно хотели задержать в этом городе французского посла, как до этого хотели задержать английского посла в Ширазе, чтобы выиграть время и не порывать отношений ни с одной из двух соперничающих держав. Об этом свидетельствует и тот факт, что, в самый день прибытия в Тегеран Джонса, шах отправил новое письмо Наполеону, в котором вновь заверял его в своих дружественных чувствах и выражал надежду, что доброе согласие между Францией и Ираном будет продолжаться³.

Находясь в Тавризе, Гардан, вместе с членами своей миссии, продолжал столь же активно, как и прежде, заниматься разведывательной деятельностью. Один «карабахский татарин», посланный к нему Гудовичем для вручения полученной на его имя корреспонденции, по своем возвращении сооб-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1807—1810 гг., д. № 1, л. 25—31.

² „Mission...“, стр. 282.

³ *Driault*, ук. соч., стр. 337—338.

шил в этой связи следующее. Гардан «расспрашивал от сего посланного о положении мест Шуши и дороги, ведущей от оной до Аракса и деревнях по оной лежащих, так же и о расстоянии мест, равномерно сколько в Баке, Ширване, Шеке и Шуше находится российских войск и все ответы сего татарина были тотчас генералом Гарданом записаны». Тот же посланец рассказал, что во время его пребывания в Тавризе «было там учение персидской артиллерии, которой обучали два французских офицера». Выяснилось также, что один из французских офицеров был вновь послан в Нахичеван «для осмотра крепости и местоположения оной», причем он посетил и деревню Кара-Баба, в районе которой предполагалось построить новую крепость¹.

Гардан все еще надеялся добиться высылки Джонса. 17 марта он послал в Тегеран унтер-офицера Фино с письмами, в которых вновь требовал немедленного удаления англичан, угрожая в противном случае покинуть иранскую территорию. 28 марта находившийся в Тегеране Жуанен имел аудиенцию у шаха, во время которой пытался добиться выполнения требований французского посла. В ответ ему было сказано, что если Франция сумеет заставить русских уступить Ирану Грузию, то англичане будут изгнаны; в противном же случае Иран, не порывая с Францией, будет поддерживать отношения и с Англией².

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1803—1810 гг., д. № 1, л. 21—23.

² *Driault*, ук. соч., стр. 339.

Французские ультиматумы не могли уже иметь никакого успеха, так как за две недели до этого был подписан англо-иранский договор и Джонс, приобретавший с каждым днем все большее влияние при дворе шаха, сам требовал теперь высылки из Ирана не только французского посла, но и всех вообще французов.

12 апреля Фино вернулся в Тавриз с письмами шаха и Мирза-Шефи, носившими, по словам Гардана, «уклончивый характер»¹. Пять дней спустя Гардан с членами своей миссии выехал из Тавриза, не смотря на то, что Аббас Мирза пытался через своих приближенных отговорить его от этого намерения². Французская миссия направлялась в Тбилиси, чтобы через Россию проследовать во Францию.

По дороге Гардан вновь предпринял попытку вступить в сношения с Эчмиадзином. Об этом мы знаем из письма эчмиадзинских епископов к Наполеону от 25 апреля 1809 г.³, из которого явствует, что в этот день французский посол посетил резиденцию армянских католикосов. К тому времени Даниэла уже не было в живых. Насильственно перевезенный в Ереванскую крепость, он умер там во время осады Гудовичем Еревана. Его преемник архиепископ Ефрем, избранный католикосом, еще не прибыл из России. Гардан поэтому был принят находившимися в Эчмиадзине епископами, которые и

¹ „Mission...“, стр. 296.

² „The Dynasty of the Kajars“, стр. 376.

³ Матенадаран. Рукопись № 2922, л. 19 об.—20; „Лума“ 1897 гг., № 1, стр. 303—305.

вручили ему новое письмо к французскому императору, аналогичное посланию, отправленному Даниэлом в предыдущем году.

Покинув Эчмиадзин, Гардан, несколько дней спустя, прибыл в Тбилиси, где задержался некоторое время и где вынужден был занять у Тормасова деньги, необходимые на дорогу. Из Тбилиси французская миссия выехала в Москву, откуда через Варшаву и Дрезден отправилась во Францию.

IV

На следующий день по прибытии в Тегеран Джонс имел длительную беседу с визирем Мирза-Шефи, а 17 февраля был принят в официальной аудиенции шахом, которому вручил письмо английского короля и привезенные им подарки¹.

Непосредственно после этого официального приема начались переговоры о заключении англо-иранского договора. Во время этих переговоров, которые Джонс вел с Мирза-Шефи, не всегда все шло гладко и дело доходило подчас до резких столкновений². Однако обе стороны были заинтересованы в скорейшем заключении соглашения и поэтому уже 15 марта английским послом и иранским визирем был подписан «предварительный договор», помеченный 12 марта 1809 г.

¹ *Jones*, ук. соч., стр. 185—188; *Morier*, ук. соч., стр. 186—191.

² *Jones*, ук. соч., стр. 190—199; *Morier*, ук. соч., стр. 198—203.

Договор этот¹ состоял из 8 параграфов. В первом параграфе говорилось, что достигнутое соглашение является предварительным, до заключения «окончательного договора о союзе и дружбе» между Англией и Ираном. Из остальных параграфов особое значение имели параграфы третий и четвертый, которые предусматривали следующее. Шах брал на себя обязательство аннулировать все соглашения, заключенные им до этого с какой-либо европейской державой (т. е. с Францией) и не давать разрешения каким-либо европейским войскам следовать через территорию Ирана в направлении Индии или к портам Персидского залива. С другой стороны, Англия была обязана в случае, если войска какой-либо европейской державы (т. е. России) уже заняли или впредь займут территории, подвластные шаху, послать в помощь Ирану войска или выплачивать вместо них субсидию (размер которой должен был быть определен впоследствии), а также поставлять амуницию и предоставить в распоряжение шаха офицеров. В случае заключения Англией мира с этой европейской державой она должна была взять на себя роль посредника между ней и Ираном. Если, однако, это посредничество не дало бы положительных результатов, то Англия обязана была продолжать оказывать Ирану военную помощь и выплачивать субсидию до того, как войска указанной державы не удалятся с подвластной ша-

¹ Договор этот опубликован полностью в приложении к книге Кейя-Кауе, ук. соч., стр. 481—484.

ху территории или между этой державой и Ираном не будет заключен мир.

В других параграфах речь шла об афганцах, которым Англия не должна была оказывать никакой помощи в случае их нападения на Иран, и о военной помощи Ирана, если подвергнется нападению Индия. Специально оговорено было также (учитывая возможность экспедиции Малькольма), что в случае высадки английских войск на острове Харк, или в портах Персидского залива, последние должны рассматриваться как дружественные войска, предоставленные в распоряжение шаха.

Суть договора сводилась, как видим, к военной помощи, которую Англия бралась оказывать Ирану с целью установления иранского владычества в Закавказье. Характерно при этом то, что Англия обязывалась продолжать эту помощь и после заключения ею мира с Россией. Совершенно очевидно, таким образом, что подписание англо-иранского договора 1809 г., направленного против России, отнюдь не объяснялось лишь преходящими конъюнктурными соображениями, связанными с разрывом англо-русских отношений после Тильзитского мира. Англия, стремившаяся ослабить Россию на Востоке и не допустить присоединения к России Закавказья, продолжала политику, начатую еще до 1807 г., и намерена была проводить ее и впредь, даже в случае нового сближения с Россией.

Анализ договора 1809 г. показывает также, что, принуждая Иран аннулировать все соглашения с другими европейскими державами, Англия создавала себе тем самым монопольное положение в этой

стране и обеспечивала себе политическое и экономическое преобладание.

Чтобы добиться этого на деле, необходимо было, чтобы Иран окончательно и бесповоротно порвал с Францией. Между тем в Тегеране находились еще два представителя французского посольства — Жуанен и Нерсиа, проявлявшие большую активность. Английский посол — старый разведчик, весьма опытный в таких делах (вспомним его крайне подозрительную роль в неожиданной смерти Ромье), сразу же постарался устранить нежелательных французов. По сообщению Жуанена, Джонс нанял семь бандитов, чтобы убить его и Нерсиа. Однажды ночью Нерсиа проснулся от шума, который производил какой-то человек, забравшийся на крышу над его комнатой; он погнался за ним, но не сумел догнать. Другой раз Жуанену была прислана книга, все страницы которой оказались пропитанными ядом¹. Нет никаких оснований не верить в данном случае сообщением Жуанена, так как подобные «методы» устранения своих политических противников применялись английской дипломатией не впервые.

Одновременно с этим Джонс усиленно добивался от иранских властей немедленного ареста всех находившихся на территории Ирана французов, или хотя бы их изгнания. Иранское правительство не хотело, однако, окончательно порывать с Францией и не торопилось выполнить требования английского посла, даже после подписания англо-иранского до-

¹ *Driault*, ук. соч., стр. 339.

говора. Только 10 апреля 1809 г. шах дал, наконец, обещание выслать французов. 29 апреля Жуанен и Нерсиа вынуждены были выехать из Тегерана¹. Джонсу удалось добиться этого, лишь прибегнув к другому излюбленному средству английской дипломатии — подкупу. Только его согласие предоставить аванс в счет обещанной субсидии и заставило шаха внять его настояниям².

Но «жертвы», принесенные английским послом, все же оказались напрасными. Жуанену и Нерсиа было предложено покинуть Тегеран, а не территорию Ирана. Прибыв в мае в Тавриз, откуда незадолго до этого выехал Гардан с другими членами своей миссии, оба французских агента остались там при Аббас-Мирзе.

После подписания англо-иранского договора было решено отправить в Англию личного секретаря Джонса — Мориера, которому было поручено доставить текст договора для ратификации. Его должен был сопровождать иранский посол, каким был назначен племянник бывшего визиря Хаджи-Ибрагима Мирза-Абдул-Хасан, проведенный до этого свыше двух лет в Индии. Мориеру были вру-

¹ *Merier*, ук. соч., стр. 218, 219, 220, 264; *Jones*, ук. соч., стр. 219—220; „*The Dynasty of the Kajars*“, стр. 337.

² Об этом он сам сообщал в своем письме от 13 апреля на имя генерал-губернатора Индии, копию которого переслал английскому послу в Константинополе Эдеру. См. содержание этого письма в приложении к донесению Эдера от 18 июля 1809 г. (*R. Adair, The Negotiations for the Peace of the Dardanelles in 1804—1809. London, 1845, I, 242*).

чены письмо шаха к английскому королю, а также письма визиря¹.

Одновременно Мориер вез и донесения Джонса, а также его прошение об отставке. Последнее было вызвано все усиливавшимися разногласиями между ним и английскими властями в Индии. Минто не только требовал, чтобы Джонс немедленно вернулся, но и не хотел даже оплачивать выданные им векселя². Следует отметить, что вся эта склока продолжала искусно использоваться Джонсом для оказания давления на иранское правительство; изображая себя ревностным поборником англо-иранского сближения, он постоянно намекал, что в случае его неудачи, т. е. в случае неудовлетворения английских требований, возьмет верх Минто — сторонник военной интервенции.

7 мая Мориер и Мирза-Абдул-Хасан выехали из Тегерана в Тавриз, а оттуда, через Эрзерум, в Константинополь. Затем они отправились морем в Англию, куда прибыли 25 ноября 1809 г.³.

V

Тем временем Джонс в начале июня выехал с членами своей миссии в летнюю резиденцию шаха — Султаниэ, а затем отправился далее на север,

¹ Jones, ук. соч., 227—230, 235—236; Morier, ук. соч., стр. 212—220.

² Jones, ук. соч., стр. 200—219. Содержание письма Минто от 30 января см. в приложении к донесению Эдера от 18 июля (Adair, ук. соч., I, 242).

³ Morier, ук. соч., стр. VIII, 249, 293, 320, 352.

так как лагерь шаха был перенесен в урочище Уджан, расположенное недалеко от Тавриза. Сюда прибыл со своим войском и Аббас-Мирза, в сопровождении Мирза-Бозурга. Джонс, встретившись со своим «старым другом», был представлен им иранскому престолонаследнику, с которым установил тесный контакт.

Английский посол вскоре обнаружил, что Жуанен и Нерсиа, изгнанные по его настоянию из Тегерана, продолжали находиться на территории Ирана при Аббас-Мирзе. Они проявляли большую активность. По сведениям, полученным английским послом в Константинополе Эдером, они уверяли иранских министров, что из Парижа уже отправлены Наполеоном важные депеши «и что последние были такого характера, что могли дать его величеству (шаху — А. И.) полное удовлетворение в вопросе о России»¹. По свидетельству иранской хроники, Жуанен все время сообщал новости из Европы, сводившиеся к тому, что, покончив с испанскими делами, Наполеон осуществит свое намерение изгнать русских из Закавказья².

Джонс снова принял меры, чтобы окончательно удалить французов из Ирана. Вновь сочетая угрозы с подкупом, он, в конце концов, добился этого. В сентябре обоим французским представителям было предложено покинуть иранскую территорию. Однако перед отъездом Жуанен имел аудиенцию у

¹ Эдер—Джонсу, 22 декабря 1809 г. (*Adair*, ук. соч., II, 224). ²

„The Dynasty of the Kajars“, стр. 372—373.

шаха, который попросил его отправиться в Париж, чтобы лично сообщить Наполеону о положении дел в Иране¹. Более того, французским представителям было вручено письмо шаха Наполеону. В письме этом шах оправдывал допуск английской миссии тем, что Франция не выполнила своего обещания «вернуть» Ирану Грузию; он выражал надежду, что Франция сдержит свое слово². Как видим, и теперь иранские правящие круги, несмотря на настояния англичан, не были намерены порывать все связи с Францией.

Об этом же свидетельствует и тот факт, что Мирза-Бозург ответил официальным отказом на требование английского посла удалить артиллерийского унтер-офицера Раймона, оставленного Гарданом в Тавризе и продолжавшего обучать иранские войска. Раймон был французским разведчиком и шпионом. За несколько лет до этого он сумел поступить в Индии на военную службу к англичанам и был послан ими в Багдад, где Джонсу, узнавшему о его связях с Утреем и другими французскими агентами, удалось вскоре его разоблачить. Раймон, несомненно, был оставлен Гарданом при войсках Аббас-Мирзы в качестве политического агента и шпиона. И именно его персы реши-

¹ Там же, стр. 377—378.

² *Puryear*, ук. соч., стр. 374—375. В книге Пюриера приводится лишь содержание этого письма шаха от сентября 1809 г., хранящегося в парижском Национальном архиве. Совершенно очевидно, однако, что это письмо было переслано во Францию через Жуанена и Нерсиа, высланных из Ирана как раз в сентябре этого года.

тельно отказывались отстранить и выслать. Джонс сумел, в конце концов, заставить Раймона «добровольно» покинуть Иран лишь путем шантажа и угроз¹.

Во время своего пребывания в Уджане, английский посол постоянно бывал у шаха и участвовал в происходивших у него совещаниях. На одном из них, состоявшемся при участии Аббас-Мирзы, Мирза-Шефи и Мирза-Бозурга, специально рассматривался вопрос о военных действиях против русских. Рассказ самого Джонса об этом совещании² представляет большой интерес, так как, несмотря на явное стремление автора скрыть многие существенные подробности, дает все же ясное представление об истинной роли английского посла в разжигании русско-иранской войны.

На этом совещании шах предложил, чтобы иранская армия, после своей «победы» под Ереваном, перешла в общее наступление против русских. Джонс решительно выступил против этого предложения. Более трезво и реально оценивая силы и возможности иранской армии, он высказал обоснованное опасение, что подобные «наступательные действия» могут привести к разгрому иранских войск. Он рекомендовал поэтому другую тактику — сосредоточить войска, и в первую очередь пехоту, в укрепленных пунктах, в частности в Ереване и Нахичеване, и изматывать русских непрерывными набегами, внезапными нападениями конных отрядов

¹ Jones, ук. соч., стр. 259—262.

² Там же, стр. 266—277.

и мелкими стычками. По его настоянию этот план военных операций и был принят.

Как показывают исторические факты, именно этот военный план и был осуществлен персами в летней кампании 1809 г. «Баба-хан,—пишет Н. Дубровин, рассказывая о военных действиях лета этого года,—намерен был испытать другой род войны с русскими: обходить наши войска своею конницею, появляться в местах, лишенных защиты и, вторгаясь печаянно в наши границы, разорять и опустошать селения». Персы хлопотали лишь о том, «как бы разорить селения, сжечь поля, захватить пленных и отогнать скот. Персияне всегда и всеми мерами старались избежать встречи с нашими войсками, и, будучи конными, обходили такими местами, где пехота не могла их преследовать или предупредить занятием дорог... Часто случалось приходить туда, где не было уже надобности, и вновь спешить к третьему пункту, атакованному неприятелем. Такой способ ведения войны, утомляя войска, доставлял неприятелю возможность иметь успех в своих намерениях»¹.

Джонс не только рекомендовал персам новый план военных действий. Для ведения войны против русских необходимы были дополнительные денежные средства, так как доходов Аббас-Мирзы было недостаточно, чтобы содержать необходимое количество войск. Между тем шах скупился и не хотел давать денег из своей казны. В дело опять-таки вмешался английский посол, который до-

¹ Н. Дубровин, ук. соч., V, 234—235, 233.

бился от шаха согласия немедленно предоставить Аббас-Мирзе необходимые средства, в счет субсидии, которую он должен был получить от Англии¹.

О том, что возобновление персами военных действий летом 1809 г. являлось прямым результатом вмешательства англичан, было хорошо известно и русскому командованию. В своем письме Румянцеву от 13 октября, подводя итоги летней кампании, Тормасов писал: «Война нынешнего лета, поднятая персиянами, была следствием напряжений к сему англичан посредством рассыпанного в Персии щедрою рукою золота... Сами персияне, даже и посланец от наследника Персии, ко мне приехавший, не скрыл от меня в разговорах, что английский посол при персидском дворе не щадил денег, чтобы восстановить персидское правительство против России и разорвать мирные сношения»².

Сколь настойчиво английская дипломатия добивалась продолжения войны Ирана против России, видно и из переписки Джонса с английским послом в Константинополе Эдером. В своем письме от 29 марта 1809 г. Эдер, подробно описывая политическую ситуацию в Европе и неизбежность новой войны между Францией и Австрией, указывал на необходимость отвлечь силы России на Восток и на важное значение, которое имело бы возобновление военных действий против русских как со стороны турок, так и со стороны персов³. В дру-

¹ *J n s.* ук. соч., стр. 284—292.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, 1806 г., д. № 3, папка 2, л. 22 об.

³ *Adair*, ук. соч., II, 146—149.

гом письме от 20 июля он снова подчеркивал необходимость создания фронта против России от Молдавии до Грузии¹. Месяц спустя, в своем письме от 13 августа (которое Джонс должен был показать шаху), он сообщал, что все русские войска находятся у австрийской границы и что, поэтому, теперь «настал для Персии момент... продиктовать России условия, какие она, Персия, пожелает»².

Джонс, со своей стороны, также считал необходимым добиться союза между Ираном и Оттоманской империей, чтобы создать единый фронт этих двух восточных держав против России и развернуть военные действия в Закавказье. Вопрос этот был тем более актуальным, что с апреля 1809 г., после полуторагодового перемирия, Турция вновь возобновила войну с Россией. На совещании у шаха Джонс поэтому упорно настаивал на заключении Ираном союза с Турцией³. В результате его домогательств, в августе 1809 г. в Константинополь прибыл иранский гонец, доставивший письмо Мирза-Шефи турецкому великому визирю. В письме этом говорилось о намерении Ирана продолжать войну против России и о предполагаемых военных операциях. Далее от имени шаха предлагалось заключить союз с Портой при участии Англии для совместной борьбы против русских, с обязательством не слагать оружия до подписания мира, выгодного для обеих держав. В этих целях шах выражал готовность послать армию, под командованием одного из

¹ Там же, II, 176—178.

² Там же, II, 186—188.

³ Jones, ук. соч., стр. 273—274.

своих сыновей, для соединения с турецкими войсками, действующими в Закавказье, и предоставить Порте денежную субсидию.

Письмо это было явно написано под диктовку Джонса, который одновременно обратился и к Эдеру. Последний не замедлил вступить в переговоры с Портой по этому вопросу. На конференции с реис-эфенди Эдер настаивал на заключении «конвенции» между Оттоманской империей и Ираном. Реис-эфенди, всячески подчеркивая дружественные чувства Порты в отношении Ирана и общие цели и интересы обоих государств в борьбе против России, склонил, однако, это предложение под тем предлогом, что целесообразнее было бы вести борьбу против общего неприятеля раздельно, используя военные силы на своих собственных границах².

Порта не хотела связывать себя договорными обязательствами с Ираном и поэтому не шла навстречу домогательствам английской дипломатии, тем более, что после разгрома Австрии Францией, влияние Англии в Константинополе временно ослабло. Но англичане продолжали настойчиво преследовать свою цель с тем, чтобы добиться на первых порах, если и не формального союза между обеими

¹ О попытках английской дипломатии добиться союза между Ираном и Турцией были осведомлены и русские власти на Кавказе. Еще 11 июля 1809 г. Торماسов писал военному министру Аракчееву, что „подтверждаются слухи о искании английских министров в Турции и Персии находящихся об общем обеих сих держав предприятии военных действий в здешнем краю“ („Акты“, IV, 689).

² *Adair*, ук. соч., I, 256—260; II, 188—192, 202—204.

державами, то хотя бы их совместных военных действий против русских.

Именно в этой связи и следует рассматривать прибытие из Константинополя в пограничные с Россией пашалыки английских разведчиков. 17 октября Тормасов писал по этому поводу Румянцеву: «Не знаю с каким намерением в здешние турецкие пашалыки приезжают из Константинополя англичане, но лазутчики мои видели их в разных местах, а больше в Карсе, да и в Эривань ожидают прибытия чрез Турцию каких-то европейцев, вероятно англичан же, и должно думать, что они стараются посредством золота возбуждать сих соседей Грузии к войне противу российских войск»¹.

Пытаясь сколотить ирано-турецкий блок, Джонс в то же время принимал все меры, чтобы сорвать переговоры между Россией и Ираном. Между тем возможность заключения мира была вполне реальной, так как после неудачного похода на Ереван, царское правительство было еще более склонно, чем за год до этого, покончить с иранской войной, тем более, что развитие событий в Европе и возобновление войны с Турцией не давали возможность выделить дополнительные войска для военных действий в Закавказье.

Новый главнокомандующий Тормасов, сменивший отозванного Гудовича, возобновил переписку с Аббас-Мирзой. 27 июня 1809 г. он отправил ему письмо, в котором перечислял выгоды, которые получит Иран в случае заключения мира с Россией.

¹ „Акты“, IV, 935—936.

державами, то хотя бы их совместных военных действий против русских.

Именно в этой связи и следует рассматривать прибытие из Константинополя в пограничные с Россией пашалыки английских разведчиков. 17 октября Тормасов писал по этому поводу Румянцеву: «Не знаю с каким намерением в здешние турецкие пашалыки приезжают из Константинополя англичане, но лазутчики мои видели их в разных местах, а больше в Карсе, да и в Эривань ожидают прибытия чрез Турцию каких-то европейцев, вероятно англичан же, и должно думать, что они стараются посредством золота возбуждать сих соседей Грузии к войне противу российских войск»¹.

Пытаясь сколотить ирано-турецкий блок, Джонс в то же время принимал все меры, чтобы сорвать переговоры между Россией и Ираном. Между тем возможность заключения мира была вполне реальной, так как после неудачного похода на Ереван, царское правительство было еще более склонно, чем за год до этого, покончить с иранской войной, тем более, что развитие событий в Европе и возобновление войны с Турцией не давали возможность выделить дополнительные войска для военных действий в Закавказье.

Новый главнокомандующий Тормасов, сменивший отозванного Гудовича, возобновил переписку с Аббас-Мирзой. 27 июня 1809 г. он отправил ему письмо, в котором перечислял выгоды, которые получит Иран в случае заключения мира с Россией.

¹ „Акты“, IV, 935—936.

В письме содержалось специальное предупреждение об опасности для Ирана союза с Англией. «Искомый Англиею союз с Персией, говорилось в этом письме, отнюдь не может быть для Персии полезен, а тем еще меньше Персия может полагаться на обещания англичан, будучи уже, конечно, известна, сколь в прошлом году губительные следствия постигли две сильные державы, обольщенные обещаниями Англии, и именно Швецию, потерявшую лучшую часть своих владений... и Испанию, навсегда погибшую. Ныне же воспоследовал еще ближайший пример с Австриею, повергшею себя в бедственное положение тем, что, по внушениям Англии и проискам ее, начав войну против Франции, в продолжение четырех недель понесла уже неоднократно жестокие поражения и, наконец, быв принуждена самую столицу своей империи Вену передать на произвол победителю, тщетно ожидает и ожидать будет своего спасения от союза с Англиею»¹.

Предупреждения эти оказались, однако, напрасными. Под влиянием английского посла иранское правительство решило не начинать мирных переговоров с Россией. Об этом сразу же было сообщено в Константинополь. 28 августа Эдер известил Каннинга о полученных из Ирана депешах, в которых говорилось о возобновлении персами военных действий и о том, «что русский генерал вновь предложил мир, но персидский шах твердо отклонил его». Эти известия, по словам английского посла, «выз-

¹ Там же, IV, 687.

вали большое удовлетворение в Константинополе»¹. А что эти решения были приняты по наущению и по настоянию Джонса, то об этом последний сам поспешил поставить в известность своего коллегу. «В полученной мною депеше от сэра Х. Джонса, писал Эдер в другом своем письме, говорится в то же время, что предложения о заключении мира на весьма благоприятных условиях были сделаны персидскому двору двором Санкт-Петербургским и что шах был бы склонен пойти на эти условия, если бы его не сдерживало желание следовать во всем указаниям британского правительства»².

Подполковник Вреде, привезший письмо Тормасова к Аббас-Мирзе, был задержан в Ереване, где в течение двух месяцев тщетно дожидался ответа. «Вес английского золота, щедрою рукою рассыпаемого в Персии,—писал 10 сентября Тормасов Румянцеву,—произвел обыкновенное свое действие... и дал другой оборот нашим делам, ибо вместо мирных переговоров, коих должно было ожидать... персидское правительство, удержав доселе моих посланцев, долго не ответствовало мне на мои письма... и вместо того, чтобы приступить к трактации о мире, подвинуло собранные свои войска к нашим границам в разных пунктах и открыло военные действия. Почему я и веду ныне весьма трудную в здешнем краю оборонительную войну, самую Персиею предпринятую. Причиною же сего не что другое, как большие суммы денег, английским прави-

¹ *Adair*, ук. соч., I, 259.

² Там же, II, 190.

тельством присланные в Персию, на счет коих персияне предприняли нынешний год войну и стараются всех соседей Грузии восстановить против наших войск»¹.

VI

Поскольку главной задачей Джонса являлось предотвращение мирных переговоров между Ираном и Россией и разжигание войны в Закавказье, то не удивительно, что он решил не возвращаться из Уджанского лагеря в Тегеран, а отправиться в Тавриз². Он выехал туда с Мирза-Бозургом еще до отъезда шаха в столицу, затем возвратился на время в Уджан, а в конце октября, когда шах со своей свитой и войсками двинулся обратно в Тегеран, вновь отправился с членами миссии в Тавриз, где решил провести зиму³.

Мы, к сожалению, не имеем подробных сведений о пребывании английского посольства в Тавризе. Но даже те данные, которые приводит сам Джонс, дают наглядное представление о деятельности английской миссии.

Джонс сразу же ознакомился с «различными

¹ „Акты“, IV, 293.

² О причинах, побудивших Джонса перебраться с английской миссией в Тавриз, откровенно сказано в иранской хронике, где указывается, что английский посол принял решение остаться при престолонаследнике, поскольку последний руководил военными действиями против русских и был уполномочен вести переговоры с Турцией и с европейскими державами. („The Dynasty of the Kajars“, стр. 371).

³ Jones, ук. соч., стр. 301, 320—322, 336.

военными заведениями и мастерскими», учрежденными французами, а также с военными курсами, на которых до этого преподавал Лами. Один из членов миссии, капитан Сутерленд, возобновил занятия в этой военной школе, где, продолжая дело, начатое его предшественником, обучал слушателей геометрии, картографии, топографической съемке и другим военным дисциплинам. Тот же Сутерленд сделал для Аббас-Мирзы модели повозок, двуколок, фургонов, тачек, сошников орудий, необходимых для иранской армии. Одновременно он продолжал свою основную работу, начатую им с момента прибытия в Иран, а именно сбор военных сведений и составление стратегических карт. Весной 1810 г. с группой своих учеников он совершил с этой целью специальную поездку к берегам Каспийского моря и вдоль русско-иранской границы.

Обучением группы персидских юношей английскому языку был занят и врач миссии—Кемпбель. Членами посольства были переведены для Аббас-Мирзы статьи из «Британской энциклопедии» о фортификации, артиллерийском деле и др.¹

Наибольшую активность проявлял сам Джонс, руководивший всей разведывательной деятельностью миссии. Через нескольких торговцев, которых он знал еще в Багдаде и которым оказывал в свое время «услуги», то-есть попросту говоря, через своих платных агентов, он собирал, в частности, необходимую экономическую информацию².

¹ Там же, стр. 308—309, 336—338, 340, 351.

² Там же, стр. 311.

Какие широкие планы экономического проникновения в Иран намечал английский посол, видно из его бесед с Мирза-Бозургом. Хотя в своей книге он изображает дело таким образом, что все предложения и проекты, которые служили предметом обсуждения во время их долгих конфиденциальных бесед, исходили от его собеседника, с которым он только соглашался, нет, однако, никакого сомнения, что эти планы и предложения, столь соответствовавшие колониально-экспансионистской политике Англии на Востоке, были внушены и инспирированы им самим.

Речь шла об экономической «помощи» Англии Ирану, которая дала бы Англии возможность полностью прибрать к рукам иранскую торговлю; иранская торговля с Россией через Каспийское море должна была быть совершенно прекращена, а вся торговля с Индией и с Западной Европой через Черное море, должна была быть сосредоточена всецело в руках англичан, при снижении для них пошлин до минимума¹.

Что дело не ограничивалось только разговорами, видно из сообщения Джонса о том, что вскоре после этого им было отправлено в Константинополь письмо, извещавшее английских негоциантов о готовности Аббас-Мирзы, в случае прибытия в Трапезунд кораблей с необходимыми для Ирана товарами, немедленно оплачивать стоимость всего груза с 25-процентной надбавкой². Таким образом,

¹ Там же, стр. 316—319.

Там же, стр. 350—351.

предпринимались шаги, чтобы наладить торговлю с Ираном через Черное море и обеспечить английским негоциантам повышенные прибыли.

Если это были пока лишь проекты, то торговля Ост-индской компании с Ираном значительно возросла сразу же после прибытия английской миссии и заключения англо-иранского договора. В упомянутой выше докладной записке, представленной русскому правительству, в которой отмечалось, что торговля эта не прекращалась и во время преобладания в Иране французов, говорилось одновременно, что после приезда английского посольства в 1809 г. «торговля с Индостаном, покровительствуемая в полном виде правительством, пришла в цветущее состояние»¹.

Ввоз на льготных условиях английских товаров, вывоз ценного сырья и полное овладение иранским рынком, входили в общий план мероприятий по экономическому закабалению Ирана, который намерены были осуществить англичане, используя в этих целях англо-иранской «союзный договор».

Во время длительных бесед Джонса с Мирза-Бозургом обсуждался и «армянский вопрос». Одним из «трех великих проектов», как высокопарно именует Джонс планы, разработанные им совместно с визирем Аббас-Мирзы, был и проект, относившийся к армянам. Джонс сам не скрывает причину, побудившую его и Мирза-Бозурга заняться специально этим вопросом. Причиной этого была

¹ ЦГВИА, ф. 446, д. № 12, л. 17.

тяга армян к России, та роль, которую они играли как активные проводники русского влияния, то действительное содействие, которое они оказывали установлению русского владычества в Закавказье. «Армянский вопрос» имел для англичан большое значение и с точки зрения осуществления своих планов захвата иранского рынка и ликвидации русской торговли с Ираном, поскольку значительная ее часть была сосредоточена именно в руках армян, успешно содействовавших дальнейшему расширению торговли России на Востоке.

По словам Джонса, Мирза-Бозург, говоря с ним об армянах, прямо заявил, что армяне повинны в большей части «злѣполучий», постигших Иран в результате столкновения с Россией. Он приписывал это неразумной политике, проводившейся иранскими правящими кругами, в особенности местными ханами. Если шахи Сефевидской династии умели забирать мед, не уничтожая пчел, то в дальнейшем стали захватывать мед, не заботясь о пчелах, многие из которых были уничтожены, а другие вынуждены были бежать. В результате источник меда иссяк, а пчелы — армяне, вынужденные эмигрировать, оказались подданными России.

Во время бесед Мирза-Бозурга с Джонсом и обсуждались поэтому мероприятия, необходимые, чтобы оторвать армян от России и вновь привлечь их в Иран. В этой связи рассматривался следующий проект. Английский посол должен был разработать специальную хартию для армян (т. е., по существу, для армянских господствующих классов), которая подтверждала бы и расширяла бы привилегии, дан-

ные армянам Шах-Аббасом. Эта хартия должна была быть одобрена английским королем, а затем переслана в Иран с соответствующей рекомендацией об ее утверждении. Хартия должна была содержать особый пункт, согласно которому привилегии, дарованные армянам, находились бы под охраной английского посла в Тегеране¹.

Эти сведения, приводимые Джонсом, представляют исключительный интерес. Они свидетельствуют прежде всего о том, что англичане стремились изменить политическую ориентацию армянских господствующих классов, разрушить узы, связывавшие армянский народ с Россией. В то же время, разработанная и гарантированная Англией хартия для армян, за соблюдением которой следил бы английский посол в Тегеране, не только дала бы англичанам возможность непосредственно вмешиваться во внутренние дела Ирана, но и поставила бы под их контроль Восточную Армению, которая все еще находилась под иранским владычеством.

Именно в свете этих планов и следует рассматривать попытки Джонса установить связь с Эчмиадзином. Англичане не хуже французов понимали роль и значение Эчмиадзина и, подобно своим предшественникам, стремились завязать с ним сношения, с тем, чтобы через его посредство подчинить своему влиянию армянские господствующие классы. О том, что Джонс сам первый принял меры, чтобы установить контакт с новым армянским католико-

¹ Jones, ук. соч., стр. 314—316.

сом Ефремом, мы знаем из письма последнего от 3 ноября 1810 г.¹ Как явствует из этого письма, Эчмиадзин посетил агент Джонса Матеос Бетхеемян, который передал католикосу привет от английского посла. В ответном послании Ефрем, который был лично знаком с Джонсом в свою бытность в Багдаде, выразил ему благодарность и просил писать и впредь.

Завязавшиеся, таким образом, сношения с Эчмиадзином Джонс поддерживал вплоть до своего отъезда из Ирана. Чтобы покончить с этой темой, скажем, несколько забегаая вперед, что на своем обратном пути в Англию в июне 1811 г. Джонс счел необходимым лично посетить резиденцию армянского католикоса. Об этом он сам рассказывает в своей книге; об этом сохранилось и несколько документов в эчмиадзинском архиве.

Вместе с Джонсом и сопровождавшими его лицами в Ереван прибыл и упомянутый выше Матеос Бетхеемян, который 2 июня (по ст. стилю) переслал в Эчмиадзин письмо, извещавшее о желании английского посла посетить католикоса. На следующий день, 3 июня, Ефрем отправил ему ответ, в котором говорилось, что он готов принять посла, но боится, что это вызовет недовольство и подозрение у властей; поэтому он посылает в Ереван архиепископа Саака, с тем, чтобы тот узнал бы сперва мнение сардара и если последний не будет иметь ничего против, то передал бы послу пригласительное пись-

¹ Матенадаран, Арх. кат., папка 19, д. № 174.

мо; в противном случае надлежит принести послу подобающие извинения¹.

Архиепископ Саак, видимо, получил от сардара соответствующее указание, так как вручил Джонсу пригласительное письмо, текст которого также сохранился².

Вслед за тем Джонс прибыл в Эчмиадзин, где, по его словам, был принят католикомосом «с большой вежливостью и гостеприимством» и где провел три дня³. В эчмиадзинском архиве сохранилась копия послания католикоса от 5 июня, врученного, как сказано в приписке, английскому послу в момент его отъезда⁴. В послании этом, наряду с пожеланием счастливого пути, выражалась просьба принять в подарок яхонтовый перстень в оправе из бриллиантов.

Джонс не приводит никаких подробностей своих бесед с армянским католикомосом. Сообщая о том, что Ефрем проживал до этого в Петербурге (где в течение ряда лет был епархиальным начальником), он пишет лишь, что католикос «много говорил о почестях, которых был там удостоен», хотя, подобно всем армянам, и предпочитал жить на земле своих предков. Подобное восхваление «Петербурга» отнюдь не могло быть, разумеется, особенно приятным для английского дипломата. Нужно также учесть и то, что католикос согласился принять английского посла не сразу, а только по пря-

¹ Матенадаран, рукопись № 3800, л. 421—422.

² Там же, Арх. кат., папка 19, док. № 186.

³ Jones, ук. соч., стр. 442—444.

⁴ Матенадаран, Арх. кат., папка 19, док. № 208.

тому предписанию сардара и что он не вручил ему никакого послания или обращения к королю Англии или к английскому правительству.

Нам придется еще говорить о дальнейших сношениях англичан с Эчмиадзином. Но уже здесь мы можем сказать следующее. Высшее армянское духовенство стремилось поддерживать с англичанами, владевшими Индией и пользовавшимися большим влиянием на всем Ближнем и Среднем Востоке, самые хорошие отношения. Оно вступало с ними в коммерческие сделки и осуществляло через них различные финансовые операции, как о том свидетельствует, например, переписка того же Ефрема с английскими представителями в Тегеране и Багдаде¹. Однако политические цели Англии на Кавказе резко противоречили интересам подавляющего большинства представителей армянских господствующих классов, заинтересованных в присоединении Закавказья к России. Интересы эти не могли, конечно, не учитываться Эчмиадзином.

VII

Возвращение Гардана вызвало необычайный гнев Наполеона. Среди всей его корреспонденции можно найти не так уж много писем, столь резких по тону, как то письмо, которое он написал 20 августа 1809 г. Шампаньи в связи с докладом, представленным бывшим послом в Иране. Он обвинял пос-

¹ См. напр., Матенадаран, рукопись № 3800, л. 80—81; рукопись № 2922, л. 23—23 об.

леднего в нарушении своего служебного долга, в том, что он покинул Иран без разрешения, самовольно. Ведь ему было предписано оставаться там до последней возможности. Между тем он уехал, хотя персидский двор не только не требовал его отъезда, но даже стремился его удержать. Вообще все его депеши столь бессвязны, что можно сомневаться нормальный ли это человек. Далее Наполеон предлагал своему министру написать письмо шаху. «Вы напишите ему, что я выразил порицание и под-верг опале генерала Гардана за то, что он покинул его двор, что я даю распоряжение моему поверенному в делах вернуться в его столицу и что я отправлю к нему немедленно нового посла...». В заключение он заявлял: «Я хочу поддерживать мои отношения с Персией; я дорожу ими»¹.

Французским поверенным в делах в Иране, о котором упоминал Наполеон, был назначен Лажар. Последний прибыл в Тбилиси до Гардана (он отправился туда из Эчмиадзина с войсками Гудовича еще в декабре 1808 г.), а затем выехал в Петербург, откуда предполагал вернуться во Францию². Но уже 26 августа 1809 г. Шампаньи в письме к

¹ L. *Lecestre*, *Lettres inédites de Napoléon I.* Paris, 1897, т. I, стр. 350—351. Гнев Наполеона на Гардана не остыл и много времени спустя. 31 октября 1809 г., на запрос Гардана о дальнейшем назначении, он велел ответить: „Он вернулся из Персии без приказа и этим прогневал императора; впрочем, можно использовать его согласно его чину“ (A. *Chuquet*, *Ordres et apostilles de Napoléon*, Paris, 1911, том I, стр. 275). Впоследствии Гардан получил назначение во французскую армию, действовавшую в Португалии.

² АВПр, СПб Главный архив, 1—13, д. № 1, л. 42—43.

Коленкуру дал предписание обеспечить возвращение Лажара «на свой пост»¹ и отправил последнему подробные инструкции². Лажар довольно долго задержался в Петербурге под предлогом болезни и отсутствия денег³. В начале февраля 1810 г. Коленкур писал Талейрану: «Господин Лажар, которым Вы интересуетесь, еще находится подле меня, но собирается отправиться в Персию»⁴. К этому времени, однако, выяснилось что его поездка в Иран была бы совершенно бесполезной.

Одновременно с назначением Лажара, было дано распоряжение и Жуанену вернуться в Иран. Как мы уже знаем, в сентябре 1809 г. Джонсу удалось путем угроз и подкупа добиться высылки из Ирана Жуанена и Нерсиа, остававшихся до этого при Аббас-Мирзе. Жуанен со своим спутником отправился в обратный путь через Турцию. Но, доехав лишь до Трапезунда (а по другим сведениям, еще по дороге туда из Эрзерума), он 13 октября «получил от своего двора депеши с повелением возвратиться в Персию и дожидаться там прибытия нового посольства в Персию от французского двора»⁵. Жуанен должен был вручить шаху два новых письма Наполеона, а также письма Шампаньи к Аббас-

¹ „Дипломатические сношения...“, VII, 156.

² *Dzhérein*, ук. соч., стр. 57.

³ „Дипломатические сношения...“, IV, 239; *Dehérein*, ук. соч., стр. 57—58.

⁴ „Дипломатические сношения...“, VII, 414.

⁵ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, д. № 1. л. 52—52 об.

Мирзе и Мирза-Шефи. Вся эта корреспонденция была переслана ему французским посольством в Константинополе через специального курьера.

Письма Наполеона к шаху от 3 июля и 23 августа 1809 г. не опубликованы в «Correspondance de Napoléon I». Однако о содержании письма от 23 августа мы знаем из переписки Эдера, которому удалось получить необходимые сведения. В начале своего послания Наполеон в резкой форме осуждал поведение Гардана. После многочисленных заверений в дружественных чувствах к Персии он задавал вопрос—почему персидский двор, заключив договор с Англией, отказывается в то же время допустить в Иран французского посла, как то делает оттоманское правительство, поддерживающее дипломатические отношения одновременно с обеими странами. Далее Наполеон сообщал о назначении нового французского посла (речь шла, очевидно, о поверенном в делах Лажаре) и заверял «что он всегда готов выполнить союзный договор 1807 г. и принудить Россию эвакуировать грузинские провинции, что было отсрочено лишь в связи с его войнами с Испанией, Австрией и др»¹. Таким образом, Наполеон, не требуя немедленного разрыва Ирана с Англией, стремился лишь добиться возобновления дипломатических отношений Ирана с Францией; он снова признавал действительным Финкенштейнский договор и вновь обещал помочь Ирану в установлении его владычества в Закавказье.

¹ Эдер—Джонсу, 22 декабря 1809 г. (*Adair*, ук. соч., II, 248).

Получив письма Наполеона и Шампаньи, Жуанен немедленно отправился в обратный путь с целью выполнить возложенную на него миссию. О вторичном пребывании Жуанена в Иране мы имеем подробные сведения из его трех докладных записок от 8 декабря 1809 г. (из Тавриза) и 3 и 4 января 1810 г. (из Еревана)¹.

2 декабря Жуанен прибыл в Хой, откуда отправил в Тавриз некоего Магомет-Али-бея. Последний, по приезде туда 5 декабря, получил аудиенции у Аббас-Мирзы, который отнесся к известию о возвращении Жуанена вполне благосклонно. Узнав об этом, Джонс сразу же отправился к иранскому престолонаследнику. Он стал жаловаться, что его обманули, взяв с него «так дорого» за мнимое изгнание Жуанена, и потребовал выдать ему Магомет-Али-бея и немедленно отослать обратно французского эmissара. Аббас-Мирза, заверяя английского посла в дружбе, отклонил, однако, его требования.

6 декабря в Тавриз прибыл сам Жуанен. В тот же вечер его пригласил к себе сын Мирза-Бозурга Мирза-Хасан, заменявший своего отца, выехавшего в Тегеран. Во время длинной беседы, продолжавшейся до двух часов ночи и носившей временами очень бурный характер, Мирза-Хасан, пытаясь выведать у Жуанена цель его приезда и узнать какие новые предложения может сделать Франция, резко осуждал Гардана за его поведение, за его «лживые обещания», за его «необдуманные обязательства».

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 401, л. 8—48.

за его «слабость». Жуанен, в ответ на эти обвинения, говорил о «заслугах французских офицеров» и о французских демаршах с целью заставить Россию принять посредничество Франции. Он указал при этом, что Франция не могла пойти на расторжение франко-русского союза, чтобы добиться «возвращения» Грузии, добавив, что пребывание в Иране английского посла делает это еще более затруднительным. Он задал далее вопрос—каковы же реальные выгоды для Ирана союза с Англией, «где это оружие, эти пушки, эти офицеры, эти 40 000 англичан, которые должны были покорить Грузию?» Где все обещания Джонса, который уже год находится на иранской территории? Говорят, что он предоставил шаху субсидию, но не будет ли эта субсидия иметь для Ирана столь же роковые последствия, какие она имела для Пруссии, Австрии, Испании и Швеции.

На это Мирза-Хасан ответил, что Англия взяла на себя обязательство содействовать установлению иранского владычества в Закавказье любыми средствами; она готова дать больше оружия, чем когда-либо обещала Франция, она сама предлагает деньги. Кроме того, Англия, являясь соседкой Персии, может нанести ей вред, чего не может сделать Франция, точно так же, как она не смогла заставить Россию заключить мир. Если он приехал добиваться разрыва Ирана с Англией, то пусть скажет, какие реальные выгоды может взамен предложить Франция? На это Жуанен возразил, что его миссия ограничивается вручением шаху двух писем импе-

ратора; кроме того он должен остаться в Тегеране до прибытия французского посла.

На следующий день, 7 декабря, Жуанен был принят Аббас-Мирзой. Последний отнесся весьма одобрительно к известию, что Гардан впал в немилость, а Вердые и другие состоявшие при нем офицеры, услуги которых он ценил, получили повышение. Он не скрыл своего неудовольствия, что французским поверенным в делах в Иране назначен не кто иной, как Лажар. Письмо Шампаньи, которое он затем прочел, его разочаровало, так как не оправдало его надежд, что возвращение Жуанена было связано с какими-то новыми французскими предложениями. Он выразил свое недовольство неопределенностью обещаний, содержащихся в этом письме.

Тут, однако, Аббас-Мирза внезапно прервал беседу и поспешил выпроводить Жуанена. Объяснялось это тем, что в его дворец явились четверо англичан, из состава английской миссии, вслед за которыми прибыл сам Джонс. Чередуя угрозы и посулы, он потребовал не только предотвратить поездку Жуанена в Тегеран, но и немедленно изгнать его из пределов Ирана, угрожая в противном случае покинуть страну и расторгнуть англо-иранский договор.

На следующее утро Мирза-Хасан, по поручению престолонаследника, предложил Жуанену отправиться в Урмию, Баязет, Карс или Ереван и ожидать там прибытия нового французского посла, «который, несомненно, будет уполномочен сделать персидскому двору более удовлетворительные сооб-

на минуту не забывал одну из своих основных задач — сбор сведений не только об англичанах в Иране, но и о русских на Кавказе.

Надеждам Жуанена не суждено было, однако, осуществиться. Несмотря на все меры, принятые иранскими властями, Джонс через своих агентов вскоре узнал о его пребывании в Ереване и потребовал его немедленной высылки из пределов Ирана. Жуанен вынужден был в конце января 1810 г. вторично покинуть иранскую территорию. 2 марта он прибыл в Константинополь.

Все факты, известные нам о миссии Жуанена, свидетельствуют, что иранские власти и в конце 1809 г. не были склонны окончательно и бесповоротно порвать все связи с Францией. Недаром Жуанен в своих беседах в Тавризе иронически спрашивал об английском оружии и английских войсках, обещанных Джонсом. Английская помощь Ирану в 1809 г. еще не была столь ощутимой, чтобы побудить иранские правящие круги возложить все упования исключительно на Англию. Английским правительством не был даже еще ратифицирован англо-иранский договор и установлен размер субсидии, которую Англия должна была выплачивать Ирану. Сам Джонс писал с тревогой Эдеру, что персидский двор испытывает большие «сомнения», в связи с задержкой ратификации договора, и что сомнения эти создают благоприятную почву для французских «интриг»¹. Поэтому иранские правители, в ожида-

¹ *Adair*, ук. соч., I, 275.

нии результатов миссии Мирзэ-Абдул-Хасана в Лондон, были непрочь продолжать неофициальные переговоры и с Францией.

Именно этим и объясняется, что Жуанен, вопреки требованиям Джонса, был допущен в Тавриз и несколько раз принят Аббас-Мирзой, который не только заверил его в своих симпатиях к Франции, но и откровенно намекнул на возможность возобновления франко-иранского союза, в случае, если Франция будет в состоянии предложить Ирану больше, чем Англия. Если французский эмисар и был, в конце концов, выслан из Тавриза, то лишь в результате угроз Джонса и прямого подкупа, к которому последний вынужден был вновь прибегнуть, чтобы добиться своей цели. Английский посол, сообщал Тормасов, «по известиям из Персии мною полученным якобы заплатил две тысячи туманов или двадцать тысяч рублей серебром, чтобы только удалить господина Жуанина и не допустить его к Бабахану»¹. Сам Жуанен, в своем докладе Шампаньи, говорил даже о более крупной сумме—а именно 35 000 туманов. Эту же сумму назвал впоследствии Тормасову и вернувшийся из Тавриза подполковник Вреде, сообщивший, «что Жуанини выслан из Персии с такою поспешностью единственно по настояниям английского министра Гарфорда Жонеса, который, как говорят в Персии, за сей его выезд заплатил до 35 000 туманов и что якобы для получения сей сум-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1807— 1810 гг., д. № 1, л. 53.

мы в Константинополе отправлен туда из Персии нарочный...»¹.

Но даже и после получения этой крупной взятки Аббас-Мирза не проявил желания окончательно изгнать французского эмиссара с иранской территории. Наоборот, он принял меры, чтобы тайно держать его в Ереване, дабы поддерживать через него связь с Францией. Лишь после того как Джонс обнаружил местопребывание Жуанена, Аббас-Мирза вынужден был, наконец, выслать его из пределов Ирана.

Что именно такова была позиция иранских правящих кругов, проявлявших еще известные колебания в вопросе о политической ориентации и пытавшихся играть на противоречиях между Англией и Францией, мы знаем и из событий, происшедших почти одновременно в Константинополе. Сведения о них мы находим в очень интересном письме из Вены русского посла Шувалова Александру I от 11 января 1810 г., посвященном франко-иранским отношениям². Свою информацию Шувалов получил следующим образом. Английский курьер, ехавший из Константинополя в Англию, рассказал в Вене о происшедших там событиях некоему лицу, который сообщил об этом небезызвестному Поццо-ди-Борго; последний же поспешил информировать русского посла. Согласно этим сведениям, в ноябре 1809 г. в

¹ „Акты“, IV, 939.

² Письмо это хранится в Центральном Государственном архиве древних актов. ЦГАДА, ф. Гос. архив, разряд V, д. № 211.

Константинополь прибыл персидский представитель. Несмотря на то, что его приезд в турецкую столицу был замаскирован различными предложениями, он привлек к себе внимание английского посольства, которому, в конце концов, удалось узнать истину. Оказалось, что разгром Австрии Наполеоном произвел впечатление на иранского шаха, который к тому же получил от французского императора новое письмо с сообщением о победе над всеми своими неприятелями, с осуждением действий генерала Гардана и с предложением возобновить франко-иранский союзный договор 1807 г. В результате шах «пожелал позондировать почву и установить секретную связь с Францией, чтобы выяснить до какой степени он может рассчитывать на ее обещания, и именно затем он и прислал этого тайного агента...».

Сведения, полученные Шуваловым, полностью соответствовали действительности. Они всецело подтверждаются перепиской Эдера. Из переписки этой¹ мы узнаем следующие подробности. В середине ноября 1809 г. Эдер узнал о прибытии в Константинополь иранского посла Хусейн-хана, отправленного будто бы для того, чтобы согласовать военные операции турецкой и иранской армий против русских и посетить в этих целях лагерь великого ви-

¹ См. письма Эдера лорду Бетхерсту от 26 декабря 1809 г., от 10 января и 12 февраля 1810 г.; Джонсу — от 26 ноября и 22 декабря 1809 г., 30 января, 20 февраля и 3 марта 1810 г. (*Adair*, ук. соч., I, 295—301, 325—326, 357—361; II, 232—236, 243—249, 261—262, 275—283, 288—289).

зия¹. Эдер тотчас отправился к нему и был поражен, что он не имеет рекомендательных писем от Джонса. Это сразу навело его на подозрение, тем более, что вскоре он получил сведения, что иранский посланник установил контакт с французским посольством. Путем «некоторой денежной жертвы» ему затем удалось выяснить, что Хусейн-хан имел инструкцию отправиться в Париж² и что поездка в турецкий лагерь была лишь удобным предлогом для беспрепятственного осуществления этого задания.

4 декабря Эдер спешно известил Джонса о полученных им сведениях, настаивая на немедленном отзывании Хусейн-хана. В то же время он велел сообщить последнему, что в случае его отъезда в Европу, он, Эдер, задержит ратификацию англо-иранского договора. Одновременно английский посол принял меры, чтобы «дискредитировать» иранского представителя в глазах турецких властей, которые решили задержать его в Константинополе.

В январе 1810 г. пришел ответ от Джонса. Последнему удалось добиться от Аббас-Мирзы приказа об отзывании Хусейн-хана. Однако иранский престолонаследник обратился в то же время к Эдерус просьбой разрешить Хусейн-хану остаться в Константинополе до приезда нового иранского пред-

¹ Одновременно, чтобы скрыть истинные цели миссии Хусейн-хана распространялись слухи о том, что он должен был отправиться оттуда в Россию для мирных переговоров. См. „Дипломатические сношения...“, IV, 211.

² Кстати, Хусейн-хан уже ездил до этого в Париж, куда был послан Аббас-Мирзой в 1808 г. с письмами к Наполеону и иранскому послу Аскер-хану.

ставителя. Эта просьба показалась Эдеру крайне подозрительной, так как она преследовала лишь цель дать возможность Хусейн-хану сообщить новому иранскому агенту о «предложениях Франции» и продолжить контакт с французской миссией. Английский посол принял поэтому новые меры и, по его настоянию, турецкое правительство потребовало от Хусейн-хана немедленного отъезда в Иран. Но, невзирая на угрозы посла и требования турецких властей, последний продолжал оставаться в Константинополе, выполняя, несомненно, секретную инструкцию своего правительства, так как, по справедливому мнению Эдера, он никогда не решился бы самовольно нарушить предписание Аббас-Мирзы. Хусейн-хан продолжал свои тайные сношения с французским посольством и когда в начале марта в Константинополь прибыл высланный из Ирана Жуанен, он тотчас имел с ним свидание.

По сведениям, полученным русским правительством (как об этом сообщил в беседе с Коленкуром Александр I), Эдеру удалось, в конце концов, добиться отъезда Хусейн-хана только следующим способом. Прибывший в Константинополь новый иранский представитель потребовал от него уплаты сумм, обещанных Джонсом. Английский посол согласился сделать это лишь при условии, если Хусейн-хан немедленно уедет обратно¹.

Эдер, внимательно следивший за всеми попытками Франции восстановить контакт с Ираном, получил, как мы знаем, и подробную информацию о со-

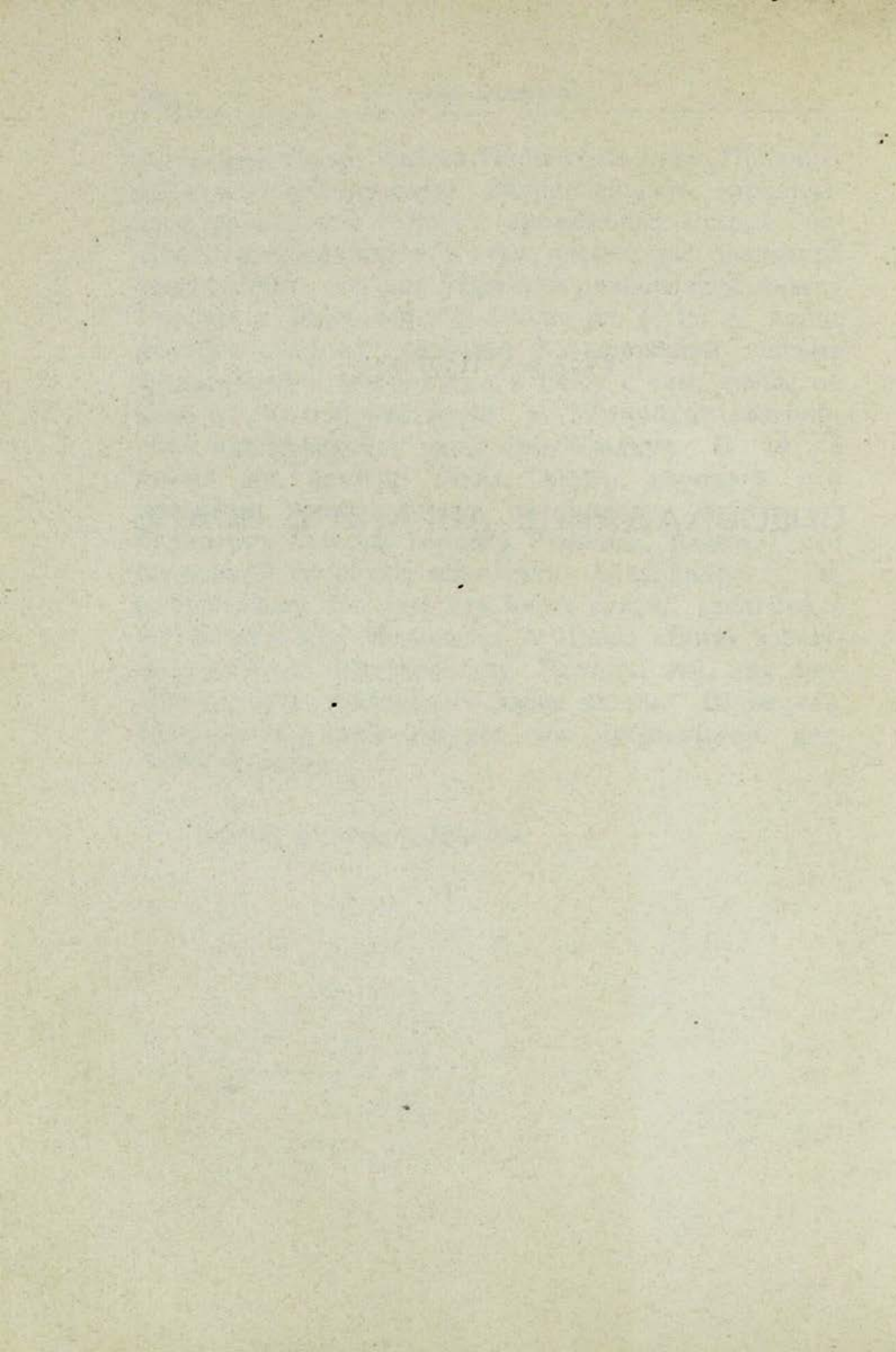
¹ Коленкур—Наполеону, 19 мая 1810 г. („Дипломатические сношения...“, IV, 396).

держании нового письма Наполеона шаху. Правильно оценив антирусскую направленность французской политики в Иране и враждебные России посулы, содержащиеся в этом письме, он поспешил использовать его для усиления разногласий между Россией и Францией. Он тотчас же (еще в конце декабря 1809 г.) сообщил о содержании письма французского императора в Вену с тем, чтобы об этом узнал отправленный в Петербург австрийский представитель граф Сен-Жюлиен. В то же время он принял меры, чтобы передать эти сведения через одного английского агента губернатору Одессы герцогу Ришелье, надеясь, что последний поспешит известить Александра I¹. Он рассчитывал, что, тем или иным путем, сведения о новых интригах Наполеона в Иране станут известны русскому правительству. Расчеты эти, как свидетельствует приведенное выше письмо Шувалова, оправдались даже быстрее, чем предполагал английский посол.

¹ *Adzir*, ук. соч., I, 322—324.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРЕОБЛАДАНИЕ АНГЛИИ В ИРАНЕ

I

Военные действия, предпринятые летом 1809 г. иранскими войсками по совету и настояниям англичан, причинили много хлопот русскому командованию. Однако, в конечном итоге, они не дали тех результатов, на которые рассчитывали иранские правящие круги. Внезапные набеги и нападения, наносили, правда, значительный материальный ущерб пограничным местностям, но русским войскам каждый раз удавалось отбрасывать вторгшегося неприятеля. Уже в сентябре Тормасов писал Румянцеву: «До сих пор дела наши идут в надлежащем своем порядке и кажется, что персияне начинают раскаиваться в том, что затеяли сие предприятие, ибо принятыми повсюду мерами и занятием войсками нашими важнейших пунктов все их надежды и самые покушения остались безуспешными»¹.

Эта неудача побудила иранские власти согласиться возобновить переговоры о мире. Как было сказано выше, в течение всего лета Аббас-Мирза не давал никакого ответа на письмо Тормасова, напи-

¹ „Акты“, IV, 693.

санное еще в июне, и задерживал в Ереване подполковника Вреде, привезшего это письмо. Но в сентябре русским главнокомандующим были получены письма от Аббас-Мирзы и Мирза-Бозурга, в которых предлагалось заключить перемирие, с тем, чтобы мирные переговоры велись в Петербурге, куда в этих целях должно было быть отправлено иранское посольство¹.

Хотя предложение это и имело явной целью выиграть время, все же Румянцев, в ответ на запрос Тормасова, предписал дать согласие на перемирие и на приезд иранского посольства. Тормасов должен был добиваться заключения перемирия на пять лет, но с условием, чтобы в течение этого срока Ереванская и Нахичеванская крепости были бы «в виде залога» заняты русскими войсками. В случае отказа персов, ему разрешалось заключить перемирие на два года «с тем, чтобы каждая сторона оставалась на все сие время в спокойном владении занятых ею мест». Для ведения переговоров русский главнокомандующий должен был предложить Аббас-Мирзе и Мирза-Бозургу личное свидание на границе или же встречу уполномоченных обеих сторон².

Получив это предписание, Тормасов уполномочил Вреде отправиться к Аббас-Мирзе для предварительных переговоров о встрече русских и иранских представителей, в целях заключения перемирия. Вреде прибыл 5 февраля 1810 г. в Тавриз, где

¹ Там же, IV, 692, 697.

² Там же, IV, 700—701.

все еще находился Джонс. О том, какую роль сыграл английский посол во время переговоров Вреде в Тавризе, мы знаем из дневника английского посольства за февраль — март 1810 г., опубликованного Джонсом в приложении к своей книге. Джонс сам пишет, что, публикуя эти материалы, он преследовал цель показать, «в какой мере тегеранский двор был в то время склонен сообразовывать свою внешнюю политику с видами и интересами Англии»¹. Хотя, по его собственному признанию, дневник этот был опубликован им не полностью, однако даже в таком виде он дает наглядное представление о мерах, принятых английским послом для срыва русско-иранских переговоров.

12 и 13 февраля Джонс имел длительные совещания с Мирза-Бозургом, только что вернувшимся из Тегерана, где он был утвержден в должности каймакама, став, таким образом, вторым лицом среди министров шаха после визиря Мирза-Шефи, который был уже в преклонном возрасте. Мирза-Бозург сообщил послу, что он получил от шаха предписание безотлагательно начать мирные переговоры с Россией и согласиться на перемирие, поскольку не могло быть никакой уверенности в получении действительной помощи от Турции и Англии. Таким образом, судя по заявлению Мирза-Бозурга, иранские правящие круги, ввиду позиции Турции, укло-

¹ Jones, ук. соч., стр. 357.

² Тормасов справедливо связывал назначение Мирза-Бозурга с тем, «что он всегда был английской партии» («Акты», IV, 694).

нявшейся от заключения ирано-турецкого военного союза, а также в связи с тем, что обещанная английская военная помощь запаздывала и англо-иранский договор не был еще ратифицирован, готовы были подписать перемирие с Россией. Учитывая создавшееся положение, Джонс «посоветовал» Мирза-Бозургу написать письмо Тормасову с запросом об условиях мира, с тем, чтобы выиграть время и дожждаться новых сообщений из Англии и Турции.

15 февраля Мирза-Бозург уведомил Джонса, что Вреде решительно возражает против дальнейших проволочек и настаивает на свидании Тормасова с полномочным иранским представителем для переговоров о заключении перемирия. Мирза-Бозург просил поэтому английского посла дать свое согласие на его встречу с Тормасовым. Джонс самым категорическим образом отверг это предложение, заявив, что подобное свидание внушит подозрение Турции.

На следующий день Джонса посетил сын Мирза-Бозурга Мирза-Хасан, назначенный вместо отца визирем Аббас-Мирзы. Мирза-Хасан снова настаивал на том, чтобы посол дал свое согласие на свидание его отца с Тормасовым. Он вновь выдвинул тот аргумент, что тяжелое положение Турецкой империи, которая вряд ли сможет противостоять объединенным силам России, Франции и Австрии, исключает возможность оказания ею какой-либо реальной помощи Ирану против России. Он одновременно дал заверение, что Иран согласится лишь на такой мирный договор, который не нарушил бы англо-иран-

ский союз и сохранил бы за Ираном право и в мирное время получать оружие и военную помощь от Англии.

В ответ Джонс разразился целой речью. Он говорил о том, что ни Иран, ни Турция не должны заключать сепаратного мира с Россией, что Турция намерена продолжать войну, что скоро в Иран придет турецкий посланник, до приезда которого не следует себя чем-либо связывать. В заключение он снова стал настаивать, чтобы предварительно, до принятия каких-либо решений, Тормасову было бы отправлено новое письмо.

Активное вмешательство Джонса достигло своей цели. Аббас-Мирза согласился не давать никакого ответа Вреде до получения инструкций из Тегерана, куда было послано сообщение о ходе переговоров с русским представителем.

Однако две недели спустя в Тавризе были получены письма от иранского агента в Константинополе, в которых положение Турецкой империи описывалось в самых мрачных красках. В то же время из Тбилиси поступили сообщения о прибытии в ближайшее время в Закавказье нескольких новых полков русских войск.

Все это не могло не оказать влияния на Аббас-Мирзу и его министров. 11 марта в беседе с Джонсом Аббас-Мирза и Мирза-Бозург заявили ему, что русские получили значительные подкрепления, а в Тавризе находится всего шесть полков, и что мало вероятно, чтобы англичане, в случае новой военной кампании, сумели сразу же оказать необходимую военную помощь. Вслед за тем Аббас-Мир-

за прислал Джонсу полученный им фирман шаха, предписывавший Мирза-Бозургу немедленно начать переговоры с Тормасовым о мире или же о перемирии.

Но английский посол и теперь не хотел давать своего согласия и всячески стремился оттянуть русско-иранские переговоры, требуя, чтобы Мирза-Бозург не выезжал из Тавриза, для свидания с русским главнокомандующим, до прибытия нового курьера из Константинополя. 23 марта, во время очередной беседы с Мирза-Бозургом, настаивавшем на необходимости дать Вреде немедленный ответ, он вновь пытался убедить его отклонить русские предложения, ссылаясь на намерение Порты предпринять наступательные военные действия в Молдавии и Валахии.

В следующие два дня происходили непрерывные совещания Джонса с Аббас-Мирзой, Мирза-Бозургом и ереванским сардаром. В конце концов, 25 марта Джонс вынужден был согласиться на переговоры Мирза-Бозурга с Тормасовым, но добился того, что Мирза-Бозург взял на себя следующие три обязательства: а) что он будет вести переговоры лишь на том условии, чтобы русские войска в течение этого времени не предпринимали наступления на турецкие границы, б) что он будет настаивать, чтобы вопрос о Талышском ханстве был решен в пользу Ирана и в) что он немедленно прервет переговоры, как скоро выяснится, что Порта готова заключить союз с Ираном¹.

¹ Jones, ук. соч., приложение, стр. XV—XXX.

Таким образом, Джонс сделал все, чтобы не допустить мирные переговоры между Ираном и Россией. Когда же это оказалось невозможным, он убедил иранского уполномоченного выдвинуть такие условия перемирия, которые были явно неприемлемыми. К их числу относилось требование, чтобы русское командование приняло на себя одностороннее обязательство воздерживаться от военных действий против турок. Ту же цель преследовало и выдвижение вопроса о Талышском ханстве. Талышский хан Мир-Мустафа еще задолго до этого, подобно многим другим азербайджанским ханам, добровольно признал над собой верховную власть России. Талышское ханство уже давно находилось под русским протекторатом. Следовательно, требование о том, чтобы Талышское ханство вновь было признано подвластным Ирану, означало не что иное, как отказ от заключения перемирия на основе статус-кво, что было, разумеется, для России совершенно неприемлемым.

Еще до начала переговоров персами были предприняты шаги, чтобы выполнить первое из предъявленных Джонсом требований. Один из приближенных Аббас-Мирзы Фетх-Али-хан-Нури заявил Вреде, что «якобы турецкий султан уступает Персии Карсский и Ахалцыхский пашалыки и что при заключении мира с Россией персидское правительство желает оговорить, чтобы российские войска не предпринимали против сих пашалыков военных действий». В ответ на полученное от Вреде сообщение Тормасов сразу же ответил, что подобное требование нельзя рассматривать иначе, как результат

внушения «тех особ, которые не желают, чтобы Россия заключила мир с Персиею» и что это «одна выдумка английского агента, клонящаяся к тому, чтобы нас с Персиею поссорить». Он дал Вреде предписание довести об этом до сведения Аббас-Мирзы и Мирза-Бозурга и посоветовать им остерегаться пагубного влияния европейских держав, «которое всегда обратится во вред Персии так, как и золото английское обращается в яд, действуя на удаление мира и на восстановление пагубной для Персии войны»¹.

Русско-иранские переговоры начались 20 апреля (по ст. стилю) в Аскаранской крепости в Карабахе, куда прибыли Тормасов и Мирза-Бозург². Первое свидание между ними носило чисто официальный характер и свелось к различным формальностям. После этого начались переговоры об условиях перемирия, которые продолжались в течение 18 дней. Было достигнуто соглашение по всем статьям, которые должны были быть включены в договор о перемирии, за исключением статьи о Талышском ханстве. Мирза-Бозург настаивал на том, чтобы в договоре вообще ничего не было бы упомянуто об этом ханстве. Это означало бы, что Талышские ханство рассматривается как территория, подвластная Ирану и дало бы персам право и

¹ „Акты“, IV, 705—706.

² Ход аскаранских переговоров подробно изложен в донесении Тормасова военному министру Барклай-де-Толли от 26 мая 1810 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6186, л. 19—24) и в его донесении Румянцеву от того же числа. („Акты“, IV, 709—712).

после заключения перемирия продолжать начатые еще за год до этого военные действия, в целях овладения Ленкораном, находившимся под защитой русского флота.

Переговоры по этому вопросу заняли много времени, но окончились безрезультатно. Стремясь достигнуть соглашения, Тормасов пошел на дальнейшую уступку и предложил следующий компромисс: вопрос о Талышском ханстве должен был быть решен в мирном договоре; пока же обе стороны должны были дать взаимное письменное обязательство не вводить свои войска на территорию этого ханства. Мирза-Бозург предложил запросить Аббас-Мирзу, находившегося в то время в Нахичеване. К иранскому престолонаследнику был послан курьер, вскоре вернувшийся с ответом, носившим уклончивый и по существу отрицательный характер.

Тем временем Тормасов предпринял новый шаг; он согласился не настаивать на особом письменном соглашении о Талышском ханстве, а записать лишь в договоре «что ни с той, ни с другой стороны не будут предпринимаемы никакие неприятельские покушения на земли, города, ханства и царства, до подписания акта перемирия приобретенные трактами, покоренные оружием и состоящие под покровительством той или другой державы».

После долгих проволочек и колебаний Мирза-Бозург дал, наконец, согласие на эту формулировку. Таким образом, казалось, все разногласия были улажены. Был составлен даже самый текст договора, который должен был быть подписан обеими сто-

ронами. Однако как раз в это время Мирза-Бозург получил из Ирана новые секретные бумаги, которые сразу же заставили его изменить свою позицию. Он вновь выдвинул целый ряд неприемлемых для России условий. Прежде всего он потребовал, чтобы Россия официально отказалась от протектората над Талышским ханством и признала его зависимым от Ирана. Далее он настаивал, чтобы в период перемирия русские войска не предпринимали военных действий против турецких владений в Закавказье. Он предложил также, чтобы Россия уступила Ирану округ Мегри в Зангезуре, входивший в состав Карабахского ханства. Не ограничиваясь этим, он выдвинул и целый ряд других условий, вплоть до требования, чтобы Тормасов не был назван в договоре главнокомандующим в Дагестане, — требование свидетельствовавшее, что персы не были намерены отказаться от своих притязаний не только на территорию Закавказья, но даже на Дагестан.

О том, что произошло в лагере Аббас-Мирзы во время аскаранских переговоров и почему Мирза-Бозургу были присланы новые инструкции, на основании которых он в последний момент, уже после согласования текста договора, выдвинул новые, совершенно неприемлемые предложения, мы опять-таки узнаем из дневника английского посольства. Под датой 15 мая 1810 г. (т. е. 3 мая по ст. стилю) в нем значится, что в этот день Джонс составил и представил Аббас-Мирзе проекты перемирия и мир-

ного договора с Россией¹. Полученные Мирза-Бозургом несколько дней спустя «секретные бумаги», о которых упоминает в своих донесениях Тормасов, и содержали новые условия перемирия, разработанные Джонсом и одобренные, по его настоянию, Аббас-Мирзой.

Все эти дополнительные требования, предъявленные в результате прямого вмешательства Джонса, преследовали явную цель — сорвать наметившееся соглашение. Убедившись в этом, Тормасов предложил прервать переговоры, на что Мирза-Бозург тотчас же охотно согласился. Переговоры были прерваны 10/22 мая. На следующий же день Мирза-Бозург отправился обратно в Иран.

Излагая причины, побудившие иранские правящие круги пойти на срыв мирных переговоров, Тормасов в своем донесении писал: «Причины же сего охлаждения в персидском правительстве к доброму согласию произошли, как я после о том узнал наверное, от напряженных действий англичского в Персии министра Гарфорт Джонеса, который приложил все усилия не допустить персиян к заключению перемирия чрез золото, щедрою рукою рассыпанное при Тейранском кабинете, так же чрез вредные для нас внушения персидскому министерству о подкреплении их Англиею противу российских войск... гредставив им, что они имеют теперь пушки из Англии им привезенные и образованные войска в большой

¹ Jones, ук. соч., приложение, стр. XXXI. В дневнике приводилось и содержание этого проекта, однако, оно было спущено Джонсом при опубликовании текста дневника в своей книге.

силе. Все сии внушения, деланные Гарфортам Джонесом в совете персидского министерства, также и формальное объявление, что после заключения перемирия он не может там оставаться и выедет из Персии, были мне известны чрез разные каналы еще до времени съезда моего с полномочным Бабахана Мирзою Безюрком. А сборы войск персидских в двух пунктах поблизости наших границ во время самых переговоров, также перехваченный фирман наследника Персии, писанный в сие же время к ахалцкскому Шериф-паше и письма других при нем чиновников... и, наконец, предложенные Мирзою Безюрком ни в чем несообразные требования служат явным доказательством перемены в персидском правительстве, произведенной действиями английского министра и взятого им перевеса в делах наших с Персиею». Далее Тормасов указывал, что и Порты поощряла Иран к продолжению войны против России, обещая предоставить в распоряжение Аббас-Мирзы двенадцать тысяч войск.

В своем ответе на донесение Тормасова о переговорах в Аскаране Румянцев писал: «Я отнюдь не был удивлен безуспешным сих переговоров окончанием и могу подтвердить вам, что ваши замечания насчет домогательства англичан и турецкого правительства, дабы не допустить сего перемирия, совершенно основательны, ибо здесь получены верные из Царьграда известия, что в то же время, когда персидское правительство занимало вас переговорами, производились таковые же и гораздо деятельнее с Портою Оттоманскою, которые кончились формальным между ними соглашением о совокупном проти-

ву нас действи и господин Адер хвалился вслух, что он не допустит и в том ручается, чтобы мы успели в нашем ожидании в рассуждении замирения с Персией»¹.

Сколь активные меры принимал Джонс, чтобы не допустить примирения Ирана с Россией, видно из того, как хлопотал он о том, чтобы вопрос о Талышском ханстве служил бы и впредь камнем преткновения при всякой новой попытке России достигнуть соглашения с Ираном. С этой целью он отправил длинное послание к талышскому Мир-Мустафа-хану, копию которого тот переслал Тормасову. В послании этом английский посол сообщал, что шах почтил его «своею доверенностью управлять купно с Мирза-Безюргом внутренними делами по государству» и всячески убеждал хана порвать с Россией и признать над собой власть шаха. Не скупясь на угрозы и посулы и не останавливаясь перед провокационными вымыслами о намерениях России, он приводил в заключении своего письма басню о лошади, которая, желая изгнать из долины, где она паслась, мешавшую ей козу, обратилась за помощью к человеку, который, правда, козу изгнал, но сам сел на лошадь верхом и не хотел уже больше с нее слезать. К этому колоритному посланию был приложен текст обязательства, которое должен был подписать Мир-Мустафа и в котором говорилось, что он отказывается от покровительства России и признает себя слугой шаха².

¹ Акты², IV, 719.

² Там же, IV, 570—576.

Пересылая письмо Джонса в Петербург, Тормасов справедливо указывал: «Сии действия английского министерства открывают ясно, что неуспех в постановлении перемирия с Персиею единственно отнести должно к усилиям Англии, старающейся положить сему всяческие преграды...»¹. В своем ответе Мир-Мустафе русский главнокомандующий, призывая его не верить лицемерным и обманчивым предложениям и посулам англичан, писал по поводу приведенной Джонсом басни, «что лошадь, приняв на свою спину человека, избавилась от злого своего неприятеля и осталась с прекрасным кормом, жива и при многих выгодах... если же бы не так случилось, то злой неприятель овладел бы и самой лошадию и кормом, следственно бедную лошадь погубил бы невозвратно»².

II

Несмотря на успех миссии Джонса, английские власти в Индии продолжали относиться к нему недружелюбно. Считая сношения с Ираном своей монополией, они не хотели примириться с пребыванием там английского посла, не являвшегося непосредственным представителем и уполномоченным Ост-Индской компании. Весной 1810 г. Джонс получил новые депеши от генерал-губернатора Индии Минто, вновь предписывавшие ему немедленно покинуть Иран. В них сообщалось также о скором прибытии в Тегеран Малькольма³.

¹ Там же, IV, 595.

² Там же, IV, 596.

³ Jones, ук. соч., стр. 345—346.

Минто действительно решил направить в Иран новую миссию во главе с Малькольмом, несмотря на то, что там уже находился посол, назначенный английским правительством. Здесь сказались, несомненно, старые разногласия между некоторыми английскими правительственными кругами и Ост-Индской компанией. Но посылка второй английской миссии в Иран являлась одновременно свидетельством того совершенно исключительного интереса, который проявляли в то время англичане к этой стране.

В конце июня Джонс получил письмо от Мирза-Шефи, просившего его, от имени шаха, выехать в Султаниэ, куда должно было в скором времени прибыть и посольство Малькольма. Джонс отправился из Тавриза вместе с визирем Аббас-Мирзы, Мирза-Хасаном. По прибытии в Султаниэ английский посол сразу же был принят шахом, с которым он и в последующие дни имел ряд длительных совещаний. Речь шла вновь о «русских делах» и о нуждах Аббас-Мирзы и его армии, причем, по словам Джонса, ему удалось добиться «благоприятных и удовлетворительных результатов» по всем затронутым вопросам. Шах вновь выразил согласие предоставить «русские дела» всецело на усмотрение Аббас-Мирзы и английского посла¹.

Несколько дней спустя в Султаниэ прибыл Малькольм. Его сопровождали офицеры и гражданские лица, а также отряд английских драгун и эска-

¹ Там же, стр. 357—360.

дроны индийской кавалерии и конной артиллерии¹, всего, по подсчету Джонса, до 350 человек².

Джонс не присутствовал на первой аудиенции Малькольма у шаха, поскольку тот отказался быть представленным шаху Джонсом, как официальным английским послом. Однако оба английских представителя обменялись визитами. Несмотря на личное соперничество, между ними не было разногласий относительно задач и целей английской политики в Иране. Кроме того, конфликт между Джонсом и Ост-Индской компанией потерял уже к тому времени свою остроту. Незадолго до этого Джонс получил депеши из Англии, в которых полностью одобрялись все его действия в Иране³. Одновременно сообщалось, что правительство решило удовлетворить его прошение об отставке, пересланное через Мориера, и назначить послом в Иране сэра Гора Аузли, после прибытия которого ему разрешалось покинуть эту страну. Все эти новости Джонс поспешил сообщить Малькольму, у которого, таким образом, не остава-

¹ См. его мемуары „Sketches of Persia...“, II, 166.

² Jones, ук. соч., стр. 215, прим. Посольство Малькольма и на этот раз обошлось очень дорого. По сведениям Джонса, второе (в 1808 г.) и третье посольства Малькольма обошлись Ост-Индской компании в 262 000 фунтов стерлингов.

³ Английское правительство, в лице Контрольного совета, решительно поддержало Джонса в его конфликте с генерал-губернатором Индии. В письмах к Минто от 8 сентября 1809 г. и 6 мая 1810 г. последнему было выражено порицание за его неправильную политику в отношении Ирана и за опасное положение, в которое он без всякой надобности поставил посольство Джонса. (С. Н. Phillips. The East India Company 1784—1831, Manchester, 1940, стр. 176—177).

лось никакого предложения для дальнейших пререканий с ним и спора о первенстве.

Джонс выехал вскоре обратно в Тавриз, чтобы сообщить Аббас-Мирзе о результатах своих переговоров с шахом. Поскольку тот находился в новой крепости—Аббас-Абаде, на территории Нахичеванского ханства, он отправился туда и провел там три дня. Оттуда он поехал в Уджан, куда шах перенес свой лагерь из Султаніэ и где теперь находился также Малькольм со своей свитой. Вернувшись затем в Тавриз, Джонс и в дальнейшем совершил несколько поездок как в лагерь Аббас-Мирзы, так и в лагерь шаха в Уджане¹. Все это еще раз свидетельствует о той активной роли, которую в то время играл английский посол во всех политических и военных делах Ирана.

Не терял времени и Малькольм. Находясь в лагере шаха, он имел с ним ряд бесед и совещаний. По его словам, шах принял его на этот раз еще более любезно и дружественно, чем за десять лет до этого. Он наградил его орденом льва и солнца и даровал ему титул хана и звание генерала².

Из Уджана Малькольм отправился в Тавриз, где провел несколько дней и ознакомился с новыми иранскими регулярными войсками. Он имел ряд бесед с Аббас-Мирзой по военным вопросам³.

¹ *Jones*, стр. 362—366.

² „*Sketches of Persia...*“, II, 163—164.

³ Там же, II, 166—167, 203—210. Следует отметить, что между ними возникли разногласия. Малькольм не проявлял особого энтузиазма в отношении иранских регулярных войск.

Вскоре Малькольм отправился в обратный путь, но не старой дорогой, через Тегеран—Шираз—Бушир, а через Курдистан и Багдад. Выбор этого пути, значительно более трудного и даже опасного, не был, очевидно, случайным. Нужно сказать, что, подобно посольству Джонса, миссия Малькольма также развернула широкую разведывательную деятельность. Еще до отъезда из Индии ряду лиц было поручено изучить различные области Ирана, а также соседние страны. На обратном пути из Тавриза, в Мараге, к Малькольму и его спутникам присоединились пятеро членов миссии, прибывших из своих экспедиций. Интересно отметить, что, по свидетельству самого Малькольма, четверо из них были одеты в персидские одежды и отрастили бороды. «Они рассказали нам,—пишет он далее в своих мемуарах,—удивительные вещи о Белуджистане, Хамадане и других местах, где они побывали. Теперь нас было четырнадцать человек, но мы не долго оставались вместе: некоторые были откомандированы, чтобы обучать персидских солдат, другие были посланы, чтобы обследовать и доложить о территории и населении различных областей этого некогда знаменитого царства»¹. Малькольм, следовательно, вновь направил нескольких членов миссии в различные части страны для сбора необходимых сведений.

и считал, что иррегулярная персидская конница способна с большим успехом наносить ущерб русским. Аббас-Мирза, однако, возлагал все свои надежды именно на регулярную пехоту.

¹ Там же, II, 257—253

В этом свете и следует рассматривать решение Малькольма отправиться в обратный путь через Курдистан, куда его миссия прибыла в середине августа. В своих мемуарах он, разумеется, ничего не говорит о своих истинных целях, как и вообще, ничего не говорит о «политике». Но даже те сведения, которые он сообщает о своем пребывании в Курдистане и о своих встречах с полунезависимыми курдскими вождями и представителями айсор-несторианцев, свидетельствуют, что он вполне преднамеренно избрал именно этот маршрут для своего обратного пути.

Миссия Малькольма значительно усилила английскую военную помощь Ирану, так как до этого помощь эта ограничивалась в основном лишь авансами в счет обещанной субсидии, дважды предоставленными Джонсом. Малькольм доставил 12 артиллерийских орудий вместе со снарядами, а также 7 тысяч ружей¹. С ним вместе прибыли многочисленные артиллеристы и ряд английских офицеров, которые затем остались в Иране².

В числе последних были капитаны Кристи и Линдсей и лейтенант Монтис.

Кристи, офицер бомбейской армии, являлся одним из тех разведчиков, которые были посланы для

¹ Jones, ук. соч., стр. 354; „The Dynasty of the Kajars“, стр. 432. См. также показания находившегося в то время в Иране французского агента Кадера. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6162, л. 90.

² Шах выражал даже желание, чтобы в Иране остался и сам Малькольм в качестве главнокомандующего иранской армией, но тот не имел возможности выполнить эту просьбу, так как должен был вернуться в Индию.

19 А. Р. Иоаннисян

«изучения» Ирана и близлежащих стран. Вместе с Поттингером, автором известного труда «Account of Beluchistan», он отправился в Иран через Белуджистан. Здесь, однако, он расстался со своим спутником и под видом торговца лошадьми проник в Герат, а оттуда через Иезд и Исфаган отправился в северные районы Ирана, где находилась английская миссия. Оставшись после отъезда Малькольма в Иране, он сразу же занял в Тавризе руководящее положение в войсках Аббас-Мирзы.

Линдсей, артиллерийский офицер из Мадраса, также обосновался в Тавризе и был назначен командующим артиллерией. Вместе с Кристи он активно участвовал в разработке планов военных операций против русских войск и тоже принимал непосредственное участие в военных действиях. Он стал играть такую роль в руководстве всеми военными операциями иранской армии, что некоторые называли его даже военным министром Ирана.

Монтис, еще во время пребывания Малькольма в Тавризе, был вместе с другим английским офицером лейтенантом Мак Дональдом отправлен на фронт, в район Мегри. Там он предпринял попытку организовать нападение на русский отряд, вступивший в Мегринскую долину¹. В дальнейшем Монтис,

¹ Об этом рассказывает сам Монтис в своей книге „Kars and Erzerum“, в которой подробно, хотя, разумеется, весьма тенденциозно, описывает свою деятельность в Иране и Закавказье в десятих-двадцатых годах XIX века. См. *W. Monteith. Kars and Erzerum; with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829 and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus*, London, 1856, стр. 62—65.

которому было поручено обследовать южное побережье Каспийского моря и пограничные с Россией области, совершил разведывательную поездку по Южному Азербайджану и Закавказью¹. После этого он окончательно обосновался в Ереване, возглавив находившиеся там регулярные иранские войска. Он стал принимать участие во всех военных операциях, имевших место на территории Ереванского ханства и в пограничных областях.

III

Летом 1810 г. персы вновь развернули военные действия в Закавказье². В июне иранская армия, переправившись через Худо-Аферинский мост, вторглась в Карабах. В это самое время русские войска, под командованием Котляревского, штурмом овладели Мегри. Аббас-Мирза направил против них свои основные силы, которые блокировали в Мегри

¹ Впоследствии он опубликовал описание своего путешествия. См. *W. Monteith, Journal of a Tour through Azerbaijan and the Shores of the Caspian Sea. „Journal of the Royal Geographic Society“. London, 1833, т. III. Отрывки из „Дневника“ Монтиса, относящиеся к Ереванскому и Нахичеванскому ханствам, были опубликованы еще раньше Мориером, в виде приложения, в его книге, посвященной его второму путешествию в Иран. См. *J. Morier, Second voyage en Perse et en Arménie et dans l'Asie-Mineure, fait de 1810 à 1816. Paris, 1818, II, 441—450. При описании Армении Мориер и в тексте, своей книги часто ссылается на данные Монтиса.**

² О военных действиях 1810 г. см. документы, опубликованные в IV томе „Актов“, в частности рапорт Тормасова от 19 сентября (стр. 819—821), а также *Н. Дубровин, ук. соч., V, 347—350.*

немногочисленный отряд Котляровского, но вскоре вынуждены были снять осаду. Тогда русские войска, выйдя из Мегри, внезапно напали на иранский лагерь вблизи Аракса и нанесли сокрушительное поражение персам, которые потеряли лишь убитыми до 800 человек. Это вынудило Аббас-Мирзу вывести большую часть своих войск из Карабаха, где остались лишь отдельные мелкие отряды, занимавшиеся грабежом и получавшие отпор со стороны местного населения.

Потерпев поражение в Карабахе, Аббас-Мирза сосредоточил свои войска у Абарана, с тем чтобы вторгнуться в Шурагель и Памбак. Одновременно он вступил в переговоры с эрзерумским сераскиром и ахалцихским Шериф-пашой о совместных действиях против русских. В результате этих переговоров иранские войска в количестве 10 000 человек, под командованием ереванского сардара Хусейн-хана, проследовали в августе через Карсский пашалык на территорию Ахалцихского пашалыка с тем, чтобы оттуда совместно с турками вторгнуться в Грузию. Хусейн-хан дошел со своими войсками до Ахалкалаки и расположился лагерем вблизи этой крепости, куда вскоре прибыл и Шериф-паша. В лагере Хусейн-хана находился царевич Александр, обещавший персам поднять восстание в Грузии сразу же после вторжения туда иранских и турецких войск. Одновременно иранские войска, действовавшие с территории Ереванского ханства, совершили несколько набегов на Артик и Амамлу, но были отброшены. Шеститысячный отряд иранских войск, отправленный Аббас-Мирзой к Амамлу, был отбит

местным гарнизоном и вынужден отступить на территорию Ереванского ханства ещё до того, как успели прибыть воинские части генерала Портнягина, оборонявшие границу.

Тем временем русские войска, под командованием Паулуччи, подошли к Ахалкалаки и 5 сентября внезапно, в три часа ночи, атаковали персидский лагерь. Успех русских войск был полный. Застигнутые врасплох, персы не оказали серьезного сопротивления. Потеряв 700 человек убитыми и ранеными, они обратились в беспорядочное бегство. Русским войскам, потерявшим во время этой операции всего четыре человека убитыми и семнадцать ранеными, достались большие трофеи.

Эта блестящая победа русского оружия предотвратила вторжение иранских и турецких войск в Грузию и расстроила все планы персов. Она не только отсрочила создание единого ирано-турецкого фронта против России, но и усилила разногласия между персами и турками. Хусейн-хан приписывал свое поражение Шериф-паше, который, находясь со своими войсками в Ахалкалакской крепости, не оказал персам никакой помощи. Более того, турецкие войска, занявшие иранский лагерь после отхода русских войск, разграбили его. Все это не могло, разумеется, содействовать укреплению дружественных отношений между будущими «союзниками».

Таким образом, военные операции 1810 г. повсеместно закончились победой русских войск. Эту общую картину не могла изменить и неудачная осада в ноябре этого года русскими войсками Ахалциха. Хотя русским войскам, под командованием

ем Тормасова, не удалось взять эту крепость и, вследствие недостатка в продовольствии и в боевых припасах, а также различных эпидемий, они вынуждены были отступить, однако в результате этой экспедиции Ахалцихскому пашалыку был нанесен такой удар, что Шериф-паша надолго был лишен возможности предпринимать активные военные действия против русских владений.

Чтобы составить себе полное представление о военно-политической обстановке, сложившейся в Закавказье летом и осенью 1810 г., необходимо добавить следующее. Сравнительно немногочисленным русским войскам приходилось не только отражать вторжения персов и сдерживать турок, но и подавлять восстания, организованные персидскими и турецкими агентами, использовавшими недовольство местного населения, в частности крестьянства, насилиями и произволом царских чиновников. Кроме восстания в Имеретии, поднятого в июне, при поддержке турок, бывшим имеретинским царем Соломоном, низложенным русскими властями и бежавшим в Ахалцих, произошли восстания на территории Кубинского ханства и в Осетии. Восстание в Кубинском ханстве было возглавлено старым персидским агентом, бывшим дербентским ханом Шейх-Али, проживавшим в Дагестане; оно длилось довольно долго — с августа по конец октября. С конца июля по ноябрь происходили волнения и восстания среди осетин, которыми руководил другой персидский агент, грузинский царевич Леван.

Англичане принимали активное участие в военных действиях, которые вели в то время иранские

войска. Монтис и Мак Дональд, как указано выше, приняли участие в военных операциях против русских в районе Мегри. Тот же Монтис приводит данные об участии англичан в операциях, предпринятых персами с территории Ереванского ханства, в частности в неудачном нападении иранских войск на Амамлу. По его словам, артиллерия, обслуживаемая английскими артиллеристами, была направлена к Амамлу, но, не имея проводника, сбилась с дороги и подошла к русским позициям, когда иранские войска уже отступили¹.

Несомненна также непосредственная связь между деятельностью англичан в Иране и восстаниями, вспыхнувшими летом 1810 г. в русском тылу, в частности в Осетии и Кубинском ханстве. О. П. Маркова в своей книге «Восстание в Кахетии 1812 г.», отмечая рост активности реакционных грузинских и азербайджанских феодалов в 1809—1812 гг., справедливо высказывает предположение, что щедрое финансирование персами организованных ими восстаний было возможно только благодаря английской субсидии². В подтверждение она ссылается на опубликованную в «Актах» прокламацию царевича Александра от 31 августа 1809 г., в которой тот хвастливо заявлял: «я имею с собою силу и казну трех сильных и великих держав—всего Ирана, османов и англичан»³. Следует, однако, добавить, что в целом ряде архивных документов имеются и прямые ука-

¹ *Monteith*, ук. соч., стр. 66—68.

² О. П. Маркова, ук. соч., стр. 226—229

³ „Акты“, IV, 127.

зания на финансирование реакционных восстаний, вспыхнувших в Закавказье в 1810 г., за счет «английского золота». Так, например, 17 июля, накануне вторжения Шейх-Али из Дагестана в Кубинскую область, в Ленкоране были получены сведения о том, что «Баба-хан послал знатную сумму денег к Ших-Али для нанятия лезгин, а англичане к персидскому двору привезли много золота»¹. В марте 1811 г. Торماسов, подводя итог военным операциям предыдущего года, писал: «Доныне персидские напряжения противу нас состоят в действии многочисленными... народами, Грузию окружающими, коих правительство персидское с помощью английского золота возбуждает к возмущению и набегам...»².

Но дело не ограничивалось лишь этой косвенной связью между англичанами и реакционными закавказскими феодалами. В своей работе О. П. Маркова пишет: «На основании материалов, имевшихся в нашем распоряжении, мы не могли установить непосредственных личных связей англо-французской агентуры периода наполеоновских войн с Закавказьем, в противоположность богатым материалам о деятельности английской агентуры на Кавказе в последующие годы»³. С этим заявлением О. П. Марковой никак нельзя согласиться. В такой общей форме оно вообще не соответствует действительности. Но даже понимая это заявление в том смысле, что англичане не имели непосредственных

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 61, л. 120 об., 128.

² Там же, д. № 6162, л. 59—64; «Акты», IV, 756.

³ О. П. Маркова, ук. соч., стр. 225—226.

личных связей с закавказскими феодалами, то и в таком случае ее утверждение следует признать неточным. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, наоборот, о том, что англичане поддерживали непосредственный контакт с вождем реакционных грузинских феодалов, организатором и вдохновителем всех мятежей и восстаний на Кавказе, царевичем Александром. Они поддерживали этот контакт через того же Монтиса, орудовавшего в Ереване, где большей частью проживал и Александр. Об этом Монтис сам рассказывает с полной откровенностью, подробно описывая и восхваляя в своей книге «деятельность» грузинского царевича. «Я был,—пишет он,—в весьма близких отношениях (on terms of great intimacy) с Александром Мирзой... и во время двух его вторжений в Грузию я эскортировал его через русские территории»¹.

После окончания военной кампании 1810 г. английские офицеры занялись в течение зимы реорганизацией иранской армии, которую Аббас-Мирза решил провести по настоянию Джонса. Монтис так описывает эту реорганизацию. «Те из числа персидских артиллеристов, которые были годны к службе, были оставлены и одновременно были набраны рекруты, чтобы образовать два эскадрона конной артиллерии, для которой были доставлены из Индии двенадцать орудий с необходимым персоналом и амуниторией. Лейтенант Линдсей хорошо подготовил этот корпус в течение зимы». Кроме ар-

¹ *Monteith*, ук. соч., стр. VI.

тиллерии, под непосредственной командой английских офицеров находился батальон пехоты во главе с Кристи. Для руководства другими батальонами ожидалось прибытие из Индии «нескольких подразделений офицеров и сержантов». Регулярные иранские войска «получили новое вооружение и их снаряжение было значительно улучшено». «Благодаря усилиям сэра Харфорда Джонса, пишет далее Монтис, пехота, находившаяся в Азербайджане, была увеличена до 12 батальонов (вместо 6 при французах—А. И.)... четырнадцать артиллерийских орудий получили необходимое снаряжение; арсенал и лафетная мастерская были, под надзором англичан, в должной мере усовершенствованы; вся армия получила хорошее обмундирование»¹.

Тормасов, основываясь на сведениях русского командования, сообщал в марте 1811 г. военному министру, что персидское правительство «под влиянием Англии формирует регулярные войска, называемые сарбазами, которые прежде экзерсированы были французскими офицерами, а ныне английскими. Сии последние выливают также пушки, снабжают английскими ружьями, обучают артиллеристов и делают во многих местах укрепления»².

Еще в апреле 1810 г. в Ленкоране были получены сведения о том, «что в Персидский залив постепенно прибыла английская эскадра, состоящая из 17 судов, на коих привезли к Баба-хану в подарок много орудий и военной амуниции, а нес-

¹ Там же, стр. 69—70, 78—79.

² „Акты“, IV, 756.

колько офицеров на сих днях приедут в Энзили и прочие места для их осмотров и описи»¹. Сведения эти относились, очевидно, к миссии Малькольма, доставившей, как известно, в Иран 12 орудий и 7 000 ружей². Однако поставки оружия и военной амуниции из Индии регулярно продолжались и после отъезда Малькольма. По сведениям русского командования, подтверждаемым и другими источниками, англичане в течение 1810 г. доставили в Иран «до 20 000 европейских ружей»³.

Поставки вооружения и военного снаряжения еще более усилились в 1811 г. Так, в конце этого года «Англия снабдила Персию 12 орудиями, 12 000 зарядов, 12 000 ружей и сукном для обмундирования 12 000 человек»; сверх того другие 20 орудий были доставлены в Бендер-Бушир⁴.

Всего из Индии было доставлено 50 орудий различных калибров⁵. Кроме того, англичане реорганизовали и расширили арсенал в Тавризе, основанный еще при французах, где изготовлялись не только

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 61, л. 120 об.—128.

² К миссии Малькольма относились, очевидно, и явно преувеличенные сведения, полученные в Ленкоране, что в Персидский залив прибыло до трех тысяч англичан „назначенных для Персии“, в том числе и много мастеровых, но что шах разрешил проехать внутрь страны, вместе с английским посланником, лишь пятистам англичанам. (Там же, См, также составленную на основании донесений сводку „Разные известия“, ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 422, л. 91—94 об.).

³ „Акты“, IV, 761.

⁴ Там же, V, 177.

⁵ G. Drouville. „Voyage en Perse...“. II, 132.

пушки, но и различное оружие, боеприпасы и амуниция¹.

Интересные сведения об иранских регулярных войсках мы находим в ряде докладных записок, представленных русским военным властям как во время войны 1804—1813 гг., так и по ее окончании. Так, в докладной записке «Нравы и войска персиян», составленной в конце войны, указывалось, что дивизия сарбазов состоит из 12 батальонов, комплектуемых из разных племен. Офицеры получают от 40 до 50 туманов в год, солдаты — 10 туманов. «Англичане говорят, что для увеличения ревности к сему новому роду службы в Персии розданы казенные земли солдатам на гораздо выгоднейших условиях, чем другим даются»². В другой докладной записке «О заведении регулярных войск в Персии», написанной в 1817 г., также отмечается, что «Аббас-Мирза, заведя войска регулярные, дал им многие преимущества, положил большое жалованье, многим роздал казенные земли и всячески старался улучшить состояние их противу прочих войск, дабы приохотить вступать в состав оных». В записке подробно характеризуется роль, сыгранная англичанами в деле реорганизации и вооружения иранской армии. Англичане, говорится в этом документе, завели в Тавризе «литейной, пушечной и оружейной заводы, устроили конную и пешую артиллерию, а теперь стараются завести регулярную конницу. Во время войны Персии с Россиею английские офице-

¹ *Droxville*, ук. соч. II, 123—142; *Morier*, „Second voyage...“, II, 41—43.

² ЦГВИА, ф. 446, д. № 168, л. 5—5 об

ры, несмотря на тесный союз, существующий между Россией и Англией, служили и предводительствовали персидскими войсками против россиян. Сими поступками и деньгами, которых они не щадили, заслужили они доверенность персидского правительства, особенно наследника престола, который в устройении регулярных войск, в умножении и улучшении их, руководствуется единственно их советом»¹.

IV

Несмотря на неудачу Жуанена, Наполеон упорно не хотел отказаться от намерения возобновить сношения с Ираном. Он все еще рассчитывал, что ход событий на Востоке примет благоприятный для Франции оборот. Исходя из этого, он в течение длительного времени после отъезда из Ирана французской миссии продолжал удерживать в Париже иранского посла Аскер-хана. Это явно объяснялось надеждой на восстановление франко-иранского союза, особенно в связи с ухудшением отношений между Францией и Россией. Именно так истолковывали это и в самом Иране. «В Персии вообще рассуждают,— писал в мае 1810 г. Тормасов Румянцеву, что император Наполеон удерживает персидского посланника единственно потому, что сделанные персидскому правительству обещания чрез находившееся в Персии французское посольство во время войны с Россией надеется вскорости привести в действие»².

¹ ЦГВИА, ф. 446, д. № 6, л. 3—5 об.

² „Акты“, IV, 939.

Лишь 25 апреля 1810 г. Наполеон дал распоряжение Шампаньи отправить назад персидского посла, «но без плохого обращения». «Вы скажете ему, писал он министру иностранных дел, что я не хочу его видеть и что я недоволен, что Персия отказалась от своих политических интересов за несколько тысяч экю, которые дали англичане; что когда император Персии захочет возобновить со мной сношения, он должен будет прежде изгнать из своей страны англичан»¹.

Решение Наполеона отправить Аскер-хана в Иран вовсе не означало, что он намерен был окончательно порвать сношения с этой страной. Наоборот, оно являлось новой попыткой возобновить через иранского посла свои предложения о восстановлении Финкенштейнского договора. Это видно и из сообщения иранской хроники, где говорится, что по прибытии к шахскому двору Аскер-хан вручил письма Наполеона, суть которых сводилась к следующему: «Аскер-хан преданно выполнил обязанности своего посольства и мы разрешили ему отправиться обратно; я готов проявить наибольшую дружбу в целях полного осуществления намерений вашего правительства»².

Однако Наполеон не ограничился тем, что отправил через Аскер-хана эти письма. Одновременно он принял меры, чтобы восстановить сношения с Ираном, послав туда и нового французского представителя.

¹ „Correspondance de Napoléon Ier“, XX, 360.

² „The Dynasty of the Kajars“, стр. 379.

Эта миссия была поручена Жоржу Утрею, сопровождавшему в свое время Ромье в Тегеран. Утрей был официально назначен вице-консулом в Багдаде и должен был сопровождать Аскер-хана. Но настоящей целью его поездки было возобновление дипломатических сношений с Ираном. В данных ему 28 мая 1810 г. секретных инструкциях говорилось, что он назначается поверенным в делах в Иране. Ему предписывалось действовать осмотрительно. По прибытии в Иран он должен был на первых порах выступать лишь в роли французского вице-консула в Багдаде. В случае благоприятной обстановки, он должен был предъявить верительные грамоты в качестве французского поверенного в делах в Иране, вновь учредить в Тегеране французское посольство и развернуть борьбу против английского влияния. Он уполномочен был также сообщить, что если Персия проявит свое дружественное расположение к Франции, то будут посланы 20 000 ружей и другое вооружение, обещанное Гарданом¹.

Утрей вместе с Аскер-ханом выехал в июне 1810 г. в Константинополь. По дороге иранский посол заверял Утрея в своей преданности Франции и утверждал, что тот будет радушно принят в Тегеране. Но за время месячного пребывания в Константинополе положение изменилось. Аскер-хан вошел в контакт с англичанами и переменял отношение к своему спутнику. Он стал убеждать его отказаться от поездки в Тегеран. Когда же последний заявил, что, прежде чем отправиться в Багдад, он обязан

¹ *Puryear*, ук. соч., стр. 387—388.

посетить иранскую столицу, то Аскер-хан предложил ему выехать из Константинополя позже него и следовать за ним на расстоянии, с тем, чтобы затем встретиться вновь на территории Ирана. Утрей вынужден был принять это условие. Иранский посол выехал из турецкой столицы 14 октября, а Утрей двумя днями позже¹.

Аскер-хан ехал в Тегеран не один, а в сопровождении турецкого посла, отправленного Портой. В декабре 1810 г., покинув пределы Турции, они вступили на территорию Ереванского ханства. Но они не стали дожидаться Утрея, который прибыл туда непосредственно вслед за ними.

В январе 1811 г. Тормасов сообщал в своем донесении Румянцеву о полученных им «верных известиях», что вслед за турецким послом «прибыл якобы через Турцию французский министр в Эриванское владение и, остановясь в селении Клур, дал о себе знать эриванскому сардарю Хусейн-Кули-хану, который, по нахождению в Персии английского посла, не решась отправить его к наследнику Персии, остановил в том самом владении и послал к Аббас-Мирзе нарочного просить по сему случаю разрешения»².

О пребывании Утрея в Ереванском ханстве мы имеем также весьма ценный документ, сохранившийся в архиве Матенадарана. Это копия письма архиепископа Нерсеса к «почтенному послу великого императора Франции мусье Утрею» от 15 декаб-

¹ Там же, стр. 389.

² „Акты. IV, 750.

ря 1810 г.¹ Из письма этого явствует, что Утрей, остановившийся в деревне Блур (а не Клур, как ошибочно сказано в донесении Тормасова), сообщил в Эчмиадзин о своем желании приехать туда. Однако архиепископ Нерсес известил его о невозможности выполнить его просьбу. Он писал, что, хотя все они хотели бы его видеть, но необходимо считаться с властями. В письме выражалась надежда, что он поймет их и простит. В заключение сообщалось, что, вместе с письмом, ему послано в подарок вино.

Таким образом, Утрей, прибывший в декабре 1810 г. на территорию Ереванского ханства, дал о себе знать не только ереванскому сардару, но одновременно обратился в Эчмиадзин с просьбой принять его. Он, видимо, преследовал этим цель не только возобновить, по примеру прежних французских представителей, сношения с Эчмиадином, а и рассчитывал через посредство армянского католикоса вступить в контакт с Аббас-Мирзой и добиться разрешения на проезд в Тавриз и Тегеран. Но католикос Ефрем, учитывая политическую обстановку в Иране, отказался его принять, о чем и известил его в вежливой форме через архиепископа Нерсеса.

Что Ефрем правильно оценивал настроения иранских властей, выяснилось в самом непродолжительном времени. На запрос, посланный Аббас-Мирзе ереванским сардаром, последовало распоряжение о высылке Утрея, которому не только не было разрешено продолжить свой путь, но которому было

¹ Матенадаран, Арх. кат., папка 22, док. № 75.

предложено немедленно покинуть территорию Ирана.

Об этом имеется следующее краткое упоминание в иранской хронике: «Его (Аскер-хана—А. И.) сопровождало лицо по имени месье Утрей, которое привезло ответ (от Наполеона—А. И.), составленный в том же духе (что и письма, привезенные Аскер-ханом—А. И.); но это лицо было изгнано до вступления в Иран». Джонс, издавший эту хронику на английском языке, в примечании сообщает, что Утрей был его старым знакомым по Багдаду и приводит сказанные им будто бы по прибытии в Иран слова: «Месье Джонс побил нас и изгнал из Багдада (в 1798 г.—А. И.); он сделает то же самое в Персии и поэтому я не поеду дальше»¹.

Как можно заключить со слов самого Джонса, новый французский представитель был выслан из Ирана опять-таки по прямому настоянию английского посла. Нет сомнения, что Аббас-Мирза теперь гораздо охотнее, чем в момент приезда Жуанена, выполнил его требование, так как положение в течение 1810 г. коренным образом изменилось. Если в 1809 г. английская военная помощь была скорее обещанием чем реальностью, то в 1810 г. она приняла такие размеры, что иранские правящие круги уже не проявляли колебаний в вопросе о политической ориентации. Они и не думали теперь ставить под угрозу свои отношения с Англией ради эфемерных обещаний французов и не хотели, ради поддержания сношений с Францией, пойти на разрыв с

¹ „The Dynasty of the Kajars“, стр. 379.

англичанами. Миссия Утрея потерпела поэтому полное фиаско.

Утрей, однако, не был единственным французским эмиссаром, пытавшимся в то время установить контакт с иранскими властями.

В этой связи представляет особый интерес деятельность на Востоке в 1810 г. и в начале 1811 г. французского агента Кадера. Последний, прибыв в июне 1811 г. в Тбилиси и будучи допрошен русскими властями, сообщил, что он был послан в Иран с депешами к Гардану, а затем посетил Индию, Египет и Аравию «по делам французского министерства». Действительно, он имел при себе несколько писем французскому правительству от «маратских владельцев» и «начальника ваххабитов»¹.

Рассказывая о победах ваххабитов над персами, Кадер, между прочим, заявил: «Французский двор установил с ними (ваххабитами—А. И.) дружественные сношения и его единственной целью является побудить их выступить против персов»². Это заявление является очень интересным. Оно свидетельствует, что французское правительство стремилось завязать сношения с ваххабитами не только для того, чтобы распространить свое влияние на Аравию, но и для того, чтобы воздействовать этим путем на Иран. Союз ваххабитов с Францией должен был показать иранским правящим кругам, что не только Англия, но и Франция имела возможность, в

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1803 г., д. № 8, л. 41—41 об.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6162, л. 88.

случае отказа Ирана от «дружбы», создать на его границах серьезную угрозу.

Из Аравии Кадер мог бы отправиться в Европу через Турцию. Вместо этого он снова поехал в Иран. При этом он задержался там и, по собственному заявлению, вынужден был покинуть эту страну лишь в результате «гонений», которым подвергся со стороны английского посла¹. Следует полагать, что после посещения Индии и Аравии Кадер в начале 1811 г. вернулся в Иран не случайно, а выполняя те же поручения «французского министерства», о которых сам упоминает в своих показаниях. Кадер, очевидно, пытался вновь вступить в контакт с иранскими властями, но эти попытки были сразу же пресечены Джонсом.

V

Турецкий посол, приехавший с Аскер-ханом, был послан Портой для переговоров о военном союзе между Османской империей и Ираном.

Усилия, предпринятые в 1809 г. английской дипломатией, чтобы побудить Турцию заключить союзный договор с Ираном, не увенчались успехом благодаря противодействию Порты. Эдер, однако, продолжал настойчиво добиваться своей цели. К началу 1810 г. положение изменилось в благоприятную для английской дипломатии сторону. Английское влияние в Константинополе, несколько осла-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1809 г., д. № 8, л. 41 об.

бывшее после разгрома Австрии Наполеоном, вновь усилилось. Война с Россией, вступившая в решающую фазу, требовала от Турции напряжения всех сил и делала желательным приобретение новых союзников. Полное и окончательное изгнание французов из Ирана и всевластие там англичан являлись, с точки зрения Порты, гарантией выполнения Ираном, в случае заключения ирано-турецкого союза, своих обязательств в отношении Турции, в частности обязательства не подписывать сепаратного мира с Россией.

Уже 12 февраля 1810 г. Эдер сообщил в Лондон, что изгнание из Ирана Жуанена и отозвание из Константинополя Хусейн-хана привело Порту к убеждению, что персидское правительство искренне и твердо придерживается союза с Великобританией. «Вследствие этого, писал он, Порта в настоящее время весьма расположена пойти на соглашение с Персией о ведении войны; она удовлетворена тем, что отношения, сложившиеся между Великобританией и Персией, будут служить гарантией выполнения любого договора, который она может заключить с этой державой. Это мнение, столь полезное со всех точек зрения для наших интересов, я с большим старанием поддерживал и поощрял. Результатом этого является установление полного взаимопонимания между Портой и мной по персидским делам». Далее Эдер сообщал, что Порта приняла решение отправить посла к тегеранскому двору, которому будут даны инструкции тесно сотрудничать с Джонсом. В конце своего донесения он указывал, что если удастся заключить договор меж-

ду Турцией и Персией о совместной войне против России, то Англия будет играть, в качестве посредника, руководящую роль в этом союзе¹.

Две недели спустя Эдер писал Джонсу о своей беседе с турецким послом, отправляющимся в Тегеран, который является убежденным сторонником тесного союза Турции с Англией и который желал бы включить в этот союз и Персию, что и должно явиться основной задачей его миссии. Он ожидает лишь денег, чтобы выехать к месту своего назначения².

4 апреля Эдер переслал письма Порты, адресованные Аббас-Мирзе, Мирза-Шефи и Мирза-Хасану, с официальным извещением, что, в целях укрепления союза между Оттоманской империей и Персией, султан назначил посла, который скоро выедет в Тегеран³.

К тому времени, однако, в Константинополе были получены сведения о мирных переговорах между Россией и Ираном. Сведения эти привели Эдера в смятение. В письме Джонсу от 17 апреля он поспешил известить своего коллегу, что подписание перемирия между Ираном и Россией разрушило бы все надежды на заключение турецко-персидского союза, так как Порта не видит особого различия между перемирием и миром. Далее Эдер категорически опровергал полученные иранским правительством сообщения, побудившие его согласиться на переговоры с Россией.

¹ *Adair*, ук. соч., I, 359—361.

² Эдер—Джонсу, 3 марта 1810 г. (Там же, II, 289).

³ Там же, II, 301—302.

Он предлагал Джонсу довести до сведения персидского кабинета, что Турция никогда не просила Россию о мире, что не было ни малейшего признака союза Австрии, России и Франции против Турции, что Австрия заинтересована в сохранении целостности Османской империи, а Франция не допустит Россию закрепиться за Дунаем, что русская армия не способна предпринять наступление и т. п.¹ Не удовлетворившись этим, Эдер отправил личное письмо Аббас-Мирзе аналогичного содержания².

Вся эта паника, поднятая Эдером, оказалась, впрочем, напрасной. Мы уже знаем, сколь успешно «потрудились» Джонс над срывом мирных переговоров в Аскаране, где, по его настоянию, иранские представители выставили, в числе других условий, и требование о прекращении русскими войсками военных действий против турок в Закавказье, требование, рассчитанное на то, чтобы показать Порте дружественное расположение иранского правительства.

Все же наладить ирано-турецкие отношения было для английской дипломатии не так легко, из-за глубоких противоречий, существовавших между обоими государствами. Малейшее изменение политической конъюнктуры в Европе грозило сорвать намечавшийся военный союз двух восточных держав. Так, в июне Эдер с тревогой писал Джонсу, что, несмотря на все его старания, а также шаги, предпринятые прибывшим в Константинополь новым иранским представителем Мирза-Эмином, Пор-

¹ Там же, II, 304—305.

² Там же, II, 309—311.

та проявляет безразличие к улучшению своих отношений с тегеранским двором. Английский посол приписывал это слухам о разногласиях между Францией и Россией, сделавших турецких министров «высокомерными»¹.

В сентябре произошла битва у Ахалкалаки, отнюдь не способствовавшая улучшению ирано-турецких отношений. Но к тому времени, как сообщение об этом было получено в Константинополе, турецкий посол находился уже в пути.

Турецким послом в Иран был назначен визирь-азим (великий визирь) Абдул-Вахиб-эфенди, который вместе с Аскер-ханом прибыл в Тавриз в конце января 1811 г. Там он был торжественно встречен как Аббас-Мирзой, так и Джонсом, выславшим ему навстречу членов английской миссии и воинский отряд. На следующий день Джонс посетил турецкого посла и имел с ним длительную беседу, во время которой Абдул-Вахиб-эфенди ознакомил его с полученными им инструкциями и показал письменное распоряжение, предписывавшее ему во всех затруднительных и сомнительных случаях обращаться за советом и содействием к английскому послу².

После переговоров с Аббас-Мирзой и Джонсом турецкий посол отправился в Тегеран, где вру-

¹ Там же, II, 321—322.

² Несколько дней спустя Джонс устроил во дворце Аббас-Мирзы пышное празднество в честь турецкого посла. (Jones, ук. соч., 366—368). Описание приема Абдул-Вахиб-эфенди в Тавризе см. также в „Dynasty of the Kajars“, стр. 442—444.

чил шаху привезенные им подарки и письма. По словам иранской хроники, шах принял его весьма благосклонно, что повело к укреплению уз дружбы между обоими государствами¹. Действительно, миссия Абдул-Вахиб-эфенди увенчалась успехом. Благодаря упорным стараниям английской дипломатии удалось, в конце концов, добиться соглашения между Османской Портой и Ираном о совместных военных действиях на Кавказе.

Сведения об этом вскоре стали поступать к Тормасову через разные каналы. «Важное турецкое посольство, сообщал он в конце февраля 1811 г. Румянцеву, с богатейшими подарками приехавши к владетелю Персии Баба-хану для подтверждения союза к соединенным действиям против России... без сомнения получило при тегеранском кабинете полный успех, потому что я имею уже многие подтвержденные из Персии известия о больших приготовлениях, делаемых к войне, и что сам Баба-хан располагает выступить в поход для решительных предприятий на Грузию»². В апреле он писал военному министру: «Приехавший недавно в Тегеран турецкий посланник Ясын-эфенди привез к Баба-хану денежную сумму от эрзерумского сераскира, которая им принята так, как и предложение его, чтобы на Арпачае часть войск персидских соединилась с сераскирскими войсками для соединенных действий»³.

¹ Там же, стр. 444.

² „Акты“, IV, 753—754.

³ Там же, IV, 759.

Месяц спустя Тормасов имел уже возможность довести до сведения командующего дунайской армией Кутузова следующие подробности о плане военных действий, согласованном между персами и турками. Турецкий посол, писал он в своем отношении от 13 мая, «более уже трех месяцев, как проехал через Тавриз в нынешнюю столицу Персии Тегеран с большими суммами денег к владельцу Персии Баба-хану, от коего, как подтверждают полученные мною из Персии известия, был принят весьма благосклонно и вследствие вновь подтвержденного им дружественного союза для соединенных действий, тогда же начались необыкновенные в Персии военные приготовления, состоящие в заготовлении провианта, умножении артиллерии и формировании вновь регулярных войск, в Персии заведенных под наименованием сарбазы. Между тем, по общему соглашению сих соединенных неприятелей, предложено ими в исходе сего мая месяца открыть неприятельские действия на Грузию с четырех сторон, а именно: на Карабахское ханство, на Ганджу... также на наши провинции Памбакскую и Шурагельскую, против коих должны действовать персияне и турки, собираемые в Эрзеруме, Баязете и Карсе, и на Имеретию, против коей готовятся трепизондские войска и ахалцыхский сераскир Шериф-паша, давший убежище беглому царю Соломону и долженствующий по соглашению с персидским правительством спомошествовать ему своими войсками»¹.

¹ Там же, IV, 760.

Сведения, полученные Тормасовым, подтверждали активную роль англичан в подготовке новой военной кампании и совместного нападения ирано-турецких войск на Закавказье. «Англичане же, в Тавризе находящиеся, писал он Румянцеву, со всею деятельностью обучают персидских артиллеристов и настаивают от наследника Персии, чтобы, собрав более войска, непременно следовать в наши границы и произвести решительные - действия»¹. «Англия, сообщал он Кутузову, ослепляющая персидское правительство своим золотом, щедрою рукою рассыпаемым, также всемерно силиться поддерживать Персию в расположении к войне с нами и содействует оной всеми способами к умножению регулярных войск Персии»².

Соглашение с турками о совместных военных действиях еще раз свидетельствовало о неискренности иранских властей, стремившихся, в течение зимы 1810—1811 гг., создать впечатление, что они готовы возобновить мирные переговоры с Россией. В этих целях они пытались использовать новоизбранного армянского католикаса Ефрема, приехавшего из России в Эчмиадзин в ноябре 1810 г. Еще во время его пребывания в Тбилиси к нему обратился с письмом Мирза-Бозург. Излагая в превратном свете ход переговоров в Аскаране, он просил его, как беспристрастное лицо, связаться с русскими властями и убедиться, что не персы виновны в срыве соглашения о перемирии³. Письмо это, как

¹ Там же, IV, 755.

² Там же, IV, 761.

³ Там же, IV, 747.

того хотел Мирза-Бозург, было переслано Ефремом Тормасову. Последний, 13 января 1811 г., написал ему ответ, который должен был быть, разумеется, доведен до сведения персов. Тормасов писал об успехах русской армии на Балканах и выражал уверенность, что вскоре будет заключен мир с Турцией, что даст возможность сосредоточить все военные силы против Персии, отвергшей русские мирные предложения, «понадеясь на союз свой с Портой и обманчивые обещания англичан»¹.

К тому времени русский главнокомандующий получил письмо от Ефрема, в котором тот излагал свою беседу с визирем Аббас-Мирзы Мирза-Хасаном, посетившим Эчмиадзин. Мирза-Хасан, заявляя о готовности Ирана положить конец войне, снова выдвигал вопрос о Мегри и Талышском ханстве и вновь настаивал, чтобы русские войска прекратили военные действия против турок—т. е. фактически предъявлял те же требования, которые были выдвинуты в Аскаране Мирза-Бозургом². В ответном письме Тормасов, подробно излагая ход переговоров в Аскаране, указывал, что персидское правительство само не желало перемирия. Он выражал со своей стороны полную готовность приложить все усилия, «чтобы сблизить обе державы к доброму согласию» и пойти навстречу персидскому правительству, «если только оно с равною же искрен-

¹ Там же, IV, 748—749.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, 1806 г., д. № 3, папка № 2, л. 73—76.

того хотел Мирза-Бозург, было переслано Ефремом Тормасову. Последний, 13 января 1811 г., написал ему ответ, который должен был быть, разумеется, доведен до сведения персов. Тормасов писал об успехах русской армии на Балканах и выражал уверенность, что вскоре будет заключен мир с Турцией, что даст возможность сосредоточить все военные силы против Персии, отвергшей русские мирные предложения, «понадеясь на союз свой с Портой и обманчивые обещания англичан»¹.

К тому времени русский главнокомандующий получил письмо от Ефрема, в котором тот излагал свою беседу с визирем Аббас-Мирзы Мирза-Хасаном, посетившим Эчмиадзин. Мирза-Хасан, заявляя о готовности Ирана положить конец войне, снова выдвигал вопрос о Мегри и Талышском ханстве и вновь настаивал, чтобы русские войска прекратили военные действия против турок—т. е. фактически предъявлял те же требования, которые были выдвинуты в Аскаране Мирза-Бозургом². В ответном письме Тормасов, подробно излагая ход переговоров в Аскаране, указывал, что персидское правительство само не желало перемирия. Он выражал со своей стороны полную готовность приложить все усилия, «чтобы сблизить обе державы к доброму согласию» и пойти навстречу персидскому правительству, «если только оно с равною же искрен-

¹ Там же, IV, 748—749.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, 1806 г., д. № 3, папка № 2, л. 73—76.

ностью желает дружбы и мира со Всероссийскою империею»¹.

На этом переписка закончилась. Аббас-Мирза и его министры затеяли ее лишь для того, чтобы выиграть время и дезориентировать русские власти. На самом же деле иранский престолонаследник подготовлял совместно с турками новое нашествие на Закавказье.

Обширные планы военных действий, разработанные весной 1811 г., не были, однако, осуществлены. Турецко-иранский военный блок распался прежде, чем удалось приступить к выполнению намеченных планов.

В своем донесении Румянцеву от 12 сентября этого года Тормасов так описывал ход событий. Все было подготовлено к тому, чтобы персы и турки начали совместные военные действия против русских войск. Эрзерумский сераскир Эмин-паша собрал уже было в этих целях восемнадцатитысячную армию. Но ереванский сардар настоял, чтобы предварительно произошло свидание между ним и сераскиром для окончательного согласования плана военных операций. Это свидание должно было состояться у реки Арпачай, ниже крепости Магазберд. 30 августа сардар и сераскир начали подъезжать туда со своими войсками. Многие турецкие всадники скакали и стреляли в воздух. При этом одним курдом был тяжело ранен Эмин-паша. Тогда турецкие войска немедленно повернули назад. Возвратился со своими войсками и сардар Ху-

¹ „Акты“, IV, 751—752.

сейн-хан. Так, по словам Тормасова, был расстроен турецко-иранский союз и потерпели неудачу планы совместного нападения турок и персов на русские владения¹.

Этот инцидент, которому русский главнокомандующий придавал решающее значение, не был, разумеется, единственной и основной причиной неудачи намечавшегося турецко-иранского союза. Не следует забывать о тех серьезных противоречиях, которые существовали с давних пор между Оттоманской империей и Ираном. Именно наличие этих противоречий и препятствовало в предыдущие годы (в 1797 г., в 1803 г., в 1807 г.) заключению союза между обеими державами. Противоречия эти и привели к фактическому срыву турецко-иранского соглашения о совместных военных действиях, когда соглашение это, в результате усиленного давления со стороны английской дипломатии, было как будто достигнуто.

Прежде всего необходимо отметить, что происходили постоянные трения и конфликты между Ираном и пограничными турецкими пашалыками. Именно поэтому во время переговоров с Портой о союзе иранское правительство добивалось смещения ахалцихского Шериф-паши и назначения пашами в Ахалцих и Карс своих ставленников². Хотя, по словам Эдера, Порты и обещала учесть требования Ирана, но своего обещания не выполнила. Мы знаем уже, какую неблагоприятную роль в отношении

¹ Там же, IV, 775—776.

² *Adair*, ук. соч., II, 2 2—263.

персов сыграл тот же Шериф-паша во время сражения у Ахалкалаки.

Но дело заключалось не только в этом. Между Ираном и Турцией существовали и серьезные территориальные противоречия. Особенно сильные территориальные споры между обеими державами происходили в то время из-за Курдистана. Часть населенных курдами районов входила в состав Ирана, хотя местные курдские вожди и были фактически полунезависимыми. Другая часть Курдистана входила в состав Багдадского пашалыка. Однако и тамощние курдские беки, бунтуя против багдадских пашей и турецких властей, часто искали покровительства у Ирана. При этом кочевые курдские племена постоянно переходили, в поисках пастбищ, с турецкой территории на иранскую и обратно.

Конфликт между Оттоманской империей и Ираном из-за пограничных курдских районов вновь обострился как раз в эти годы. Курдский бек Абдурахман, из рода Бабан, владевший округом Сулеймание, был в 1805 г. изгнан багдадским пашой из своих владений. Он бежал в Иран и обратился за покровительством к шаху. Иранское правительство добилось возвращения Абдурахману его владений, причем уже тогда, в 1806 г., дело дошло до военного столкновения между старшим сыном шаха, правителем Керманшаха, Мохаммед-Али-Мирзой и багдадским Али-пашой. Взамен оказанной ему помощи, Абдурахман обязался выплачивать Ирану ежегодную дань и оставил там заложником своего сына. Таким образом, пограничная область Сулеймание, хотя и входившая формально в состав Отто-

манской империи, фактически оказалась в зависимости от Ирана. По словам иранской хроники, это обстоятельство внушало Порте опасение, что Иран попытается, через посредство Абдуррахмана, завладеть всем Багдадским пашалыком. Действительно, дело вскоре дошло до того, что Мохаммед-Али-Мирза начал взимать подати с населения пограничных турецких округов.

В начале 1808 г. новый багдадский паша Сулейман вновь организовал военную экспедицию в Курдистан. Абдуррахман снова бежал в Иран, но в 1809 г. опять водворился в Сулеймание. Некоторое время спустя багдадский паша предпринял против него новый поход, на этот раз совместно с персами, также недовольными поведением Абдуррахмана, и снова изгнал его из его резиденции.

Вскоре события в Багдадском пашалыке приняли другой оборот. Порты, относившаяся с подозрением к Сулейману, проявлявшему все больший сепаратизм, и подстрекаемая англичанами, добивавшимися его смещения, как французского ставленника, послала в августе 1810 г. своего уполномоченного Халет-эфенди, чтобы отстранить Сулеймана и назначить на его место другого пашу. Прибыв в Багдадский пашалык, Халет-эфенди убедился, однако, что у него не было возможности выполнить предписания Порты, так как Сулейман не хотел добровольно отказаться от власти и приготовился к вооруженному сопротивлению. Халету пришлось прибегнуть к помощи Абдуррахмана, который выступил против своего старого врага, разбил его войска и убил его самого.

Но тут выяснилось, что Абдуррахман отнюдь не был намерен содействовать укреплению в Багдаде власти турецкого правительства. Он самовольно принудил назначить багдадским пашой своего ставленника некоего Абдалла.

Порта, разумеется, не могла примириться с этим. Между Халет-эфенди и Абдуррахманом вскоре произошел открытый разрыв. Тогда последний отправил своего представителя в Тегеран, чтобы вновь укрепить отношения с Ираном и, в случае надобности, прибегнуть к его защите.

В Иране наблюдалась сильная тенденция вмешаться в дела Багдадского пашалыка. По свидетельству иранской хроники, Мохаммед-Али-Мирза, еще в момент прибытия Халет-эфенди, был склонен оказать содействие Сулейману против Порты и вынужден был отказаться от этого намерения лишь вследствие нежелания шаха пойти на открытый разрыв с Турцией, поскольку дело происходило как раз в период переговоров о заключении турецко-иранского союза. Теперь, после приезда в Тегеран представителя Абдуррахмана, соблазн вмешаться в багдадские дела был еще более велик. Положение настолько осложнилось, что турецкий посол Абдул-Вахиб-эфенди вынужден был, в связи с этими событиями, специально отправиться к Аббас-Мирзе, которому шах поручил все пограничные дела.

Турецко-иранские трения по территориальным вопросам, в частности по вопросу о пограничных курдских районах, все же не были ликвидированы. Наоборот, эти трения все более усиливались и год

спустя привели даже к новому вооруженному конфликту между обоими государствами¹.

При наличии многочисленных неразрешенных противоречий между Оттоманской империей и Ираном турецко-иранский военный союз не мог быть реализован. Именно поэтому, несмотря на длительные переговоры и тщательно разработанные планы, оказалось практически невозможным осуществить в 1811 г. совместные военные действия турецких и иранских войск в Закавказье.

Это обстоятельство было весьма благоприятно для русского командования, которое в то время располагало меньшим количеством войск, чем за год до этого. Хотя еще весной Тормасов просил о присылке подкреплений², однако все ухудшавшаяся политическая обстановка в Европе вынудила военные власти в Петербурге не только ответить ему отказом, но и дать распоряжение об отправке с Кавказа в Россию четырех полков³. Оставшиеся в Закавказье военные силы, в составе 20-й дивизии и двух полков 19-й дивизии, были явно недостаточны не только для активных наступательных действий, но и для обороны русских владений.

¹ Событиям в Багдадском пашалыке посвящена специальная глава в иранской хронике. См. *„The Dynasty of the Kajars“*, стр. 433—435. О них подробно говорит и Морьер, См. *Morier „Second voyage...“*, I, 341—343. События эти описываются (хотя и не совсем точно) в книге А. Адамова *„Ирак Арабский“* СПб, 1912, стр. 401—410.

² См. его докладную записку военному министру от 8 марта 1811 г. (*„Акты“*, IV, 756).

³ *Н. Дубровин*, ук. соч., V, 416.

Несмотря на это, русские войска и в 1811 г. успешно отражали вторжения персидских отрядов, хотя им иногда и не удавалось предотвратить разорение отдельных деревень и угон персами скота и жителей. Наиболее крупное вторжение иранских войск произошло летом 1811 г. на территорию Карабахского ханства. Но и оно закончилось лишь угоном нескольких тысяч жителей, после чего иранские войска вернулись в Нахичеван.

Во всех этих набегах и нападениях снова принимали активное участие англичане, в том числе воинские части под командованием Кристи и артиллерия под командованием Линдсея. После вторжения в Карабах, английская артиллерия была отправлена в Ереванское ханство, где, по полученным сведениям, ожидалось наступление русских войск¹.

Действительно, русское командование, в ответ на набеги персов, в свою очередь решило нанести удар по Ереванскому ханству. Эта операция была осуществлена в октябре генералом Лисаневичем. Русские войска вступили на территорию Ереванского ханства и, разбив персидскую конницу под командованием брата сардара Хасан-хана, остались там свыше двух недель. Они нашли деревни пустыми, так как персы заблаговременно угнали жителей. Лисаневич пытался «выманить из Еревана регулярную пехоту, с конною артиллерийскою ротою, образованную англичанами, имеющую английских же офицеров», т. е. находившиеся в Ереване регу-

¹ *Monteith*, ук. соч., стр. 81—82.

лярные иранские войска под командованием Монтиса, но это ему не удалось. Ереванский сардар Хусейн-хан упорно уклонялся от боя. Аббас-Мирза, находившийся со своими войсками в Нахичеванском ханстве, также не тронулся с места. Тогда Лисаневич, захватив богатые трофеи, вернулся со своим отрядом назад¹.

Одновременно русская армия в конце 1811 г. одержала выдающуюся победу над турками. В ночь с 7 на 8-е декабря (по ст. стилю) войска под командованием Котляревского штурмом взяли крепость Ахалкалаки — ключ к Ахалциху и другим турецким владениям в Закавказье.

Хотя турецко-иранское соглашение о совместных военных действиях на Кавказе и не было осуществлено, оно имело, однако, одно важное последствие: а именно, активизировало подрывную деятельность обеих держав в русском тылу. Не только иранские, но и турецкие агенты принимали теперь еще более активное участие в возбуждении волнений и в организации восстаний среди горских народов. Уже в феврале Тормасов сообщал Румянцеву: «Узнал я в начале прошлого месяца, что от турецкого султана отправлен чиновник, должествующий чрез Эрзерум и Карс проехать в персидские владения, к наследнику Персии Аббас-Мирзе, а от него чрез ханства, состоящие в подданстве России, пробраться в Дагестан с возмутительными фирманами, приглашающими все многочисленные

¹ См. рапорты Лисаневича от октября и ноября 1811 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 63, л. 236—237 об.

дагестанские народы поднять оружие против войск его императорского величества, в здешнем краю находящихся, и действовать соединенно с персиянами и турками». По предписанию русского главнокомандующего турецкий эmissар был пойман Джафар-Кули-ханом и у него было отобрано 32 подобного рода воззвания¹.

Совместная агитация персов и турок, подкрепленная английским золотом, и на этот раз дала свои результаты. На Северном Кавказе и в Дагестане вновь началось повстанческое движение. Шейх-Али снова организовал вторжение из Дагестана на территорию Кубинского ханства, где усиливались крестьянские волнения. Но все эти выступления были и теперь в относительно короткий срок ликвидированы русскими войсками. В ноябре — декабре 1811 г. были разбиты отряды Шейх-Али, насчитывавшие до семи тысяч человек. Одновременно русские войска заняли и владение Сурхай-хана казикумухского, возглавлявшего движение дагестанских феодалов.

VI

Решение английского правительства о назначении Аузли послом в Иран было принято еще в начале 1810 г. Но лишь 18 июля этого года новый посол в сопровождении своей семьи выехал из Портсмута к месту своего назначения. В числе лиц, включенных в состав возглавленного им посоль-

¹ „Акты“, IV, 753.

ства, находились: его брат Уильям Аузли, выполнявший функции его личного секретаря, его родственник Роберт Гордон, Прайс и Сидней. Вместе с ним выехал обратно в Иран и Мориер, вновь назначенный секретарем английской миссии, а также иранский посол Мирза-Абдул-Хасан.

На другом корабле, вышедшем одновременно из Портсмута, находились артиллерийские офицеры майор д'Арси и майор Стон, вместе с десятью артиллеристами. В Индии к ним присоединились эскадрон индусской кавалерии и отряд английских сержантов. Таким образом, с посольством Аузли была отправлена в Иран и новая группа военных.

Аузли прибыл в Бушир в марте 1811 г.; в апреле он был уже в Ширазе, но до Исфагана английская миссия добралась лишь в июле. Здесь пришлось задержаться довольно долго из-за болезни некоторых членов миссии и ряда других обстоятельств. В результате новое английское посольство прибыло в Тегеран лишь 9 ноября 1811 г.¹

К тому времени Джонс уже покинул иранскую территорию. Еще в марте, сразу же по получении известий о прибытии в Иран Аузли, он отправился из Тавриза, где вторично провел зиму, в Тегеран. После прощальной аудиенции у шаха он вернулся в Тавриз, откуда в мае выехал вместе с турецким

¹ *W. Ouseley, Travels in various countries of the East, more particularly Persia. London 1819—1823, I, 1—3, III, 113, W. Price. Journal of the British Embassy to Persia. London, 1852, I, 28; J. Morier Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie Mineure fait de 1810 à 1816, Paris, 1818, I, 11—366.*

послом Абдул-Вахиб-эфенди в Константинополь, с тем, чтобы затем отправиться морем в Англию¹.

Новое английское посольство, после официального приема у шаха и вручения привезенных подарков, сразу же приступило к работе, вернее возобновило и продолжило «плодотворную» деятельность Джонса.

Уже через несколько дней в Тегеран приехал Линдсей, незадолго до этого находившийся со своей артиллерией в Ереванском ханстве. Он передал новому английскому послу просьбу Аббас-Мирзы незамедлительно прислать английских военных инструкторов, прибывших с миссией. Вскоре Линдсей выехал обратно в Тавриз вместе с майорами д'Арси и Стоном², которые также должны были обучать иранские войска и руководить их боевыми действиями.

Аузли привез официальное сообщение о ратификации англо-иранского договора. При ратификации «предварительного» договора, заключенного Джонсом, английское правительство, согласно статьи четвертой, определило и размер ежегодной субсидии, предоставляемой Ирану. Джонс во время переговоров с иранскими министрами исходил из суммы в 160 000 туманов. Однако английское правительство, правильно учитывая значение этой «субсидии» с точки зрения политического и экономического закабаления Ирана, оказалось еще более щедрым и определило ее размер в 200 000 туманов.

¹ Jones, ук. соч., стр. 368, 385—386, 400—401; „The Dynasty of the Kajars“, стр. 444—446.

² Ouseley, ук. соч., III, 126—127, 141.

нов в год. Аузли привез с собой не только извещение об этом решении английского правительства, но и денежную сумму, равную трехгодичной субсидии.

Одновременно перед новым английским послом была поставлена задача заключить «окончательный» англо-иранский договор, который должен был заменить «предварительный» договор, подписанный в 1809 г. Это было необходимо английской дипломатии, чтобы еще более прочно и на более длительный срок привязать Иран к своей колеснице и закрепить преобладание Англии на Среднем Востоке.

Аузли, не теряя времени, приступил к переговорам о заключении нового договора. Переговоры эти, несмотря на подчас резкую перепалку с иранскими министрами по отдельным вопросам¹, протекали успешно, так как в то время иранские правящие круги всецело придерживались английской ориентации. Уже в начале февраля 1812 г. член английской миссии Прайс писал в своем дневнике: «Сэр Гор (Аузли — А. И.) имел частные аудиенции у шаха и его министров по поводу договора, что, по-видимому, обещает удовлетворительное завершение переговоров»². Действительно, уже месяц спустя, 14 марта, Аузли и Мирза-Шефи подписали новое англо-иранское соглашение.

«Окончательный» англо-иранский договор 1812 г.³ состоял из преамбулы и 12 параграфов.

¹ *Morier*, ук. соч., I. 399.

² *Price*, ук. соч., I, 31.

³ „Collection of Treaties, Engagements and Sanads relating to India and neighbouring countries“. Vol. XIII, „The

Иран признавал недействительными все соглашения, заключенные с другими европейскими державами, и брал на себя обязательство не допускать на свою территорию войска европейских государств (пар. 1). В случае нашествия какой-либо европейской державы на Иран генерал-губернатор Индии должен был послать на помощь Ирану необходимые военные силы; в противном случае Англия брала на себя обязательство выплачивать ежегодную субсидию в 200 000 туманов. Английскому послу предоставлялось право контролировать использование этой суммы, с тем, чтобы она расходовалась по назначению (пар. 2). В случае, если европейская держава, воюющая с Ираном, заключила бы мир с Англией, последняя должна была взять на себя посредничество между Ираном и этой державой; если бы, однако, это посредничество потерпело неудачу, то Англия должна была продолжать выполнять свои обязательства по договору до тех пор, пока Иран не заключит мира с этой державой, причем английские офицеры, при всех случаях, обязаны были продолжать обучать иранские войска. Даже после заключения мира, английское правительство выражало готовность оставить, по возможности, в Иране английских военных специалистов (пар. 3). В этой связи договор определял и размер жалования, которое обязано было выплачивать иранское правительство английским военным специалистам, начиная с капралов и сержантов и кончая полков-

никами и генералами (пар. 10). Следует особо отметить седьмой параграф договора, в котором говорилось, что если шах пожелает создать военный флот на Каспийском море, то английское правительство пришлет из Лондона и Бомбея мастеровых для постройки судов, а также моряков.

Простое сравнение «окончательного» англо-иранского договора 1812 г. с «предварительным» договором 1809 г. показывает, что «окончательный» договор, закреплявший английское преобладание в Иране, имел еще более ярко выраженную антирусскую направленность. Он не только фиксировал размер английской военной субсидии, не только содержал обязательство оказывать военную помощь Ирану и после заключения Англией мира с Россией, но и предусматривал пребывание английских военных инструкторов в Иране даже после окончания русско-иранской войны. Кроме того, в договоре говорилось о создании на Каспийском море военно-морского флота под командованием англичан¹. Не следует при этом забывать, что договор 1812 г., в противоположность договору 1809 г., был заключен в момент, когда разрыв между Россией и Францией являлся уже неизбежным и когда английская

¹ У нас имеются данные, что английской миссией были сразу же приняты меры для осуществления этого пункта договора. Командующий русской эскадрой на Каспийском море капитан Веселаго уже в мае 1812 г. получил сведения, что „будто бы мимо Решта проехало в Мазандеран англичан в числе 60 человек для построения судов и для какого-то злого намерения противу нашей торговли“. („Акты“, V, 180). Нам известно также, что уже в феврале—марте этого года

дипломатия твердо рассчитывала на восстановление в ближайшем будущем англо-русского союза. Это еще раз свидетельствует, что антирусская политика Англии в Иране отнюдь не носила конъюнктурного характера.

VII

В параграфе одиннадцатом нового англо-иранского договора было сказано, что договор этот налагает обязательства не только на шаха и английского короля, но и на наследников престола обеих стран. Поэтому было предусмотрено, чтобы договор этот был ратифицирован не только шахом, но санкционирован и подписан также Аббас-Мирзой. Тем самым английская дипломатия хотела придать этому трактату еще более устойчивый и длительный характер.

После торжественной ратификации договора шахом английская миссия во второй половине мая 1812 г. выехала в Тавриз, где предполагала остаться до осени.

Английское посольство прибыло в Тавриз 19 июня и было встречено с большой помпой, причем в этой встрече приняли участие и войска под командованием английских офицеров¹. Между Аб-

Уильям Аузли совершил путешествие к Каспийскому морю, „чтобы собрать для посла некоторую информацию“. (*Ouseley*, ук. соч., III, 200—336). Дальнейший ход событий не дал, однако, англичанам возможность осуществить планы по строительству военного флота на Каспийском море.

¹ *Price*, ук. соч., I, 62; *Ouseley*, ук. соч., III, 398.

бас-Мирзой и новым английским послом сразу же установились самые близкие отношения. По свидетельству Мориера, в течение месяца иранский престолонаследник беседовал с послом почти каждый день по несколько часов¹.

Аузли привез с собой в счет английской субсидии 35 000 фунтов стерлингов, которые были немедленно использованы для нового набора в войска сарбазов, в ряды которых, сразу же по прибытии английского посольства, вступило много новых наемников².

В Тавризе находились все руководители английской военной миссии — Кристи, Линдсей, д'Арси, Стон, Виллок и другие. Среди них подвизался и офицер, которого члены посольства меньше всего рассчитывали там встретить. То был француз по имени Гаспар Друвилль. Уильям Аузли пишет по этому поводу в своей книге, что в числе других лиц, с которыми они встретились в Тавризе, был и французский офицер, «который за несколько месяцев до этого предложил свои услуги нашему правительству и был послан из Лондона в Константинополь, а оттуда в Персию»³. Прайс также сообщает об этой встрече, причем приводит следующие интересные

¹ *Morier*, ук. соч., II, 16.

² Следует добавить, что еще до этого шах обратился к Аузли с просьбой доставить в счет субсидии в наикратчайший срок 30 000 мушкетов и необходимую амуницию для создания новых контингентов регулярных войск в армии Аббас-Мирзы. (Доклад Аузли от 21 марта 1812 г. *Kaye*, ук. соч., I, 142—143).

³ *Ouseley*, ук. соч., III, 400.

подробности. 21 июня, через два дня по прибытии посольства в Тавриз, он вместе с другими членами миссии посетил майора д'Арси. «Когда мы сидели за завтраком,— пишет он далее в своем дневнике,— в комнату вошел французский офицер, назвавший себя капитаном Друвиллем. Он рассказал, что, находясь в Испании, имел дуэль с другим офицером, которого убил, и чтобы спастись, бежал сюда. Как только я услышал этот рассказ, я сказал, что он является шпионом; но другие англичане верили этой истории, потому что он умудрился раздобыть рекомендательные письма от высоких властей; впоследствии оказалось, что он действительно был французским шпионом»¹.

Интересные сведения о личности Друвилля мы находим в русских архивах. В 1814 г., после крушения наполеоновской империи, Друвилль, заподозренный к тому времени англичанами и вынужденный покинуть Иран, прибыл в Тбилиси. Одновременно русский главнокомандующий получил письмо от Аузли, побудившее его «по весьма невыгодным сведениям о качествах и поведении сего иностранца» и из опасения, «что он может быть там вреден», выслать его из Грузии и отправить в Одессу². В Одессе Друвилль на первых порах стал повторять свой прежний рассказ. По его словам, он находился с французскими войсками в Испании, когда, в результате дуэли, оказался под угрозой ареста. Тогда он

¹ Price, ук. соч., I, 63.

² АВПР, СПб. Главный архив, 1—8, 1814 г., д. № 1, папка 1, л. 59—59 об.

подробности. 21 июня, через два дня по прибытии посольства в Тавриз, он вместе с другими членами миссии посетил майора д'Арси. «Когда мы сидели за завтраком,— пишет он далее в своем дневнике,— в комнату вошел французский офицер, назвавший себя капитаном Друвиллем. Он рассказал, что, находясь в Испании, имел дуэль с другим офицером, которого убил, и чтобы спастись, бежал сюда. Как только я услышал этот рассказ, я сказал, что он является шпионом; но другие англичане верили этой истории, потому что он умудрился раздобыть рекомендательные письма от высоких властей; впоследствии оказалось, что он действительно был французским шпионом»¹.

Интересные сведения о личности Друвилля мы находим в русских архивах. В 1814 г., после крушения наполеоновской империи, Друвилль, заподозренный к тому времени англичанами и вынужденный покинуть Иран, прибыл в Тбилиси. Одновременно русский главнокомандующий получил письмо от Аузли, побудившее его «по весьма невыгодным сведениям о качествах и поведении сего иностранца» и из опасения, «что он может быть там вреден», выслать его из Грузии и отправить в Одессу². В Одессе Друвилль на первых порах стал повторять свой прежний рассказ. По его словам, он находился с французскими войсками в Испании, когда, в результате дуэли, оказался под угрозой ареста. Тогда он

¹ Price, ук. соч., I, 63.

² АВПР, СПб. Главный архив, 1—8, 1814 г., д. № 1, папка 1, л. 59—59 об.

перебежал к англичанам и предложил им свои услуги; английские власти отправили его в Иран, оттуда они в дальнейшем его выслали. Вскоре, однако, до русских властей стали доходить сведения о весьма странном поведении этого французского офицера-перебежчика. Он поносил Людовика XVIII и Бурбонов, всячески превозносил Наполеона и даже имел на этой почве ряд столкновений с французскими монархистами. В результате, русские власти сочли необходимым его арестовать, а затем выслать из пределов России¹.

Подобные политические настроения Друвилля вполне подтверждают сведения, полученные англичанами о том, что он был французским шпионом, засланным в Иран. После неудачной попытки, предпринятой в конце 1810 г., отправить туда официального французского представителя в лице Утрея, Наполеону пришлось волей-неволей убедиться во всемогуществе англичан в Иране. Продолжая проявлять большой интерес к восточным делам, он все же стремился любой ценой иметь в этой стране своего агента. В этих целях и был, очевидно, послан в Иран французский офицер Друвилль, который искусно разыграл роль перебежчика и сумел ввести в заблуждение английские власти. В результате, свыше двух лет в армии Аббас-Мирзы, среди английских офицеров и дипломатов, подвизался французский разведчик.

Высланный из России, Друвилль нанялся слу-

¹ Центральный исторический архив в Москве, ф. III отделение, I экспедиция, 1814 г., л. № 32, л. 2—8 об., 17—18.

жить в неаполитанскую армию, а затем вновь вернулся¹ и поступил на русскую службу. В 1819 г. он опубликовал в Петербурге двухтомное описание своего путешествия в Иран, переведенное затем на русский язык. В своей работе Друвилль, разумеется, умалчивал о причинах, побудивших его отправиться в Иран, упоминая лишь в предисловии, что ему удалось многое увидеть в этой стране, благодаря совершенно исключительным обстоятельствам². Но он приводит в своей книге много интересных сведений о русско-иранской войне и о деятельности англичан в Иране, свидетельствующих о его большой и всесторонней осведомленности.

Прайсу, впервые заподозрившему Друвилля, пришлось долго с ним общаться. Уже 1 июля 1812 г. он вместе с Уильямом Аузли выехал из Тавриза в Лондон с текстом «окончательного» англо-иранского договора, ратифицированного к тому времени Аббас-Мирзой. Путь их лежал через Ереван. Они прибыли туда 11 июля и, не доезжая города, были встречены Монтисом во главе военного отряда³. Сведения, приводимые обоими английскими дипломатами, показывают, какое большое значение придавали англичане Еревану и как они сумели к тому времени там обосноваться. Монтис распоряжался в Ереване как полномочный хозяин. Под его командованием находились войска сарба-

¹ О его вторичном приезде в Россию см. там же, д. № 45 за 1816 г.

² G. Drouville, *Voyage en Perse fait en 1812 et 1813*, Seconde édition. Paris, 1825, I, стр. XI.

³ Ouseley, ук. соч., III, 439 и сл.; Price, II, 9—10.

зов (в количестве 1400 человек) и 65 артиллеристов. Все эти войска были вооружены английским оружием. По словам Аузли, в лагере сардара он видел несколько сот английских мушкетов в полной исправности¹.

В этот лагерь, находившийся вблизи Аштарака, Аузли и Прайс отправились вместе с Монтисом. Оттуда 14 июля утром они поехали в Эчмиадзин. Для Монтиса это был привычный путь. По сообщению Аузли, он «часто посещал этот монастырь»². В Эчмиадзине английские дипломаты провели двое суток. Они посетили католикоса, который на следующий день отдал им визит. Мы не знаем, к сожалению, содержания их бесед с католикосом Ефремом. Прайс пишет лишь, что католикос задал им ряд вопросов «относительно Персии и Англии»³. Как бы то ни было, это новое посещение Эчмиадзина членами английского посольства и многократные поездки туда Монтиса еще раз свидетельствуют о том особом интересе, который проявляли в то время англичане к Эчмиадзину.

VIII

Уже в 1810—1811 гг. всевластие англичан в Иране было столь полным, что Тормасов считал возможным прямо заявить в марте 1811 г., что персидское правительство «управляет под иностранным

¹ *Ouseley*, ук. соч., III, 443.

² Там же, III, 446.

³ О пребывании Аузли и Прайса в Эчмиадзине см. *Price*, ук. соч., II, 14; *Ouseley*, ук. соч., III, 444—445.

наставлением всеми государственными делами»¹. Зависимость Ирана от Англии еще более усилилась в последующие два года, после приезда нового английского посольства, предоставления трехгодичной субсидии и подписания «окончательного» англо-иранского договора.

В 1810—1813 гг. англичане чувствовали себя в Иране полновластными хозяевами. Английские послы, сперва Джонс, а затем Аузли, вмешивались во все дела — дипломатические, военные, финансовые. При их активном участии и под их контролем велись переговоры с Россией, Турцией и другими державами. Они давали указания о реорганизации и комплектовании армии и не только контролировали расходование сумм, предоставленных в счет английской субсидии, но и распоряжались всеми финансами Ирана, требуя от шаха дополнительных ассигнований на содержание войск Аббас-Мирзы. Англичане, находившиеся в Иране, пользовались неприкосновенностью и безнаказанностью. Иранские власти не только заискивали перед каждым англичанином, но боялись хотя бы косвенно задеть даже тех лиц, которые имели к ним какое-либо отношение.

Можно было бы привести целый ряд примеров, свидетельствующих о привилегированном положении англичан в Иране в эти годы. Приведем один из них. В Матенадаране сохранилась рукопись на французском языке — дневник путешествия из Багдада в Ереван, совершенного весной 1812 г. одним армянином, спутником умершего в Багдаде архие-

¹ „Акы“, IV, 756.

пископа Акопа. Среди многих интересных сведений, которые он сообщает, мы находим и такой характерный случай. Когда он прибыл в Урмию, то местный даруга хотел было взять с него законный налог. Но тут выяснилось, что он является агентом Ост-Индской компании. И тогда все переменялось. Местные влиятельные лица сразу же вмешались в это дело и запретили даруге требовать с него какой-либо налог и вообще «обижать» его. Местный хан сказал по этому поводу на специально созванном совещании: «Вы же знаете сколь полезны нам в настоящее время англичане, сколь они уважаемы нашим шахом и шахзаде Аббас-Мирзой»¹.

Англичане не только не подчинялись местным законам, но и безнаказанно совершали различные преступления. В бытность английской миссии в Тавризе, на базаре произошла ссора между одним англичанином и местным жителем, в результате которой последний был тяжело ранен. Хотя преступник и был арестован, но после вмешательства Джонса был сразу же освобожден и передан в его распоряжение².

Англичане вели себя в Иране, как в колониальной стране. Они не только обращались с местным населением как с людьми второго сорта, но и относились с пренебрежением даже к представителям иранских господствующих классов. В марте 1812 г. русский главнокомандующий Паулуччи писал Румянцеву: «Доставивший письмо от английского ми-

¹ Матенадаран. Арх. кат., папка 23, док. № 171.

² Jones, ук. соч., стр. 390—394.

нистра сообщил мне многие подробности относительно Персии. Из оных я усмотрел, что англичане пренебрегают совершенно персиян...»¹ Это пренебрежение сказывалось во всем и проявлялось, в частности, в обращении английских офицеров с обучаемыми и руководимыми ими иранскими войсками. В 1817 г. русское посольство, находившееся в то время в Иране, было свидетелем следующей сцены: «Во время пехотного учения, бывшего в Тавризе в присутствии Аббас-Мирзы и российского посла, английский капитан бил палкою ошибавшихся, не только нижних чинов, но даже и самого батальонного командира»². Подобная сцена не представляла собой ничего необычного. То было «нормальное» обращение обосновавшихся в Иране английских колонизаторов с «туземцами», даже если те и занимали командные посты в армии. Друвилль в своей книге указывает в этой связи, что английские офицеры «вызывали к себе ненависть, благодаря надменному тону в обращении с знатными людьми страны, с которыми они обращались как с индусами»³.

По окончании русско-иранской войны, иранский представитель в Константинополе в конфиденциальной беседе с русским послом Италинским следующим образом характеризовал взаимоотношения между англичанами и персами: «Англичане, установив связь с Персией, не удовлетворяются званием друзей, а хотят господствовать над персами так, что-

¹ „Акты“, V, 177.

² ЦГВИА, ф. 446, д. № 6, л. 13 об.

³ *Drouville*, ук. соч., II, 115.

бы последние были подчинены им, как младший брат подчинен старшему»¹. Сравнение с «младшим братом» было, разумеется, в устах иранского дипломата лишь весьма условной формой выражения истинного отношения англичан к своим персидским «союзникам».

В этом свете и следует рассматривать английскую «военную помощь» Ирану. Эта «военная помощь» преследовала двойную цель: использовать иранские вооруженные силы против России и одновременно усилить зависимость Ирана от Англии. Мы располагаем целым рядом данных, показывающих как эта пресловутая «военная помощь» использовалась англичанами для экономического и политического закабаления Ирана.

Прежде всего следует указать, что поставки оружия и военной амуниции производились англичанами отнюдь не безвозмездно, а в счет предоставленной ими субсидии. Субсидию эту иранское правительство не имело права тратить по своему усмотрению; оно обязано было расходовать ее по указанию английского посла, в первую очередь на приобретение от англичан же вооружения и военного снаряжения. А эти военные поставки являлись для англичан источником огромной наживы. Они поставляли в Иран оружие и военные материалы по вздутым ценам, обеспечивая себе, таким путем, большие прибыли. В приведенной выше докладной записке об иранских регулярных войсках говорилось, в этой

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1815 г., д. № 2301, л. 192—193.

связи, следующее: «Сукно для обмундирования войск доставляла им (персам — А. И.) Ост-Индская компания по цене весьма высокой»¹. По таким же вздутым ценам поставлялось и все прочее военное снаряжение. Об этом мы имеем также свидетельство Друвилля. «Англичане,— пишет он,— отнюдь не заинтересованные в том, чтобы расходовать наличные деньги, поставляли взамен (субсидии — А. И.) ружья, пушки, пули, снаряды, патронташи, кремни для ружей, сукно и т. д. и все это по очень высоким ценам. Стоимость всех этих предметов была почти равной размеру субсидии, которая, однако, составляла двести тысяч фунтов стерлингов, и принцу (Аббас-Мирзе — А. И.) почти ничего не оставалось, чтобы оплачивать свои войска. К тому же английский посол, который оставил за собой право распоряжаться этой суммой, значительно уменьшал ее, назначая с большой щедростью экстраординарные оклады английским офицерам, унтер-офицерам и солдатам, находившимся тогда в Персии, которые совмещали жалованье, получаемое ими от Ост-Индской компании, с тем, которое выплачивал им посол. В результате простые подпоручики получали почти 60 туманов в месяц»².

Таким образом, пресловутая английская субсидия, с помощью которой англичане установили полный контроль над внешней политикой и экономикой Ирана, фактически расходовалась на финансирование сверхприбыльной для Ост-Индской компании

¹ ЦГВИА, ф. 446, д. № 6, л. 9 об.

² *Drouville*, ук. соч., I, 228—229.

торговли вооружением и на выплату баснословных окладов самим же английским «военным специалистам».

Друвилль, прекрасно осведомленный о политике англичан в Иране, указывает и на другое любопытное обстоятельство. Он отмечает, что «будь то по политическому расчету, будь то по какой-либо другой причине», англичане не поставляли одновременно большое количество боеприпасов, так что персы всегда ощущали нужду в картечи, снарядах, кремнях для ружей и фитилях¹. Делалось это по вполне понятным соображениям. Англичане стремились держать своих «союзников» в постоянной от себя зависимости и поэтому, наряду с большими поставками вооружений и амуниции, доставляли необходимые для иранской армии боеприпасы лишь в минимальном количестве и через определенный промежуток времени.

Стремление англичан установить свое господство в Иране было столь явно, что это сознавали и представители иранской правящей верхушки. «Аббас-Мирза, свидетельствует тот же Друвилль, ...часто вел разговоры о плохом обхождении англичан с индусами; он приписывал их политике упадок империи моголов и выражал опасение, что у них появится желание оказать в Персии столь же пагубное влияние. Это опасение не было, возможно, иллюзорным, так как посол обращался несколько раз с просьбой, чтобы получить разрешение восстановить прежнюю факторию в Бушире и содержать там не-

¹ Там же, II, стр. 37.

которое количество войск. Эта просьба обнаружила заднюю мысль англичан и была отклонена; в месте, столь отдаленном от центра империи, англичанам было бы легко использовать стремление к независимости местных правителей»¹.

Шах и его министры, при всей своей предупредительности в отношении англичан, действительно не считали возможным удовлетворить их требование о введении английских войск в Бушир, так как это грозило уже установлением прямого колониального господства Англии на всем юге Ирана. Тогда английские «союзники» решили действовать иными методами и поставить иранские правящие круги перед совершившимся фактом.

О событиях, имевших место в Бушире, мы находим интересные сведения в показаниях известного нам французского агента Кадера, которые были пересланы Торماسовым в Петербург с указанием, что они согласуются с данными, полученными им из других источников². Кадер, между прочим, рассказал следующее. В феврале 1811 г. до персидского двора дошли слухи о сношениях правителя Бендер-Бушира Мохаммед-Неби-хана с англичанами. Правитель Исфагана Эмин-Довлет был послан шахом в Бушир с предписанием снести здание английского консульства, расположенное на берегу моря, в двух лье от города; в то же время английскому резиденту Брюсу было предложено перенести свою контору в город. Когда здание английского консульства было снесено, был обнаружен подземный ход, проложенный

¹ Там же, II, стр. 244.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6162, л. 87—87 об.

до самого города, в котором находилось большое количество оружия и боеприпасов. Так было раскрыто намерение англичан овладеть Буширом. Мохаммед-Неби-хан был арестован и препровожден в Тегеран; он был ослеплен и, кроме того, вынужден уплатить штраф в 60 000 туманов. Английский посол попытался сбросить всю ответственность за это неудавшееся предприятие на Ост-Индскую компанию и сумел уладить это дело с помощью крупной денежной суммы¹.

Джонс, прямо не упоминая об этом прискорбном для англичан «инциденте», рассказывает, однако, в своей книге о том, как, «в память прежней дружбы», он пытался заступиться за Мохаммед-Неби-хана, на которого был необычайно разгневан шах, но не смог добиться положительных результатов².

Такова была «лояльность» англичан в отношении своих персидских «союзников». Не довольствуясь своим господствующим и привилегированным положением в Иране, англичане пытались использовать свое пребывание там для прямого захвата иранской территории и создания на иранском побережье военных баз и факторий, сыгравших в свое время столь печальную роль в истории колонизации Индии.

Иранские правящие круги пытались оказывать сопротивление попыткам англичан ввести свои войска в порты Персидского залива и использовать се-

¹ Там же, л. 88—90.

² Jones, ук. соч., стр. 362—364.

паратистские тенденции местных ханов для установления своего непосредственного владычества на юге Ирана по индийскому образцу. Но, одновременно, опутанные сетями английской «военной помощи», они сами попадали во все большую политическую и экономическую зависимость от своих английских «союзников». Исходя из своих классовых интересов, иранская феодальная верхушка стремилась любой ценой удержать в своих руках Восточную Армению и восстановить свое давно утраченное господство над Грузией и Северным Азербайджаном. Ради ведения агрессивной войны, имевшей целью захват Закавказья, иранские правящие круги жертвовали суверенитетом и независимостью своей страны.

Они делали это ради пресловутой английской «военной помощи», которая, являясь в руках англичан удобным средством для политического и экономического закабаления Ирана, не могла обеспечить осуществление захватнических планов иранских феодалов. Созданная под руководством французов, а затем англичан, регулярная иранская армия не могла существенно изменить соотношение сил между Россией и Ираном. Объяснялось это тем, что «европеизация» иранской армии носила чисто внешний, поверхностный характер и осуществлялась без наличия в стране необходимой для этого социально-экономической базы.

В 1857 г. Энгельс в статье «Персия и Китай», говоря о проведенных в Иране в первой половине XIX в. военных реформах, писал: «В Персии европейская система военной организации была привита

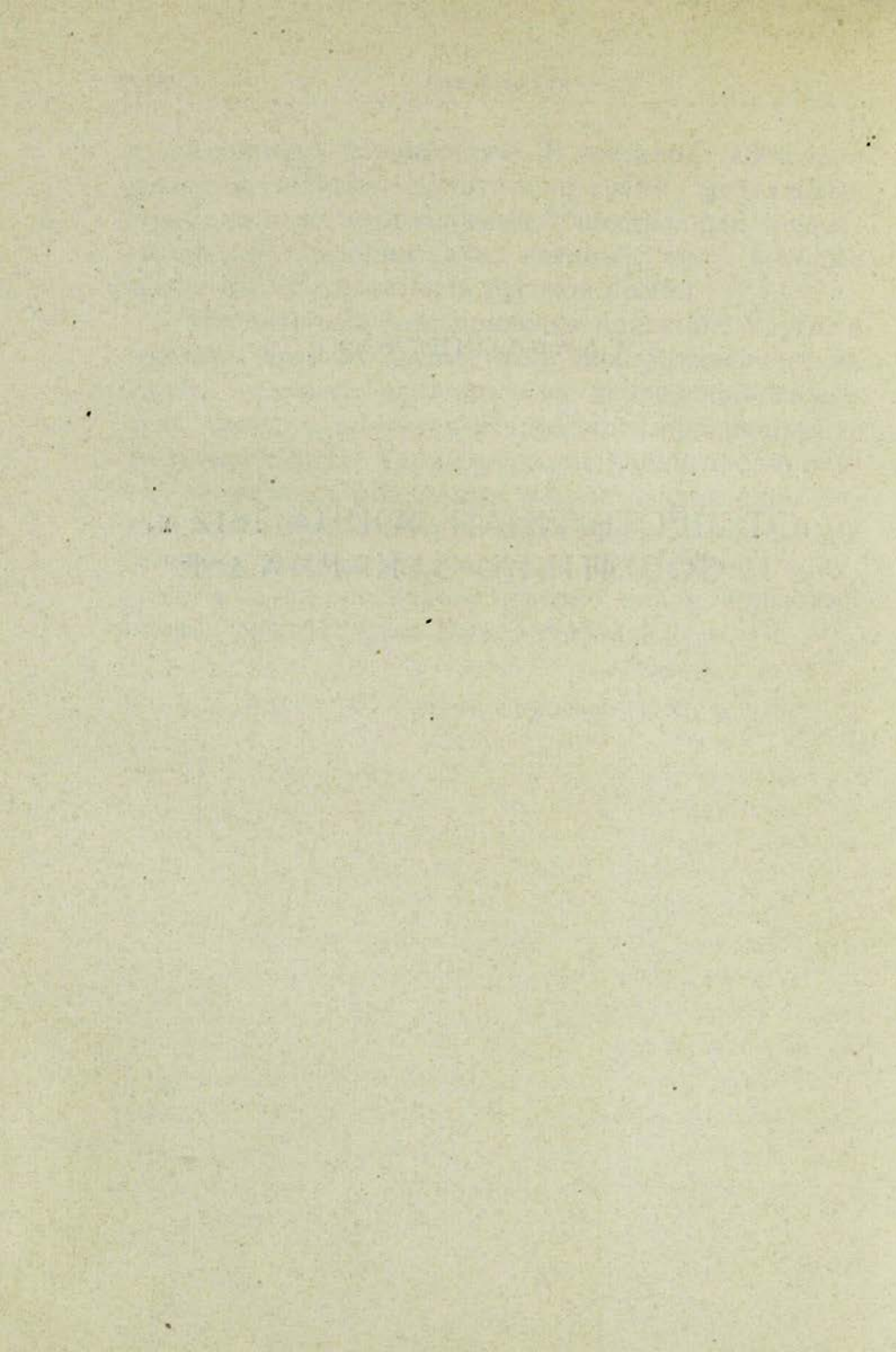
к азиатскому варварству»¹. В отсталой восточной деспотии, каким являлся в то время феодальный Иран, не было необходимых общественных предпосылок для создания таких военных сил, которые могли бы противостоять русской армии.

Несмотря на это, иранские правящие круги, в тщетных потугах осуществить свои захватнические планы, всячески цеплялись за английскую «военную помощь», допуская все большее проникновение англичан в Иран. Таким образом, война, предпринятая иранскими феодалами в целях завоевания Закавказья, противоречила жизненным интересам не только закавказских народов, но и самого иранского народа, поскольку именно она и положила начало закабалению Ирана Англией.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. I, стр. 162.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.
И СОБЫТІЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

В феврале 1812 г. главнокомандующим в Грузии¹ вместо маркиза Паулуччи (занимавшего этот пост, после отставки Тормасова, с сентября предыдущего года) был назначен генерал-лейтенант Ртищев.

7 апреля Румянцев отправил новому главнокомандующему предписание² немедленно возобновить мирные переговоры с персами, которые, со своей стороны, еще в марте обратились через ереванского сардара Хусейн-хана с соответствующим предложением к Паулуччи³. Атмосфера в Европе все более накалялась. Наполеон открыто готовился к войне с Россией. Царское правительство спешило поэтому заключить мир как с Турцией, так и с Ираном. Ртищеву было дано полномочие подписать мирный

¹ В 1811 г. управление Кавказским краем было разделено: губернатору кавказскому и астраханскому подчинялся Северный Кавказ, Закавказьем же управлял главнокомандующий в Грузии.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 1—3; „Акты“, V, 649—650.

³ Паулуччи — Ртищеву, 21 марта 1812 г. („Акты“, V, 177).

договор с Ираном на основе фактически существующей границы между русскими и иранскими владениями, причем ханство Талышское должно было быть признано независимым, но под протекторатом России, которая одна лишь должна была иметь право содержать флот на Каспийском море. В целом предписания Румянцева совпадали с инструкциями, данными еще в 1810 г. Тормасову накануне переговоров в Аскаране, разрешавшими заключить перемирие на основе статус кво. Но тогда речь шла только о перемирии; теперь же царское правительство выражало готовность заключить на этих условиях и мирный договор.

В тот же день Румянцев отправил Ртищеву и другое письмо¹. Он сообщал, что английский посол в Константинополе Каннинг обратился с предложением посредничества в переговорах о мире между Россией, Турцией и Ираном. На это Каннингу было отвечено, что Россия не согласится на подписание общего мирного договора между тремя державами, но что она готова вести мирные переговоры и с Ираном. В этой связи Румянцев предлагал Ртищеву, в случае обращения к нему английского посла в Иране, выразить готовность к переговорам и просить последнего о содействии. Однако содействие это «должно быть ограничено только добрыми его на тот конец услугами и отнюдь не иметь вид медиаторства». Поэтому нельзя

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 4; „Акты“, V, 650.

допустить участия английского посла в мирных переговорах, а также какое-либо упоминание в мирном договоре об английском правительстве.

Весной 1812 г. Англия и Россия находились еще официально в состоянии войны. Но неизбежный разрыв между Францией и Россией создал такую дипломатическую ситуацию, что неофициальные связи Англии с Россией все более укреплялись. Английская политика на Востоке стремилась приноровиться к новой обстановке. Если в предыдущие годы англичане открыто разжигали войну Турции и Ирана против России и пытались сорвать любые мирные переговоры, то теперь английская дипломатия декларировала о своем намерении содействовать заключению мира между восточными державами и Россией. При этом англичане (как в 1807—1808 гг. французы) хотели выступить в роли посредников с тем, чтобы иметь возможность принять активное участие в переговорах и принудить Россию пойти на максимальные уступки. Царское правительство прекрасно понимало это, и, несмотря на новую «дружественную» политику Англии, не хотело, ни под каким предлогом, допустить «медиаторства» Англии в мирных переговорах как с Турцией, так и с Ираном.

Вместе с письмами Румянцева, Ртищеву было переслано и письмо герцога Серра-Каприола к английскому послу в Иране. Серра-Каприола являлся бывшим неаполитанским послом в России, который, после изгнания Бурбонов из Неаполя, остался в Петербурге и имел там обширные

и хорошо налаженные связи в высшем свете¹. Именно к Серра-Каприола, издавна связанному не только с русскими правительственными сферами, но и с английскими дипломатическими кругами, и обратился Каннинг с предложением о посредничестве. По просьбе Румянцева Серра-Каприола не только послал Каннингу ответ, но и написал письмо на имя Аузли, помеченное 15 апреля 1812 года². В письме этом он сообщал о своей переписке с Каннингом и извещал английского посла о готовности русского правительства заключить мирный договор с Ираном, на основе статус кво.

Письмо Серра-Каприола было переслано Ртищеву с тем, чтобы он использовал его для возобновления переговоров с Ираном. С этой целью Ртищев отправил в Тавриз находившегося при нем по дипломатической части надворного советника Фрейганга. Фрейганг должен был вручить Аузли письмо Серра-Каприола³. В то же время он должен был

¹ В 1807 г., после Тильзитского мира, французский посол Савари сообщал о нем следующее: „Старый герцог Серра-Каприола, бывший неаполитанский посол, женатый на русской, остается еще здесь и все еще считает себя послом. Император не обращается с ним, как с таковым, но общество до тех пор не перестанет смотреть на него как на неаполитанского посла, пока в Петербурге не появится посол от короля Иосифа“. (Савари—Талейрану, 11/13 августа 1807 г. Сборник Русского исторического общества, т. 88, стр. 138—139).

² „Акты“, V, 650—651.

³ Необходимо отметить, что Аузли еще за три месяца до этого, следуя новым установкам английской дипломатии

передать Аббас-Мирзе два письма. Ртищева, в которых последний сообщал о своем вступлении в должность главнокомандующего и просил о свободном проезде для Фрейганга, отправленного к английскому послу в Иране. В одном из писем было, кроме того, сказано, что если Аббас-Мирза искренне расположен к доброму согласию, «то двери дружбы, ведущей ко взаимным пользам, вскоре открыты быть могут»¹. Ртищев поручил Фрейгангу и устно сообщить иранскому престолонаследнику о своей готовности вступить в переговоры о мире или перемирии².

Фрейганг выехал из Тбилиси 28 апреля 1812 г.³ По дороге, в Ереване, он имел свидание с сардаром Хусейн-ханом, который произвел при нем смотр войскам; затем он посетил Эчмиадзин⁴. 14 мая рус-

сам первый сделал попытку вступить в контакт с русскими властями на Кавказе. 17 января он отправил письмо на имя Паулуччи, в котором выражал надежду, что Англия и Россия вскоре вновь будут связаны узами дружбы, и просил поддерживать с ним переписку. (АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1801—1814 гг., д. № 5, л. 160—161. Там же ответ Паулуччи от 25 марта 1822 г.).

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 12—15 об.

² Там же, л. 99—100.

³ В 816 г. Фрейганг опубликовал книгу, в которой содержится, между прочим, описание его путешествия в Иран: „Lettres sur la Caucase et la Georgie, suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812“, Hambourg, 1816. Книга эта была издана также на немецком и английском языках.

⁴ Ук. соч., стр. 254—256.

ский уполномоченный прибыл в Тавриз, где был встречен, в числе других, и английскими офицерами¹. 16 мая в город вернулся Аббас-Мирза и уже на следующий день имел с ним свидание². Затем Фрейганг остался ждать приезда Аузли, который прибыл в Тавриз лишь месяц спустя. К тому времени туда приехал и адъютант Ртищева, подпоручик Попов, с новым письмом главнокомандующего к иранскому престолонаследнику.

В первое время казалось, что миссия Фрейганга увенчается успехом. Как ему, так и Попову, был оказан в Тавризе самый радушный прием. Аббас-Мирза заявил им, что не только согласен отправить к Ртищеву своего уполномоченного для переговоров, но готов и лично иметь свидание на границе с русским главнокомандующим. В доказательство искренности своих намерений он предлагал освободить из плена шесть русских офицеров и сто солдат.

«Все сие однако же,—писал Ртищев, сообщая в Петербург о результатах переговоров Фрейганга,—приняло другой вид с приездом в Тавриз английского посла. Обещанный наследником Персии почетный чиновник со стороны его не был ко мне отправлен, пленные российские офицеры и солдаты не выданы, сбор войскам снова начался и перемена

¹ Он остановился у Линдсея, которого в своей книге называет „своего рода военным министром при Аббас-Мирзе“ (Там же, стр. 277).

² Там же, стр. 279.

в самом даже приеме моих посланных сделалась приметною»¹.

24 июня Аузли написал пространное ответное письмо Серра-Каприолу. Он сообщал, что шах предоставил ему полномочия вести, совместно с Аббас-Мирзой, переговоры с Россией. Иран согласен начать переговоры о мире, однако отвергает статус кво. Разглагольствуя о своем желании содействовать заключению «справедливого» мира между Россией и Ираном, Аузли в то же время категорически требовал, чтобы Россия не настаивала на этом условии. К этому, по существу, и сводился весь смысл письма. Одновременно в нем содержались и явные угрозы. Английский посол утверждал, что шах намерен выступить с многочисленной армией на помощь Аббас-Мирзе. Он указывал, что войска Аббас-Мирзы обучены по европейски, хорошо вооружены и располагают артиллерией. Далее он ссылался на восстания среди горцев и в Грузии. В заключение он сообщал, что отправляет к Ртищеву своего родственника Роберта Гордона².

На следующий день Аузли написал краткое письмо Ртищеву, в котором рекомендовал ему Гордона и снова заявлял, что статус кво неприемлем для персов³.

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 19 и сл.; „Акты“, V, 654—655.

² Там же, л. 43—47.

³ Там же, л. 41—42; „Акты“, V, 652.

Фрейгангу было вручено и письмо иранского престолонаследника к русскому главнокомандующему. Аббас-Мирза писал, что английский посол прибыл из Тегерана, где ему «поверены были высочайшие мысли и воля по предмету сношений наших». Так как и он со своей стороны питает к английскому послу «полную доверенность», то Ртищев, поэтому, может вполне положиться на письмо Аузли¹.

Таким образом, английский посол не только намерен был играть роль посредника в русско-иранских переговорах, но даже добился от шаха полномочий вести эти переговоры на равных правах с Аббас-Мирзой. Он не только не призывал персов к умеренности, а, наоборот, требовал, чтобы Россия отказалась от своего предложения заключить мирный договор на основе статус кво.

26 июня Фрейганг выехал из Тавриза вместе с Робертом Гордоном². По прибытии в Тбилиси Гордон имел три беседы с Ртищевым. Он повторил устно то, что было сказано в письмах Аузли. Гордон заявил, что английский посол «никак не может надеяться дабы персидское правительство, сходно с желанием Российской империи, могло согласиться заключить мир на основании нынешнего статус кво» и пытался выяснить: имеет ли Ртищев полномочия на заключение мира с территориальными уступками Ирану. Ртищев на это ответил, что он уполно-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, д. 40—40 об.

² Ouseley, ук. соч., III, 403.

мочен вести мирные переговоры только на основе статус кво и просил передать английскому послу, чтобы тот рассеял «пагубные химеры» иранского правительства, что новые иранские регулярные войска способны нанести поражение русской армии и отторгнуть от России территории, находящиеся в ее владении¹.

Одновременно Ртищев написал 4/16 июля ответные письма Аббас-Мирзе и Аузли, которые были вручены Гордону². Он извещал иранского престолонаследника, что поведал Гордону все свои мысли «относительно оснований мира» между Ираном и Россией и настаивал, чтобы предварительно между обеими державами было заключено перемирие. В письме к Аузли, он заверял его в своем желании приложить все усилия к достижению мира, но одновременно указывал, что русские войска готовы отразить любое нападение на русские владения.

Спустя пять дней Ртищев отправил новое письмо Аббас-Мирзе через его представителя, купца Хаджи-Абул-Хасана, приехавшего в Тбилиси вместе с Гордоном. Главнокомандующий вновь предлагал заключить перемирие и в этих целях съехаться у границы для переговоров. Надеясь на английское вмешательство, он писал: «Я весьма уверен, что без посторонних препон, коих нельзя не видеть, взаимное расположение двух держав к

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 19—36; „Акты“, V, 6—6—657.

² Там же, л. 51—52 об., 57—60 об.

дружбе и доброму согласию могло бы давно увенчаться благословленным от бога миром»¹.

Хаджи-Абул-Хасан выехал в Тавриз через Ереван, Гордон же был отправлен через Елизаветполь² и Карабах. Ртищев писал Румянцеву, что сделал это нарочно, дабы Гордон мог лично удостовериться, что в русских владениях царит полное спокойствие, а также убедиться в силе русских войск³.

II

Чтобы уяснить дальнейший ход событий, необходимо напомнить сложившуюся к тому времени политическую обстановку.

Уже с весны 1812 г. русским властям в Закавказье пришлось столкнуться с серьезными трудно-

¹ Там же, л. 53—56 об.

² В Елизаветполе Гордону была организована торжественная встреча. Местный комендант распорядился произвести в его честь салют. Ртищев был этим крайне недоволен, так как не считал нужным и правильным проявлять такое низкопоклонство перед английскими дипломатами. Он сделал по этому поводу выговор коменданту. (См. „Акты“, V, 542.)

³ Расчет Ртищева, однако, не оправдался. Аббас-Мирза был в то время столь уверен в собственной силе и слабости русских, что, узнав о возвращении Гордона через Карабах, заранее „объяснил“ Мориеру, что все это „старая хитрость“, что русские, дабы ввести в заблуждение английского представителя, будут каждый день показывать ему в различных местах одни те же войска. (*Morier*. „Second voyage...“, II, 25).

стями. В феврале в Кахетии вспыхнуло восстание. Оно явилось результатом насилий и произвола царских чиновников и на первых порах носило характер стихийного крестьянского движения. Вскоре, однако, восстание в Кахетии возглавили реакционные феодалы, недовольные присоединением Грузии к России¹. Восстание это, распространившееся и на Ананурский уезд, т. е. район военно-грузинской дороги, а также Пшавию и Хевсурию, приняло затяжной характер. Подавленное в начале марта, оно возобновилось в апреле, причем на помощь повстанцам пришли и отряды лезгин. Поражения, понесенные повстанцами в мае-июне, привели лишь к временному затишью. Положение продолжало оставаться крайне напряженным. В любой момент можно было ожидать возобновления вооруженных выступлений как в Кахетии, так и в горных районах.

Еще в апреле главари повстанцев отправили депутацию в Тавриз к Аббас-Мирзе с просьбой о помощи. В мае, вместе с воззваниями царевича Александра, призывавшего к всеобщему восстанию, были получены и фирманы Аббас-Мирзы, извещавшие о предстоящем вступлении в Грузию иранских войск. Такие же обещания содержались и в письме ереванского сардара Хусейн-хана, который при этом решительно опровергал слухи о намерении персов заключить мир с русскими. «Хотя от Ртище-

¹ О восстании в Кахетии, см. упомянутую выше книгу О. П. Марковой „Восстание в Кахетии 1812 г.“, Москва, 1951.

ва, писал он, прибыл человек и весьма умоляет шаха, чтобы мириться, но он не хочет»¹.

Восстание в Кахетии действительно вселило в персов и их английских покровителей большие надежды. Оно, по словам Мориера, сделало иранское правительство крайне надменным².

Именно на это восстание в Грузии и ссылался Аузли в своем письме к Ртищеву, требуя, чтобы Россия отказалась от статус кво. Об этом же говорил русскому главнокомандующему и Гордон, который пытался запугать его, утверждая, что Персия имеет новые, хорошо обученные и хорошо вооруженные войска для «войны правильной и продолжительной», «что Дагестан готов по ее наставлениям действовать против войск российских и что сама Грузия ожидает только появления персидских войск, дабы принять их сторону»³.

Самоуверенность персов объяснялась и тем, что в феврале 1812 г. их войска впервые одержали более или менее значительную победу. Аббас-Мирза вторгся со своей армией в Карабах и у урочища Султанбуде (недалеко от Шуши) окружил русский отряд, общей численностью в 560 человек, часть которого была перебита, другая же сдалась в плен, причем иранские войска захватили обоз и два орудия. Основную роль в разгроме русского отряда сыграла английская артиллерия, открывшая меткий огонь

¹ „Акты“, V, 356.

² *Morier*, „Second voyage...“, II, 19

³ „Акты“, V, 656.

по русским позициям. Англичане, во главе с майором д'Арси, руководили всей операцией¹. По свидетельству Монтиса, победа при Султан-буде вскрыла голову иранским правителям².

В мае 1812 г. произошло, правда, событие, которое, казалось бы, должно было подействовать на них отрезвляюще. Несмотря на все интриги Наполеона, пытавшегося любыми способами сорвать мирные переговоры между Россией и Турцией и предлагавшего Порте военный союз против России, 28 мая в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор. Мир между Россией и Турцией явился для персов весьма неприятным сюрпризом. Недаром еще за два месяца до этого, при первых же известиях о русско-турецких переговорах, иранское правительство проявило большую нервозность, и иранский визирь обратился даже с жалобой к английскому послу по поводу того, что Порта ведет с Россией сепаратные переговоры о мире³. Вопреки этим протестам, турки все же подписали мир с Россией, ограничившись включением в мирный договор особого параграфа (тринадцатого), в котором предусматривались «добрые услуги» Порты в деле заключения мира между Россией и Ираном⁴.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 64, л. 269—272; *Morier*, ук. соч., 1, 402, 405.

² *Montei h.*, ук. соч., стр. 84.

³ Паулуччи — Румянцеву, 26 марта 1812 г. («Акты», V, 77).

⁴ См. Т. Юзефович. Договоры России с Востоком, СПб, 1869, стр. 57. = 28 *Guizot*

Однако влияние, которое, при иных обстоятельствах, могло оказать на Иран прекращение русско-турецкой войны, было сведено на нет поступившими вскоре известиями о вторжении Наполеона в Россию. Известия эти вызвали и при дворе шаха, и в окружении Аббас-Мирзы необычайное ликование. То, о чем иранские феодалы мечтали еще начиная с 1805 г., наконец осуществилось. Россия подверглась нашествию победоносной армии французского императора. Малочисленные русские войска, находившиеся в Закавказье, казались теперь обреченными. Они не могли больше рассчитывать получить подкрепления. В их тылу восстала Грузия, готов был восстать Дагестан. Настал решающий час. Настал благоприятный момент для осуществления давно намеченной цели — захвата Закавказья. Таковы были настроения иранской правящей верхушки летом 1812 г.

В своем письме к грузинским повстанцам Хусейн-хан, опровергая слухи о намерении персов пойти на мир с Россией, писал: «Если бы слух о мире был справедлив, то может ли быть столько набегов на деревни, отгона скота и увлечения в плен, сколько мы отсюда делаем?»¹. В этом ереванский сардар был, несомненно, прав. После нападения на русский отряд у Султан-буде, все время продолжались набеги и вторжения иранских войск на русскую территорию, отнюдь не свидетельствовавшие о стремлении иранского правительства добиться мира с Россией.

¹ „Акты“, V, 356.

Одно такое вторжение имело место как раз в момент пребывания в Тбилиси Гордона, когда двухтысячный отряд иранской конницы пытался совершить набег на Елизаветпольскую провинцию (бывшее Ганджинское ханство), но был разбит шамшадильскими азербайджанцами, отбившими угнанный скот и захватившими богатые трофеи¹. Почти одновременно четырехтысячная иранская конница вторглась в Зангезур, но была отброшена с помощью местных жителей, в том числе вооруженного отряда армян из селения Хндзореск².

Все эти набеги и диверсии имели целью подготовить выступление основных сил иранской армии. В июле с большой поспешностью производился в Тавризе «значительный сбор войск в подкрепление сарбазам — регулярным персидским войскам, простирающимся до восьми тысяч». Одновременно сам шах выступил в Султаниэ с многочисленной конницей³. К августу Аббас-Мирза имел уже в сборе «13 тысяч регулярной пехоты с английскою артиллериею и гораздо большее число конницы». Кроме того, он ожидал еще 8 тысяч вспомогательных войск от шаха⁴.

¹ Там же, V, 656. Ртищев был доволен, что все это произошло во время пребывания в Тбилиси Гордона и Хаджи-Абул-Хасана. Он не преминул обратить их внимание на эту преданность России шамшадильских «татар», свидетельствовавшую о том, насколько неосновательной была надежда Ирана найти поддержку у местного населения Закавказья.

² Там же, V, 652—653.

³ Там же, V, 655—656.

⁴ Там же, V, 662—663.

В этой обстановке продолжались переговоры между Ртищевым и иранским престолонаследником. Ведя эти переговоры, персы преследовали две цели. Прежде всего, как выяснили последующие события, они намерены были использовать их в целях создания наиболее благоприятных условий для разгрома русских войск. С другой стороны, они питали, несомненно, и определенную надежду, что создававшаяся ситуация вынудит русских пойти на капитуляцию и без возобновления военных действий. В этом отношении они особенно надеялись на английское «посредничество», рассчитывая, что английские «союзники», пользуясь тяжелым положением России, сумеют оказать на русских соответствующее давление и принудят их пойти на уступки.

После возвращения Гордона в Тавриз с ответными письмами Ртищева, в которых тот предлагал заключить перемирие, Аббас Мирза послал 8 и 10 августа два новых письма русскому главнокомандующему. Он провозглашал сорокадневное перемирие, которое не должно было, однако, распространяться на Талышское ханство, и выражал готовность встретиться с Ртищевым для переговоров о мире. При этом он требовал, чтобы Ртищев сразу сообщил ереванскому сардару о своем согласии на перемирие, указывая, что в противном случае оно будет считаться нарушенным¹. Аузли, в письме от 10 августа, поддерживал это предложение, всячески расписывая трудности, которые ему будто бы

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 65—69.

пришлось преодолеть, чтобы убедить Аббас-Мирзу объявить перемирие¹.

Эти новые «мирные предложения» Аббас-Мирзы, поддержанные английским послом, носили совершенно необычный и даже оскорбительный характер. Иранский престолонаследник самовольно провозглашал перемирие и устанавливал его срок, без какого-либо предварительного согласования этого вопроса с русским главнокомандующим. Несмотря на это, Ртищев, не желая давать персам повода сорвать мирные переговоры, выразил готовность принять предложение Аббас-Мирзы, настаивая лишь, чтобы перемирие было оформлено соответствующим письменным актом и распространялось на Талышское ханство². Он сообщил также о своем намерении выехать из Тбилиси в Карабах для встречи с Аббас-Мирзой³.

Действительно, восемь дней спустя Ртищев выступил с частью войск в Карабах, с тем чтобы встретиться на границе с иранским престолонаследником для мирных переговоров.

Тем временем в Талышском ханстве разыгрались серьезные события, показавшие истинную цену «миролюбия» иранских правителей. Непосредственно вслед за провозглашением Аббас-Мирзой сорокадневного перемирия 10 000 иранских войск, в том числе 2 000 сарбазов, под командованием анг-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 71—73.

² Там же, л. 74—79.

³ Там же, л. 80—81.

1912
личан, вторглись в Талышское ханство. В этой экспедиции, в числе других, принимали участие майор д'Арси, Линдсей, а также Друвилль¹. 9/21 августа иранские полчища ворвались в Ленкоран и подошли к укреплению, в котором укрылся хан со своими приверженцами и которое оборонялось немногочисленным русским отрядом, высаженным с стоявших на рейде военных судов.

Командующий русской эскадрой капитан Веселаго так описывал дальнейший ход событий. «Англичане с передовым своим войском с восемью пушками шестифунтового калибра, с музыкою и барабанным боем бросились на укрепленное нами (русскими — А. И.) место, в надежде одним ударом разрушить стену, скрывающую порученный мне отряд и хана с малым числом приближенных его, но противу чаяния своего были отражены морскою артиллериею с судов, с чувствительною для них потерею». На следующий день иранские войска, повторили штурм, но столь же безуспешно. Тогда майор д'Арси, который возглавлял эту экспедицию, прислал к русскому командующему своего представителя с предложением заключить перемирие на семь дней. «Отрицательный отзыв мой, сообщает далее Веселаго, вынудил самого Арса с некоторыми из своих английских чиновников приезжать до трех раз ко мне на корвет Ариянду для возобновления своих требований. Тут я приметил, что под сим перемирием скрываться должна личная какая-

¹ *Montelth*, ук. соч., стр. 86.

нибудь выгода англичан и персов и потому решительно отказал». Но военные действия больше не возобновлялись, так как персам не удалось взять штурмом ленкоранское укрепление, а находившийся там русский отряд в 400 человек был слишком малочисленным, чтобы делать вылазки¹.

Все это происходило в момент, когда Англия и Россия уже официально заключили мир и союз, подписанный 18 июля 1812 г. Активное участие англичан в нападении на Талышское ханство и их руководство военными действиями против русских войск в Ленкоране казалось теперь столь невероятным, что русские власти первое время не хотели этому верить. В своем письме от 31 августа Веселаго вынужден был, чтобы рассеять эти сомнения, вновь, в самой категорической форме, подтвердить этот факт. Излагая ход событий, он писал: «Итак вот довольно кажется уверять вас истинным со мною случившимся происшествием, что я с англичанами имею дело, а не с другими кем-либо и что лично с ними имел переговоры. Они действуют единодушно с персами противу нас, несмотря на заключение мира с Англией»².

Получив сообщение о происшествиях в Ленкоране, Ртищев тотчас же предписал Веселаго показать д'Арси копию указа, обнародованного по слу-

¹ Рапорты Веселаго от 20, 21 и 31 августа. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 54, л. 65—68, 279—280 об., 469—469 об.). В „Актах“ опубликованы лишь его рапорты от 20 и 21 августа („Акты“, V, 593—594, 663).

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 64, л. 65—68.

чаю подписания мира с Англией, и объявить ему, «что неприятельские его действия против российских войск служат нарушением дружественного союза между Россиею и Англиею»¹. Копию этого указа он отправил и Аузли, выражая «недоумение» по поводу событий в Ленкоране и предлагая ему не допускать впредь действий, которые не соответствовали бы англо-русскому союзу; в противном же случае известить его официально, что, несмотря на этот союз, он имеет предписание «поддерживать оружием участие Англии в пользах персидского правительства против России»².

На этот протест Аузли ответил лживым и лицемерным письмом, в котором уверял, что в Ленкоране с иранской армией было всего пять английских офицеров, ничего не знавших о перемирии между Россией и Ираном, и что майор д'Арси узнал о мирном договоре между Англией и Россией лишь от капитана Веселаго³. Лживость всех этих уверток была ясной и очевидной. Ведь англичане прекрасно знали о нашествии Наполеона на Россию. Но даже и формальное заключение англо-русского союза не могло быть им неизвестно. Через Константинополь, откуда постоянно прибывали курьеры⁴, и Багдад английское посольство в Иране регулярно получало информацию о положении дел в Европе, обычно даже раньше, чем русские вла-

¹ „Акты“, V, 595.

² Там же, V, 664.

³ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 112.

⁴ *Morier*, ук. соч., II, 33.

сти на Кавказе. Тот самый майор д'Арси, который, по утверждению Аузли, узнал об англо-русском союзе лишь от капитана Веселаго, сам заявил последнему во время переговоров, что «английский двор с нашим (т. е. русским — А. И.) должен быть ныне в союзе». Следовательно, он знал об этом еще до похода на Ленкоран и до своего свидания с русским командующим.

III

Ртищев получил сообщение о нападении персов на Ленкоран в Карабахе, по пути к Араксу, куда он направлялся для свидания с Аббас-Мирзой. Желая, однако, доказать «искреннее расположение Российской империи к миру», он, несмотря на это, продолжил свой путь¹. В Аскаранской крепости его дожидался представитель Аббас-Мирзы — Неджеф-Кули-хан, посланный, чтобы препроводить его в иранский лагерь. Следует отметить, что в своих письмах Ртищеву Аббас-Мирза уклонялся от прямого ответа на вопрос о месте их свидания, которое, по предложению русского главнокомандующего, должно было состояться у Аракса. Теперь же выяснилось, что Аббас-Мирза хотел, чтобы свидание это состоялось на иранской территории, в его лагере, находившемся вблизи урочища Актепэ, в 80 верстах от Аракса. Ртищев, разумеется, не мог

¹ О поездке Ртищева в Карабах для свидания с Аббас-Мирзой см. его донесение Румянцеву от 25 сентября. (АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 84—93; „Акты“, V, 670—675).

на это согласиться, так как это требование фактически означало, чтобы он, как представитель побежденной стороны, отправился в иранский лагерь просить мира. Он поэтому решительно заявил Неджеф-Кули-хану, что место его свидания с иранским престолонаследником может быть только на самой границе.

Продолжая свой путь, Ртищев вскоре прибыл в урочище Каракёпек, в 25 верстах от Аракса, где и разбил свой лагерь. Оттуда он отправил к Аббас-Мирзе своего представителя, командира 19-й дивизии генерал-майора Ахвердова. Главнокомандующий поручил ему предложить Аббас-Мирзе самому избрать место их свидания, но с тем непременно условием, чтобы оно отстояло не более одной-двух верст от Аракса. Ахвердов должен был точно договориться о количестве войск и артиллерии, с которыми каждая сторона прибудет к месту переговоров. Он должен был также условиться о продлении перемирия, срок которого истекал 10/22 сентября¹. В письме к Аббас-Мирзе Ртищев выдвигал аналогичные предложения².

Прибыв в иранский лагерь³, Ахвердов, после встречи с Мирза-Бозургом, посетил Аббас-Мирзу, а

¹ „Акты“, V, 664—665.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 104—107; „Акты“, V, 665—666.

³ Интересно отметить, в качестве характерной детали, что этот лагерь был разбит по указаниям и под наблюдением английских офицеров, многочисленные палатки которых были расположены в непосредственной близости от палатки иранского престолонаследника. (*Morier*, ук. соч., II, 71).

затем имел еще два свидания с каймакамом. Он имел беседу и с Аузли, тоже приехавшему из Тавриза в Актепэ. Переговоры оказались безрезультатными. Мирза - Бозург категорически заявил, что свидание русского главнокомандующего с иранским престолонаследником не может состояться у Аракса, так как последний не имеет на это разрешения от шаха. Тогда Ахвердов потребовал вручить ему ответные письма. Получив письма Аббас-Мирзы и Аузли на имя Ртищева, он немедленно выехал назад. С ним вместе выехали в русский лагерь сын Неджеф-Кули-хана, а также Линдсей, в качестве представителя английского посла¹.

В своем ответе Ртищеву Аббас-Мирза, соглашаясь на продление перемирия на двадцать дней, в то же время вновь настаивал, чтобы их свидание состоялось в его лагере в Актепэ². Аузли по существу поддерживал требование Аббас-Мирзы; в то же время он рекомендовал капитана Линдсея³. Следует прямо сказать, что поездка Линдсея носила очень подозрительный характер. Английский посол счел необходимым послать к русскому главнокомандующему офицера, руководившего, вместе с Кристи, всеми военными операциями

¹ См. письма Ахвердова Ртищеву от 10 и 13 сентября, 1812 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 66, л. 296—305), а также вышеупомянутое донесение Ртищева Румянцеву от 25 сентября.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 109—110.

³ Там же, л. 114.

персов. В своем письме он предлагал оставить Линдсея в русском лагере на все время пребывания Ртищева на территории Ирана у Аббас-Мирзы, чтобы обеспечить безопасность русского главнокомандующего. Под этим предлогом Линдсей должен был в течение продолжительного времени оставаться на русской территории, в распоряжении русских войск.

Ознакомившись с персидским ответом, Ртищев решил предпринять новый шаг, чтобы добиться немедленных переговоров, и выдвинул следующее предложение: назначить уполномоченных, которые съехались бы на границе. Об этом говорилось в его письме к Аббас-Мирзе от 18/30 сентября¹. Об этом же он написал и Аузли, сообщая, что поручил Линдсею устно доложить послу о новых средствах, намеченных им «для сближения к миру, на случай, если наследник Персии не согласится иметь с ним лично свидание близ Аракса»². С этими письмами отправились назад в Актепэ сын Неджеф-Кули-хана и Линдсей, надежды которого на длительное пребывание в русском лагере так и не оправдались.

Твердая позиция Ртищева вынудила Аббас-Мирзу согласиться на его новое предложение. Он сообщил, что назначает своим уполномоченным визиря Мирза-Абул-Касума³ и предлагает избрать

¹ Там же, л. 115—118; „Акты“, V, 666—667.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, л. № 3, папка 4, л. 120—120 об.

³ Мирза-Абул-Касум также был сыном Мирза-Бозурга, как и предыдущий визирь Мирза-Хасан, умерший незадолго до этого.

местом переговоров Асландуз. Одновременно он дал знать, что к русскому главнокомандующему выехал секретарь английского посольства Мориер¹.

Последний прибыл вскоре в русский лагерь с письмом от Аузли, в котором говорилось, что Мориер назначен его представителем для участия в русско-иранских переговорах². Ртищев вынужден был принять Мориера, а затем отправить его вместе с русскими уполномоченными в Асландуз³. Таким образом, английская дипломатия одержала в этом вопросе верх и сумела, в конце концов, навязать свое «посредничество». Еще в июле Ртищев писал Румянцеву, что ему будет очень трудно предотвратить участие английского посла в переговорах с Ираном, поскольку шах предоставил последнему соответствующие полномочия; он считал лишь возможным настоять на том, чтобы Аузли рассматривался не как представитель английского правительства, а как представитель шаха⁴. Главнокомандующий вынужден был поэтому согласиться на поездку Мориера в Асландуз.

Русским уполномоченным на совещании в Асландузе был назначен генерал Ахвердов; его должен был сопровождать правитель канцелярии Ртищева Могилевский. В данной Ахвердову пись-

¹ Там же, л. 123—124; „Акты“, V, 667—668.

² АВПР, СПб. Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 125—125 об.

³ О пребывании Мориера в русском лагере см. *Morier*, ук. соч., II, 87—91.

⁴ „Акты“, V, 659.

менной инструкции¹ Ртищев подробно перечислял условия, на основе которых необходимо было вести переговоры; условия эти воспроизводили основные положения предписаний, присланных в апреле из Петербурга. Главнокомандующий специально указывал, что хотя нельзя избежать участия в переговорах Морьера, однако ни в коем случае не следует допускать упоминания в мирном договоре об английском правительстве или о какой-либо гарантии со стороны Англии.

Русские и иранские уполномоченные съехались 26 сентября 1812 г. (по ст. стилю) в Асландузе, где на следующий день, 27 сентября, состоялись переговоры, длившиеся с полудня до ночи. О переговорах в Асландузе мы знаем из донесений Ахвердова от 26 и 28 сентября² и из донесения Ртищева от 31 октября³. Переговоры эти дают наглядное представление об английском «посредничестве» и о роли, сыгранной на этом совещании английским представителем.

После обмена полномочиями и прочих формальностей Ахвердов, взяв слово, сообщил, что Россия, искренне стремясь восстановить с Ираном прежнюю дружбу, доброе согласие и прочный мир, предлагает заключить мирный договор на основе существующих границ, с подтверждением прежних прав России в отношении мореходства на Каспий-

¹ „Акты“, V, 668—670.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 66, л. 296—305.

³ „Акты“, V, 687.

ском море и торговли. В ответ Мирза-Абул-Касум заявил, что иранское правительство согласно заключить мир лишь на основе границ, существовавших до присоединения Закавказья к России, взамен чего оно готово предоставить России денежную субсидию и помощь войсками против ее неприятелей. Мориер, выступая в качестве «посредника», со своей стороны предложил следующий «компромисс»: отправить в Петербург иранского посла для переговоров о мире, а пока заключить лишь перемирие «с уступкой в пользу Персии какого-либо места земли, с тем однако же, чтобы сию уступку оградить особым ручательством, дабы она возвращена была во власть России на случай несогласия о мире». Ахвердов решительно отклонил все эти предложения.

Итак, как выяснили асландузские переговоры, иранское правительство не только не хотело заключить мир на основе существующих границ, а требовало отторжения от России всего Закавказья вплоть до Дербента, милостиво обещая взамен военную и финансовую помощь против Наполеона. Англичане же, выступая в роли «посредников», предлагали отложить заключение мирного договора на неопределенный срок (что уже одно давало простор для новых дипломатических маневров) и подписать лишь перемирие, однако с немедленной уступкой Ирану определенной территории. Россия должна была, следовательно, даже без мирного договора, т. е. без гарантии окончания войны с Ираном, отказаться от части своих закавказских владений.

IV

Нужно отдать справедливость Ртищеву, что он с самого начала догадывался, что согласие персов на переговоры не было искренним и преследовало иные цели. Еще 20 августа, перед отъездом из Тбилиси, он писал Румянцеву о своем подозрении, что все это «одна только хитрость, дабы выиграть у меня время, также отвлечь меня от Грузии, где царевич Александр не перестает тайно действовать чрез присылаемых из Персии шпионов, стараясь разжечь новый пламень мятежа между кахетинцами, и потом, когда бы удалось им успеть в сих неприятельских намерениях, то, прервав мирные сношения, с стремительностью обратиться на Карабах...»¹.

Последующие события вполне оправдали эти опасения. Считая обстановку весьма благоприятной, персы, при полном одобрении и поддержке англичан, готовили решающий удар. Пользуясь отсутствием значительной части русских войск, выведенных Ртищевым из Грузии на границу, царевич Александр должен был вновь разжечь мятеж в Кахетии. В то же время Аббас-Мирза намерен был со всей своей армией вторгнуться в Карабах, чтобы окружить и уничтожить главные силы русских.

В ночь на 6-ое сентября царевич Александр прибыл из Еревана в Грузию с отрядом своих приверженцев в количестве около ста человек, «снаб-

¹ „Акты“, V, 662—663.

женный денежными пособиями со стороны персидского правительства и обещанием в скором подкреплении войсками»¹. Он был доставлен на русскую территорию Монтисом, о чем последний, как известно, сам рассказывал впоследствии в своей книге.

Князь Орбелиани, исполнявший обязанности главнокомандующего в Грузии в отсутствие Ртищева, не сумел сразу же поймать Александра и разгромить его маленький отряд. Хотя большинство картлийских князей не перешло на сторону царевича, однако в Кахетии ему удалось вновь поднять восстание, в котором приняла участие значительная часть местного дворянства. Александру удалось также привлечь на свою сторону отряды лезгин и вызвать волнения в районе военно-грузинской дороги.

Новое восстание, вспыхнувшее осенью 1812 г. в Кахетии, было явно реакционным. Оно было организовано иранским агентом царевичем Александром и реакционными феодалами в самый тяжелый момент Отечественной войны по прямому предписанию и при непосредственной помощи персов. Оно имело целью, как откровенно писал Александр в своих прокламациях, открыть иранским войскам дорогу в Грузию. Победа этого мятежа привела бы к тому, что Грузия и все Закавказье вновь подпали бы под власть шахского Ирана.

Эти расчеты в конечном итоге не оправдались. Правда, новое восстание в Кахетии, а также вос-

¹ Там же, V, 687.

стание в районе военно-грузинской дороги (в результате которого было на время прервано сообщение с Кавказской линией) создали серьезные затруднения для сравнительно немногочисленных русских войск. Но отряды царевича Александра и примкнувших к нему князей, несмотря на применявшуюся ими тактику партизанской войны, были все же постепенно разбиты и рассеяны. Уже к концу ноября восстание в Грузии было в основном подавлено. Сам Александр вынужден был уйти в Хевсурию, откуда полгода спустя бежал в Дагестан.

Однако в октябре 1812 г. восстание в Грузии было в полном разгаре и Аббас-Мирза спешил поэтому осуществить вторую часть намеченного плана, а именно: нанести удар русским войскам в Карабахе. Ртищев, к которому поступали из Грузии все более тревожные донесения, решил, на следующий же день после возвращения Ахвердова из Асландуза, выступить из своего лагеря обратно в Тбилиси. В Карабахе, вблизи иранской границы, остались лишь войска, находившиеся под командованием генерала Котляревского. Эти войска и должны были выдержать натиск всей армии Аббас-Мирзы. Они должны были также преградить путь трехтысячному отряду конницы во главе с Пир-Кули-ханом и бывшим нухинским ханом Селимом, которым было предписано прорваться в Нухинское ханство, поднять там восстание, а затем соединиться с царевичем Александром¹.

¹ Там же, V, 688.

К моменту возобновления военных действий текст англо-русского союзного договора был уже, в самом официальном порядке, доведен до сведения английского посла в Иране. Аузли не мог теперь, как в дни вторжения в Талышское ханство, ссылаться на свою плохую осведомленность. Он вынужден был даже официально известить Ртищева о запрещении английским офицерам «действовать против войск российских»¹. Между тем на деле английские офицеры готовились вновь возглавить боевые действия иранских войск. И вот в этой связи в лагере Аббас-Мирзы в Актепэ, где находился английский посол, разыгралась следующая, совершенно исключительная по своему цинизму сцена, о которой рассказывает в своей книге Друвилль, являвшийся очевидцем этих событий. Наличие союза между Россией и Англией видимо смущало даже таких выдавших виды военных зубров как Линдсей и Кристи. Они явились к Аузли и спросили его, как им следует поступить при сложившихся обстоятельствах, т. е. выступить ли с иранскими войсками и принять ли прямое участие в военных действиях. Тогда английский посол закрыл глаза рукой и заявил, что он не хочет ничего видеть и предоставляет им полную свободу действий².

Монтис также откровенно признает, что и после заключения англо-русского союза Кристи и Линдсею было разрешено остаться в лагере Аббас-Мир-

¹ Там же, V, 690.

² *Drouville*, ук. соч., II, 82, прим.

1812
зы, а сам он получил разрешение остаться с войсками, находившимися в Ереване¹ Таким образом, заявление Аузли о запрещении английским офицерам принимать участие в военных действиях против русских войск являлось заведомой ложью. Более того, по сообщению Друвилля, именно Линдсей и Кристи, «выполнявшие секретные инструкции своего посла», и убедили Аббас-Мирзу перейти в наступление против русских войск и отвергнуть данный им, Друвиллем, совет отступить из Актепэ, завлечь русские войска в глубь иранской территории, а затем перерезать их коммуникации².

Иранские войска во главе с Аббас-Мирзой выступили из Актепэ и 8/20 октября подошли к асландузской переправе на Араксе. Котляревский, хорошо осведомленный о намерениях персов; сумел их опередить. Не дожидаясь нападения иранских войск, он сам перешел Аракс, несколько выше асландузской переправы, и 19/31 октября внезапно напал на лагерь Аббас-Мирзы. Иранские войска отступили в беспорядке к асландузскому укреплению. Весь их лагерь, 35 фальконетов, множество артиллерийских снарядов и патронов достались по-

¹ *Monteilth*, ук. соч., 88.

² *Drouville*, ук. соч., II, 81—83. Мы имеем тем большее основание верить свидетельству Друвилля, что он писал об этом в 1819 г., находясь на русской службе, когда был менее всего заинтересован хвастать активной ролью, сыгранной им в военных действиях против русских войск. Он ссылается, кроме того, на письмо Аббас-Мирзы, написанное после Асландузского сражения, в котором тот выражал сожаление, что не послушался его совета.

бедителям. Но Котляревский не удовлетворился этим и решил нанести дезорганизованной иранской армии новый сокрушительный удар. На следующее утро, перед рассветом, русские войска вновь атаковали персов. «Самое место Асландуз, сообщал в своем донесении Ртищев, укрепленное по правилам фортификации английскими инженерами, устроенное на горе, обнесенное палисадником и окруженное двумя глубокими рвами, штурмовано и взято мгновенно. 11 орудий английской артиллерии, более 500 пленных сарбазов... более 1200 убитых на месте ознаменовали сию важную победу. Бабаханов сын бежал постыднейшим образом. Из 120 орудий, у него бывших, спас только одно»¹. Основные силы иранской армии, в том числе регулярные войска сарбазов, были полностью разгромлены.

Извещая об этой победе, Ртищев писал Румянцеву, «что при сем сильном поражении персидских войск, регулярно их пехотою и всеми военными действиями управлял английский майор Криссати (Кристи — А. И.), который за дерзость свою и за нарушение прав союзных наказан смертью, будучи убит на месте сражения; а английской артиллерией, отбитую у персиян, управлял также английской службы артиллерийский капитан Линдсей, о котором не известно еще, остался ли он между трупами убит или спасся бегством»². Последнее предполо-

¹ Рапорт Ртищева от 31 октября 1812 г. („Акты“, V, 685). См. также его рапорт от 21 ноября и донесение Горчакову от 22 ноября. (Там же, V, 691—696).

² Там же, V, 690.

жение оказалось более верным. По свидетельству Друвилля, Линдсей, в противоположность Кристи, проявил во время сражения настоящую трусость и, чтобы спасти свою шкуру, бросил на произвол судьбы всю артиллерию¹.

Участие английских офицеров в Асландузском сражении, во главе иранских войск, было столь вопиющим нарушением англо-русского союза, что на это счел необходимым обратить внимание царского правительства и посол в Константинополе Италинский. В своем донесении² он приводил лживое «объяснение», которое распространяли по этому поводу англичане, заключавшееся в том, что английские офицеры не приняли бы участия в сражении, если бы оно произошло несколько позже, так как они имели будто бы намерение покинуть иранский лагерь.

Несмотря на очевидные факты, Аузли, после Асландузского сражения, также поспешил заявить (в письмах к Ртищеву и Котляревскому), что английские офицеры находились в тот момент в иранском лагере лишь с целью урегулировать некоторые административные вопросы. Его развязность дошла до того, что он не постеснялся потребовать возвращения их личных вещей, захваченных русскими войсками³.

Разгром основных сил иранской армии при Асландузе совпал с провалом ряда других военных

¹ *Drouville*, ук. соч., II, 84.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1812 г., д. № 2282, л. 250 — 250 об. Донесение Италинского от 26 декабря 1812 г.

³ *Drouville*, ук. соч., II, 85.

операций, предпринятых персами. Еще за несколько дней до этого иранской коннице, под командованием Пир-Кули-хана и Селима, удалось, согласно намеченному плану, ворваться в Нухинское ханство. Однако русские войска, выступившие из Елизаветполя, быстро ликвидировали это вторжение. Узнав о приближении русских войск, внезапно перешедших Куру, персы, даже не приняв сражения, обратились в бегство, преследуемые конницей Джафар-Кули-хана¹. Столь же плачевно окончились и три попытки ереванского сардара вторгнуться в Шурагельскую и Памбакскую области. Попытки эти также преследовали цель оказать помощь царевичу Александру. Но они тоже потерпели полную неудачу, причем войска сардара понесли большой урон².

Неудачи персов на этом не закончились. По предписанию Ртищева, Котляревский двинулся со своими войсками в Талышское ханство. Пройдя через Муганскую степь и овладев по дороге сооруженной англичанами пограничной крепостью Аркеван, он 26 декабря (по ст. стилю) подошел к Ленкоранской крепости и блокировал ее. Новая крепость в Ленкоране была возведена и укреплена под руководством англичан сразу же после захвата Талышского ханства персами. В ней находился четырехтысячный гарнизон, включавший два батальона регулярной пехоты. Англичане и персы придавали этой крепости огромное значение. Аббас-Мир-

¹ „Акты“, V, 682, 685, 690.

² Там же, V, 686, 689.

за рассматривал ее, как «ключ к сердцу Персии». Несмотря на то, что русские войска, численностью в 1500 человек, были почти в три раза слабее гарнизона крепости, Котляревский, получив сведения о движении Аббас-Мирзы из Тавриза на помощь осажденным, решил предпринять штурм. Штурм крепости в ночь с 31 декабря на 1 января увенчался полным успехом. Ленкоранская крепость пала, причем русские войска вновь захватили большие трофеи, в том числе «восемь орудий артиллерии английской работы»¹.

Таким образом, после возобновления военных действий в октябре 1812 г., потерпели полный крах военные планы персов, предусматривавшие разгром русских войск в Закавказье. Регулярной иранской армии были нанесены такие тяжелые удары, которые ей не довелось испытать за все время войны. «Персидское правительство,—писал в своем рапорте Ртищев, подводя итог военным действиям,—с 19 числа прошлого октября по 1 января лишилось 21 орудия, 36 фальконетов и, по собственному их счету, более 7 тысяч войск, в том числе 6 батальонов регулярной пехоты, коих устройство стоило оному весьма много. Потеря сия, в два месяца и двенадцать дней понесенная, превосходит гораздо более всю, какую только они имели с начала продолжения войны с Россиею»².

¹ Рапорт Ртищева от 28 января 1813 г. («Акты», V, 700—703). См также его донесение военному министру Горчакову. (Там же, V, 697—698).

² Там же, V, 703.

V

Осенью 1812 года, когда происходили описанные выше события и когда англичане, пользуясь тяжелым положением России прилагали усилия, чтобы, с помощью персов, вытеснить своих русских союзников из Закавказья, Наполеон, со своей стороны, предпринял новую попытку возобновить союз с Ираном.

Все известные нам данные говорят о том, что, вопреки распространенному в исторической литературе мнению, интерес Наполеона к Ирану никогда не ослабевал. Мы знаем, как гневно реагировал он на самовольный отъезд Гардана. Назначение в 1809 г. Лажара поверенным в делах в Иране и поездка Жуанена, миссия Утрея в 1810 г., приезд в 1811 г. в Иран Кадера и Друвилля — все эти факты свидетельствуют о той настойчивости, с какой Наполеон пытался поддерживать связь с этой страной. Иранские правящие круги, со своей стороны, несмотря на все заверения, которые они давали англичанам, никогда, видимо, не порывали полностью неофициальных сношений с французами. Французский подполковник Ротье, находившийся на русской службе, писал в 1815 г. в своей докладной записке о кавказских делах, что Аббас-Мирза, после отъезда французского посольства, продолжал поддерживать регулярную переписку с капитаном Лами, обосновавшимся в Басре. Ротье утверждал, что в 1812 г., в период нашествия Наполеона на Россию, французы через Басру и Константинополь поддерживали сношения с персами,

призывая их напрячь все силы, чтобы овладеть Грузией и Кавказом. Из Константинополя, в частности, регулярно доставлялись в Иран бюллетени французской армии¹.

О том, что в 1812 г. в Иране действовали французские агенты, сообщал и Италинский. В своем донесении от 18/30 октября этого года он излагал содержание депеш от 13 сентября английского резидента в Багдаде Рича, доведенных до его сведения английским послом Листоном. Рич писал, что считает несомненным, «что в Персии имеются французские эмиссары и что они часто посылают курьеров через Багдад, избегая дорогу через Тавриз, так как она тщательно охраняется турками»². Возможно, что полученная Ричем информация относилась к Друвиллю, который тем или иным путём должен был поддерживать связь с Францией через французскую агентуру в Турции.

Вскоре, однако, Наполеон предпринял новую попытку восстановить дипломатические сношения с Ираном, возобновить франко-иранский союз и добиться разрыва Ирана с Англией. Об этом мы имеем сведения из ряда документов.

В нашем распоряжении имеется, прежде всего, запись беседы, которая состоялась два года спустя, 13 июня 1814 г., между Италинским и прибывшим в Константинополь иранским посланником Мирза-Ризой. Поскольку дело происходило после подписа-

¹ Там же, V, 966.

² АВПР, МИД, Канцелярия. 1812 г., д. № 2282, л. 115, об. — 116.

ния Гюлистанского мирного договора и иранское правительство стремилось заверить Россию в своем дружелюбии, иранский дипломат счел необходимым рассказать кое-что русскому послу о враждебных России происках бывшего французского императора. «Мирза-Риза, читаем мы в этом документе, говорил о повторных попытках Бонапарта возобновить свои сношения с Персией и о постоянном отказе шаха допустить в Персию эмиссаров, которых он присылал. Он рассказал, между прочим, что Бонапарт, после своего вступления в Москву, послал в Тегеран эмиссара под видом врача; но, как только последний дал знать, кем он является, то тотчас был выслан, даже не будучи выслушанным»¹.

Италинский, впрочем, имел об этом сведения еще за год до этого. В своем донесении от 1/13 мая 1813 г. он, со слов английского посла в Константинополе Листона, сообщал следующее. Посланник Наполеона прибыл «к воротам Тегерана», чтобы объявить, что, согласно обещанию, данному шаху, Наполеон покорил Россию и вскоре «вернет» Персии Грузию. Но он хочет, чтобы предварительно шах обязался выслать из своих владений англичан и принял бы французского посла. В результате весьма энергичных представлений со стороны Аузли эта попытка, предпринятая французами, потерпела полную неудачу. Шах решил выслать

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1814 г., д. № 2295, л. 291—291 об.

французского эмиссара и согласился даже представить его в распоряжение английского посла, отправившего его в Багдад к английскому консулу Ричу. Через несколько дней после этого были получены депеши, сообщавшие о разгроме французской армии в России, которые Аузли сразу же довел до сведения персов¹. Поскольку известия о разгроме наполеоновской армии были получены Аузли в январе (именно в это время они были получены и на Кавказе), то, следовательно, французский эмиссар прибыл в Иран в декабре 1812 г. или, самое позднее, в начале января 1813 г.

Информация, полученная Италинским, подтверждается и двумя письмами Аузли к английскому послу в России Кеткарту от 22 марта 1813 г. В одном из них Аузли, хваля «здравый смысл» шаха, писал, что «все происки французского агента, приезжавшего, чтобы испросить позволение на прибытие посла, уполномоченного от сего правителя Франции (Наполеона — А. И.), никогда не могли произвести ни малейшей перемены в его поведении». В другом письме, касаясь той же темы, он рассказывал более подробно о том, как шах, по первому его требованию, передал в его распоряжение «французского агента, которого Наполеон присылал сюда для получения позволения отправить к здешнему двору посла с хвастливым объявлением, что он Россию покорил и что ежели посольство е. в. (т. е. английское посольство — А. И.) будет отсюда

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1813 г., д. № 2285, л. 285—286.

выслано, а на место оного принято французское, то он немедленно возвратит шаху всю Грузию»¹.

Предложение Наполеона, пересланное через прибывшего в Иран нового французского эmissара, сводилось к восстановлению Финкенштейнского договора. Иранское правительство должно было при этом взять на себя обязательство принять французское посольство и выслать английскую миссию. Наполеон со своей стороны вновь обещал передать Ирану Закавказье.

Как же было принято в Иране новое предложение французского императора о возобновлении франко-иранского союза? Несомненно, что французское нашествие на Россию вызвало известные колебания в иранских правительственных сферах. Некоторые представители иранских правящих кругов склонны были, по-видимому, снова изменить политическую ориентацию и вновь заменить английских «покровителей» французскими. Аузли в своем письме Кеткарту писал, например, о враждебной англичанам позиции, занятой в те дни Мирза-Бозургом, который, по его словам, добивался даже высылки из Ирана английского посольства. Эти сведения подтверждает и Ротье, тоже утверждающий в своей докладной записке, что Мирза-Бозург выступал в тот период, как представитель французской партии. Хотя Мирза-Бозург являлся в свое время открытым сторонником англичан и был тесно связан с Джонсом, эти и другие свидетельства, достоверность которых вряд ли можно поставить под

¹ „Акты“, V, 728.

сомнение, дают основание полагать, что в эти критические месяцы 1812 г. он выступал как выразитель настроений тех придворных кругов, которые готовы были порвать с англичанами и вновь возлагали надежды на Наполеона, начавшего войну против России и «покорившего» Москву.

Однако шах и другие его приближенные не пошли по этому рискованному пути. Они были заинтересованы в английской субсидии и в английской военной помощи и знали, что Наполеон и теперь не был в состоянии сделать в этом отношении больше, чем делали англичане. Конечно, нашествие Наполеона на Россию рассматривалось ими как весьма радостное событие. Но они прекрасно понимали, что Наполеон предпринял это нашествие ради своих собственных интересов и будет прилагать все усилия для разгрома России, независимо от своих взаимоотношений с Ираном. Таким образом, союз с Францией не дал бы персам никаких преимуществ и в то же время лишил бы их финансовой и военной помощи англичан, которые, к тому же, превратились бы в весьма опасных для Ирана врагов.

Все это и побудило иранских правителей и на этот раз остаться «верными» своим английским «союзникам».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЮЛИСТАНСКИЙ
МИРНЫЙ ДОГОВОР

Решительные победы, одержанные русскими войсками при Асландузе и в Ленкоране, совпали с событием всемирно-исторического значения — разгромом наполеоновской армии в России. Победа России в Отечественной войне имела решающее значение не только для исторических судеб России и всей Европы. Она оказала непосредственное влияние и на восточные дела.

Разгром русским народом полчищ Наполеона вынудил Иран заключить мир с Россией. Как бы ни были значительны успехи русского оружия в Закавказье, иранские правящие круги и в 1813 г. не пошли бы на мир, если бы Россия не вышла победительницей из такого тяжелого испытания, каким явилось нашествие наполеоновской армии.

Победа России оказала прямое влияние и на английскую политику на Востоке, в частности в Иране. До 1812 г. Англия всячески стремилась разжечь русско-иранскую войну, открыто поощряла персов к борьбе против России и активно противодействовала любым переговорам и даже разговорам о мире. В 1812 г. английская диплома-

тия официально выступала уже за заключение мира между Ираном и Россией. Однако фактически она не принимала никаких реальных мер для скорейшего достижения мира на приемлемых для России условиях. Наоборот, английские «посредники» поддерживали домогательства персов, а английские офицеры продолжали руководить военными действиями иранских войск. В 1813 г. наступает новый, третий период в деятельности английской дипломатии в Иране. Победа России над Наполеоном вызвала у англичан опасение, что продолжение русско-иранской войны могло привести к полному разгрому Ирана и к новым территориальным приобретениям России. Теперь англичане действительно стремились положить конец войне, чтобы предотвратить дальнейшее усиление России на Востоке. В этих целях они готовы были даже оказать соответствующее давление на иранские правящие круги. Но при всем том они по-прежнему стремились использовать свое «посредничество» для того, чтобы добиться от России максимальных уступок, полностью сохранить английское преобладание в Иране и обеспечить возможность дальнейшего вмешательства Англии в кавказские дела.

Уже в конце 1812 г., после разгрома иранской армии при Асландузе, иранское правительство возобновило переговоры с Россией. Устное предложение об этом было сделано через талышского хана. Затем было прислано, через католикаса Ефрема, обращение от ереванского сардара. Ртищевым было получено письмо Ефрема, помеченное 30 ноября 1812 г., в котором, от имени сардара,

говорилося о пагубности войны и необходимости заключения мира. К этому посланию было приложено письмо Хусейн-хана с предложением возобновить переговоры о мире, а также произвести обмен военнопленных¹.

В своем ответном письме Ефрему от 17 января 1813 г. Ртищев напоминал о неудачных переговорах с персами летом предыдущего года, сообщал о победе над Наполеоном и указывал, что, благодаря этому, Россия намного усилилась. Он выражал готовность вновь приступить к мирным переговорам, если сардар представит письменные полномочия от шаха, и давал согласие на обмен военнопленных, но в равном количестве².

17 и 18 января Ртищев написал также два письма Аузли. В первом из них он подробно описывал разгром армии Наполеона. «Успехи российского оружия, поразившего французское могущество, указывал он, спасительны и для самой Персии, ибо известно, что Наполеон всегда мечтал о завоевании Индии, покорив сперва персидские владения». Поэтому Персии выгодно заключить мир немедленно, чтобы не понести еще больших потерь³. Сообщая во втором письме об обращении Хусейн-хана и своем ответе, он выражал надежду, что персидскому правительству будет разъяснено, сколь желательно для самой Персии заключить без про-

¹ АВПр, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 131—134.

² Там же, л. 137—140 об.

³ Там же, л. 143—147.

медления мир на предложенных Россией условиях, но что вряд ли можно ожидать успешного завершения переговоров, если с персидской стороны они будут вестись теми же людьми, которые вели их в предыдущем году¹.

Эти письма были отправлены с капитаном Назаровым в Тегеран, куда английский посол выехал из лагеря Аббас-Мирзы сразу же после асландузских переговоров. Назаров возвратился лишь в апреле вместе с иранским представителем неким Мамед-Али-беком. Он привез письма от Аузли и Мирза-Шефи. Английский посол сообщал Ртищеву, что переговоры с Россией впредь будут вести не тавризские власти, а непосредственно сам шах и Мирза-Шефи². Визирь не делал в своем письме никаких конкретных предложений, а лишь заверял в своих дружественных чувствах и рекомендовал Мамед-Али-бека³. Одновременно Назаров передал русскому главнокомандующему и устное сообщение Аузли о намерении иранского правительства отправить посла в Петербург для ведения мирных переговоров.

В каком духе предполагалось вести переговоры в Петербурге мы знаем из упомянутых выше писем Аузли английскому послу в России Кеткарту, написанных 22 марта 1813 г., т. е. за три дня до его

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 6164, ч. 66, л. 37—37 об.; „Акты“, V, 698—699.

² АВПр, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 149—151. Письмо Аузли от 25 марта 1813 г.

³ Там же, л. 154.

письма Ртищеву. Сообщая о том; что ему удалось, вопреки интригам Мирза-Бозурга, убедить шаха возобновить переговоры с русскими, Аузли указывал, что, в случае соответствующего «поощрения», бывший иранский посол в Англии Мирза-Абдул-Хасан-хан будет отправлен в Петербург для переговоров о заключении мирного договора. «Мне кажется нужно объяснить — писал он далее — что я разумею под словом поощрение; оно должно состоять в обещании в. с. со стороны России, что е. и. в. не будет строго настаивать на статус кво, которое генерал Ртищев предлагает ныне за основание мира и договора...». Необходимо добавить, что Аузли считал возможным выезд Мирза-Абдул-Хасана в Петербург лишь месяца через два после получения письма от Кеткарта с указанными выше заверениями. Он считал даже более целесообразным отложить поездку иранского посла на несколько месяцев с тем, чтобы успеть за это время заключить англо-иранский торговый договор¹. Другими словами, Аузли считал желательным приступить к переговорам о мире с Россией лишь после подписания нового англо-иранского договора, который закрепил бы на будущее время политическое и экономическое преобладание Англии в Иране. Таковы были в то время английские планы.

Ртищев отправил свои ответные письма, помеченные 8/20 мая, с Мамед-Али-беком, выехавшим обратно в Иран после кратковременного пребыва-

¹ „Акты“, V, 728.

ния в Тбилиси. Иранскому визирю главнокомандующий писал лишь в общих словах о своей надежде на скорое заключение мира¹. Английскому же послу он отправил одновременно шесть писем². Ртищев отклонял предложение о поздке иранского посла в Петербург до заключения мирного договора и требовал, чтобы иранское правительство немедленно отдало распоряжение о прекращении военных действий и прислало к нему полномочного представителя для подписания перемирия. Мирные же переговоры главнокомандующий предлагал вести или в Тегеране или на границе. В первом случае он соглашался отправить в иранскую столицу одного из своих чиновников, снабженного необходимыми полномочиями. Во втором случае он выражал готовность лично вести переговоры с Мирза-Шефи.

Ртищев считал тем более необходимым требовать немедленного заключения перемирия, что имел все основания сомневаться в искренности мирных намерений персов. По полученным им достоверным сведениям, во всем Иране велась деятельная подготовка к новой военной кампании. В целях усиления Ереванской и Нахичеванской крепостей было «предположено на летнее время всех жителей сих мест с их имуществом и скотом удалить в крепкие

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 155—156.

² ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 6164, ч. 66, л. 296—305. В „Актах“ опубликованы лишь два письма. („Акты“, V, 712—716).

места за Аракс». Аналогичные меры намечено было принять и в других пограничных местностях, а также в Тавризе. План персов заключался в том, чтобы, обезопасив свои границы, вновь вторгнуться в Талышское ханство, окружить Бакинскую крепость и одновременно напасть на Карабах, Елизаветполь и Памбак. Персы надеялись также с помощью царевича Александра, находившегося в Дагестане, поднять восстание среди горских народов и прервать коммуникации с Кавказской линией. В этих целях в Ереван была доставлена, для дальнейшей пересылки Александру, сумма в пять тысяч туманов¹.

Сведения, полученные Ртищевым, подтверждаются и свидетельствами военных советников Аббас-Мирзы. Друвилль сообщает, что весной 1813 г. Аббас-Мирза разработал новый обширный план военной кампании, в которой, кроме его регулярных войск, должны были принять участие и шестьдесят тысяч отборных войск шаха. Из Индии были доставлены 20 орудий и 12 тысяч ружей. Кроме того, новые орудия были изготовлены в Тавризе. Вместе с имевшимися в запасе пушками армия Аббас-Мирзы вновь располагала довольно значительной артиллерией, в количестве 66 орудий различных калибров². Монтис, в свою очередь, свидетельствует, что весной 1813 г. иранская армия, потерявшая в сражениях при Асландузе и Ленкоране одну треть своего состава, была пополнена рекрутами, причем

¹ Донесение Ртищева Горчакову от 9 апреля 1813 г. („Акты“, V, 704—710).

² *Drouville*, ук. соч., I, 248—249, II, 136—139.

из Индии было доставлено вооружение, а в Тавризе были отлиты новые пушки¹.

Англичане продолжали не только поставлять оружие иранской армии и обучать иранские войска (в частности, готовить новые кадры артиллеристов), но и принимали активное участие в происходивших в то время военных операциях местного характера. Так, например, по сообщению того же Монтиса, он принял непосредственное участие в боевых действиях против русских воинских частей, вступивших в марте 1813 г. на территорию Ереванского ханства. Командуя батареей из шести орудий и отрядом кавалерии, он отказался выполнить приказ брата сардара Хасан-хана и отступить от охраняемого им брода, предотвратив тем самым переход русского отряда через Аракс².

Такова была военно-политическая обстановка весной 1813 г. Иранское правительство, возобновляя переговоры с русским главнокомандующим, стремилось лишь выиграть время. Несмотря на тяжелые удары, нанесенные персам в Асландузе и Ленкоране, они хотели вновь попытать счастья на полях сражения. Таково было намерение не только Аббас-Мирзы и Мирза-Бозурга — решительных противников мира; к этому склонялся сам шах.

Подобные настроения поддерживались и надеждами, связанными с русско-французской войной. Хотя еще в январе 1813 г. Ртищев поспешил довести до сведения иранских властей известие о

¹ *Monteith*, ук. соч., стр. 97.

² Там же, стр. 98.

поражении Наполеона в России (что сделал, как мы знаем, и Аузли), однако те не были склонны верить этому. В Иран продолжала поступать через Турцию, от орудовавших там французских агентов, лживая «информация» о французских «победах» над русскими. «Ложные и нелепые известия,— писал Аузли английскому министру иностранных дел Кестльри—доставленные вскоре от людей, заинтересованных в том, чтобы война между Россией и Персией продолжалась, подали шаху надежду, что и Петербург нынешнею весною подвергнется той же участи, какую испытала Москва»¹.

Какие совершенно невероятные и нелепые слухи циркулировали весной 1813 г. на Кавказе и в Иране, видно из донесения, пересланного 24 марта царевичу Александру его агентами, в котором приводились следующие «достоверные» сведения: «Когда Бонапарт зажег Москву и взял Петербург, то расположился на большой реке между Москвою и Петербургом, а половина войска его стоит в Малороссии. Российский государь бежал к стороне Казани, где и находится; он, российский государь, просил мира, но Бонапарт говорил ему, чтоб он возвратил все завлажденные им владения и Грузию царям их, вся Россия давала бы солдат и чтобы государь пребыл в звании своем, а повелителем был Бонапарт. Государь, быв необходимостью принужден, хотел мириться, но народы российские говорили, что он уже не будет государь и какой же будет мир; опять последовал между ними разрыв, и

¹ „Акты“, V, 721.

по исходе сего марта начнется война. Российский государь просит повременить ему до пасхи, но Бонапарте не соизволил, а увидится с ним по исходе марта там, где находится он, и пусть дерется, если может. Кроме Петербурга и Москвы Бонапарте отнял еще десять царств и владеет оными»¹.

II

Все еще продолжавшаяся война России с Францией и ложные слухи о мнимых «победах» французов, подбадривали иранских правителей на новые военные авантюры. Но эти воинственные планы не получили на этот раз одобрения со стороны английского посла. Английская дипломатия, в лице Аузли, несравненно лучше ориентировалась в международной обстановке, чем иранские правящие круги. Она прекрасно понимала, что продолжение войны с Россией не сулило Ирану ничего хорошего. После Асландуза нельзя было уже строить иллюзий о действительной силе и боеспособности иранской армии. Победоносный разгром полчищ Наполеона делал совершенно нереальными все расчеты на ослабление России, престиж которой на международной арене все более возрастал. Продолжение войны могло привести лишь к тому, что к России были бы присоединены ханства Ереванское и Нахичеванское. Английская дипломатия это хорошо знала и ни в коем случае не хотела этого допустить. Она стремилась теперь добиться немедлен-

¹ Там же, V, 373—374.

ного прекращения военных действий, выторговав, однако, у России, при заключении мира, все то, что только можно было выторговать, используя все к тому возможности.

В мае 1813 г. шах предложил английскому послу отправиться в Хамадан и дожидаться там вызова в его летнюю резиденцию — Султаниэ. 26 мая английское посольство выехало из Тегерана в Хамадан, куда прибыло 9 июня¹. Но Аузли остался в Хамадане всего лишь неделю. Через своих агентов он получил сведения, подтвердившие его подозрения, вызванные явным желанием шаха удалить его на время. Он узнал и о прибытии в Султаниэ Мирза-Бозурга, не только настаивавшего на продолжении войны против России, но еще незадолго до этого добивавшегося возобновления союза с Францией и высылки английской миссии. Все это побудило Аузли, не дожидаясь приглашения шаха, выехать в Султаниэ, куда английское посольство прибыло 21 июня².

Здесь произошли довольно бурные сцены³. Английский посол имел резкое столкновение с Мирза-Шефи. Сам шах не скрывал своего раздражения по поводу его непрошеного визита и, по словам Аузли, «забыл на время обыкновенную ласку свою и приветливое обращение». Между ними произошла резкая словесная перепалка, причем шах делал «не-

¹ *Morier*, ук. соч., II, 112—123.

² Там же, II, 142—146.

³ См. депеши Аузли Кестльри от 10 июля 1813 г. („Акты“, V, 720—722).

приличные» намеки на политику английского правительства, на которые посол, по собственному признанию, отвечал с «жаром» и «запальчивостью».

Аузли, действуя со свойственной английской дипломатии на Востоке грубостью и напористостью, быстро ликвидировал этот бунт. Он прямо заявил шаху, что если тот предпочтет идти своим путем и откажется заключить на «сходных» условиях мир с Россией, то Англия прекратит выплату субсидии. Этого оказалось достаточным, чтобы шах пошел на полную капитуляцию. Он вновь уполномочил английского посла вести от его имени переговоры с Россией и дал обещание отстранить от этого дела столь сдизозного теперь для англичан Мирза-Бозурга и «его последователей». Было решено, что шах перенесет свой лагерь в Уджан, поближе к Тавризу, куда английский посол должен был отправиться для возобновления переговоров с русскими.

9 июля английская миссия прибыла в Тавриз¹. Уже на следующий день Аузли написал письмо Ртищеву, в котором излагал следующий «план» мирного урегулирования между Россией и Ираном. Прежде всего надлежит прекратить на пятьдесят дней военные действия. После этого или сам Ртищев должен иметь свидание с ереванским сардаром вблизи Памбака, или они оба должны назначить своих уполномоченных для заключения перемирия сроком на год. Затем русский главнокомандующий встретится с сардаром в Памбаке, или в

¹ *Mortier*, ук. соч., II, 147—148.

каком-либо другом месте, для выработки предварительного мирного договора. После подписания этого предварительного соглашения Россия и Иран обменяются послами и будет приступлено к заключению окончательного мирного договора. Относительно же условий мира английский посол писал следующее. Хотя Иран и согласен в принципе на заключение мира на основе статус кво, однако он, Аузли, питает надежду, что, принимая во внимание те трудности, которые ему пришлось преодолеть, чтобы добиться согласия персов на мир, Россия уступит Ирану хотя бы малую часть своих владений. В таком случае он готов поручиться за безопасность тех владельцев, чьи земли отойдут Ирану, т. е. выступить в роли гаранта¹.

Таков был «новый» план, предложенный английским послом. По существу в этом плане не было ничего нового. Он ставил перед собой те же цели, что и устные предложения Аузли, переданные Ртищеву еще в апреле через Назарова. Английская дипломатия продолжала упорно добиваться, чтобы Россия согласилась на прекращение военных действий и на длительное перемирие без подписания мирного договора. Намерения англичан были вполне ясны. Они хотели принудить Россию немедленно прекратить военные действия и тем предотвратить возможность присоединения к России новых территорий и, в первую очередь, ханств Ереванского и Нахичеванского. В то же время они

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 66, л. 296—305.

стремились отложить на неопределенный срок заключение мирного договора и, следовательно, окончательное определение русско-иранской границы. В этих целях Аузли даже предлагал подписать после перемирия не окончательный, а лишь «предварительный» мирный договор, подлежащий в дальнейшем новому пересмотру, разумеется при активном участии английских «посредников». При этом англичане не оставляли надежды принудить Россию, при заключении мирного договора, отказаться хотя бы от части своих закавказских владений. Более того, как видно из письма Аузли, они намерены были выступить в роли гарантов в отношении присоединяемых к Ирану территорий. Другими словами, под предлогом гарантирования прав тех ханов, владения которых перешли бы под власть шаха, они хотели сами обосноваться в Закавказье, поставив под свой непосредственный контроль эти закавказские ханства.

Стремление англичан и персов добиться длительного перемирия, без немедленного заключения мирного договора, преследовало и другие цели. Ртищев писал по этому поводу Румянцеву: «Я имею верные сведения, что персияне в то самое время, когда ищут заключить перемирие на год с Россиею, еще гораздо с большею деятельностью стараются о восстановлении мира с турками, соглашаясь заплатить все убытки, сделанные ими прошлого года в Багдадском пашалыке. Следовательно, из всего обнаруживается, что столь продолжительное перемирие нужно персиянам только для того, дабы иметь время окончить дела свои с Турецкою

державою и заключить с оною мирный союз, не благоприятствующий делам здешнего края. Слухи есть также будто англичане принимают великое участие в примирении сих двух держав и якобы даже Англия сама расположена за персидское правительство платить туркам все убытки»¹.

Выше мы видели, что, несмотря на переговоры о военном союзе между Оттоманской империей и Ираном, противоречия между обеими державами, в частности территориальные споры, отнюдь не были разрешены. Наоборот, вопрос о Багдадском пашалыке и, прежде всего, о населенной курдами области Сулеймание вскоре еще более обострился и привел в 1812 г. к вооруженному конфликту.

Абдуррахман, искавший до этого покровительства Ирана, убедившись в бессилии Порты причинить ему вред, изменил свою политику. Теперь он хотел быть вполне самостоятельным и ни от кого не зависимым. Он отказался выплачивать Ирану ежегодную дань и потребовал возвращения своего сына — заложника, угрожая в противном случае совершить нападение на Керманшах. Но Мохаммед-Али-Мирза, предупредив его намерение, сам вторгся с иранскими войсками в его владения, разоряя и сжигая все на своем пути, и вскоре овладел его столицей Сулеймание. Абдуррахман вынужден был выразить покорность, выдать новых заложников, выплатить дань в 50 000 туманов и обязаться выплачивать таковую ежегодно. Однако Порты, в свою очередь, не захотела признать установления протек-

¹ „Акты“, V, 726.

тората Ирана над Курдистаном. Багдадский паша Абдулла, получив фирман султана, выступил с войсками против Абдуррахмана, разбил его и захватил Сулеймание. Абдуррахман бежал в Керманшах к Мохаммед-Али-Мирзе, прося о защите¹.

Воспользовавшись этим предлогом, иранские войска вторглись в Багдадский пашалык. Дело заключалось не только в одном Абдуррахмане. Как сообщал Италинский, иранское правительство объясняло свои враждебные действия тем, что Турция заключила сепаратный мир с Россией без учета интересов Ирана².

Порта, в ответ на вторжение иранских войск, приняла решение послать багдадскому паше необходимые подкрепления, с тем, чтобы не только отбросить персов, но и, в свою очередь, перейти в наступление. Дело приняло настолько серьезный оборот, что реис-эфенди официально заявил английскому послу, что Турция и Иран находятся в состоянии войны³.

Английской дипломатии потребовались необычайные усилия, чтобы ликвидировать этот конфликт. Англичане, по словам Мориера, вынуждены были для этого использовать все свое влияние как в Константинополе, так и в Тегеране⁴. Хотя по настоянию англичан военные действия были прекращены, но турецко-иранские отношения продол-

¹ *Morier*, ук. соч., I, 343—345, II, 28.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1812 г., л. № 2282, л. 115—116. Донесение Италинского от 18/30 октября 1812 г.

³ Там же, л. 250—250 об. Донесение Италинского от 26 декабря 1812 г.

⁴ *Morier*, ук. соч., II, 27, 30.

жали оставаться крайне напряженными. В июне 1813 г., незадолго до приезда в Султанیه английской миссии, туда прибыл и турецкий посол для переговоров о возвращении имущества и скота, захваченного персами во время их вторжения в Багдадский пашалык, а также контрибуции, выплаченной по их требованию багдадским пашой¹. Аузли во время своего пребывания в летней резиденции шаха самым настойчивым образом добивался соглашения между персами и турками, о чем писал английскому послу в Константинополе Листону, сообщая в то же время, что это ему пока не удалось².

Для урегулирования всех спорных вопросов между Турцией и Ираном требовалось время. Годичное перемирие с Россией предоставило бы необходимый для этого срок. А ирано-турецкое соглашение значительно укрепило бы позиции Ирана при переговорах с русскими о заключении «окончательного» мирного договора и дало бы английской дипломатии возможность оказать еще более усиленное давление на Россию.

III

Аузли отправил свое письмо в Тбилиси с одним из членов английской миссии, доктором Кемпбелем. Последнего сопровождал известный уже нам Мамед-Али-бек, который имел полномочие дать

¹ Там же, II, 146—147.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 375—376. Донесение Италинского от 16/28 августа 1813 г.

распоряжение иранским войскам о прекращении военных действий, в случае согласия русского главнокомандующего на предложенный английским послом «план» мирного урегулирования между Россией и Ираном.

Аузли был, видимо, уверен, что русские согласятся на длительное перемирие. 16/28 августа Итальянский писал из Константинополя, что английский посол Листон передал полученное от Аузли сообщение, что ему удалось добиться перемирия между русскими и персами сроком на один год¹. Но Аузли выдавал свои собственные желания за действительность.

Ртищев и его дипломатические советники сразу поняли истинные цели хитроумного «плана» английского посла. В своем ответе Аузли от 14/27 июля² главнокомандующий решительно отклонял его предложения. Он указывал, что не может согласиться на длительное перемирие, которое было бы выгодно лишь персам, дав им возможность временно избавиться от издержек на содержание войск, а затем с новыми силами и средствами возобновить войну. Ртищев выражал согласие заключить перемирие сроком на пятьдесят дней, с тем чтобы было немедленно приступлено к переговорам о мирном договоре на основе признания существующих границ. Он обращал внимание на то обстоятельство, что если даже в предыдущем, столь

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 375—376.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 66, л. 40—67 об.; „Акты“, V, 722—725.

тяжелом для России году, русские войска в Закавказье не были ослаблены, то теперь имеется полная возможность их усилить, и заявлял о своем твердом намерении запретить, в случае возобновления военных действий, всякую торговлю с Ираном, которая до этого велась, несмотря на войну, к выгоде персов.

В конце своего письма Ртищев остаивался на «просьбе» Аузли о территориальных уступках Ирану. Вновь указывая, что он уполномочен заключить мир лишь на основе существующих границ, он решительно отклонял эту «просьбу». Однако, отвергая домогательства Аузли, он счел все же возможным заявить следующее. «Впрочем, если бог благословит восстановить настоящий мир между Россиею и Персиею и послы персидские будут отправлены ко двору государя императора, в то время персидское правительство может чрез них просить е. и. в. о сем предмете, каковая просьба, может стать, по особенному великодушию и милосердию е. и. в. получит свое удовлетворение, сколько из уважения к вновь восстановленной дружбе с Персиею, столько же и из признательности к добрым услугам, оказываемым от вашего превосходительства». Последующие события показали, какой неправильный шаг совершил Ртищев, признав возможность последующего (хотя бы добровольного и не обязательного для России) пересмотра мирного договора.

Пересылая Румянцеву свою переписку с Аузли, Ртищев сообщил о своем намерении выступить с отрядом войск из Тбилиси и расположиться лаге-

рем между Елизаветполем и Карабахом, чтобы ожидать там ответа на свое предложение¹.

Вскоре Ртищев получил от Румянцева письмо, содержавшее специальное предупреждение об истинных целях «посредничества» Англии в русско-иранских переговорах. Канцлер указывал, «что Узелей, как видно, опасается, чтобы заключение мира не состоялось без его содействия, в каковом случае Англия потеряла бы в том краю снисканное ею уважение, и дабы сдержать свое влияние, сей посланник намерен настоять на том, чтобы мы возвратили Персии хотя одну или две малые провинции, полагая за таковую услугу Персии одержать разные выгоды посредством торгового трактата, который они надеются заключить с сею державою». Поэтому он предлагал Ртищеву, не прерывая дружеских сношений с английским послом, приложить все усилия, дабы «ограничить поколику можно» его влияние на русско-иранские переговоры².

Тем временем через того же Кемпбеля был получен ответ от Аузли на сделанные Ртищевым предложения. В своих письмах от 22 и 23 августа английский посол утверждал, что отказ русского главнокомандующего от годичного перемирия чуть было не сорвал переговоры, так что он вынужден был лично отправиться в Уджан, в лагерь шаха, где ему, после больших усилий, удалось убедить персов подписать «краткий» мирный договор

¹ „Акты“, V, 725—726.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1805—1813 гг., т. № 13, л. 29—30 об.

на основе статус кво. Бывший иранский посол в Англии Мирза-Абдул-Хасан-хан уполномочен шахом подписать перемирие на пятьдесят дней, а вслед за тем и мирный трактат. Тут же, однако, Аузли заявлял, что шах надеется, что, после подписания мирного договора, русский император добровольно уступит ему «некоторые из владений». Поэтому он набросал «один пункт», посвященный этому вопросу, который необходимо включить в трактат¹.

Получив решительный отказ на свое предложение о годичном перемирии, английский посол вынужден был предпринять новый маневр. После письма Ртищева стало совершенно ясно, что предотвратить возобновление военных действий и новые успехи русского оружия можно было лишь путем немедленного заключения мирного договора. Убедившись в этом, Аузли счел необходимым уговорить иранское правительство подписать мирный трактат. Все старания английского посла сводились теперь к тому, чтобы придать этому договору, если не юридически, то фактически, временный и прелиминарный характер. Воспользовавшись оговоркой Ртищева, допустившего возможность последующего обращения шаха к русскому императору, Аузли сразу же оформил соответствующий «пункт» для включения его в договор. Но включение в трактат такой статьи, по которой за иранским правительством признавалось бы официальное право возбудить вопрос о пересмотре территориальных постановлений мирного договора, фактически означало

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 66, л. 301—305.

превратить этот договор в прелиминарный. К этому же клонило и заявление Аузли о согласии иранского правительства подписать лишь «краткий» трактат, который, тем самым, противопоставлялся окончательному мирному договору. Вынужденный отказаться от первой части своего «плана», т. е. годового перемирия, Аузли стремился теперь осуществить его вторую часть, а именно, добиться подписания лишь «предварительного» мирного договора, подлежавшего пересмотру в Петербурге, куда должен был отправиться с этой целью иранский посол.

После бесед с Кемпбелем, Ртищев 24 августа—5 сентября послал английскому послу ответное письмо¹. Выражая свою готовность приступить к мирным переговорам с Мирза-Абдул-Хасаном, он назначал местом их свидания Гюлистан, в Карабахе, и сообщал о своем намерении сразу же отправиться туда. Он, однако, категорически возражал против заключения «краткого» мирного договора и указывал, что уполномочен подписать лишь «настоящий и окончательный трактат полного мира» на основе существующих границ. Поэтому главнокомандующий отвергал включение в договор предложенного Аузли «пункта», справедливо указывая, что подобная статья, по которой за персидским правительством признавалось бы «законное право на уступку Персии некоторых владений из нынешних

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6164, ч. 66, л. 40—67 об.; „Акты“, V, 728—731.

границ под властью Российской империи состоящих», находилась бы в противоречии с самим трактатом, основанным на статус кво.

Но и на этот раз Ртищев не проявил необходимой твердости и последовательности. Отвергая включение подобного пункта в мирный трактат, он в то же время выразил согласие подписать с Мирза-Абдул-Хасаном «особый сепаратный акт, в котором персидским послам, имеющим отправиться по заключении мира к высочайшему российскому двору для поздравления е. и. в., будет предоставлено право, невзирая на окончательный трактат, с обеих сторон утвержденный, просить всероссийского государя императора о всех надобностях и желаниях, какие имеет персидское правительство, и представить оные на великодушное благоуважение е. и. в. не как требования, подлежащие непременно удовлетворению, а единственно как просьбы».

10/22 сентября русский главнокомандующий в сопровождении конницы отправился из Тбилиси в Гюлистан, куда должен был прибыть и Мирза-Абдул-Хасан¹. Чтобы доставить последнего в русский лагерь, он еще до этого отправил в Иран своего адъютанта, майора Мандрыкина. Мандрыкин с отрядом казаков прибыл через Тавриз в лагерь шаха в Уджане. Вслед за ним туда приехал Аузли вместе с Мориером. По словам Мориера, после оживлен-

¹ Донесение Ртищева Румянцеву от 9 сентября и его всеподданнейший рапорт от 10 сентября. („Акты“, V, 731—733).

ных дискуссий была достигнута полная договоренность, русский представитель вместе с Мирза-Абдул-Хасаном выехал в Гюлистан¹.

25 сентября английский посол писал Ртищеву из Тавриза, что он совершил поездку в Уджан и убедил персов не настаивать на включении предложенной им статьи в текст договора, а подписать ее в виде сепаратного акта². Аузли прекрасно понимал, что при сложившихся обстоятельствах это была максимальная уступка, которую можно было вырвать у русских, уступка, которую они, в случае дальнейших проволочек, могли взять назад. Поэтому он настоял, чтобы иранское правительство не медлило больше с подписанием мирного договора³.

Аузли в данном случае оказался вполне правым. В то самое время как в Гюлистане начались переговоры между русскими и иранскими уполномоченными, в Петербурге были получены донесение Ртищева и копия его письма английскому послу от 25 августа. Там сразу поняли, что русский главно-

¹ *Morier*, ук. соч., II, 155—163.

² АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 273.

³ Считая дело сделанным, он три дня спустя, 28 сентября, обратился к Кемпбелю, находившемуся в лагере русского главнокомандующего, с письмом, в котором, без излишней скромности, сам назначал себе „награду“ за „содействие“ заключению мирного договора. Он требовал, чтобы русский император обратился к принцу-регенту Англии с просьбой о возведении его в звание барона, а также чтобы он был награжден русским орденом. (Там же, л. 226—230 об.).

командующий, согласившись на «сепаратный акт», совершил ошибку. 9/21 октября Румянцев через военного министра официально сообщил Ртищеву следующее. Его отказ включить в договор пункт, предусматривающий возможность территориальных уступок Ирану, является правильным. Но неправильным и достойным сожаления является его согласие на подписание «сепаратного акта», по которому персам предоставлялось бы право вновь поднять этот вопрос в Петербурге. Если после данного им обещания он и вынужден будет подписать такого рода «сепаратный акт», то в нем должно быть указано, что мирный договор останется в полной силе, если даже иранские послы ничего не добьются¹.

Однако это предписание было получено главнокомандующим слишком поздно, когда переговоры в Гюлистане были уже завершены и мирный договор был уже подписан.

IV

21 сентября — 2 октября Ртищев прибыл в Гюлистан, где расположился лагерем. Шесть дней спустя туда прибыл со своей свитой и Мирза-Абдул-Хасан. После обмена полномочиями было приступлено к составлению акта перемирия². Это за-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 4, л. 198—198 об.

² О переговорах в Гюлистане см. письмо Ртищева Аузли от 1/12 октября, его всеподданнейший рапорт и донесение Румянцеву от 14 октября и подробное донесение от 19 ноября. («Акты», V, 734—747).

27 А. Р. Иоаннисян

няло всего два дня, так как заранее был обусловлен срок перемирия, а других каких-либо спорных вопросов не было. Перемирие было подписано 1/13 октября¹.

Вслед за этим было приступлено к переговорам о мирном договоре. Мирза-Абдул-Хасан стал настаивать, чтобы сперва был составлен и подписан «сепаратный акт», а затем уже было начато рассмотрение статей самого договора. Несмотря на то, что Ртищев до этого в категорической форме заявлял, что «сепаратный акт» может быть подписан лишь после заключения мирного договора, он и тут пошел на уступку и согласился предварительно заняться этим вопросом. Тогда иранский уполномоченный представил проект «сепаратного акта», тождественный по своему содержанию с тем «пунктом», который до этого был предложен Аузли для включения в договор. Ртищев отверг этот проект, поскольку в нем имелись выражения, которые можно было истолковать, как обязательство России удовлетворить просьбы иранского правительства, представленные через отправляемое в Петербург посольство. Лишь после долгих споров было достигнуто соглашение о тексте «сепаратного акта».

Обсуждение статей мирного договора тоже носило довольно напряженный характер. Особенности разногласия вызвали статьи, посвященные определению границ (поскольку персы стремились избе-

¹ Текст перемирия см. там же, V, 734.

жать какого-либо детального их определения), а также статьи, относившиеся к торговле. Наконец десятидневные переговоры были завершены. 12/24 октября мирный договор между Россией и Ираном был подписан¹.

Уже вернувшись из Гюлистана Ртищев получил предписание Румянцева от 9 октября, дезавуировавшее его предложение о «сепаратном акте». В ответ он написал длинное письмо, в котором пытался оправдать свои действия. Выражая крайнее сожаление по поводу того, что он слишком поздно узнал о мнении правительства относительно «сепаратного акта», он подробно перечислял причины, побудившие его подписать этот документ. По его словам, он боялся, что его отказ привел бы к срыву переговоров, а этого он хотел избежать любой ценой. Учитывая обстановку, сложившуюся в Закавказье, он считал своим долгом поспешить с заключением мира с Ираном. Находившийся в Дагестане царевич Александр готовил с помощью персов новое вторжение в Кахетию. Весьма угрожающим было поведение турок. Турецкие войска вступили в Абхазию и приняли ряд других враждебных действий. Они ворвались со стороны Батума в Гурию. Турецкие уполномоченные приезжали как к ереванскому сардару, так и к Аббас-Мирзе. Французские агенты не только находились в соседних турецких

¹ Текст Гюлистанского трактата см. в сборнике *Т. Юзефовича*, Договоры России с Востоком, СПб, 1869, стр. 208—214.

владениях, но и несколько раз покушались проникнуть в Иран¹.

Нужно признать, что Ртищев был прав, когда писал об угрожающих действиях турок и о сложной обстановке в Закавказье летом и осенью 1813 г. По Бухарестскому мирному договору Россия обязалась вернуть Турции «со стороны Азии» территории и крепости, которыми она завладела во время войны. Во исполнение этого туркам были возвращены крепости Ахалкалаки и Поти, взятые русскими войсками. Но Порта, произвольно трактуя мирный договор, требовала теперь «возвращения» как бывших турецких владений на Северном Кавказе, так и Абхазии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, т. е. всей Западной Грузии. Напрасно Ртищев и Италинский указывали турецкому правительству и соседним турецким пашам, что Абхазия, Имеретия, Гурия и Мингрелия уже в течение десятков лет не находились под властью Османской империи, а были самостоятельными владениями, добровольно присоединившимися к России. Турки продолжали предъявлять свои требования и стягивали войска к русским границам. Летом 1813 г. они предприняли даже активные действия для осуществления своих целей. Трапезундский паша, через присланных им чиновников, потребовал от коменданта Редут-кале немедленной сдачи этой пограничной крепости, а также Сухум-кале, Анаклии и других крепостей, угрожая в противном случае захватить их вооруженной силой. Действительно, вслед

¹ АВГР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 287—302 об.

за этим турецкие войска вступили на территорию Абхазии. Одновременно из Поти были отправлены на лодках турецкие отряды для овладения Сухомом. Лишь принятые русскими военными властями решительные меры — усиление русских войск в Имеретии и вступление в Абхазию нового воинского отряда — заставили турок отказаться от своих намерений и очистить русскую территорию. Но еще до этого они предприняли новую диверсию; турецкий отряд вторгся в Гурию, где был разбит войсками гурийского князя Давида.

Наряду с этими открытыми вторжениями и нападениями, турки усиливали на Кавказе подрывную деятельность. Турецкие агенты орудовали в Западной Грузии, на Северном Кавказе и в Дагестане. В Имеретии, Гурии, Мингрелии распространялись воззвания трапезундского паши, призывавшие местное население и князей отдаться под власть Турции. В Поти находился бывший имеретинский царь Соломон, получивший от султана фирман с признанием его прежних владельческих прав. Он засылал в Имеретию своих людей, чтобы вновь поднять там восстание. По дороге в Дагестан был пойман направлявшийся туда для организации восстания среди горцев турецкий агент Шах-Сувар-бек, проведенный до этого полтора месяца в Тавризе у Аббас-Мирзы. В беседе с ширванским Мустафа-ханом он заявил, что Порты имеет притязания не только на Западную Грузию, но и на Дагестан и все закавказские ханства¹.

¹ О турецких домогательствах и происках в Закавказье см. „Акты“, V, 787—808.

Ртищев приписывал эти враждебные действия турок «коварным проискам Франции»¹. Нет сомнения, что начавшаяся вскоре после заключения Бухарестского мира война Франции с Россией содействовала усилению воинственных и агрессивных настроений турок. Бесспорно и то, что не только в 1812 г., но и 1813 г. французское посольство в Константинополе и французские консульства в Трапезунде и других пограничных с Россией районах прилагали максимальные усилия, чтобы разжечь эти настроения. Все данные, однако, свидетельствуют о том, что и союзная с Россией Англия, пользовавшаяся в Константинополе весьма значительным влиянием, если и не поддерживала открыто домогательства турок в отношении Закавказья, то фактически своей мнимой «нейтральной» позицией поощряла действия Порты. Что Англия стремилась добиться окольными путями пересмотра территориальных постановлений Бухарестского договора, было ясно еще в 1812 г. Осенью этого года, пользуясь тяжелым положением России во время нашествия Наполеона, английская дипломатия выдвинула проект тройственного союза между Англией, Россией и Турцией. При этом английский посол в Константинополе Листон официально поставил в известность Италинского, что Порта потребовала за свое согласие на этот союз возвращения Бесарабии². В 1813 г. английская дипломатия

¹ Там же, V, 800.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1812 г., д. № 2282, л. 119. Донесение Италинского от 18/30 октября 1812 г.

не решалась уже открыто выдвигать и поддерживать подобные предложения. Но она отнюдь не препятствовала туркам домогаться Западной Грузии и устраивать набеги на русскую территорию.

Турки, открыто провоцировавшие новые военные конфликты в Закавказье, прилагали все усилия, чтобы помешать заключению мирного договора между Ираном и Россией. В Константинополе велись в это время крайне сложные и запутанные дипломатические интриги, в которых активное участие принимало само иранское правительство.

Осенью 1813 г. в турецкую столицу прибыли два иранских представителя — сперва Хусейн-ага, а затем Насрулла-хан. Ирано-турецкие споры не были еще окончательно улажены и взаимные препирательства продолжались. В разговорах с Хусейном, турецкие министры обвиняли персов в недружелюбии, в плохом обращении с подданными Порты, в поддержке мятежников, поднявших оружие против багдадского паши, в вторжении на турецкую территорию. Хусейн, в свою очередь, предъявлял Порте претензии Ирана: плохое обращение в Турции с иранскими подданными, захват иранской собственности соседними пашами, большие пошлины, взимаемые с иранских купцов, наконец, заключение сепаратного мира с Россией¹. Несмотря на эти взаимные обвинения, персы и турки вновь договорились о едином фронте против России. Это опять произошло при прямом участии английской дипломатии.

¹ АВПР. МИД, Канцелярия, 1813 г., л. № 2285, л. 37—38.

9 октября английский посол Листон направил Италинскому письмо, в котором доводил до его сведения, что иранский представитель Хусейн-ага настаивает, чтобы переговоры о мире между Россией и Ираном велись в Константинополе¹. Русский посол сразу же самым категорическим образом отверг это предложение, указав, что перенесение переговоров в Константинополь вызвало бы лишь дополнительные трудности, так как дало бы возможность французам, да и самой Порте, заняться интригами, не говоря уже о том, что он не имеет на это необходимых полномочий, поскольку вести мирные переговоры с Ираном поручено Ртищеву². Тогда турки взялись за это дело с другого конца. Реис-эфенди через драгомана Фонтонна, в присутствии обоих иранских представителей, официально известил русского посла, что, согласно статьи тринадцатой Бухарестского мирного договора, Порта желает предложить свои добрые услуги в деле заключения мира между Россией и Ираном и просит поставить об этом в известность Ртищева³.

Одновременно с этими попытками Порты навязать свое участие в русско-иранских переговорах, попытками, предпринимавшимися турками и персами с ведома и одобрения англичан, в Константинополе велись и интриги другого рода. Персы, за спиной англичан, стремились установить контакт с другими европейскими державами.

¹ Там же, л. 35.

² Там же, л. 32—33.

³ Там же, л. 78—79.

Прежде всего речь шла опять о Франции. Наполеоновская империя доживала последние месяцы своего существования, но все еще вела борьбу против ряда европейских государств, в том числе и против России. Французская дипломатия продолжала проявлять в Константинополе лихорадочную активность. Вскоре до Италинского дошли слухи, что Хусейн поддерживает тайные сношения с французским послом Андреосси¹. Эти сведения подтвердил и другой иранский представитель Насрулла-хан, который заявил Фонтону, что допускает возможность сношений Хусейна с французским послом, тем более, что при нем находится его племянник, говорящий по-французски и проживавший до этого в Париже². Подобная «откровенность» Насрулла-хана объяснялась несомненно тем, что персы отнюдь не хотели скрывать от русского посольства своих связей с французами, используя это как дополнительное средство давления на Россию.

В то же время персы и турки предприняли попытку вовлечь в кавказские дела и противопоставить России другую крупную европейскую державу — Австрию. Порта официально обратилась к австрийскому правительству за содействием в связи со своими территориальными разногласиями с Россией на Кавказе. Одновременно Хусейн обратился к австрийскому послу в Константинополе с просьбой, чтобы австрийское правительство предложило свои добрые услуги в деле заключения мира

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 318.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1813 г., д. № 2285, л. 183.

между Ираном и Россией. Италинский справедливо рассматривал этот демарш как инспирированный Портой и согласованный с ней¹.

Так, в осенние дни 1813 г. в Константинополе плелась целая сеть интриг, в связи с мирными переговорами между Россией и Ираном. Гюлистанский договор положил конец всем этим проискам.

V

После заключения Гюлистанского мирного договора основной целью английской дипломатии являлось сохранение своего преобладания в Иране и предотвращение сближения Ирана с Россией.

Иранский агент в Константинополе Мустафа вскоре сообщил Италинскому, что англичане опасаются установления близких отношений между персами и русскими. Поэтому сперва они пытались отговорить шаха от намерения отправить посольство в Россию; когда же это не удалось, они добились того, чтобы послом был назначен Мирза-Абдул-Хасан, находящийся под их влиянием².

Друвилль также свидетельствует, что английский посол счел необходимым принять ряд мер, дабы помешать русским приобрести малейшее влияние на иранское правительство. Аузли, в частности, настаивал, чтобы России было отказано в праве иметь в Иране своего посла и чтобы туда был до-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—10, д. № 3, папка 4, л. 317 об.—318.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1815 г., д. № 2301, л. 182—193.

пущен лишь русский консул, который проживал бы в Астрабаде¹.

Лучшим средством для предотвращения сближения между Ираном и Россией и установления между ними добрососедских отношений являлось поощрение реваншистских настроений иранских правящих кругов и их стремления добиться пересмотра Гюлистанского договора. Английская дипломатия полностью использовала эту возможность. Она всячески пыталась внушить персам мысль о прелиминарном характере подписанного в Гюлистане соглашения. О том, какую интерпретацию пытались дать англичане Гюлистанскому трактату, видно хотя бы со слов Морьера, который утверждал, что Мирза-Абдул-Хасан подписал с русскими «прелиминарный договор». «Для заключения окончательного мирного договора,— пишет он далее в своей книге,— было необходимо отправить посольство к императору России, и Мирза-Абдул-Хасан-хан был назначен в этих целях экстраординарным послом и полномочным министром при русском дворе»².

Если англичане и согласились, чтобы в Петербург было отправлено иранское посольство, то лишь потому, что это посольство должно было добиваться пересмотра Гюлистанского договора, что не могло, разумеется, содействовать улучшению отношений между Ираном и Россией. Именно поэтому они и приняли меры, чтобы во главе этого посольства

¹ *Drouville*, ук. соч., I, 33.

² *Morier*, ук. соч., II. 206—209.

был поставлен их старый «друг» и всецело преданный им человек Мирза-Абдул-Хасан, получавший «пенсию» от Ост-Индской компании, т. е. фактически состоявший у нее на жаловании.

Аузли, который должен был вернуться в Англию, решил отправиться в обратный путь через Россию, чтобы, как пишет Мориер, оказать, по просьбе шаха, содействие миссии Мирза-Абдул-Хасана¹. Другими словами, поездка Аузли в Россию имела своей прямой целью участие в переговорах о пересмотре Гюлистанского договора.

Английский посол выехал из Тегерана в мае 1814 г. В сопровождении Мориера и некоторых других членов английской миссии он прибыл 13 июня в Ереван, а 15 июня посетил Эчмиадзин, где был принят католикосом Ефремом и монахами².

В этой связи представляет большой интерес письмо архиепископа Нерсеса от 21 июня 1814 г., отправленное из Тбилиси в Петербург епархиальному начальнику в России архиепископу Ованесу с тем, чтобы оно было доведено до сведения русского правительства³.

Письмо начиналось с сообщения о посещении Эчмиадзина английским послом в Иране. «Английский посол, находившийся в Тавризе или в Тейране,—говорилось далее,—весьма расположен к ар-

¹ Там же, II, 211.

² Там же, II, 261—265.

³ АВПР, СПб Главный Архив, 1—13, 1801—1814 гг., д. № 5, л. 170. В Матенадаране имеется копия армянского текста этого письма. Арх. кат., папка 24, д. № 158.

мянской нации; где он ни находился, как-то в Ширазе, в Гамадане и в других местах, всюду, и даже пред самым шахом и шах-задою отзывался об армянах весьма с хорошей стороны. По прибытии его в Эчмиадзин оказал он особое уважение святейшему патриарху нашему, одарив его слишком на три тысячи рублей, в числе коих наличными деньгами 1000 рублей».

Как видим, англичане продолжали усиленно заигрывать с армянским духовенством, не скупясь ни на любезные слова, ни на щедрые подарки. Лицемерное «расположение» Аузли к «армянской нации» относилось отнюдь не к трудовым массам армянского народа. Мориер, описывая в своей книге Ереванское ханство, вынужден был констатировать совершенно невыносимое положение армянского крестьянства и признать, что «сардар обходится с армянскими крестьянами с совершенно исключительной жестокостью»¹. Однако, как видно из приводимых им бесед Аузли с сардаром, ни английский посол, ни сам он и не пытались использовать свое влияние для облегчения участи этих угнетенных армянских крестьян. Английские дипломаты не только не помышляли об этом, а, наоборот, прилагали все усилия, чтобы и впредь сохранить над армянскими крестьянами жестокую власть сардара. Зато англичане не стеснялись открыто демонстрировать свои «симпатии» к армянскому духовенству, рассчитывая превратить его в свое орудие, в целях

¹ *Morier*, ук. соч., II, 259.

укрепления английского влияния на Ближнем и Среднем Востоке.

Описывая заигрывание англичан с Эчмиадзином, Нерсес сообщал далее о том, что английский посол едет в Петербург, чтобы добиваться «возвращения войск российских из всех здешних пределов» и что именно в этой связи с ним и отправился доктор Кемпбель, который должен затем вернуться к Аббас-Мирзе. «Сии слухи, указывалось в письме, производят в нас великое опасение». В конце содержалась просьба «довести сие до высочайшего сведения и испросить высокомонаршую милость и покровительство армянской нации и вспомоществование к избавлению Араратские земли».

Таким образом, о целях поездки Аузли в Петербург было уже в то время широко известно в Закавказье, где слухи эти вызывали беспокойство не только среди широких народных масс, но и среди господствующих классов. Именно поэтому представители армянского духовенства и поспешили поставить об этом в известность царское правительство, одновременно вновь обратившись с просьбой об освобождении из-под иранского ига «Араратской земли», т. е. Восточной Армении¹.

¹ Сам католикос Ефрем также поддерживал неофициальные сношения с русскими властями на Кавказе, обращаясь с аналогичными просьбами. Сохранился французский перевод его письма Ртищеву от 15 апреля 1813 г., в котором он извещал главнокомандующего, что хочет сообщить ему многое, имеющее отношение к пользе армянской нации и к интересам русского императора, но по-

Из Эчмиадзина Аузли отпра́вился в Тбилиси, чтобы оттуда поехать в Петербург. Мориер, который должен был остаться в Иране английским поверенным в делах, расстался с ним у русской границы. В Канакире он дождался прибытия из Константинополя нового английского представителя Эллиса, посланного в Иран с чрезвычайной миссией. В конце августа 1814 г. оба английских дипломата выехали через Тавриз в иранскую столицу.

Поездка Эллиса в Иран с новыми поручениями от английского правительства сразу же привлекла внимание Италинского, который поспешил поставить о ней в известность Ртищева. «Весьма невероятно,—указывал он в своем письме,—чтобы поручения его (Эллиса—А. И.) в отношении к Персии заключали в себе что ни есть предосудительное России». Ведь Англия в настоящее время «торжественными чествованиями и радостными празднествами» выражает признательность своему союзнику — русскому императору за победу над Наполеоном. Но он все же считает своим долгом довести до сведения главнокомандующего о прибытии в Иран этого нового английского «министра»¹.

Подозрения Италинского, хотя и выраженные в столь дипломатической форме, были и на этот

сколько не может об этом писать, то посылает к нему архимандрита, который уполномочен передать ему это устно и обсудить с ним все, что имеет целью благо армянской нации и славу императора. (Матенадаран. Арх. кат., папка 24, д. № 24-д).

¹ «Акты», V, 752.

раз справедливыми. «Торжественные чествования и радостные празднества» в честь прибывшего в Англию Александра I отнюдь не помешали английской дипломатии принять необходимые меры для закрепления, в ущерб России, своего политического преобладания в Иране. Мы знаем, что еще в 1813 г. Аузли настаивал на заключении нового англо-иранского договора, одновременно с подписанием мира между Ираном и Россией. Действительно, договор 1812 г. был заключен в условиях русско-иранской войны и не соответствовал новой обстановке. Английское правительство, которое не успело еще его ратифицировать, хотело заменить его другим договором. Именно в этих целях и был послан в Иран Эллис.

После непродолжительных переговоров Мориер и Эллис подписали 25 ноября 1814 г. новый «окончательный» договор с Ираном.

Договор 1814 г., состоявший из десяти статей¹, воспроизводил основные положения договора 1812 г., лишь в иных формулировках, приспособленных к новой обстановке, сложившейся в результате заключения мира между Ираном и Россией. Англия брала на себя обязательство, в случае возникновения войны между Ираном и каким-либо европейским государством, принять меры для прекращения этой войны; в случае же неудачи своего посредни-

¹ Текст этого договора опубликован в различных изданиях, в том числе в книге Кейя. (*Kaue*, ук. соч., I, 487—492).

чества, она должна была или оказать непосредственную военную помощь Ирану или же выплачивать ежегодную субсидию в 200 000 туманов (ст. 4, 6). В договоре содержалась, правда, оговорка, что это обязательство было действительно лишь в том случае, если война со стороны Ирана будет носить оборонительный, а не агрессивный характер, причем под агрессией понималось нападение на территорию другого государства. Но тут же говорилось, что границы между Россией и Ираном должны были быть определены с согласия Англии, Ирана и России (ст. 3). Англия должна была, следовательно, принять участие в определении русско-иранской границы, причем это можно было трактовать двояким образом: и как участие Англии в демаркации границы на основе Гюлистанского договора, и как ее участие в определении новых границ, в результате пересмотра территориальных постановлений этого договора. А из этого следовало, что Англия всегда могла, под предлогом своего несогласия с русско-иранской границей, признать нападение персов на русскую территорию не агрессией, а обороной и оказать на этом основании военную помощь Ирану.

В новом англо-иранском договоре обязательство Ирана аннулировать соглашения с другими европейскими державами относилось лишь к державам, враждебным Англии; однако полностью сохранялось обязательство не допускать на территорию Ирана армий европейских государств (ст. 1). Хотя прямо не говорилось об обучении иранских войск английскими военными специалистами, но было обусловлено, что европейские офицеры, наня-

28 А. Р. Иоаннисян

тые для обучения иранских войск, не должны принадлежать к враждебным Англии нациям (ст. 5).

Договор 1814 г. закреплял английское преобладание в Иране. Он давал англичанам формальный повод для дальнейшего вмешательства в взаимоотношения между Ираном и Россией и в дела Закавказья. Он преследовал явную цель воспрепятствовать сближению Ирана с Россией. Обещая Ирану военную помощь, в случае оккупации его территории войсками «европейской державы», и не признавая существующую границу между Ираном и Россией окончательной, договор этот явно провоцировал новые конфликты между этими двумя государствами и давал англичанам возможность разжечь, в случае надобности, новую русско-иранскую войну.

История показала, что англо-иранский договор 1814 г. сыграл именно эту роль. Без этого договора вряд ли имела бы место русско-иранская война 1826—1828 гг. Сами англичане неоднократно признавали, что иранские правящие круги никогда не решились бы на эту новую войну с Россией, если бы не существовало англо-иранского договора.

VI

В то время как Англия стремилась укрепить свои позиции в Иране, в Европе произошли новые непредвиденные события. 1 марта 1815 г. Наполеон, покинувший Эльбу, высадился на французском берегу и спустя три недели вновь стал хозяином Франции. Предстояло возобновление казалось

уже законченной борьбы между Францией и противостоявшей ей европейской коалицией.

Эти европейские события сразу же нашли свой отклик на Востоке и внушили новые надежды туркам и персам.

Мы видели, какую агрессивность проявляли турки еще в 1813 г., пытаясь, путем организации диверсий и провокаций, добиться захвата Западной Грузии. Победы русского оружия в Европе и прекращение русско-иранской войны вынудили Турцию временно прекратить свои агрессивные действия у русских границ. Уже в начале 1814 г. Италинский сообщал о «некоторой перемене» в политике Порты. Великий визирь, который до этого намерен был учредить свою главную квартиру в Шумле, с тем, чтобы в удобный момент вторгнуться в пределы России, вернулся в Константинополь. Турецкие министры более не беседовали с русским послом «в прежнем их жестоком и угрюмом виде». Италинский, однако, предупреждал, что новая тактика Порты была вынужденной, что на самом деле турецкие правители были намерены и впредь, если не открыто, то тайно вредить России¹. В апреле 1814 г. он писал Ртищеву: «Мир, благополучно в. в. заключенный с Персией и совокупно с сим происшествием военные наши превозможения во Франции усмирили Порту по части наружного ее в рассуждении России поведения; но по внутренности сохраняет она непременно недоверие и ненависть»².

¹ „Акты“, V, 809.

² Там же, V, 811.

Падение наполеоновской империи было воспринято Портой (вопреки официальным заявлениям и декларациям) как весьма печальное событие, поскольку тем самым был положен конец напряженной борьбе, отвлекавшей силы России на Запад. Реис-эфенди откровенно заявил по этому поводу иранскому эмиссару Мустафе, что произошло «большое несчастье»: «Франция не сможет впредь ничего для нас сделать; нам нужно больше, чем когда-либо, связать себя с Англией». Мустафа, передавший впоследствии этот разговор Италинскому, со своей стороны указывал, что и сами англичане усиленно пытались внушить Порте, что Англия является для нее единственным якорем спасения¹.

Турецкие министры стремились теперь заключить военный союз, направленный против России, как с европейскими державами, так и с Ираном. Они стали обходиться «приветливо и ласково» с новым иранским посланником — Мирза-Ризой. Вскоре последний был приглашен на конференцию по делам, связанным с Багдадским пашалыком. Но это было лишь предлогом; во время этого свидания турецкие министры всячески пытались убедить его в необходимости заключения союза между Турцией и Ираном². Затем имели место новые совещания между Мирза-Ризой и турецкими властями, причем иранский посланник неоднократно посылал курьеров в Тегеран³.

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1815 г., д. № 2301, л. 193.

² „Акты“, V, 814. Письмо Италинского от 17/29 мая 1814 г.

³ Там же, V, 815. Письмо Италинского от 16/28 июня 1814 г.

Гюлистанский мирный договор вызвал в Турции большое раздражение и Порта прилагала все усилия, чтобы не допустить окончательного примирения Ирана с Россией. Дело дошло до того, что Италинский получил сведения, что турки, считая виновником мира с Россией Фетх-Али-шаха, не проявившего, по их мнению, достаточной твердости, намерены были через своих агентов организовать на него покушение, полагая, что в случае его смерти Аббас-Мирза возобновит войну с Россией¹. Трудно сказать, насколько эти сведения были достоверными. Однако даже подобные разговоры свидетельствовали о том, что турецкие правители готовы были пойти на все, чтобы добиться возобновления русско-иранской войны.

Так обстояли дела к моменту возвращения Наполеона во Францию. Восстановление наполеоновской империи и перспектива новой войны в Европе окрылили Порту. Политика турецкого правительства в отношении России вновь приняла открыто враждебный характер. Турки решили воспользоваться удобным случаем, чтобы силой разрешить вопрос о Западной Грузии. «Порта Оттоманская, сообщал Ртищев, пользуясь нынешним переворотом дел в Европе и отвлечением главной силы российских войск к границам Франции, намеревается подкрепить несправедливые притязания свои на Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию нечаянным неприятельским нападением на сий владения, дабы сорвать оные, буде удастся, без фор-

¹ Там же, V, 750, 809.

мального объявления войны»¹. Эрзерумский сераскир Баба (Пехлеван) - паша, сосредоточив двадцатитысячную армию, двинулся в Ахалцихский пашалык под предлогом наказания тамошнего паши. Но, захватив и казнив пашу, он продвинулся дальше к самой русской границе и прислал к Ртищеву чиновника с письмом, в котором официально требовал немедленного вывода русских войск из Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии и передачи ему, как представителю Порты, всех этих территорий. Одновременно трапезундский Сеид-Сулейман-паша отправил к русской границе со стороны Батума 12 000 войск для совместных с эрзерумским сераскиром действий против русских владений. По сведениям, полученным Ртищевым, турки намерены были вторгнуться в Западную Грузию, а затем нанести удар в направлении Гюмри и Памбака.

В это же самое время турецкие агенты широко развернули антирусскую агитацию на Северном Кавказе и в Дагестане, где вновь создалась крайне напряженная обстановка. Турки поддерживали связь и с скрывавшимся там царевичем Александром, снова приступившим к подготовке вторжения в Грузию и рассылавшим «возмутительные» письма. В Дагестане организовывались отряды, которые, во главе с Александром, должны были вступить в Кахетию сразу же после вторжения турок в Имеретию².

Поведение иранского правительства тоже становилось все более подозрительным. Ртищев в свс-

¹ Там же, V, 828.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 570, л. 242—259, 275—283. „Акты“, V, 819—832.

ем донесении от 10 июня 1815 г. указывал, что «константинопольский кабинет старается всеми способами произвести в оном (иранском правительстве — А. И.) охлаждение к России». Аббас-Мирза, вопреки Гюлистанскому договору, стал уклоняться от возвращения пленных, а также жителей, выразивших желание переселиться на русскую территорию. В то же время персы, со своей стороны, возобновили тайные сношения с царевичем Александром. Особенно усердствовал в этом отношении ереванский сардар, который пересылал Александру значительные денежные суммы. Одновременно он притеснял русских подданных, приезжавших в Ереван по торговым делам, продолжал удерживать русских пленных и заключил в темницу тех армян и азербайджанцев, которые хотели перейти в подданство России¹.

Напряженное положение создалось и в самом Закавказье, где враги России распространяли самые нелепые слухи. Ртищев сообщал, что «побег Бонапарта и переворот им сделанный в делах Европы, произвел и в здешнем краю немаловажное влияние. Неприязненные нам соседи и партия, недоброжелательствующая России в самой Грузии, не упускают сего случая обращать во вред здешнему правительству чрез всякие нелепые разглашения, каковы, например, появившиеся здесь толки, что все союзные державы, отклонясь от России, присоединились к Бонапарте и что здешние войска

¹ „Акты“, V, 762—763, 823.

требуются в Россию для защищения собственных ее границ»¹.

Такова была обстановка на Востоке, в частности на Кавказе, когда Наполеон вновь, и теперь уже в последний раз, предпринял попытку возобновить сношения с Османской империей и Ираном и использовать эти восточные государства против России.

8 мая 1815 г. из Тулона выехал в Константинополь Жобер, который прибыл в турецкую столицу 9 июня. Поверенный в делах Франции Руффен принял его во французском посольстве, где он и поселился. 13 июня на входных дверях посольства герб Бурбонов был заменен гербом Наполеона. Иностранные послы сразу же порвали отношения с Руффеном и заявили протест Порте, которая два дня спустя распорядилась снять с дверей посольства императорский герб и запретила ношение трехцветной кокарды². Жобер, однако, остался в Константинополе до конца июня.

Целью миссии Жобера являлось вовлечь Турцию в враждебные действия против России. «Полагая, писал Итальянский Ртищеву, что Бонапарте в нынешнем против его ополчении Европы чувствует, сколь полезно было бы для него, ежели бы, между прочим, Россия оказалась озабочена какой-либо

¹ Там же, V, 822—823.

² См. о поездке Жобера в Константинополь документы, опубликованные *Hennet de Goutel. La crise de 1815 et la légation de France à Constantinople. („Revue des études napoléoniennes“, 1916, janvier-fevrier, стр. 122—144).*

диверсией, должно заключить, что на такой конец прислал он сюда чиновника своего Жобера...»¹.

В задачу Жобера входило также установить связь с Ираном. Как сообщал тот же Италинский, Жобер по приезде в Константинополь заявил, что его пребывание в турецкой столице будет кратковременным и что он должен отправиться в Иран. Нельзя сомневаться, добавлял со своей стороны русский посол, что Бонапарт намерен послать эмиссара в Тегеран, хотя возможно, что таковым будет и не сам Жобер². В своем письме Ртищеву Италинский писал: «Многие подозревают, что он (Жобер — А. И.) открыл с Персией переписку в виде, соответственном предмету препорученных ему при Порте предосудительных России трудов»³.

Как раз в это время Ртищев тоже получил из Ирана важные сведения, которые поспешил сообщить в Петербург. «Недавно, писал он 10/22 июня, от особы, истинно преданной е. и. в., сообщено мне из Персии секретнейшим образом известие что некто по имени Давид Цатуров, багдадский уроженец, из армян, находясь в сем городе агентом от Бонапарте, в начале прошлого года приезжал в Тегеран, был представлен секретно Фетх-Али-шаху и, получив от него письмо к Бонапарте, также секретно отправился чрез Эривань в Царьград для отъезда оттуда во Францию. Но, узнав в Константинополе о заточении Наполеона на остров Эльбу,

¹ „Акты“, V, 824.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1815 г., д. № 2300, л. 280об. — 281.

³ „Акты“, V, 824.

остался там до самого получения в Константинополе известия о его побеге и вступлении во Францию. После чего сей Давид Цатуров немедленно отправлен обратно к Фетх-Али-шаху с письмом от турецкого султана неизвестного содержания и не более двух недель, как чрез Эривань проехал в Тегеран»¹.

Упомянутый в этом сообщении Давид Цатуров — не кто иной, как известный уже нам Давид Цатурович Мелик-Шахназарян, старый французский агент в Багдаде, посетивший Иран в качестве французского эмиссара еще в 1803 г., а затем приезжавший с Жозефом Руссо в Тегеран, в период пребывания там посольства Гардана.

Дальнейшие сведения о нем мы находим в донесениях Италинского. В донесении от 2/14 сентября 1815 г. последний сообщал, что в Константинополь прибыл из Тегерана армянин по имени Давид, который сразу отправился во французское посольство. Сперва Италинский думал, что это агент, посланный в Иран Жобером, но затем узнал, что Давид был отправлен за несколько месяцев до этого с письмом Людовика XVIII к шаху; однако в момент его прибытия в Тегеран там было получено известие о возвращении во Францию Бонапарта, и поэтому шах решил не посылать ответа на это письмо².

Три недели спустя русского посла посетил иранский агент в Константинополе Мустафа, явившийся в сопровождении какого-то неизвестного ли-

¹ АВПР, СПб Главный архив, 1—13, 1812—1815 гг., д. № 7, л. 11 об.—12; „Акты“, V, 823.

² АВПР, МИД, Канцелярия, 1815 г., д. № 2301.

ца. Во время последовавшей беседы Италинский спросил Мустафу—не пытался ли Бонапарт, по своем возвращении во Францию, вновь связаться с шахом и что за посольство было посольство армянина Давида. На это Мустафа сказал, что упомянутым Давидом и является лицо, присутствующее при их беседе. Тогда Давид сам рассказал следующее. Он находился в Константинополе и должен был выехать в Тегеран, когда было получено письмо от короля Франции к шаху, которое ему и было поручено доставить. Но к тому времени, как ему удалось вручить его, в Тегеране стало известно о новом перевороте во Франции.

Через несколько дней Мустафа имел беседу с драгоманом русского посольства Фонтоном, во время которой он, между прочим, сообщил, что Давид везет в Париж письмо шаха королю Франции и что он останется некоторое время во французской столице¹.

К этим сведениям о новой миссии Давида Мелик-Шахназаряна, которые мы находим в русских архивах, можно добавить и его собственное свидетельство. В составленном им списке убытков и расходов, понесенных им «ради интересов Франции», приводится и сумма, которую он израсходовал, «чтобы доставить письмо его величества короля Франции к его величеству королю Персии и на свое обратное путешествие в Марсель, начиная с 2 марта 1815 г. до своей высадки там»².

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1815 г., д. № 2301. л. 182—193. Донесение Италинского от 1/13 октября 1815 г.

² Маденадаран. Архив личных фондов, папка 146, д. № 1.

Резюмируя все известные нам данные, мы можем сказать следующее. В начале 1814 г. Давид Мелик-Шахназарян вновь прибыл в Тегеран в качестве французского эмиссара¹. Таким образом, Наполеон, накануне падения своей империи, предпринял еще одну попытку вступить в сношения с Ираном. Следует полагать, что она была связана с известием о заключении Гюлистанского мира. Очевидно Наполеон полагал, что мир этот вызовет недовольство шаха англичанами и поэтому считал возможным возобновить сношения с Ираном, тем более, что осенью 1813 г. сами персы, через своего представителя в Константинополе Хусейна, пытались установить контакт с Францией.

¹ Что Давид Мелик-Шахназарян был в Иране и в Закавказье в начале 1814 г. мы знаем и из ряда документов Матенадарана. Сохранилось прежде всего письмо небезызвестного профессора армянского языка в Париже Джрпетяна к архиепископу Нерсесу от 4 октября 1816 г., в котором он сообщал о том, что получил через Мелик-Шахназаряна письмо Нерсеса от 10 февраля 1814 г. (Матенадаран, Арх. кат., папка 29, д. № 83). Из этого следует, что в феврале 1814 г. Мелик-Шахназарян виделся с Нерсесом, который вручил ему письмо, адресованное Джрпетяну. Нерсес в то время являлся епархиальным начальником в Грузии; однако его свидание с Мелик-Шахназаряном произошло, очевидно, в Эчмиадзине, куда он часто приезжал по делам. Далее, сохранились письма Ефрема Мелик-Шахназаряну от мая 1814 г., из которых явствует, что последний прислал католикосу два письма—одно от 8 марта из Карина (Эрзерума), а другое от 9 апреля из Константинополя. (Там же, папка 26, д. № 136, № 137). Следовательно, Давид Мелик-Шахназарян, на своем обратном пути из Ирана, посетил в феврале 1814 г. Эчмиадзин, проехал в марте Эрзерум, а в апреле прибыл в Константинополь.

На этот раз французский агент не был сразу же выслан из Ирана или передан в руки англичан. Он был тайно представлен шаху, который вручил ему письмо к французскому императору. С этим письмом Давид Мелик-Шахназарян отправился в Константинополь, чтобы оттуда выехать во Францию. Но, узнав о падении Наполеона, он остался в турецкой столице.

Вскоре, однако, выяснилось, что новое правительство Франции, правительство восстановленной монархии Бурбонов, министром иностранных дел которого являлся Талейран, отнюдь не хотело отказаться от преемственности французской политики на Востоке, в частности от намерения возобновить дипломатические сношения с Ираном. В Константинополь было переслано письмо Людовика XVIII шаху и вручено Давиду Мелик-Шахназаряну, которому было поручено доставить его по назначению. Последний отправился в путь 2 марта 1815 г., т. е. как раз в момент возвращения Наполеона во Францию. Но на этот раз он выехал в Иран не в качестве его агента, как полагал Ртищев, а как эмиссар правительства Бурбонов. Проехав в конце мая — начале июня через Ереван, он прибыл в Тегеран в то время, когда там было получено сообщение о восстановлении наполеоновской империи. Шах поэтому не дал никакого ответа на письмо Людовика XVIII, и Давид вернулся в Константинополь. Когда вскоре пришло известие о вторичном низложении Наполеона, шах изменил свое намерение и написал письмо на имя французского короля, которое и было доставлено в Константинополь. Это

письмо и должен был теперь отвезти во Францию Давид Мелик-Шахназарян. Действительно, в 1816 г. он прибыл в Париж в качестве иранского посла. Там он и опубликовал брошюру — *Détails sur la situation actuelle du royaume de Perse*.

Наполеон, во время «ста дней», со своей стороны принял меры, чтобы возобновить сношения не только с Османской империей, но и с Ираном. Прибывший в Константинополь Жобер предпринял шаги в этом направлении. По-видимому он собирался и сам лично отправиться в Иран. Но Ватерлоо и вторая реставрация не дали возможности осуществить все эти планы.

* * *

1815 годом заканчивается эпоха в международных отношениях, связанная с французской буржуазной революцией и наполеоновскими войнами. В последующий период борьба европейских держав на Востоке протекает уже в новой международной обстановке, сложившейся после падения наполеоновской империи и Венского конгресса. Изучение истории этой борьбы, в частности дальнейших происков Англии в Иране и на Кавказе — тема отдельного исследования.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	VII
<i>Глава первая</i>	
Французская миссия в Иран в 1796 г.	1
<i>Глава вторая</i>	
Борьба Англии и Франции за влияние в Иране в 1801— 1806 гг.	35
<i>Глава третья</i>	
Посольство Гарлана	141
<i>Глава четвертая</i>	
Англо-иранский договор 1809 г.	207
<i>Глава пятая</i>	
Преобладание Англии в Иране.	269
<i>Глава шестая</i>	
Отечественная война 1812 г. и события в Закавказье .	347
<i>Глава седьмая</i>	
Гюлистанский мирный договор	391

АБГАР РУБЕНОВИЧ ИОАННИСЯН
ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ К РОССИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Ответ. редактор Н. А. Смирнов
Редактор изд.-ва А. С. Хачатрян
Художник Г. К. Мнацаканян
Техн. редактор М. А. Капеланян
Корректор Р. А. Штибен

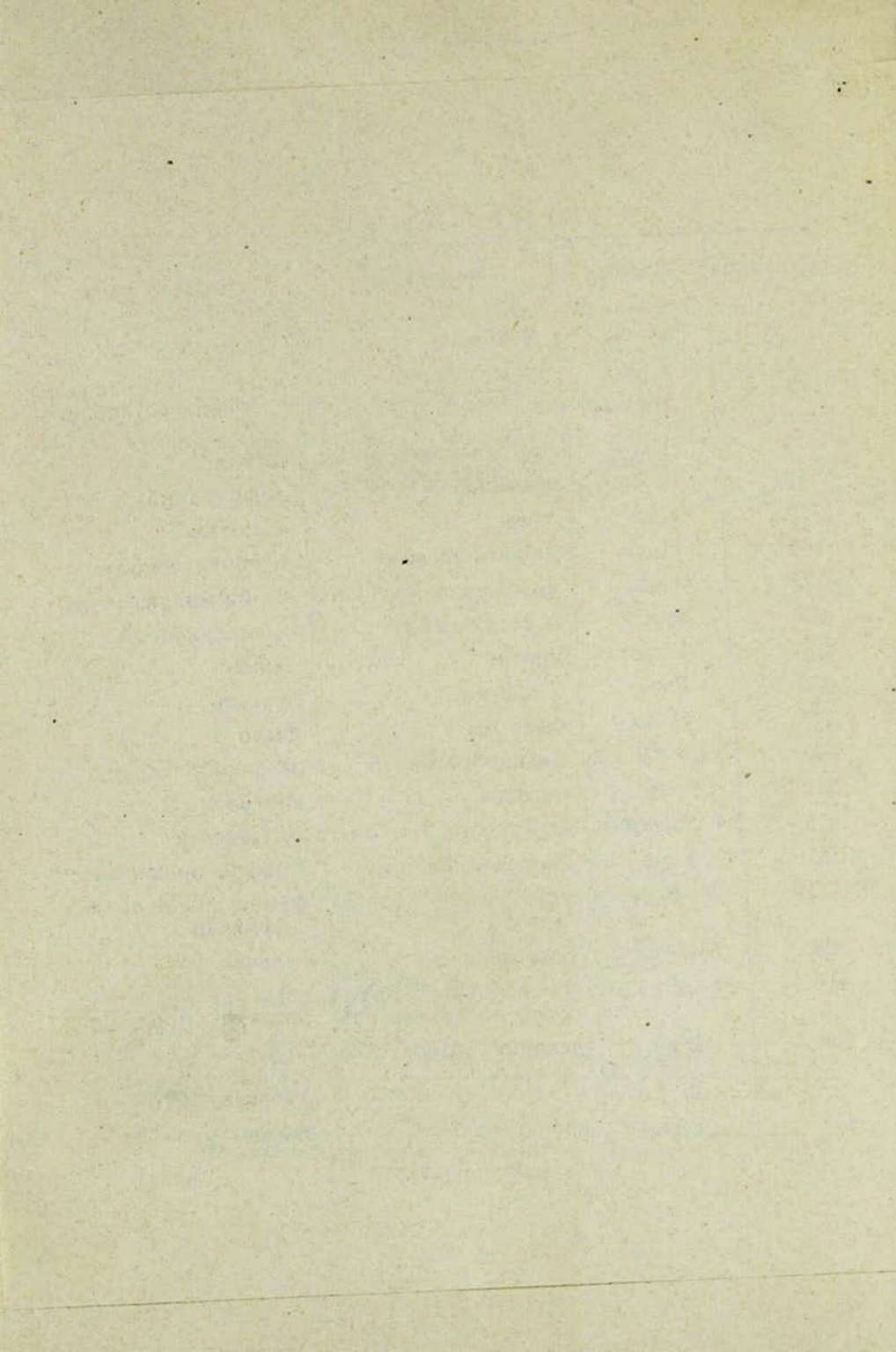
ВФ 01892	РИСО 426	Заказ 267	Изд. 1446	Тираж 2000.
----------	----------	-----------	-----------	-------------

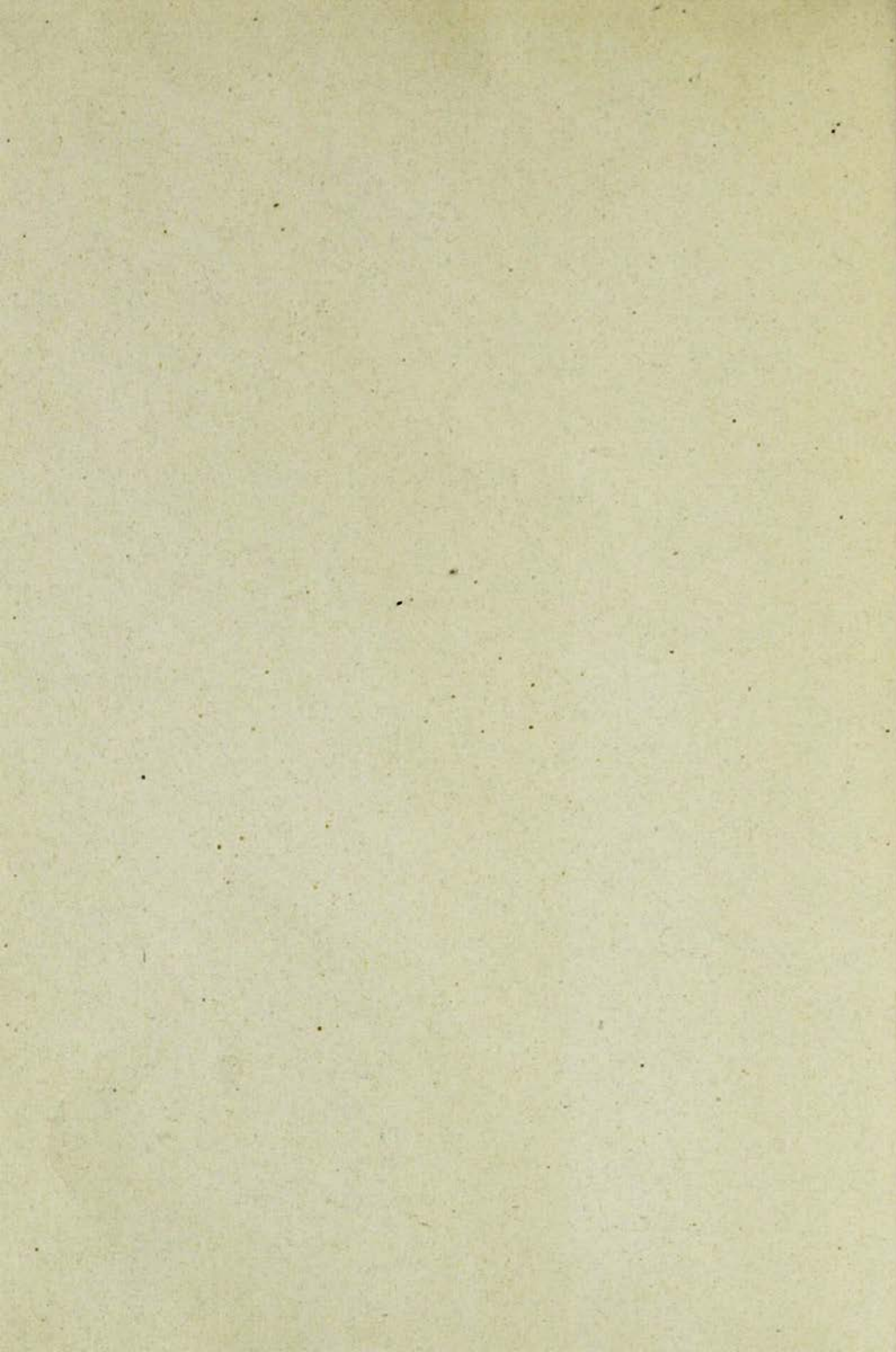
Подписано к печати 3/VI—1953 г. Бумага 84×103¹/₃₂, п. л. 32, уч.-изд. 19 л.
Цена 13 р. 40 к.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР,
Ереван, ул. Абовяна, 124.

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
X	11 стр.	Хоросана	Х орасана
XLIX	9 стр.	войсками союзников Наполеона и второй реставрации	войсками союзников и второй реставрации
75	5 стр.	оотряд	отряд
79	14 стр.	инсиндаций	инсинуаций
119	1 стр.	тобы	с целью
168	11 стр.	деспотическому	деспотическому
173	9 стр.	снабжал и русского	си: бжали русского
206	8 стр.	к следующему:	к следующему.
215	1 стр.	целей;	целей:
253	3 стр.	, видимо,	видимо
275	11 стр.	было бы	было
309	19—20 стр.	Великобритансией	Великобританией
342	6 стр.	моголов	Моголов
353	4 стр., прим.	la Caucase	le Caucase
385	3 стр.	России прилагали	России, прилагали
402	8—9 стр.	французов, подбад- ривали	французов подбад- ривали
409	5—6 стр.	усиленное	сильное
416	1—2 стр.	договоренность, рус- ский представитель	договоренность и русский представи- тель
428	2 стр.	человек Мирза-Аб- дул-Хасан	человек—Мирза- Абдул-Хасан
438	8 стр.	несчастье	несчастье

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0583371

ЦЕНА

РД $\frac{11}{62146}$